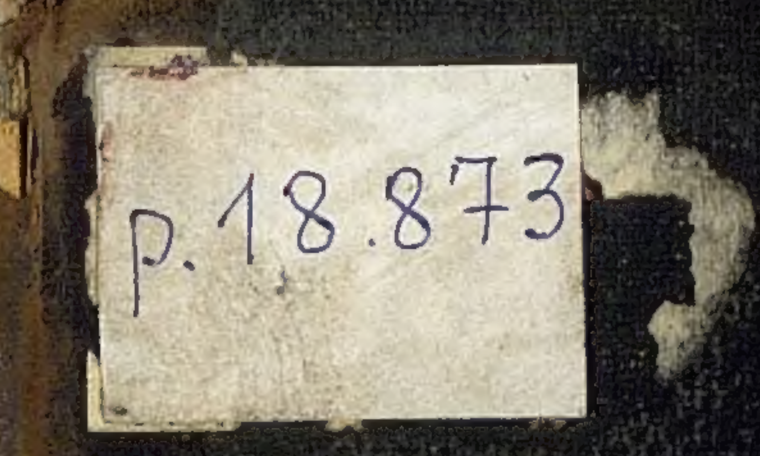
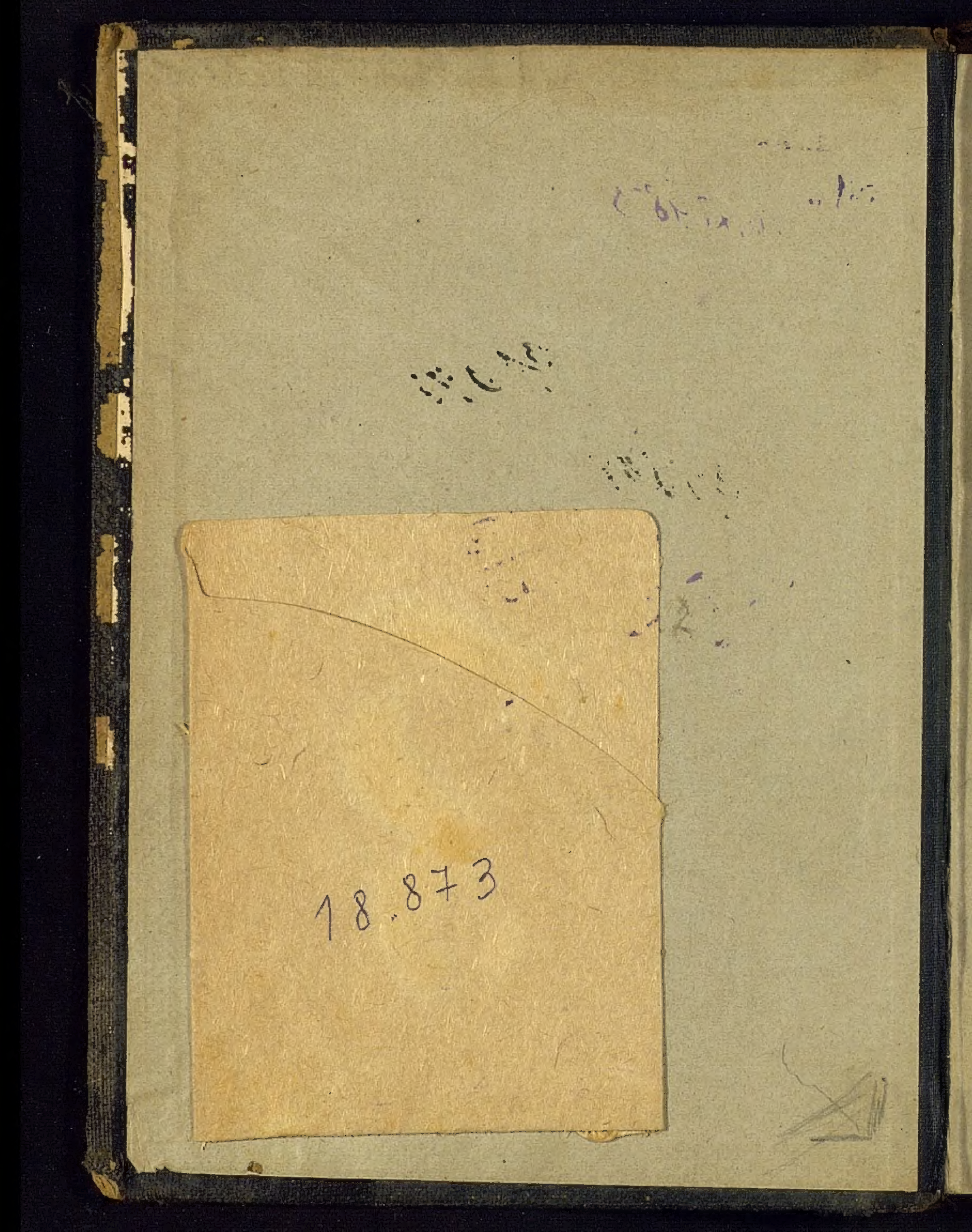
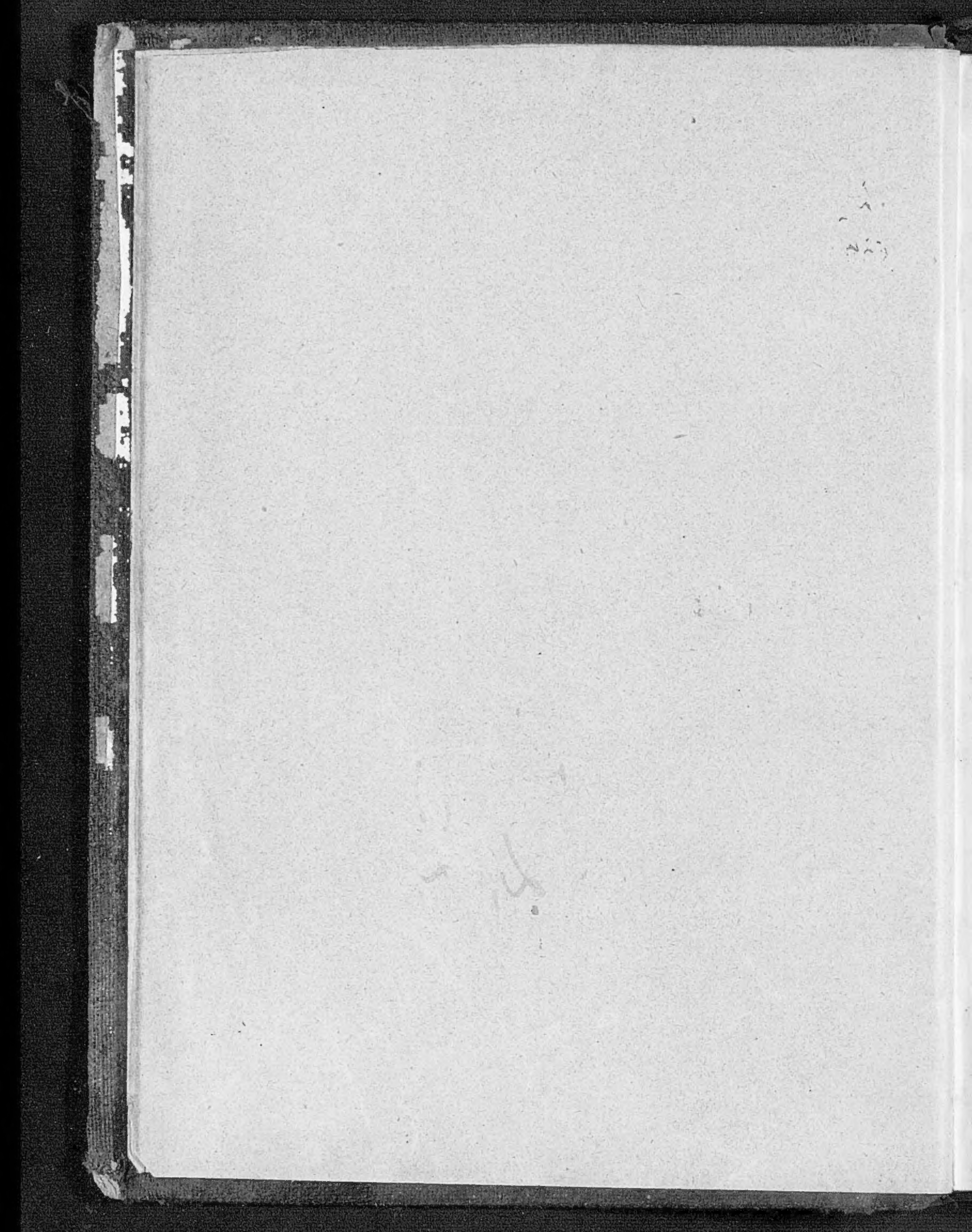

р. 18.873

имени К. МАРКСА.
Книгохранилище
32
34
ОВ на ДОНУ.

18.873

18. ФЕВ. 1919

14. ОКТ. 1919

13/848

32/534

62 рѣчи Министровъ

во второй

Государственной Думѣ.

(Составлены по стенографическимъ отчетамъ Канцеляріи Государственной Думы).

Ш52,12
328

Издалъ В. Н. Бобровъ.

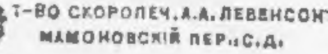
1855

Ростовская н/Д. Городская 1886 г.

Библиотека

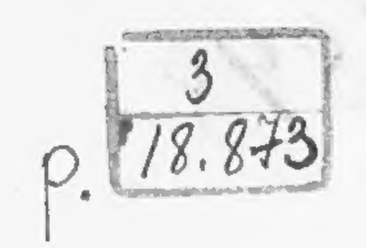

МОСКВА.

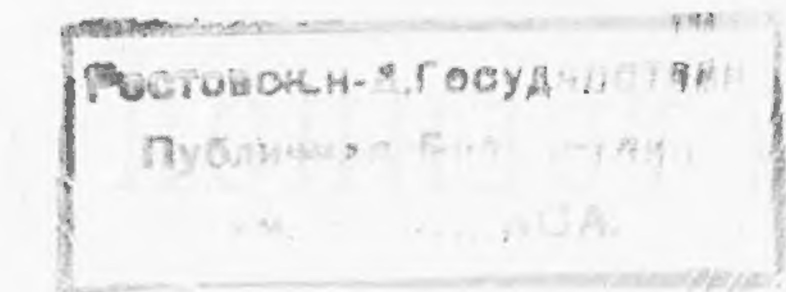

ПОСТАВЩ. ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Т-ВО СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, МАМОНОВСКІЙ ПЕР., С. Д.

1908.

3
Р. 18.873

Проверено
1937—38 г.

Ростовск.н-Д. Государственная
Публичная Библиотека
им. ... СА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

---

1. Предсѣдатель Совѣта Министровъ Столыпинъ.

Передъ началомъ совмѣстной съ Государственной Думой дѣятельности, я считаю необходимымъ съ возможною полнотою и ясностью представить созванному волею Монарха законодательному собранію общую картину законодательныхъ предположеній, которыя министерство рѣшило представить его высокому вниманію.

Но прежде чѣмъ перейти къ изложенію существа отдѣльныхъ законопроектовъ, прежде чѣмъ попытаться освѣтить руководящую идею правительства, я не могу не остановить вниманія Государственной Думы на положеніи, которое займетъ правительство по отношенію къ вносимымъ имъ законопроектамъ. Я разумѣю существо и порядокъ ихъ защиты.

Въ странахъ съ установившимся правительственнымъ строемъ отдѣльные законопроекты являются въ общемъ укладѣ законодательства естественнымъ отраженіемъ новой назрѣвшей потребности и находятъ себѣ готовое мѣсто въ общей системѣ государственнаго распорядка. Въ этомъ случаѣ законъ, прошедшій всѣ стадіи естественнаго созрѣванія, является настолько усвоеннымъ общественнымъ самосознаніемъ, всѣ его частности настолько понятны народу, что разсмотрѣніе, принятіе или отклоненіе его является дѣломъ не столь сложнымъ, и задача правительственной защиты сильно упрощается.

Не то, конечно, въ странѣ, находящейся въ періодѣ перестройки, а слѣдовательно и броженія.

Тутъ не только каждый законопроектъ, но каждая отдѣльная его черта, каждая особенность можетъ чувствительно отозваться на

благѣ страны, на характерѣ будущаго законодательства. При множествѣ новизны, вносимой въ жизнь народа, необходимо связать всѣ отдѣльныя правительственныя предположенія одною общею мыслью, мысль эту выяснить, положить ее въ основаніе всего строительства и защищать ее, поскольку она проявляется въ томъ или другомъ законопроектѣ. Затѣмъ слѣдуетъ войти въ оцѣнку той мысли, которая противополагается мысли законопроекта, и добросовѣстно рѣшить, совмѣстима ли она, по мнѣнію правительства, съ благомъ государства, съ его укрѣпленіемъ и возвеличеніемъ и потому пріемлема ли она. Въ дальнѣйшей же выработкѣ самихъ законовъ нельзя стоять на опредѣленномъ построеніи, необходимо учитывать всѣ интересы, вносить всѣ измѣненія, требуемыя жизнью, и, если нужно, подвергать законопроекты переработкѣ, согласно выяснившейся жизненной правдѣ.

Въ основу всѣхъ тѣхъ правительственныхъ законопроектовъ, которые министерство вноситъ нынѣ въ Думу, положена поэтому одна общая руководящая мысль, которую правительство будетъ проводить и во всей своей послѣдующей дѣятельности. Мысль эта— создать тѣ матеріальныя нормы, въ которыя должны воплотиться новыя правоотношенія, вытекающія изъ всѣхъ реформъ послѣдняго времени. Преобразованное по волѣ Монарха отечество наше должно превратиться въ государство правовое, такъ какъ, пока писанный законъ не опредѣлитъ обязанностей и не оградитъ правъ отдѣльныхъ русскихъ подданныхъ, права эти и обязанности будутъ находиться въ зависимости отъ толкованія и воли отдѣльныхъ лицъ, т.-е. не будутъ прочно установлены.

Правовыя нормы должны покоиться на точномъ, ясно выраженномъ законѣ еще и потому, что иначе жизнь будетъ постоянно порождать столкновенія между новыми основаніями общественности и государственности, получившими одобреніе Монарха, и старыми установленіями и законами, находящимися съ ними въ противорѣчіи или не обнимающими новыхъ требованій законодателя, а также произвольнымъ пониманіемъ новыхъ началъ со стороны частныхъ и должностныхъ лицъ.

Вотъ почему правительство главнѣйшею своею обязанностью почло представить на уваженіе Государственной Думы и Государственнаго Совѣта цѣлый рядъ законопроектовъ, устанавливающихъ твердые устои на ново-складывающейся государственной жизни Россіи.

Но прежде чѣмъ перейти къ выработаннымъ законопроектамъ, я долженъ упомянуть о тѣхъ законахъ, которые, въ виду ихъ чрезвычайной важности и спѣшности, были проведены въ порядкѣ ст. 87 основныхъ законовъ и подлежатъ также разсмотрѣнію Государственной Думы и Совѣта.

Не останавливаясь на законахъ, ведущихъ къ равноправію отдѣльныхъ слоевъ населенія и свободѣ вѣроисповѣданія, срочность осуществленія которыхъ не нуждается въ разъясненіи, считаю долгомъ остановиться на проведенныхъ, въ порядкѣ чрезвычайномъ, законахъ объ устройствѣ быта крестьянъ.

Настоятельность принятія въ этомъ направленіи самыхъ энергичныхъ мѣръ настолько очевидна, что не могла подвергаться сомнѣнію. Невозможность отсрочки въ выполненіи неоднократно выраженной воли Царя и настойчиво повторявшихся просьбъ крестьянъ, изнемогающихъ отъ земельной неурядицы, ставили передъ правительствомъ обязательство не медлить съ мѣрами, могущими предупредить совершенное разстройство самой многочисленной части населенія Россіи. Къ тому же на правительствѣ, рѣшившемъ не допускать даже попытокъ крестьянскихъ насилій и безпорядковъ, лежало нравственное обязательство указать крестьянамъ и законный выходъ въ ихъ нуждѣ.

Въ этихъ видахъ изданы были законы о предоставленіи крестьянамъ земель государственныхъ, а Государь повелѣлъ передать на тотъ же предметъ земли удѣльныя и кабинетскія на началахъ, обезпечивающихъ крестьянское благосостояніе. Для облегченія же свободнаго пріобрѣтенія земель частныхъ и улучшенія надѣловъ, измѣненъ уставъ Крестьянскаго Банка въ смыслѣ согласованія съ существующимъ уже въ законѣ, но оставшимся мертвою буквою, разрѣшеніемъ залога надѣльныхъ земель въ казенныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ, при чемъ приняты всѣ мѣры въ смыслѣ сохраненія

за крестьянами ихъ земель. Наконецъ, въ цѣляхъ достиженія возможности выхода крестьянъ изъ общины, изданъ законъ, облегчающій переходъ къ подворному и хуторскому владѣнію, при чемъ устранено всякое насиліе въ этомъ дѣлѣ и отмѣняется лишь насильственное прикрѣпленіе крестьянина къ общинѣ, уничтожается закрѣпощеніе личности, несовмѣстимое съ понятіемъ о свободѣ человѣка и человѣческаго труда.

Всѣ эти законы вносятся на усмотрѣніе Государственной Думы и Государственнаго Совѣта.

Но на ряду съ неотложными, уже вошедшими временно въ дѣйствіе, законами правительство изготовило въ области внутренняго управленія еще цѣлый рядъ законопроектовъ, также вносимыхъ въ Государственную Думу въ нынѣшнюю сессію.

Ранѣе всего правительство почло своимъ долгомъ выработать законодательныя нормы для тѣхъ основъ права, возвѣщенныхъ манифестомъ 17 октября, которыя еще закономъ не установлены.

Тогда какъ свобода слова, собраній, печати, союзовъ опредѣлены временными правилами, свобода совѣсти, неприкосновенность личности, жилищъ, тайна корреспонденціи остались не нормированы нашимъ законодательствомъ. Вслѣдствіе сего, въ цѣляхъ выполненія задачи проведенія въ жизнь началъ вѣротерпимости, правительство вмѣнило себѣ прежде всего въ обязанность подвергнуть пересмотру все дѣйствующее отечественное законодательство и выяснить тѣ измѣненія, которымъ оно должно подлежать въ цѣляхъ согласованія съ указами 17 апрѣля и 17 октября 1905 года.

Но ранѣе этого правительство должно было остановиться на своихъ отношеніяхъ къ Православной Церкви и твердо установить, что многовѣковая связь Русскаго Государства съ Христіанскою Церковью обязываетъ его положить въ основу всѣхъ законовъ о свободѣ совѣсти начала Государства Христіанскаго, въ которомъ Православная Церковь, какъ господствующая, пользуется данью особаго уваженія и особою со стороны государства охраною. Оберегая права и преимущества Православной Церкви, власть тѣмъ самымъ призвана оберегать полную свободу Ея внутренняго упра-

вленія и устройства и идти на встрѣчу всѣмъ Ея начинаніямъ, находящимся въ соотвѣтствіи съ общими законами государства. Государство же, и въ предѣлахъ новыхъ положеній, не можетъ отойти отъ завѣтовъ исторіи, напоминающей намъ, что во всѣ времена и во всѣхъ дѣлахъ своихъ русскій народъ одушевляется именемъ Православія, съ которымъ неразрывно связаны слава и могущество родной земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ права и преимущества Православной Церкви не могутъ и не должны нарушать правъ другихъ исповѣданій и вѣроученій. Поэтому съ цѣлью проведенія въ жизнь Высочайше дарованныхъ узаконеній объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости и свободы совѣсти, министерство вноситъ въ Государственную Думу и Совѣтъ рядъ законопроектовъ, опредѣляющихъ переходъ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое, безпрепятственное богомоленіе, сооруженіе молитвенныхъ зданій, образованіе религіозныхъ общинъ, отмѣну связанныхъ исключительно съ исповѣданіемъ ограниченій и т. п.

Переходя къ неприкосновенности личности, Государственная Дума найдетъ въ проектѣ министерства обычное для всѣхъ правовыхъ государствъ обезпеченіе ея, при чемъ личное задержаніе, обыскъ, вскрытіе корреспонденціи обусловливаются постановленіемъ соотвѣтственной судебной, инстанціи, на которую возлагается и провѣрка, въ теченіе сутокъ, основаній законности ареста, послѣдовавшаго по распоряженію полиціи.

Отклоненіе отъ этихъ началъ признано допустимымъ лишь при введеніи, во время войны или народныхъ волненій, исключительнаго положенія, которое предполагается одно вмѣсто трехъ, нынѣ существующихъ, при чемъ административную высылку въ опредѣленныя мѣста предположено совершенно упразднить.

Кромѣ этихъ законопроектовъ общаго характера, устанавливающихъ обязанности и права подданныхъ Россійской Державы, правительство выработало рядъ законопроектовъ, перестраивающихъ мѣстную жизнь на новыхъ началахъ. Такъ какъ мѣстная жизнь охватывается областью самоуправленія земскаго и городского, областью управленія (администрація) и полицейскими мѣропріятіями,

то и проекты министерства касаются именно этихъ отраслей нашего законодательства. Какъ въ губерніи, такъ и въ уѣздѣ дѣятельность административная, полицейская и земская течетъ по тремъ параллельнымъ русламъ, но чѣмъ ближе къ населенію, тѣмъ жизнь упрощается и тѣмъ необходимѣе остановиться на ячейкѣ, въ которой населеніе могло бы найти удовлетвореніе своихъ простѣйшихъ нуждъ. Такимъ установленіемъ, по проекту министерства, должна явиться безсословная, самоуправляющаяся волость, въ качествѣ мелкой земской единицы. Полицейскія ея обязанности должны ограничиться простѣйшими обязанностями мѣстной общественной полиціи, а административныя предполагается свести къ дѣламъ, касающимся воинской повинности, веденію посемейныхъ списковъ, нѣкоторымъ податнымъ дѣйствіямъ и т. п. Въ вѣдѣніе волости должны входить всѣ земли, имущества и лица, находящіяся въ ея предѣлахъ. Волость будетъ самою мелкою административно-общественною единицею, съ которою будутъ имѣть дѣло частныя лица; но при этомъ лица, владѣющія землею совмѣстно, міромъ, т.-е. главнымъ образомъ владѣльцы надѣльной земли, образуютъ изъ себя, исключительно для рѣшенія своихъ земельныхъ дѣлъ, особыя земельныя общества, сохраняющія нѣкоторыя преимущества, а именно неотчуждаемость надѣльныхъ земель и примѣненіе къ наслѣдованію ими мѣстныхъ обычаевъ. Такимъ образомъ, земельнымъ обществомъ не будетъ присвоено никакихъ административныхъ обязанностей, создаются они для совмѣстнаго владѣнія бывшими надѣльными землями, при чемъ предполагаются мѣры противъ чрезмѣрнаго сосредоточенія этихъ земель въ однѣхъ рукахъ и и противъ чрезмѣрнаго дробленія ихъ, а равно къ упрощенію совершенія на нихъ актовъ.

Для удовлетворенія же простѣйшихъ потребностей села, вытекающихъ изъ совмѣстнаго проживанія, предположено ввести въ селахъ крупныхъ, а также такихъ, въ которыхъ проживаютъ посторонія крестьянамъ лица, особыя поселковыя управленія, съ участіемъ помянутыхъ постороннихъ лицъ и въ управленіи и въ обложеніи.

Всѣ сказанныя организаціи получили свое выраженіе во вносимыхъ въ Государственную Думу и Государственный Совѣтъ проектахъ земельныхъ обществъ, поселковаго и волостного управленія.

Выше волостной мелкой земской единицы отрасли управленія осложняются, и въ соотвѣтствіи съ этимъ министерство должно было заняться реформою самоуправленія земскаго и городского, реформою управленія губернскаго, уѣзднаго и участковаго, и реформою полицейскою.

Въ области самоуправленія министерство коснулось трехъ важнѣйшихъ, по его мнѣнію, общихъ вопросовъ: вопроса земскаго и городского представительства, вопроса объ его компетенціи и вопроса объ отношеніи къ самоуправленію со стороны администраціи. Одновременно министерство приступило къ существенному и необходимому труду пересоставленія всѣхъ уставовъ, точно устанавливающихъ обязанности земства и администраціи. Въ настоящее время Министерство вноситъ въ Государственную Думу уставъ общественнаго призрѣнія, уставъ о гужевыхъ земскихъ дорогахъ и временный законъ о передачѣ продовольственнаго дѣла въ вѣдѣніе земскихъ учрежденій. Составляются уставы врачебный и строительный.

Возвращаясь къ общимъ вопросамъ, выдвинутымъ въ области самоуправленія, укажу на то, что вносимый въ Думу проектъ о земскомъ представительствѣ строитъ его на принципѣ налоговаго ценза, расширяя этимъ путемъ кругъ лицъ, принимающихъ участіе въ земской жизни, но обезпечивая одновременно участіе въ ней культурнаго класса землевладѣльцевъ, компетенція же органовъ самоуправленія увеличивается передачею имъ цѣлаго ряда новыхъ обязанностей, а отношеніе къ нимъ администраціи заключается въ надзорѣ за законностью ихъ дѣйствій.

Самоуправленіе на тѣхъ же общихъ основахъ, съ нѣкоторыми, вызванными мѣстными особенностями, измѣненіями, предполагается ввести въ Прибалтійскомъ, Западномъ краѣ и Царствѣ Польскомъ, за выдѣленіемъ въ особую административную единицу мѣстностей,

въ которыхъ сосредоточивается изстари чисто русское населеніе, имѣющее свои спеціальные интересы.

Что касается административныхъ органовъ, то министерство вноситъ въ Думу проекты законовъ о губернскомъ управленіи, объ уѣздномъ, и объ участковыхъ комиссарахъ.

Въ губернскомъ и уѣздномъ управленіи получаетъ осуществленіе принципъ возможнаго объединенія всѣхъ гражданскихъ властей, всѣхъ отдѣльныхъ многочисленныхъ нынѣ присутствій и, главнымъ образомъ, осуществленіе начала административнаго суда. Такимъ путемъ всѣ жалобы на постановленія административныхъ и выборныхъ должностныхъ лицъ и учрежденій будутъ, согласно проекту, разсматриваться смѣшанною административно-судною коллегіею съ соблюденіемъ формъ состязательнаго процесса. Во главѣ уѣзда предполагается поставить начальника уѣзднаго управленія, который и объединялъ бы гражданскія власти уѣзда. Въ предѣлахъ уѣзда въ качествѣ агентовъ администраціи предположены участковые комиссары. Земскіе начальники упраздняются. Полицію предполагается преобразовать въ смыслѣ объединенія полиціи жандармской и общей, при чемъ съ жандармскихъ чиновъ будутъ сняты обязанности по производству политическихъ дознаній, которыя будутъ переданы власти слѣдственной. Новымъ въ области полицейской будетъ предлагаемый вниманію Государственной Думы уставъ полицейскій, который долженъ замѣнить устарѣлый уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій и точно установить сферу дѣйствій полицейской власти.

Въ строгой связи съ преобразованіемъ мѣстнаго управленія стоитъ и преобразованіе суда. Съ отмѣною учрежденія земскихъ начальниковъ и волостныхъ судовъ необходимо создать мѣстный судъ, доступный, дешевый, скорый и близкій къ населенію. Министерство юстиціи представляетъ по этимъ соображеніямъ въ Государственную Думу проектъ преобразованія мѣстнаго суда съ сосредоточеніемъ судебной власти по дѣламъ мѣстной юстиціи въ рукахъ избираемыхъ населеніемъ изъ своей среды мировыхъ судей, къ компетенціи которыхъ будетъ отнесена значительная часть дѣлъ.

подчиненныхъ нынѣ юрисдикціи общихъ судебныхъ установленій связь съ которыми будетъ поддерживаться образованіемъ для нихъ аппеляціонной инстанціи въ видѣ уѣздныхъ отдѣленій окружного суда съ кассаціонной инстанціею въ лицѣ Правительствующаго Сената.

Далѣе, въ цѣляхъ обезпеченія въ государствѣ законности и укрѣпленія въ населеніи сознанія святости и ненарушимости закона, министерство юстиціи вноситъ въ Государственную Думу проектъ о гражданской и уголовной отвѣтственности служащихъ, дѣйствительно обезпечивающій примѣненіе начала уголовной и имущественной отвѣтственности служащихъ за ихъ проступки и охраняющій вмѣстѣ съ тѣмъ спокойное и увѣренное отправленіе ими службы и ограждающій ихъ отъ обвиненій явно неосновательныхъ. Дѣянія эти предположено поэтому подчинить общимъ процессуальнымъ постановленіямъ, устранивъ всѣ тѣ въ указанномъ отношеніи отступленія отъ общаго порядка, которыя не представляются безусловно необходимыми. Не останавливаясь на проектахъ объ увеличеніи содержанія должностнымъ лицамъ судебнаго вѣдомства и усиленіи дѣйствующихъ штатовъ, не могу не обратить вниманія Государственной Думы на законопроекты въ области уголовнаго права и процесса, устанавливающіе цѣлый рядъ мѣръ, которыя, за сохраненіемъ незыблемыми основныхъ началъ судебныхъ уставовъ Александра II, оправдываются указаніями практики, или же отвѣчаютъ нѣкоторымъ, получившимъ за послѣднее время преобладаніе въ наукѣ и уже принятымъ законодательствами многихъ государствъ Европы, воззрѣніямъ. Такъ, предполагается допущеніе защиты на предварительномъ слѣдствіи, введеніе состязательнаго начала въ обрядѣ преданія суду, установленіе институтовъ условнаго осужденія и условнаго досрочнаго освобожденія и т. п. На ряду съ этимъ предположено введеніе въ полномъ объемѣ новаго уголовнаго уложенія, по согласованіи его со всѣми изданными за послѣднее время законоположеніями.

Вносится также цѣлый рядъ законопроектовъ въ области гражданскаго законодательства, проектъ охранительнаго судопроизводства

и, на ряду со многими, имѣющими меньшее значеніе, законопроектами, проекты вотчиннаго устава и дополнительныхъ къ нему узаконеній, направленныхъ къ установленію у насъ ипотечной системы, въ цѣляхъ внесенія въ область земельныхъ правоотношеній надлежащей гласности, опредѣленности и твердости.

Область эта находится въ тѣсной связи съ дѣломъ землеустройства, составляющаго предметъ вѣдѣнія другого вѣдомства—главнаго управленія землеустройства и земледѣлія. Названное вѣдомство стоитъ передъ задачею громаднаго значенія. Оно призвано, главнымъ образомъ, содѣйствовать экономическому возрожденію крестьянства, которое, ко времени окончательнаго освобожденія отъ обособленнаго положенія въ государствѣ, выступаетъ на арену общей борьбы за существованіе экономически слабымъ, неспособнымъ путемъ занятія своимъ исконнымъ земледѣльческимъ промысломъ обезпечить себѣ безбѣдное существованіе.

Поэтому главное управленіе поставило себѣ цѣлью увеличеніе площади землевладѣнія крестьянъ и упорядоченіе этого землевладѣнія, т.-е. землеустройство.

Среди мѣръ первой категоріи главное управленіе придаетъ особое значеніе обезпеченію земельнаго быта тѣхъ обществъ, которыя, получивъ дарственные надѣлы, не имѣли возможности до настоящаго времени обезпечить себя землею путемъ покупки. Соотвѣтственный законопроектъ будетъ внесенъ въ Государственную Думу.

Способъ устраненія остраго малоземелія главное управленіе видитъ въ льготной, соотвѣтствующей цѣнности покупаемаго и платежнымъ способностямъ пріобрѣтателя, продажѣ земель земледѣльцамъ. Для этой цѣли въ распоряженіи правительства имѣется, согласно указа 12 и 27 августа 1906 года, 9 мил. десятинъ и купленныя съ 3 ноября 1905 г. крестьянскимъ банкомъ свыше 2 мил. десятинъ. Но для успѣха дѣла увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія надлежитъ связать съ улучшеніемъ формъ землепользованія, для чего необходимы мѣры поощренія и главнымъ образомъ—кредитъ. Главное управленіе намѣрено идти въ этомъ

дѣлѣ путемъ широкаго развитія и организаціи кредита земельнаго, меліоративнаго и переселенческаго.

Что касается землеустройства, то вносимое по этому предмету положеніе имѣетъ цѣлью устраненіе неудобствъ, сопряженныхъ съ внутри-надѣльнымъ расположеніемъ участковъ отдѣльныхъ селеній и домохозяевъ, облегченіе разверстанія черезполосицы, облегченіе выдѣленія домохозяевамъ отрубныхъ участковъ, упрощеніе способовъ отграничительныхъ межеваній и принудительное разверстаніе чрезполосныхъ владѣній, при условіи признанія этой чрезполосности вредною.

Спѣшное осуществленіе аграрныхъ мѣропріятій находится въ зависимости отъ дѣятельности мѣстныхъ землеустроительныхъ комиссій, необходимость переустройства которыхъ сознается главнымъ управленіемъ, составившимъ проектъ, имѣющій, цѣлью: 1) тѣснѣе связать эти комиссіи съ мѣстнымъ населеніемъ путемъ усиленія въ нихъ выборнаго начала и 2) придать имъ рабочія силы для проектированія и осуществленія землеустроительныхъ плановъ.

Хотя преобладающимъ по численности населеніемъ у насъ является населеніе сельское, но правительство считаетъ настоятельно необходимымъ принять въ законодательномъ порядкѣ рядъ мѣръ и по отношенію къ рабочимъ.

Въ основу предполагаемой реформы положены признаніе безусловной необходимости положительнаго и широкаго содѣйствія государственной власти благосостоянію рабочихъ и стремленіе къ исправленію недостатковъ въ ихъ положеніи.

Разсматривая рабочее движеніе какъ естественное стремленіе рабочихъ къ улучшенію своего положенія, реформа должна предоставить этому движенію естественный выходъ съ устраненіемъ всякихъ мѣръ, направленныхъ къ искусственному его поощренію, а также къ стѣсненію этого движенія, поскольку оно не угрожаетъ общественному порядку и общественной безопасности.

Поэтому реформа рабочаго законодательства должна быть проведена въ двоякаго рода направленіи: въ сторону оказанія рабочимъ положительной помощи и въ направленіи ограниченія адми-

нистративнаго вмѣшательства въ отношенія промышленниковъ и рабочихъ, при предоставленіи какъ тѣмъ, такъ и другимъ, необходимой свободы дѣйствій черезъ посредство профессіональныхъ организацій и путемъ ненаказуемости экономическихъ стачекъ.

Главнѣйшей задачей въ области оказанія рабочимъ положительной помощи является государственное попеченіе о неспособныхъ къ труду рабочихъ, осуществляемое путемъ страхованія ихъ въ случаяхъ болѣзни, увѣчій, инвалидности и старости. Въ связи съ этимъ намѣчена организація врачебной помощи рабочимъ.

Въ цѣляхъ охраненія жизни и здоровья подростающаго рабочаго поколѣнія, установленныя нынѣ нормы труда малолѣтнихъ рабочихъ и подростковъ должны быть пересмотрѣны съ воспрещеніемъ имъ, какъ и женщинамъ, производства ночныхъ и подземныхъ работъ. Въ связи съ этимъ установленную закономъ 2 Іюня 1897 года продолжительность труда взрослыхъ рабочихъ предполагается понизить.

Независимо отъ цѣлаго ряда менѣе важныхъ преобразованій въ области рабочаго законодательства, министерство торговли и промышленности полагаетъ внести на обсужденіе Государственной Думы вопросъ о защитѣ интересовъ русской торговли и промышленности на Дальнемъ Востокѣ путемъ закрытія тамъ порто-франко, установленнаго вслѣдствіе военныхъ дѣйствій Высочайшимъ указомъ отъ 1 мая 1904 года.

Въ числѣ многочисленныхъ проектовъ, вносимыхъ въ Государственную Думу министерствомъ путей сообщенія, я считаю долгомъ обратить вниманіе на настоятельную необходимость тѣхъ изъ нихъ, которые имѣютъ цѣлью развитіе и улучшеніе нашей рельсовой сѣти, разросшейся за послѣднее десятилѣтіе съ 35.300 верстъ до 61.725 верстъ. Изъ предполагаемыхъ же къ постройкѣ новыхъ дорогъ я считаю долгомъ указать на Амурскую дорогу, которую предполагается провести отъ одной изъ конечныхъ станцій Забайкальской желѣзной дороги до Хабаровска для созданія непрерывнаго, пролегающаго по русской территоріи, рельсоваго пути,

соединяющаго Европейскую Россію съ дальневосточными окраинами. Этого требуютъ жизненные интересы Россіи.

Кромѣ этого, вниманію Государственной Думы будетъ предложенъ цѣлый рядъ проектовъ о работахъ по развитію и улучшенію внутреннихъ водныхъ путей и шоссейныхъ дорогъ, а также срочные, имѣющіе большую важность, проекты, касающіеся правовыхъ отношеній, какъ напримѣръ, законъ о судоходствѣ и сплавѣ и новый законъ объ отчужденіи недвижимыхъ имуществъ для нуждъ государственныхъ и общественныхъ.

Сознавая необходимость приложенія величайшихъ усилій для поднятія экономическаго благосостоянія населенія, правительство ясно отдаетъ себѣ отчетъ, что усилія эти будутъ безплодны, пока просвѣщеніе народныхъ массъ не будетъ поставлено на должную высоту и не будутъ устранены тѣ явленія, которыми постоянно нарушается правильное теченіе школьной жизни въ послѣдніе годы, явленія, свидѣтельствующія о томъ, что безъ коренной реформы наши учебныя заведенія могутъ дойти до состоянія полнаго разложенія. Школьная реформа на всѣхъ ступеняхъ образованія строится министерствомъ народнаго просвѣщенія на началахъ непрерывной связи низшей, средней и высшей школы, но съ законченнымъ кругомъ знаній на каждой изъ школьныхъ ступеней. Особыя заботы министерства народнаго просвѣщенія будутъ направлены къ подготовкѣ преподавателей для всѣхъ ступеней школы и къ улучшенію ихъ матеріальнаго положенія.

Затѣмъ: 1) ближайшей своей задачей министерство народнаго просвѣщенія ставитъ установленіе совмѣстными усиліями правительства и общества общедоступности, а впослѣдствіи и обязательности начальнаго образованія для всего населенія Имперіи.

2) Въ области средней школы министерство будетъ озабочено созданіемъ разнообразныхъ типовъ учебныхъ заведеній, съ широкимъ развитіемъ профессіональныхъ знаній, но съ обязательнымъ для всѣхъ типовъ минимумомъ общаго образованія, требуемаго государствомъ.

3) Въ реформѣ высшей школы министерство ставитъ себѣ задачей укрѣпленіе тѣхъ началъ, которыя положены въ основу предположенныхъ преобразованій Высочайшимъ указомъ 27 августа 1905 года. и согласованіе ихъ съ интересами общегосударственными на основаніи опыта примѣненія дѣйствующихъ временныхъ правилъ.

Проведеніе въ жизнь всѣхъ вышеизложенныхъ законодательныхъ предположеній находится въ зависимости отъ возможности ихъ осуществленія въ финансовомъ отношеніи. Съ этой стороны Государственной Думѣ и Государственному Совѣту предстоитъ задача первостепенной важности: на разсмотрѣніе ихъ вносится государственная роспись, затрогивающая самыя жизненныя потребности государства. Правительство приглашаетъ Государственную Думу приступить къ немедленному ея разсмотрѣнію, такъ какъ вопросы бюджета настоятельно срочны и требуютъ величайшаго вниманія, тѣмъ болѣе, что положеніе Россіи вызываетъ необходимость строгой бережливости, тогда какъ новыя реформы требуютъ новыхъ затратъ. Настоящая минута тѣмъ болѣе трудна, что она совпала съ весьма крупнымъ сокращеніемъ доходнаго бюджета, образовавшимся вслѣдствіе отмѣны манифестомъ 3 ноября 1905 года выкупныхъ платежей крестьянъ и увеличенія расходовъ на платежи процентовъ и погашенія по займамъ, заключеннымъ для покрытія военныхъ расходовъ. Осложняется положеніе еще и тѣмъ, что искусственное задерживаніе наростанія государственныхъ потребностей на долгое время невозможно. Въ развитіи государства, какъ отдѣльнаго лица, бываютъ критическіе періоды усиленнаго роста. Происшедшее въ октябрѣ 1905 года коренное измѣненіе въ нашемъ государственномъ устройствѣ открыло собою, какъ указано выше, эту эпоху и выдвинуло на очередь цѣлый рядъ потребностей въ самыхъ различныхъ отрасляхъ государственной жизни. Наконецъ, неудачная для насъ война вызываетъ необходимость крупныхъ затратъ на возрожденіе нашей арміи и флота. Какъ бы ни было велико наше стремленіе къ миру, какъ бы громадна ни была потребность страны въ успокоеніи, но если мы хотимъ сохранить наше военное могущество, ограждая вмѣстѣ съ тѣмъ самое

достоинство нашей родины, и не согласны на утрату принадлежащаго намъ по праву мѣста среди великихъ державъ, то намъ не придется отступить передъ необходимостью затратъ, къ которымъ насъ обязываетъ все великое прошлое Россіи. Конечно, чрезвычайному характеру этихъ потребностей можетъ соотвѣтствовать только обращеніе къ чрезвычайнымъ рессурсамъ.

Эти соображенія должны быть предпосланы разсмотрѣнію Государственною Думою внесенныхъ въ нее министромъ финансовъ законодательныхъ предложеній объ установленіи новыхъ налоговъ и преобразованіи нѣкоторыхъ существующихъ видовъ обложенія. Въ этихъ предположеніяхъ руководящею мыслью министерства финансовъ было достиженіе возможной равномѣрности обложенія и возможное освобожденіе широкихъ массъ неимущаго населенія отъ дополнительнаго налоговаго бремени. Нѣкоторое исправленіе въ недостаточную уравнительность нашей податной системы внесетъ, по проекту министерства финансовъ, подоходный налогъ. Проекты же обложенія нѣкоторыхъ предметовъ, доступныхъ лицамъ достаточнымъ, вызваны стремленіемъ министерства избѣжать отягощенія малоимущихъ слоевъ населенія. Остальные проекты министерства финансовъ относятся къ осуществленію мысли о пересмотрѣ системы реальнаго обложенія и о преобразованіи нѣкоторыхъ видовъ пошлинъ и, главнымъ образомъ, пошлинъ наслѣдственныхъ.

Всѣ эти преобразованія не являются осуществленіемъ полной и стройной реформы податного строя. При теперешнихъ обстоятельствахъ правительство надѣется лишь достигнуть ими, при наименьшихъ жертвахъ со стороны плательщиковъ, возможности не только проведенія настоятельно необходимыхъ государственныхъ реформъ, но и оживленія дѣятельности органовъ общественнаго самоуправленія путемъ передачи имъ нѣкоторой части нынѣшнихъ государственныхъ доходовъ, такъ какъ, расширяя кругъ дѣйствія земствъ и городовъ, правительство обязано дать имъ возможность выполнить возложенныя на нихъ обязанности.

Изложивъ передъ Государственною Думою программу законодательныхъ предположеній правительства, я бы не выполнилъ своей

задачи, если бы не выразилъ увѣренности, что лишь обдуманное и твердое проведеніе въ жизнь высшими законодательными учрежденіями новыхъ началъ государственнаго строя поведетъ къ успокоенію и возрожденію великой нашей родины. Правительство готово въ этомъ направленіи приложить величайшія усилія: его трудъ, добрая воля, накопленный опытъ предоставляются въ распоряженіе Государственной Думы, которая встрѣтитъ въ качествѣ сотрудника правительство, сознающее свой долгъ хранить историческіе завѣты Россіи и возстановить въ ней порядокъ и спокойствіе, т.-е. правительство стойко и чисто русское, каковымъ должно быть и будетъ правительство Его Величества *(Бурные аплодисменты справа)*.

2. Предсѣдатель Совѣта Министровъ.

Господа, я не предполагалъ выступать вторично предъ Государственной Думой, но тотъ оборотъ, который приняли пренія, заставляетъ меня просить вашего вниманія. Я хотѣлъ бы установить, что правительство во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, во всѣхъ своихъ заявленіяхъ Государственной Думѣ, будетъ держаться исключительно строгой законности. Правительству желательно было бы изыскать ту почву, на которой возможна была бы совмѣстная работа, найти тотъ языкъ, который былъ бы одинаково намъ понятенъ. Я отдаю себѣ отчетъ, что такимъ языкомъ не можетъ быть языкъ ненависти и злобы: я имъ пользоваться не буду. Возвращаюсь къ законности. Я долженъ заявить, что о каждомъ нарушеніи ея, о каждомъ случаѣ, не соотвѣтствующемъ ей, правительство обязано будетъ громко заявлять: это его долгъ предъ Думой и страной. Въ настоящее время я утверждаю, что Государственной Думѣ волею Монарха не дано права выражать правительству неодобренія, порицанія и недовѣрія. Это не значитъ, что правительство бѣжитъ отъ отвѣтственности. Безуміемъ было бы полагать, что люди, которымъ вручена была власть во время ве-

ликаго историческаго перелома, во время переустройства всѣхъ государственныхъ законодательныхъ устоевъ, чтобы люди, сознавая всю тяжесть возложенной на нихъ задачи, не сознавали и тяжести взятой на себя отвѣтственности, но надо помнить, что въ то время, когда въ нѣсколькихъ верстахъ отъ столицы и отъ Царской резиденціи волновался Кронштадтъ, когда измѣна ворвалась въ Свеаборгъ, когда пылалъ Прибалтійскій край, когда революціонная волна разлилась въ Польшѣ и на Кавказѣ, когда остановилась вся дѣятельность въ Южномъ промышленномъ районѣ, когда распространялись крестьянскіе безпорядки, когда началъ царить ужасъ и терроръ—правительство должно было или отойти и дать дорогу революціи, забывъ, что власть есть хранительница государственности и цѣлости русскаго народа, или дѣйствовать и отстоять то, что было ей ввѣрено. Но, господа, принимая второе рѣшеніе, правительство роковымъ образомъ навлекло на себя и обвиненіе. Ударяя по революціи, правительство несомнѣнно не могло не задѣть и частныхъ интересовъ. Въ то время правительство задалось одною цѣлью—сохранить тѣ завѣты, тѣ устои, тѣ начала, которые были положены въ основу реформъ Императора Николая II. Борясь исключительными средствами въ исключительное время, правительство вело и привело страну во вторую Думу. Я долженъ заявить и желалъ бы, чтобы мое заявленіе было слышно далеко за стѣнами этого собранія, что тутъ, волею Монарха, нѣтъ ни судей, ни обвиняемыхъ и что эти скамьи—не скамьи подсудимыхъ, это—мѣсто правительства. (*Голоса справа* браво, браво.) За наши дѣйствія въ эту историческую минуту, дѣйствія, которыя должны вести не ко взаимной борьбѣ, а къ благу нашей родины, мы точно также какъ и вы, дадимъ отвѣтъ предъ исторіей. Я убѣжденъ, что та часть Государственной Думы, которая желаетъ работать, которая желаетъ вести народъ къ просвѣщенію, желаетъ разрѣшить земельныя нужды крестьянъ, сумѣетъ провести тутъ свои взгляды, хотя бы они были противоположны взглядамъ правительства. Я скажу даже болѣе. Я скажу, что правительство будетъ привѣтствовать всякое открытое разоблаченіе какого-либо неустрой-

Р. 18.873

ства, какихъ-либо злоупотребленій. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ еще не выработано опредѣленныхъ правовыхъ нормъ, центръ тяжести, центръ власти лежитъ не въ установленіяхъ, а въ людяхъ. Людямъ, господа, свойственно и ошибаться, и увлекаться и злоупотреблять властью. Пусть эти злоупотребленія будутъ разоблачаемы, пусть они будутъ судимы и осуждаемы, но иначе должно правительство относиться къ нападкамъ, ведущимъ къ созданію настроенія, въ атмосферѣ котораго должно готовиться открытое выступленіе. Эти нападки разсчитаны на то, чтобы вызвать у правительства, у власти параличъ и воли и мысли, всѣ они сводятся къ двумъ словамъ, обращеннымъ къ власти: «руки вверхъ». На эти два слова, господа, правительство съ полнымъ спокойствіемъ, съ сознаніемъ своей правоты можетъ, отвѣтить только двумя словами: «Не запугаете». *(Апплодисменты справа.)*

3. Предсѣдатель Совѣта Министровъ.

Правительство желаетъ сдѣлать заявленіе по постановкѣ вопроса. Правительство полагаетъ, что, согласно статьѣ 5 учрежденія о Государственной Думѣ, Государственная Дума можетъ, для предварительной разработки подлежащихъ ея разсмотрѣнію дѣлъ, образовывать изъ своей среды отдѣлы и комиссіи. Затѣмъ статьи 31, 32, 33 разъясняютъ, какія дѣла подлежатъ вѣдѣнію Государственной Думы. Вѣдѣнію ея подлежатъ дѣла, требующія изданія законовъ, затѣмъ предположенія объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующаго закона. Наконецъ, Государственная Дума можетъ обращаться къ министрамъ съ запросами. Въ данномъ случаѣ предложено Государственной Думѣ образовать комиссію для разсмотрѣнія отчета по продовольственному дѣлу. Собственно говоря, изъ отчетовъ разсмотрѣнію Государственной Думы подлежитъ только отчетъ государственнаго контроля. Въ данномъ случаѣ всѣ сегодняшнія рѣчи имѣютъ характеръ запроса къ правительству о незакономѣрныхъ его дѣйствіяхъ. Поэтому предложеніе, поданное

здѣсь, правительство понимаетъ какъ запросъ къ нему, и такъ какъ въ скоромъ времени, на дняхъ, долженъ быть обнародованъ отчетъ о продовольственной и сѣменной кампаніяхъ, то правительство и внесетъ этотъ отчетъ, какъ отвѣтъ на запросъ. Затѣмъ, согласно статьѣ 40 положенія о Государственной Думѣ, Государственная Дума можетъ обращаться къ министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями за разъясненіями, непосредственно касающимися разсматриваемыхъ ею дѣлъ. Если комиссія по разсмотрѣнію отчета обратится къ министру внутреннихъ дѣлъ или къ иному министру за тѣмъ или инымъ разъясненіемъ и дополненіемъ, то такое разъясненіе будетъ немедленно представлено Государственной Думѣ. Затѣмъ, независимо отъ сего, правительство имѣло войти въ Государственную Думу съ ходатайствомъ о дополнительномъ ассигнованіи на продовольственное дѣло. Слѣдовательно, при разсмотрѣніи этого ходатайства, Дума точно также можетъ обратиться къ правительству за разъясненіями, которыя и будутъ Государственной Думѣ представлены. Несомнѣнно, въ порядкѣ 40 статьи, правительство представитъ Государственной Думѣ самыя подробныя разъясненія, такъ какъ правительство желаетъ исключительно пролить на это дѣло полный свѣтъ. Правительство доказало уже это на несчастномъ дѣлѣ Лидваля, само приложивши всѣ усилія къ тому, чтобы это дѣло представить въ его настоящемъ видѣ. Что касается самого продовольственнаго закона, то правительство не скрываетъ дефектовъ, существующихъ въ этомъ законѣ, и вноситъ въ Государственную Думу новыя временныя продовольственныя правила на ея утвержденіе. Затѣмъ, что касается существа тѣхъ нападковъ, которые правительство слышало тутъ, то, полагая, что эта комиссія имѣетъ существенно важное значеніе и не будетъ только орудіемъ для опороченія правительства въ глазахъ народа, правительство будетъ и по существу дѣла представлять свои объясненія въ самой комиссіи, а по окончаніи ея работъ—тутъ, въ Государственной Думѣ. Поэтому я заявляю, что правительство всецѣло и всемѣрно присоединяется къ предложенію, внесенному членомъ Думы Родичевымъ.

4. Предсѣдатель Совѣта Министровъ.

По обсуждаемому вопросу я прежде всего долженъ обратить вниманіе Государственной Думы на то, что, по мнѣнію правительства, онъ получаетъ неправильное направленіе. Временные законы, которые вошли въ силу во время пріостановленія дѣйствій Думы, могутъ быть отмѣнены только согласно ст. 87 основныхъ государственныхъ законовъ. Ст. 87 гласитъ, что дѣйствіе такой мѣры прекращается, если подлежащимъ министромъ или главноуправляющимъ отдѣльною частью не будетъ внесено въ Государственную Думу въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ послѣ возобновленія занятій Думы соотвѣтствующаго принятымъ мѣрамъ законопроекта. Слѣдовательно, самымъ закономъ установленъ порядокъ прекращенія такого временнаго закона. Казалось бы, что другого порядка быть не можетъ, но если даже принять другую точку зрѣнія, т.-е. что и временные законы могутъ быть прекращены такимъ же порядкомъ какъ законы постоянные, т.-е. согласно ст. 55 учрежденія Государственной Думы, то и въ этомъ случаѣ обсуждаться по существу этотъ вопросъ можетъ не ранѣе мѣсяца, послѣ представленія предсѣдателю Думы письменнаго о томъ заявленія за подписью 30 членовъ Думы. Слѣдовательно, по закону вопросъ этотъ могъ бы обсуждаться не ранѣе 12 апрѣля, такъ какъ 12 марта было подано такого рода заявленіе. Если проектъ наказа противорѣчитъ этому закону, то проектъ неправиленъ и потому онъ и не былъ опубликованъ сенатомъ въ прошломъ году. Я говорю только для того, чтобы установить, что въ порядкѣ ст. 87 или ст. 55 законъ о военно-полевыхъ судахъ законнымъ образомъ могъ бы, во всякомъ случаѣ, потерять силу не ранѣе конца апрѣля. Но это, господа, формальная сторона дѣла. Тутъ пренія шли по существу. Мы слышали тутъ обвиненія правительства. Мы слышали о томъ, что у него руки въ крови. Мы слышали, что для Россіи стыдъ и позоръ, что въ нашемъ государствѣ осуществлены такія мѣры. какъ военно-полевые суды. Я понимаю, что хотя эти пренія не могутъ привести къ реальнымъ результа-

тамъ, но вся Дума ждетъ отъ правительства отвѣта, прямого и яснаго, на вопросъ—какъ правительство относится къ продолженію дѣйствія въ странѣ закона о военно-полевыхъ судахъ? Я, господа, отъ отвѣта не уклоняюсь. Я не буду отвѣчать только на нападки за превышеніе власти, за неправильности, допущенныя при примѣненіи этого закона. Нареканія эти голословны, до сихъ поръ не обоснованы, и на нихъ отвѣчать преждевременно. Я буду говорить по другому, болѣе важному вопросу, я буду говорить о нападкахъ на самую природу этого закона, на то, что это позоръ, злодѣяніе и преступленіе, вносящіе развратъ въ основу самого государства. Самое яркое отраженіе эти доводы получили въ рѣчи члена Государственной Думы Маклакова. Если бы я началъ ему возражать, то я, несомнѣнно, вступилъ бы съ нимъ въ юридическій споръ. Я долженъ былъ бы стать защитникомъ военно-полевыхъ судовъ, какъ судебнаго, какъ юридическаго института. Но въ этой плоскости мышленія, я думаю, что я ни съ г. Маклаковымъ, ни съ другими ораторами, отстаивающими тотъ же принципъ—я думаю, что я съ ними не разошелся бы. Трудно возражать тонкому юристу, который талантливо отстаиваетъ доктрины. Но, господа, государство должно мыслить иначе, оно должно становиться на другую точку зрѣнія, и въ этомъ отношеніи мое убѣжденіе неизмѣнно. Государство можетъ, государство обязано, когда оно находится въ опасности, принимать самые строгіе, самые исключительные законы для того, чтобы оградить себя отъ распада. Это было, это есть и это будетъ всегда и вездѣ. Этотъ принципъ—въ природѣ человѣка, онъ—въ природѣ самого государства. Когда домъ горитъ, господа, вы вламываетесь въ чужія квартиры, вы ломаете двери, ломаете окна. Когда человѣкъ боленъ, его организмъ лѣчатъ, отравляя его ядомъ; когда на васъ нападаетъ убійца, вы его убиваете. Этотъ порядокъ признается всѣми государствами. Нѣтъ законодательства, которое не давало бы права правительству пріостанавливать теченіе закона, когда государственный организмъ потрясенъ до корней, которое не давало бы ему полномочія въ этихъ случаяхъ нарушать и пріостанавливать всѣ нормы права.

Это, господа, состоянiе необходимой обороны. Оно доводило государство не только до усиленiя репрессiй, не только до примѣненiя различныхъ репрессiй къ различнымъ людямъ, къ различнымъ категорiямъ людей, оно доводило государство до подчиненiя всѣхъ одной волѣ—произволу одного человѣка, оно доводило до диктатуры, которая иногда выводила государство изъ опасности и приводила къ спасенiю. Бываютъ, господа, роковыя минуты въ жизни государства, когда государственная необходимость стоитъ выше права, и когда надлежитъ выбирать между цѣлостью теорiй и цѣлостью отечества. Но съ этой каѳедры былъ сдѣланъ, господа, призывъ къ моей политической честности, къ моей прямотѣ, и я долженъ открыто отвѣтить, что такого рода временныя мѣры не могутъ прiобрѣтать постояннаго характера; когда онѣ становятся длительными, то, во-первыхъ, онѣ теряютъ свою силу и, затѣмъ, онѣ могутъ отразиться на самомъ народѣ, нравы котораго должны воспитываться закономъ.

Временная мѣра, мѣра суровая, должна сломить преступную волю, она должна сломить уродливыя явленiя и отойти въ вѣчность. Поэтому правительство въ настоящее время должно ясно дать себѣ отчетъ о положенiи страны; ясно должно дать отвѣтъ, что оно обязано дѣлать? И вотъ возникаютъ два вопроса: можетъ ли правительство, въ силѣ ли оно оградить жизнь и собственность русскихъ гражданъ обыкновенными способами, примѣненiемъ обыкновенныхъ законовъ? Но можетъ быть и другой вопросъ: надо себя спросить, не является ли такой исключительный законъ преградой для теченiя народной жизни, для направленiя ея въ естественное, спокойное русло? На первый вопросъ, господа, отвѣтъ не труденъ. Онъ ясенъ изъ бывшихъ тутъ пренiй. Господа, кровавый бредъ, къ сожалѣнiю, не пошелъ еще на убыль. Едва ли обыкновеннымъ способомъ подавить его по плечу обыкновеннымъ нашимъ установленiямъ. Второй вопросъ сложнѣе: что будетъ, если дать противоправительственному теченiю естественный ходъ, если не противопоставить ему силу? Мы слушали тутъ заявленiе соцiалъ-демократовъ и соцiалъ-революцiонеровъ. Я думаю, что ихъ ученiе

не сходно съ ученіемъ соціалистическихъ и революціонныхъ партій, что тутъ играетъ роль созвучіе названій, и что здѣсь присутствующіе не раздѣляютъ программы этой партіи. Но на заданный вопросъ отвѣтъ надо черпать изъ документовъ. Я беру документъ офиціальный, избирательную платформу россійской соціальной рабочей партіи. Я читаю въ немъ: «Только подъ натискомъ широкихъ народныхъ массъ, подъ напоромъ народнаго возстанія поколеблется армія, на которую опирается правительство, падутъ твердыни самодержавнаго деспотизма; только борьбою завоюетъ народъ государственную власть, завоюетъ землю и волю». Въ окончательномъ тезисѣ я прочитываю: «Чтобы основа государства была установлена свободно-избранными представителями всего народа, чтобы для этой цѣли было созвано учредительное собраніе всеобщимъ прямымъ, равнымъ и тайнымъ, безъ различія вѣры, пола и національности, голосованіемъ; чтобы всѣ власти и должностныя лица избирались народомъ и смѣщались имъ. Въ странѣ не можетъ быть иной власти, кромѣ поставленной народомъ и отвѣтственной предъ нимъ и его представителями; чтобъ Россія стала демократической республикой». Предо мною другой документъ: резолюція съѣзда соціалъ-революціонеровъ, бывшаго въ Таммерфорсѣ предъ началомъ дѣйствія Государственной Думы. Въ резолюціи я читаю: «Съѣздъ рѣшительно высказывается противъ тактики, опредѣляющей задачи Думы, какъ органическую работу въ сотрудничествѣ съ правительствомъ при самоограниченіи Думы рамками основныхъ законовъ, не санкціонированныхъ народной волей». Затѣмъ, въ концѣ: «Съѣздъ находитъ необходимымъ, въ видѣ временной мѣры, всѣ центральные и мѣстные террористическіе акты, направленные противъ агентовъ власти, имѣющихъ руководящее административно-политическое значеніе, поставить подъ непосредственный контроль и руководство центральнаго комитета. Вмѣстѣ съ тѣмъ съѣздъ находитъ, что партія должна возможно болѣе широко использовать, для расширенія и углубленія своего вліянія въ странѣ, всѣ новыя средства и поводы агитаціи и безостановочно развивать въ странѣ, въ цѣляхъ поддержки основныхъ требованій, широкое и активное на-

родное движеніе, имѣющее перейти во всеобщее возстаніе». Я не буду васъ утруждать чтеніемъ другихъ документовъ, не менѣе офиціальныхъ. Я задаю себѣ только вопросъ—въ правѣ ли правительство, при такомъ положеніи дѣла, сдѣлать демонстративный шагъ, не имѣющій за собой реальной цѣны—шагъ въ сторону послабленія для формальнаго, собственно, нарушенія закона? Въ правѣ ли правительство предъ лицомъ своихъ вѣрныхъ слугъ, которые подвергаются ежеминутной смертельной опасности, сдѣлать гласную уступку революціи? Вдумавшись въ этотъ вопросъ, взвѣсивъ его всесторонне, правительство пришло къ заключенію, что страна ждетъ отъ него не оказательства слабости, а оказательства вѣры. Мы хотимъ вѣрить, мы должны вѣрить, господа, что отъ васъ услышимъ слово умиротворенія, что вы прекратите кровавое безумство, что вы скажете то слово, которое заставитъ насъ всѣхъ стать не на разрушеніе историческаго зданія Россіи, а на пересозданіе, переустройство его и украшеніе. Въ ожиданіи этого слова правительство приметъ мѣры для того, чтобы ограничить этотъ суровый законъ только самыми исключительными случаями самыхъ дерзновенныхъ преступленій, съ тѣмъ, чтобы, когда Дума толкнетъ Россію на спокойную работу, законъ этотъ палъ бы самъ собою—путемъ невнесенія его на утвержденіе законодательнаго собранія. Господа, въ вашихъ рукахъ успокоеніе Россіи, которая, конечно, сумѣетъ отличить кровь, о которой такъ много здѣсь говорилось, кровь на рукахъ палачей, отъ крови на рукахъ добросовѣстныхъ врачей, которые примѣняли самыя чрезвычайныя, можетъ быть, мѣры, но съ однимъ только упованіемъ, съ одной надеждой, съ одной вѣрой—исцѣлить трудно-больного. *(Апподисменты справа).*

5. Министръ торговли и промышленности.

Правительство желаетъ сдѣлать разъясненіе по поводу нѣкоторыхъ, внесенныхъ въ настоящемъ засѣданіи, предложеній. Партіей народной свободы было внесено предложеніе, которое я по-

зволю себѣ повторить, насколько мнѣ удалось его записать. Въ предложеніи этомъ указывается слѣдующее: необходимо образовать комиссію изъ 19 членовъ для обсужденія вопроса о размѣрѣ денежныхъ средствъ, которыя государство должно ассигновать на помощь безработнымъ, пострадавшимъ отъ промышленнаго кризиса, и для изысканія способовъ осуществленія этого. Сущность даннаго предложенія сводится къ порученію комиссіи предварительно разсмотрѣть обсуждаемый вопросъ и выработать по данному предмету законопроектъ для направленія его въ томъ порядкѣ, въ какомъ, согласно закону, должна быть направлена иниціатива Государственной Думы. Такъ именно данное предложеніе было растолковано членомъ Государственной Думы Кутлеромъ. Дѣйствительно, предложеніе это сводится къ тому, чтобы были ассигнованы средства на такого рода расходы, которыхъ до сихъ поръ казна на себя не брала. Расходы такого рода предусмотрѣны пунктомъ 2 ст. 9 смѣтныхъ правилъ и статьею 10 этого же закона. Въ немъ указывается, что право возбужденія вопросовъ, подобныхъ обсуждаемому, принадлежитъ Государственной Думѣ, но что она, какъ и Государственный совѣтъ по отношенію къ направленію такого рода вопросовъ, поставлена въ тѣ же рамки, какъ и при прочихъ случаяхъ пользованія правомъ иниціативы. Такимъ образомъ, та комиссія, которую предлагаютъ образовать, будетъ имѣть характеръ предварительной комиссіи. Она будетъ имѣть цѣлью обсуждать предварительно тотъ матеріалъ, который долженъ вылиться въ форму законопроекта. Составленный законопроектъ долженъ быть направленъ въ порядкѣ законномъ. Съ этой точки зрѣнія правительство не можетъ возражать и не возражаетъ противъ предложенія, внесеннаго партіей народной свободы. Съ другой стороны, здѣсь же было предложено дополнить обсуждаемое предложеніе. Второе предложеніе исходило, если я не ошибаюсь, отъ представителей соціалъ-демократической партіи. Сущность его сводится къ тому, чтобы, независимо отъ образованія комиссіи, Дума постановила посылать депутатовъ для разслѣдованія вопроса о безработицѣ на мѣста. Я не буду тратить лишнихъ словъ для доказательства

незаконности этого предложенія. Сами авторы его сознають это лучше меня. Они совершенно ясно высказали это, не сегодня, а тогда, когда обсуждалось предложеніе аналогичное, а именно по поводу разсмотрѣнія Думой продовольственнаго вопроса. Правительство спокойно относится къ такого рода заявленіямъ и оно убѣждено, что Государственная Дума, которая сумѣла доказать своимъ голосованіемъ по вопросу о продовольственной помощи, что она не идетъ на такого рода вызовы, что Дума и этотъ разъ отвергнетъ такое предложеніе. На этомъ я заканчиваю свои объясненія, касающіяся формальной стороны дѣла. Но здѣсь попутно былъ затронутъ вопросъ по существу. Я хотя и кратко, но не могу не коснуться его. Здѣсь почти со всѣхъ сторонъ раздавались заявленія, что вопросъ ясенъ и столь очевиденъ, что не можетъ быть двухъ мнѣній относительно безусловной необходимости и обязанности государства помогать всѣмъ безработнымъ. Здѣсь не одинъ, а десять ораторовъ говорили, что рабочіе *требуютъ*, требуютъ себѣ хлѣба и работы. Господа, на такого рода постановку вопроса о принципіальномъ правѣ требовать работы для всѣхъ безработныхъ правительство итти не можетъ. Это значило бы возстановлять пресловутое право на работу. Но, съ другой стороны, правительство не считаетъ, что никогда, ни при какихъ условіяхъ, на государство не можетъ быть возложена обязанность доставлять работу. Напротивъ, правительство доказало свою готовность итти по мѣрѣ силъ навстрѣчу безработнымъ. Такъ, въ этомъ году, въ числѣ тѣхъ кредитовъ, которые ассигнованы на продовольственное дѣло, имѣется кредитъ въ 7 милліоновъ, назначенныхъ на общественныя работы, на основаніи временныхъ правилъ, приложенныхъ къ уставу о продовольствіи. Изъ этихъ 7 милліоновъ 1.600.000 рублей ассигнованы на Саратовскую губ. Мало того, изъ 1.600.000 рублей 350.000 спеціально ассигнованы на работы по г. Саратову. Между тѣмъ здѣсь заявлено, что правительство не пожелало назначить нѣсколько сотъ тысячъ на работы по г. Саратову. Господа, приведенныя мною данныя, я полагаю, достаточно убѣдили васъ въ противномъ.

Кромѣ 350 тысячъ было дополнительно ассигновано еще 100 тысячъ, и на дняхъ возбужденъ вопросъ объ ассигнованіи 200 тысячъ рублей, который пока окончательно не рѣшенъ. Когда здѣсь заявляютъ, что этотъ вопросъ отклоненъ, то и это не точно.

Такимъ образомъ, правительство смотритъ на вопросъ не съ отвлеченной принципіальной точки зрѣнія. Оно считаетъ, что этотъ вопросъ, какъ и всякій другой государственный вопросъ, долженъ разсматриваться не принципіально, а съ точки зрѣнія его цѣлесообразности, по соображенію размѣра нужды и суммы тѣхъ средствъ, которыя могутъ быть удѣлены государствомъ на ея излѣченіе. Именно съ этой точки зрѣнія образованіе той комиссіи, о которой шла здѣсь рѣчь, можетъ быть не только не вредно, но и полезно; она выяснитъ размѣръ нужды, которая здѣсь приводится и значительно преувеличивается. Весьма легко высокому собранію докладывать непровѣренныя цифры о размѣрахъ нужды, но иное дѣло выяснить дѣло и дать опредѣленный выводъ. Я совершенно убѣжденъ, что когда комиссія займется этимъ выясненіемъ, то окажется, что безработица, къ великому сожалѣнію, существуетъ дѣйствительно, но не въ такихъ размѣрахъ, какъ здѣсь приводилось. Я бы покончилъ на этомъ свои объясненія, если бы здѣсь, при выясненіи причинъ, не указывалось на одну изъ причинъ безработицы, на главную ея причину—на забастовки. Здѣсь указывалось на забастовку, происходившую въ Баку, на локаутъ въ Лодзи, явившійся вслѣдствіе непрерывныхъ забастовокъ 1905—1906 г.г. Намъ указывали на разрастающуюся забастовку на Каспійскомъ морѣ, которая, если въ скоромъ времени не прекратится, грозитъ неисчислимыми бѣдствіями и, прежде всего, самому рабочему населенію Приволжья и центральнаго района. Намъ указывалось все это, повидимому, съ той цѣлью, чтобы освѣтить одну изъ главныхъ причинъ безработицы и указать куда должна быть направлена помощь государства. Господа! Правительство можетъ итти на помощь безработнымъ, когда идетъ вопросъ о помощи безработнымъ, не имѣющимъ работы вслѣдствіе промышленнаго кризиса или

стихійныхъ причинъ. Но когда поднимается вопросъ о томъ, чтобы правительство, чтобы государство приходило на помощь безработнымъ, страдающимъ отъ безработицы не вслѣдствіе непреодолимыхъ условій, а по собственной волѣ, отъ забастовокъ, то я долженъ заявить, что правительство на такого рода ассигновки не пойдетъ никогда.

6. Министръ юстиціи.

Заявленіе, съ которымъ я имѣю честь обратиться къ Государственной Думѣ, будемъ имѣть своимъ предметомъ не оцѣнку, которая, къ сожалѣнію, уже была сдѣлана предшествующимъ ораторомъ, того происшествія, которое положено въ основаніе запроса, предлагаемаго Государственной Думѣ, для того, чтобы направить его къ правительству. Прежде, чѣмъ однако, изложить эти обстоятельства въ томъ ихъ видѣ, какъ они сообщены министерству юстиціи мѣстнымъ прокурорскимъ надзоромъ Пермскаго окружнаго суда, позвольте мнѣ, отъ имени правительства, устранить вопросъ о томъ безграничномъ произволѣ, который былъ указанъ и заявленъ говорившимъ здѣсь членомъ Государственной Думы Сиговымъ. Правительство уже заявляло вамъ о томъ, что его основа есть законъ, и что въ своихъ дѣйствіяхъ оно будетъ стремиться и неуклонно держаться одного начала—начала законности и закономѣрности. По поводу сказаннаго членомъ Государственной Думы Сиговымъ я позволю себѣ только замѣтить одно: безграничнымъ произволомъ я назвалъ бы заявленіе, которое предлагаетъ слѣдственную комиссію по отношенію къ тому, что частью установлено приговоромъ суда, а частью будетъ еще подлежать его рѣшенію. Каковы же тѣ обстоятельства, на которыхъ основывается запросъ, да и при томъ еще срочный, исходящій отъ члена Государственной Думы Сигова? Имъ говорилось о мирныхъ проводахъ, о вторженіи полиціи и затѣмъ о тѣхъ насиліяхъ, которыя произошли на улицахъ города Красноуфимска. Что касается мир-

ныхъ проводовъ, то эти мирные проводы, въ сообщеніи прокурорскаго надзора, представляются въ такомъ видѣ. 13 февраля въ городѣ Красноуфимскѣ, вечеромъ, было устроено собраніе въ зданіи мѣстной городской думы. Это собраніе было устроено безъ предварительнаго заявленія полиціи; вслѣдствіе этого полиція появилась туда уже во время собранія, узнавши о томъ, что оно имѣетъ мѣсто. И это появленіе полиціи никоимъ образомъ не можетъ называться вторженіемъ. Въ данномъ случаѣ полиція выполнила то, что предоставлено ей закономъ о собраніяхъ. Въ законѣ о собраніяхъ содержится прямое указаніе на обязанность полиціи предлагать незаконно собравшимся разойтись, а въ случаѣ неподчиненія этому требованію—прибѣгнуть къ силѣ. Говорятъ, что собраніе было мирное, никакихъ, какъ заявилъ членъ Государственной Думы Сиговъ, политическихъ вопросовъ въ этомъ собраніи возбуждаемо не было. По этому поводу позволю себѣ изъ донесенія прокурорскаго надзора сообщить Государственной Думѣ, что, какъ значится въ этомъ сообщеніи, въ собраніи не только произносились рѣчи отъѣзжавшими членами Думы, но членъ Государственной Думы Сиговъ прочиталъ присутствующимъ наказъ, въ которомъ говорилось о замѣнѣ постоянной арміи народнымъ ополченіемъ, объ экспропріаціи частной собственности и, наконецъ, о созывѣ учредительнаго собранія. Затѣмъ въ этомъ же сообщеніи прокуратуры говорится, что когда въ собраніи появился помощникъ исправника, то членъ Государственной Думы Сиговъ предложилъ ему немедленно удалиться, сказавъ, что здѣсь, въ частномъ кружкѣ гражданъ, полиціи нѣтъ мѣста, а затѣмъ обратился къ собравшимся съ заявленіемъ, что для него, какъ члена Государственной Думы, противно и оскорбительно присутствіе полиціи, и что поэтому онъ, при всемъ желаніи, вынужденъ удалиться изъ собранія. Эти послѣднія слова Сигова, который вслѣдъ затѣмъ демонстративно направился къ выходу, вызвали сильное волненіе, въ публикѣ послышался свистъ, крики: „Долой полицію“, а Сигова подняли на руки, стали качать и вынесли на улицу съ пѣніемъ марсельезы. Съ этого момента, господа, начинается уже

все, происходившее за стѣнами городской думы, на улицѣ. Въ видахъ большей точности я позволю себѣ утомить ваше вниманіе весьма непродолжительнымъ чтеніемъ въ подлинникѣ того, что по этому поводу значится въ донесеніи прокурорскаго надзора. Послѣ того, когда Сигова подняли на руки и вынесли, то другой изъ находившихся въ собраніи членовъ Государственной Думы Ершовъ присоединился ко мнѣнію Сигова и также демонстративно былъ вынесенъ на рукахъ изъ собранія, откуда почти тотчасъ же вся публика вышла на улицу. Возлѣ зданія городской управы собралась толпа, которая во главѣ съ Сиговымъ, Ершовымъ и цѣлымъ рядомъ другихъ лицъ, съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, марсельезы, варшавянки и дубинушки, тронулась по улицѣ. Толпа постепенно возрастала присоединявшимися къ ней по пути новыми лицами и увеличилась человѣкъ до трехсотъ, а демонстрація принимала все болѣе серьезный, угрожающій общественному спокойствію характеръ (*смѣхъ слѣва, справа возгласы*: ого). Да, господа, такъ сказано въ читаемомъ сообщеніи. По распоряженію помощника исправника на встрѣчу скопищу былъ командированъ отрядъ конныхъ стражниковъ человѣкъ до 20, который около дома предсѣдателя мѣстнаго уѣзднаго съѣзда преградилъ толпѣ дальнѣйшій путь. Мѣстный полицейскій надзиратель сталъ убѣждать толпу разойтись и не пѣть запрещенныхъ пѣсенъ, тогда Ершовъ сказалъ полицейскому надзирателю: „Кто тебя сюда просилъ, ты оскорбляешь депутатовъ Государственной Думы?“ и при этомъ закричалъ публикѣ: „не обращай вниманія, пой марсельезу“. Несмотря на послѣдующія неоднократныя предупрежденія полицейскаго надзирателя, что если толпа не разойдется и не перестанетъ пѣть пѣсни, то будетъ разогнана стражниками, Ершовъ, Сиговъ и третье лицо изъ толпы, воодушевляя другихъ, кричали: „Постоимъ грудью, никто не расходись“, а еще кто-то сказалъ: „Плюньте на полицію“, послѣ чего толпа начала бросать вверхъ шапки и, двинувшись впередъ, еще сильнѣе запѣла марсельезу. Тогда полицейскій надзиратель сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы толпа была разогнана стражниками, что ими и было исполнено безъ

примѣненія, къ счастью, оружія. По разсказу Ершова, на него стражники нападали дважды, при чемъ въ одномъ мѣстѣ его защитилъ отъ ударовъ нагайки какой-то водовозъ, а на другомъ мѣстѣ ему самому удалось стащить съ лошади стражника. Нѣкоторые изъ толпы были слегка помяты лошадьми и получили легкіе ушибы отъ ударовъ нагаекъ, члену же Думы Сигову ударъ нагайки пришелся по лѣвой брови, отчего образовалась опухоль величиной въ голубиное яйцо и ссадина самой брови величиной въ сантиметръ. Таковы, господа, обстоятельства дѣла по донесенію прокурорскаго надзора, но обстоятельства дѣла требуютъ оцѣнки; она, впрочемъ, уже сдѣлана, но оцѣнка эта, сдѣланная здѣсь, для меня, министра юстиціи, неубѣдительна. Для меня убѣдительна только одна оцѣнка — оцѣнка суда, судебной власти. Все описанное происшествіе, распадающееся съ точки зрѣнія уголовнаго закона на двѣ части, получило соотвѣтствующее направленіе: все то, что касается незаконнаго собранія въ стѣнахъ мѣстной городской думы, все это стало предметомъ судебнаго разсмотрѣнія у мѣстнаго уѣзднаго члена суда. Очевидно, о приговорѣ этого уѣзднаго члена и идетъ рѣчь въ телеграммахъ, которыя были сообщены Государственной Думѣ ея членомъ Сиговымъ. Другая часть происшедшаго, относящаяся къ уличнымъ безпорядкамъ, составляетъ въ настоящее время предметъ предварительнаго слѣдствія, къ которому изслѣдованіе этого происшествія и обращено послѣ того, какъ къ изслѣдованію было приступлено чинами отдѣльнаго корпуса жандармовъ въ порядкѣ, установленнымъ для производства, такъ-называемаго, формальнаго дознанія. Такимъ образомъ, обѣ части этого происшествія, которыя уже заранѣе предрѣшены членомъ Государственной Думы Сиговымъ въ смыслѣ проявленія безпредѣльнаго произвола, обѣ части этого дѣла направлены такъ, какъ того требуетъ законъ. Оцѣнку всего происшедшаго, отъ которой я воздержусь, господа, сдѣлаютъ судъ и представители судебной власти. (*Аплодисменты справа*).

7. Главноуправляющій Землеустройствомъ и Земледѣліемъ.

Милостивые государи. Правительство не можетъ не привѣтствовать, повидимому слагающееся уже въ составѣ Государственной Думы, намѣреніе учредить для детальнаго разсмотрѣнія поступившихъ въ Государственную Думу законопроектовъ и законодательныхъ предположеній особую аграрную комиссію. Въ данную минуту правительство не можетъ высказаться по существу тѣхъ предположеній, внесеніе которыхъ уже состоялось отъ имени членовъ Государственной Думы, и намѣрено по этому поводу высказаться въ тѣ сроки и въ томъ порядкѣ, который устанавливается ст. 56 положенія о Государственной Думѣ. Но, господа, стоя на этомъ мѣстѣ, я не могу не высказать нѣсколько словъ въ томъ порядкѣ общаго обсужденія, въ которомъ сегодня разсматривается аграрный вопросъ. По причинамъ, всѣмъ, я думаю, понятнымъ, никому такъ не свойственно желать скорѣйшаго и полнаго разрѣшенія этого вопроса, какъ лицамъ, составляющимъ правительство. И никто, въ то же время, такъ не сознаетъ, что вопросъ этотъ не можетъ разрѣшиться изданіемъ какого-либо декрета или указа и даже врядъ ли можетъ разрѣшиться путемъ изданія или осуществленія задуманной въ широкихъ размѣрахъ аграрной реформы; тутъ нужна систематическая и планомѣрная законодательная дѣятельность, и настало время, для выясненія этого наболѣвшаго вопроса, прибѣгнуть къ краснорѣчію не столько словъ, сколько цифръ, фактовъ и дѣйствительности. При этомъ нельзя не выразить опасенія, что тѣ надежды, которыя многими связываются съ осуществленіемъ реформы, при сопоставленіи ихъ съ цифрами, не будутъ имѣть шансовъ на полное ихъ осуществленіе.

Въ порядкѣ изслѣдованія того, что можно сдѣлать, что нужно сдѣлать въ этомъ направленіи, ввѣренное мнѣ вѣдомство работаетъ давно, и тѣ результаты, тѣ убѣжденія, къ которымъ мы пришли, вылились въ законодательныя предположенія, внесенныя на ваше

обсужденіе, ими мы руководствовались въ тѣхъ мѣропріятіяхъ, которыя до сихъ поръ принимали. Все это нынѣ подвергается вашей критикѣ. Въ порядкѣ именно этихъ нашихъ мѣропріятій и проектовъ вы усмотрите, что въ рядѣ мѣръ, которыя мы намѣчаемъ, разрѣшеніе земельнаго вопроса представляется не цѣлью, а средствомъ. Мы думаемъ, что нормальныя условія жизни и труда подавляющей массы населенія Россіи, т.-е. крестьянства, наступятъ тогда, когда сельско-хозяйственному промыслу будетъ отведено соотвѣтствующее ему мѣсто. Это мѣсто въ странѣ земледѣльческой можетъ быть только первенствующимъ и главенствующимъ.

Тогда, когда это осуществится, я думаю, настанетъ новая эра существованія нашего государства, въ томъ числѣ и новая эра существованія крестьянства. Эра обнищанія прекратится и настанутъ времена благополучія.

Въ рядѣ мѣръ, которыми мы стремились подойти къ этому положенію, качественному и количественному улучшенію условій крестьянскаго землевладѣнія отводится первенствующее мѣсто, и въ рядѣ средствъ, которыми мы къ разрѣшенію этой задачи подходимъ, вы усмотрите, милостивые государи, что мы вполнѣ сознательно относимся къ тѣмъ неизбѣжнымъ столкновеніямъ, которыя при этомъ должны произойти между интересами отдѣльныхъ лицъ, отдѣльныхъ группъ, отдѣльныхъ даже сословій. Мы сознаемъ свою обязанность охранять неприкосновенность тѣхъ граней, на которыхъ эти интересы соприкасаются, но мы, въ то же время, сознаемъ свою обязанность эту охрану простирать настолько, насколько намѣченныя грани совпадаютъ съ общими интересами государства. Тамъ, гдѣ эти грани съ этими интересами не совпадаютъ, онѣ должны быть передвинуты. Осуществленіе этого начала вы найдете въ области улучшенія формъ крестьянскаго землепользованія и въ томъ проектѣ, который мы имѣемъ честь представить на ваше заключеніе. Стоя на этой почвѣ, господа, и допуская въ извѣстномъ случаѣ принудительное передвиженіе границъ, мы считаемъ, что мы не колеблемъ тѣхъ основныхъ началъ собствен-

ности, которыя здѣсь сегодня были справедливо названы священными. Мы думаемъ, что исключенія способны только укрѣпить основныя правила. И стоя на этой точкѣ зрѣнія, мы ни на іоту не отступаемъ отъ начала частной собственности, охранять которую мы призваны. Мы идемъ въ этомъ отношеніи далѣе и совершенно опредѣленно высказываемъ наше намѣреніе распространить блага, проистекающія отъ началъ собственности, и на ту громадную территорію крестьянскаго землевладѣнія, которая до сихъ поръ этихъ благъ была лишена. Мы это дѣлаемъ, повторяю, вполнѣ сознательно, исповѣдуя, что начало собственности оплодотворяетъ трудъ земледѣльца, и что только въ сочетаніи съ этимъ началомъ трудъ земледѣльца получаетъ ту чудодѣйственную силу, которая способна превратить сыпучіе пески въ золото и голую скалу въ цвѣтущій садъ.

8. Министръ финансовъ.

Я буду говорить настолько громко, насколько позволяетъ мнѣ голосъ. Отъ тишины залы засѣданія зависитъ возможность меня слышать.

На мою долю, говорю я, выпала отвѣтственная задача впервые представить проектъ государственной росписи доходовъ и расходовъ на разсмотрѣніе новаго законодательнаго учрежденія, призваннаго къ жизни волею Монарха.

Для ближайшаго изслѣдованія этого сложнаго предмета вы избрали уже особую бюджетную комиссію, которая должна обсудить всѣ частности внесенныхъ правительствомъ исчисленій и представить вамъ свои заключенія по существу предмета. До окончанія комиссіею этого подготовительнаго труда было бы, конечно, излишне отнимать ваше время представленіемъ подробныхъ исчисленій, оправдывать ихъ тѣми или иными данными, а тѣмъ болѣе стараться предупредить предполагаемую критику. Время для этого, конечно, еще впереди. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, едва ли соотвѣт-

ствовало бы важности предмета, если бы я ограничился простымъ обращеніемъ къ Государственной Думѣ съ заявленіемъ о необходимости, согласно закону, передать проектъ росписи на разсмотрѣніе бюджета и сталъ бы терпѣливо ждать наступленія той, быть можетъ еще не слишкомъ близкой минуты, когда внесенный правительствомъ проектъ росписи предстанетъ предъ Государственною Думою провѣренный и освѣщенный заключеніемъ вашихъ уполномоченныхъ. Недаромъ бюджетъ вездѣ и всюду приковываетъ къ себѣ такое вниманіе общества; онъ возбуждаетъ интересъ не только въ той странѣ, до которой онъ касается, но и въ странахъ сосѣднихъ, соединенныхъ общностью экономическою, финансовою и политическою, если только общество успѣло подняться на ту высоту культурности, которая даетъ возможность оцѣнить, какъ велико значеніе бюджета, какія разнообразнѣйшія стороны государственной жизни затрогиваются, направляются и разрѣшаются бюджетомъ и только имъ однимъ. Значеніемъ бюджета въ общей экономіи государственной жизни опредѣляется и то количество труда, которое выпадаетъ какъ на долю составителей бюджета, такъ и на долю тѣхъ учрежденій, на обсужденіе которыхъ онъ представленъ. Но это количество труда, едва ли равняющееся по своему объему и значенію значеніямъ какихъ-либо отдѣльныхъ законопроектовъ, получаетъ размѣръ совершенно исключительный въ томъ случаѣ, когда разсмотрѣніе бюджета по необходимости протекаетъ въ тѣхъ особыхъ условіяхъ, среди которыхъ Государственная Дума впервые приступаетъ къ исполненію возложенной на нее важной задачи. За исключеніемъ, вѣроятно, сравнительно немногихъ г.г. членовъ, Государственная Дума не обладаетъ еще—да и не могла обладать—тою опытностью, тою подготовленностью къ бюджетной техникѣ, которая не пріобрѣтается даже близкимъ знакомствомъ съ финансовыми и экономическими вопросами, но которая требуетъ спеціальныхъ знаній, умѣнія разбираться въ изслѣдуемомъ бюджетномъ матеріалѣ. Эта невыгодная для дѣла особенность, конечно, представляется явленіемъ только временнымъ, и всѣ тѣ шероховатости, которыя изъ этого возникаютъ, должны постепенно ослаб-

ляться, если только дѣлу разсмотрѣнія бюджета будетъ удѣлено вниманіе, свободное отъ всякой предвзятости. Каждый день будетъ показывать намъ, что всѣ тѣ частности, которыя кажутся съ перваго взгляда труднопреодолимыми, на самомъ дѣлѣ доступны нашимъ усиліямъ, и эти трудности вовсе не такія, чтобы нельзя было приступить къ исполненію этой задачи. Все то, что сегодня кажется сложнымъ, спорнымъ, а быть можетъ даже—совершенно непонятнымъ, на завтра предстанетъ предъ вами освѣщеннымъ свѣтомъ безпристрастнаго анализа. Нужно только, чтобы разсмотрѣніе бюджета было чисто-дѣловое, чтобы въ разсмотрѣніе всего того, что представлено правительствомъ, было внесено безпристрастное и уравновѣшенное изслѣдованіе, и провѣрка была бы сдѣлана, исходя изъ правильной и точной оцѣнки того матеріала, который вамъ представляется. Такая провѣрка и оцѣнка допускаютъ, конечно, возраженія, быть можетъ, упорныя, быть можетъ, настойчивыя, но ихъ не слѣдуетъ избѣгать, потому что въ нихъ, въ этихъ возраженіяхъ и преніяхъ, покоится залогъ той плодотворности вашей работы, которая должна имѣть конечную цѣль какъ для народныхъ представителей, такъ и для правительства, и по возможности ясно установить все то, чѣмъ должно располагать государство въ смыслѣ денежныхъ средствъ для того, чтобы исполнить задачи, возложенныя на него по закону. Но въ предстоящей вамъ работѣ имѣется еще одна особенность, не мало усложняющая свойство предстоящей работы. Разсмотрѣніе бюджета вообще, а предлагаемаго въ настоящую минуту на вашъ судъ въ особенности, есть дѣло преимущественной трудности. Его нельзя подчинить общей очереди и посвящать этому дѣлу вашъ трудъ по мѣрѣ представляющагося досуга. Дѣло это должно быть поставлено внѣ всякой очереди. Этого требуютъ насущныя интересы государственной пользы и нужды всего населенія. И вовсе не потому, что безъ утвержденія внесенной мѣсяцъ тому назадъ государственной росписи трудно правительственной власти выполнять своевременно тѣ или иные расходы. Такой трудности на самомъ дѣлѣ не существуетъ; въ распоряженіи правительства имѣются въ настоящее

время всѣ необходимые къ тому способы, дарованные закономъ. Это необходимо по соображенію высшаго государственнаго порядка, необходимо потому, что великое государство, какъ Россія, которое остается и останется великимъ, не взирая на всѣ пережитыя невзгоды, не взирая на то, что внутренняя смута продолжаетъ наносить новые удары, не можетъ жить безъ правильно утвержденнаго бюджета. Съ 1863 г., въ теченіе 44 лѣтъ, у насъ существовалъ правильный бюджетный распорядокъ. Съ 1879 г., въ теченіе 28 лѣтъ, неизмѣнно каждый новый годъ сопровождался опубликованіемъ разсмотрѣнной и утвержденной государственной росписи. Мы должны поэтому напрячь всѣ наши усилія къ тому, чтобы возстановить этотъ порядокъ. Этотъ порядокъ является не излишнею роскошью, а тѣмъ неизбѣжнымъ кореннымъ условіемъ, безъ котораго немыслима правильная финансовая жизнь. Оправдывать эту необходимость дальнѣйшими доказательствами я считаю излишнимъ; отнимать ваше время на подтвержденіе того, что ясно до очевидности, само-собою, было бы напрасно. Прибавлю только, что въ пользу неотложности разсмотрѣнія бюджета говоритъ еще то, что черезъ 5 мѣсяцевъ, съ 1 сентября, къ вамъ начнутъ поступать смѣты на 1908 г., а черезъ 6 мѣсяцевъ, съ 1 октября, предстоитъ приступить къ разсмотрѣнію новой росписи на будущій годъ. Прибавьте къ этому, какое количество времени потребуется бюджетной комиссіи для того, чтобы справиться съ огромнымъ матеріаломъ, представленнымъ на ея разсмотрѣніе, насколько времени займется вниманіе общаго собранія Государственной Думы этимъ дѣломъ, насколько потребуется также времени для исполненія той же работы Государственнымъ Совѣтомъ, и оцѣните, какъ важно, чтобы самое составленіе смѣтной росписи на 1908 г. протекало при полномъ знаніи того, что будетъ постановлено Государственною Думою по отношенію къ 1907 г., и вы раздѣлите, вѣроятно, мои мысли о томъ, что разсмотрѣніе внесеннаго бюджета должно быть подчинено самой большой неотложности. Я перехожу теперь къ существу предмета въ тѣхъ предѣлахъ общихъ соображеній, о которыхъ я только что упомянулъ. Не стану при-

водить вамъ подробныхъ цифровыхъ данныхъ или оправдывать ихъ тѣми или иными исчисленіями. Если бы я сталъ сегодня на этотъ путь, я вызвалъ бы, вѣроятно, въ вашей оцѣнкѣ крайне невыгодное для меня заключеніе; вы сказали бы, вѣроятно: къ чему все это, когда предъ нами еще цѣлый неизвѣданный лабиринтъ и когда въ нашихъ рукахъ нѣтъ той путеводной нити, которою должно будетъ для васъ служить заключеніе бюджетной комиссіи?

Составленіе бюджета на будущій 1907 г. во многихъ отношеніяхъ представляло совершенно особую трудность. Въ теченіе 2 лѣтъ, $190^4/_5$ г.г., мы вели войну, потребовавшую огромныхъ затратъ, потребовавшую исключительнаго напряженія государственныхъ кредитовъ.

Не успѣла затихнуть военная гроза, какъ на нашу родину надвинулись новыя бѣдствія, въ видѣ внутренней смуты, посыпались новые зловѣщіе удары. Эти удары наносятъ ущербъ, если не большій, нежели борьба съ внѣшнимъ врагомъ, то во всякомъ случаѣ такой, который смѣло можетъ выдерживать съ нею свою недобрую конкуренцію. Къ этимъ двумъ бѣдствіямъ присоединилось третье. Обширный районъ нашего отечества повторно постигнутъ неурожаемъ. Вліяніе этихъ трехъ причинъ предъ вами на глазахъ. Пошатнулось благосостояніе массы русскаго населенія; потерпѣла ущербъ неокрѣпшая наша промышленность; нанесенъ вредъ нашему кредиту, еще такъ недавно занимавшему справедливо принадлежащую ему высоту; тяжкимъ бременемъ легло это тяжелое лихолѣтіе на весь укладъ нашей внутренней жизни. Эти условія не могли, конечно, не отразиться самымъ рѣшающимъ образомъ на составленіи бюджета на 1907 г., и правительство сочло своею обязанностью внести въ исчисленіе государственныхъ расходовъ всю ту умѣренность, которая была ему доступна; точно также оно должно было стремиться предвидѣть поступленіе доходовъ въ тѣхъ условіяхъ, которыя даютъ возможность исчислить ресурсы казны, соображаясь въ отношеніи ихъ поступленія съ экономическими условіями переживаемаго времени. Не считая себя въ правѣ, какъ

я уже сказалъ, загромождать ваше вниманіе тѣми или иными подробными цифрами, я не могу, однако, не привести вамъ нѣкоторыхъ, правда, очень немногихъ, валовыхъ цифръ для того, чтобы подтвердить только что приведенную мною мысль.

Остановлю ваше вниманіе, прежде всего, на общемъ итогѣ расходовъ по государственной росписи. Совокупность расходовъ, обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ, на нынѣшній 1907 г. исчисляется въ суммѣ 2.471.000.000 р., менѣе совокупности расходовъ, предусмотрѣнныхъ росписью 1906 г., на 39.000.000 р. Но такое сравненіе бюджета 1907 г. съ бюджетомъ минувшаго 1906 г. было бы глубоко неправильнымъ. Бюджетъ на 1907 г. предусматриваетъ всѣ потребности государства, какія только могли быть приняты во вниманіе правительствомъ, и если по нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ напримѣръ, въ частности въ отношеніи продовольственнаго кредита—о чемъ, впрочемъ, оговорено въ объяснительной запискѣ,—можно ожидать, что исчисленіе росписи окажется не вполнѣ достаточнымъ, то во всякомъ случаѣ этотъ недостатокъ по сравненію съ общимъ итогомъ росписи можетъ представиться лишь сравнительно весьма незначительнымъ. Иначе обстояло дѣло въ 1906 г. Дѣйствительное исполненіе государственныхъ расходовъ въ 1906 г. далеко отошло отъ предвидѣнія бюджета. Пришлось увеличить на цѣлыхъ 80.000.000 р. расходы казны по оказанію продовольственной помощи населенію, пострадавшему отъ неурожая, по сравненію съ тѣмъ, что было предвидѣно при составленіи бюджета, такъ какъ эти 80.000.000 р. потребовались на удовлетвореніе нужды по повторному недороду, о которомъ не могло быть и рѣчи въ декабрѣ 1905 г., когда на законодательное утвержденіе была внесена роспись 1906 г. Возрасли на 62.000.000 р. расходы по ликвидаціи войны, пришлось отнести на ресурсы 1906 г. также и оставшіеся невыполненными расходы за предшествующій 1905 г. Всѣ эти цифры, вмѣстѣ взятыя, даютъ въ дѣйствительномъ исполненіи бюджета на 1906 г. общій итогъ не въ 2.500.000.000 р., а 2.846.000.000 руб., не считая погашенныхъ краткосрочныхъ обязательствъ, выпущен-

ныхъ въ 1906 г. и въ началѣ 1907 г. Если же принять и эти обязательства, уже теперь погашенныя, то общая совокупность исполненныхъ расходовъ 1906 г. составляетъ 3.298.000.000 р. По сравненію съ этой цифрой бюджетъ на 1907 г. представляется болѣе умѣреннымъ, почти на 375.000.000 р., если не считать краткосрочныхъ обязательствъ, и болѣе чѣмъ на 800.000.000 р., если принять къ учету эти обязательства. Я привожу эти валовыя цифры только для того, чтобы вамъ было болѣе понятно то общее заключеніе, къ которому я сочту себя обязаннымъ перейти въ своемъ мѣстѣ. Наиболѣе доказательно и характерно было бы и будетъ сравненіе двухъ бюджетовъ, если мы отдѣльно расмотримъ бюджетъ обыкновенный и бюджетъ чрезвычайный. Это правильно и даже совершенно необходимо, потому что самая природа обоихъ бюджетовъ совершенно различна. Если въ отношеніи бюджетовъ обыкновенныхъ мы давно уже побороли то зло, которое нѣкогда существовало въ нашей финансовой практикѣ, зло сверхсмѣтныхъ кредитовъ, и удовлетворяемъ потребности въ полномъ соотвѣтствіи съ придвидѣнной росписью, то по отношенію чрезвычайныхъ бюджетовъ мы этого не достигли. По дѣйствительно, исполненіе бюджета чрезвычайнаго по самому свойству своей природы всегда далеко отходитъ отъ привидѣнной росписи. Обыкновенный бюджетъ на 1907 г. по раздѣлу расходовъ составляетъ 2.173.000.000 р. Онъ выше обыкновеннаго бюджета 1906 г. на 140.000.000 р. Но для правильной оцѣнки этой цифры, которая могла бы быть принята какъ противорѣчіе высказаннаго мною общаго положенія, какъ противорѣчіе того, что правительство составляло свой бюджетъ при условіяхъ необходимой умѣренности, необходимо помнить, что въ бюджетѣ 1907 г. являются три статьи, о которыхъ нельзя не оговориться. Государственный долгъ, какъ послѣдствіе войны, выросъ по сравненію съ 1906 г. на 45.500.000 р. Расходы по экплоатаціи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ возрасли на 28.500.000 р., но изъ нихъ большая часть покрывается увеличеніемъ доходовъ. Операціонные расходы по винной монополіи увеличены на 41.000.000 р.;

но это увеличеніе съ избыткомъ и въ нѣсколько разъ компенсируется увеличеніемъ доходовъ отъ винной монополіи. Если сложить эти три статьи, въ отношеніи которыхъ правительство было связано невозможностью дальнѣйшаго ихъ уменьшенія, то вы получите въ итогѣ 106.000.000 р. и вы увидите затѣмъ, что по всѣмъ прочимъ вѣдомствамъ расходъ на 1907 г. увеличился только на 34.000.000 р. Еще болѣе убѣдительною будетъ доказательность умѣренности исчисленія, если мы попытаемся сравнить бюджетъ 1907 г. съ бюджетомъ того года, который за послѣднее время былъ послѣднимъ годомъ нормальной жизни Россіи, нормальной по условіямъ удовлетворенія потребностей государственнаго хозяйства. Я разумѣю годъ 1903. Я беру этотъ годъ сознательно. Въ два года войны, 1904 и 1905, нашъ бюджетъ былъ стѣсненъ до послѣднихъ предѣловъ. Все было принесено въ жертву одной, покрывавшей всѣ остальныя заботы, заботѣ объ удовлетвореніи расходовъ военныхъ. Всѣ потребности были сужены, все необходимое устранено, то, что допускало отсрочку, было отсрочено, все не неотложное было отложено. Вотъ почему я беру именно бюджетъ 1903 г., какъ бюджетъ болѣе или менѣе нормальнаго развитія нашей государственной жизни. Для того, чтобы сравненіе итоговъ 1907 и 1903 г.г. было правильно и не грѣшило элементарною и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно важною ошибкою, я беру три главныя, намѣченныя мною статьи и подставляю подъ бюджетъ 1907 г. цифры 1903 г.; я разумѣю государственный долгъ, какъ слѣдствіе войны; я разумѣю оборотные расходы казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и такіе же расходы по винной монополіи. Если же мы возьмемъ эту точку зрѣнія, то мы увидимъ, что бюджетъ 1907 года понижается на 191.000.000 р, потому что расходы по платежамъ долговымъ возрасли на 88.000.000 р., оборотные расходы казенныхъ дорогъ на 57.000.000 р., соотвѣтственно компенсированію доходовъ, такіе же расходы по винной монополіи на 45.000.000 р. Въ такомъ случаѣ бюджетъ 1907 г. сведется уже къ цифрѣ 1.972.000.000 р. и будетъ больше бюджета 1903 г. только

на 89.000.000 руб., изъ которыхъ почти половина, т. е. 39.000.000 р., приходится на долю одного военнаго вѣдомства. Для четырехлѣтняго промежутка въ жизни государства такое возрастаніе подтверждаетъ ту мысль, которую я предпослалъ по моимъ соображеніямъ, мысль объ умѣренности исчисленія расходовъ на 1907 г. Благоволите отмѣтить, что, не взирая на это, тѣмъ не менѣе въ бюджетѣ есть рядъ новыхъ расходовъ, каковы въ особенности расходы на нужды начальнаго образованія, увеличеніе расходовъ на переселеніе и на крестьянское землеустройство. Оговорюсь при этомъ, чтобы не выслушать упрека въ неточности, что такіе результаты сравнительно небольшого возрастанія расходовъ за четыре года могли быть достигнуты при томъ условіи, что по одному изъ вѣдомствъ, по причинамъ весьма понятнымъ и глубоко прискорбнымъ, оказалось возможнымъ достигнуть весьма значительныхъ сбереженій—я разумѣю вѣдомство морское, по которому бюджетъ 1907 г. составляетъ 81.000.000 р., тогда какъ въ 1903 г. онъ опредѣлялся въ 114.000.000 р. Это сопоставленіе даетъ мнѣ именно то право, съ котораго я началъ—право сказать, что правительство по своему крайнему разумѣнію, съ полнымъ сознаніемъ лежащаго на немъ отвѣтственнаго долга, сдѣлало все, что было въ его силахъ, для того, чтобы довести расходы обыкновеннаго бюджета въ 1907 г. до крайней умѣренности. Намъ скажутъ, быть можетъ, что тѣмъ не менѣе мы недостаточно оцѣнили тяжелыя условія, переживаемыя родиною, что тѣмъ не менѣе въ государственныхъ расходахъ есть много ненужнаго и, быть можетъ, излишняго. Пусть будетъ такъ. Критиковать вообще очень легко, особенно съ точки зрѣнія общихъ мѣстъ и помощью фразъ, которыя звучатъ иногда очень заманчиво и краснорѣчиво. Мы подождемъ, когда бюджетная комиссія опустится на самое дно бюджетнаго матеріала и когда она представитъ свое заключеніе и укажетъ намъ, не съ точки зрѣнія общихъ благопожеланій, а съ точки зрѣнія конкретныхъ основаній, въ чемъ именно не исполнили мы своей задачи, мы съ большею готовностью пойдемъ навстрѣчу этимъ указаніямъ, если они будутъ

доказательны. Скажу, однако, и теперь, что сокращать расходы государства вообще очень не легко, еще менѣе легко, чѣмъ въ доступной, быть можетъ, многимъ изъ васъ области — сокращеній въ вашемъ частномъ обиходѣ, когда приходится считаться съ обязанностями по отношенію къ другимъ, а тѣмъ болѣе тягостно, когда этотъ обиходъ и безъ того уже построенъ на началѣ должной умѣренности, и когда отъ многаго, не только нужнаго, но даже необходимаго, приходиться поневолѣ отказываться. Въ такомъ положеніи находимся мы, находится русское государственное казначейство. Сокращать принятыя на себя долговыя обязательства мы не можемъ; какъ послѣдствія войны, эти обязательства даже значительно выросли. Многія хозяйственныя операціонныя статьи удовлетворяются далеко не съ излишкомъ, и во всякомъ случаѣ сокращенія по нимъ очень часто могутъ сопровождаться крупнымъ сокращеніемъ доходовъ. Многіе расходы государства даже искусственно задержаны и безспорно требуютъ дальнѣйшаго расширенія; въ остальномъ сокращеніе въ расходахъ можетъ быть допущено не ранѣе, какъ будутъ пересмотрѣны законы, которыми эти расходы оправдываются, когда будутъ установлены новыя условія, новые порядки, допускающіе возможность обходиться съ меньшими затратами народнаго достоянія, если только такіе порядки будутъ дѣйствительно найдены. Такъ машина, поглощающая, быть можетъ, и лишнее топливо, требуетъ быть замѣненною новою, если на эту замѣну имѣются средства, или должна быть отремонтирована, когда это выгодно и возможно; но ранѣе, чѣмъ это будетъ исполнено, нельзя отказывать въ отпускѣ топлива. Было бы крайне неразумно, если бы, не довольствуясь работой этой машины, мы отказали бы въ топливѣ, а тѣмъ болѣе подошли и разбили бы эту неудовлетворяющую насъ машину ударами молота. Прибавлю еще ссылку на условія и порядки финансовъ въ другихъ странахъ, относящіеся къ той порѣ, когда, подобно намъ, круто и разомъ онѣ переходили отъ одного режима къ другому. Всегда и всюду раздавались жалобы на высоту расхода стараго времени и указывалось на необходимость ввести строжайшую бережливость во имя

блага народнаго; предлагались всевозможныя теорія о переустройствѣ финансовъ на совершенно новыхъ принципахъ и, какъ неизбѣжный результатъ, обѣщалось широкое удовлетвореніе вновь назрѣвшихъ широкихъ потребностей, а рядомъ съ этимъ обѣщалась отмѣна старыхъ налоговъ, лежащихъ на плечахъ несостоятельныхъ классовъ населенія, съ замѣною ихъ новыми, обременяющими только однихъ богатыхъ. Все это давнымъ-давно всѣмъ намъ извѣстно. Къ сожалѣнію, мѣткое выраженіе французской пословицы: „обѣщать одно, а исполнять совсѣмъ другое", нигдѣ не оправдывается болѣе ярко, какъ въ области финансовыхъ экспериментовъ. Въ этой области всего чаще сладкій сонъ заманчивыхъ обѣщаній смѣняется горькимъ пробужденіемъ. Обѣщанія даются, критика стараго развивается все съ большею и большею нетерпимостью, а государственные расходы все растутъ и растутъ, плательщикъ же, съ своей стороны, все ждетъ-не-дождется, когда наступитъ обѣщанное благополучіе, а тѣмъ временемъ все шире раскрываетъ свой кошелекъ подъ давленіемъ фиска. Дай Богъ, чтобы у насъ повторилось нѣчто иное, чтобы русское народное представительство показало всему міру иные пріемы: лично у меня имѣются по этому поводу весьма значительныя сомнѣнія. Перехожу теперь къ такому же краткому обзору чрезвычайнаго бюджета. Сравненіе текущаго года съ минувшимъ приводитъ къ такому же заключенію объ умѣренности этого бюджета. Вновь обращаю ваше вниманіе на то, что 1906 г. въ его дѣйствительномъ исполненіи чрезвычайныхъ расходовъ далеко отошелъ отъ предвидѣнія росписи. Съ этой точки зрѣнія можно быть если не увѣреннымъ, то по крайней мѣрѣ надѣяться, что 1907 г. не послѣдуетъ примѣру своего предшественника, и мы будемъ имѣть право сказать: тутъ была достигнута умѣренность уже по тому одному, что чрезвычайный бюджетъ 1907 г. меньше чрезвычайнаго бюджета 1906 г. почти на 180.000.000 р. Мнѣ скажутъ, конечно, что неправильно сравнивать годъ ликвидаціи войны съ годомъ, послѣдовавшимъ за нею. Но такое возраженіе будетъ также неправильно: ликвидація войны продолжается въ 1907 г., будетъ,

къ сожалѣнію, продолжаться еще и дальше. Но зато на 1907 г. бюджетъ занесъ вдвое больше чрезвычайныхъ кредитовъ на помощь населенію, пострадавшему отъ неурожая, чѣмъ кредитъ, занесенный въ бюджетъ 1906 г.; бюджетъ 1907 г. предусматриваетъ ликвидацію краткосрочныхъ обязательствъ въ суммѣ 52.000.000 р., чего вовсе не предусматриваетъ бюджетъ 1906 г., и если по чрезвычайному бюджету вы сравните роспись съ дѣйствительнымъ исполненіемъ 1906 г., то выводъ будетъ тотъ же, какъ и по обыкновенному бюджету: дѣйствительное исполненіе бюджета 1906 г. по чрезвычайнымъ расходамъ, не считая покрытыхъ краткосрочныхъ обязательствъ, составляетъ цифру 802.000.000 р., и, по сравненію съ этою цифрою, чрезвычайный бюджетъ 1907 г. меньше на 504.000.000 р., а если вы присчитаете покрытыя краткосрочныя обязательства, то дѣйствительно исполненные расходы минувшаго года составляютъ 1.246.000.000 р., и по сравненію съ ними итогъ 1907 г. ниже болѣе чѣмъ на 946.000.000 р. Эти цифры я прошу васъ удержать въ вашей памяти на тотъ случай, когда вы будете оцѣнивать общее заключеніе, къ которому я сейчасъ перейду. Но ранѣе, чѣмъ перейти къ этому общему заключенію, я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ по отношенію къ исчисленію государственныхъ доходовъ. Не стану останавливать вашего вниманія на томъ упрекѣ, который дѣлается мнѣ, какъ составителю бюджета на 1907 г., въ неправильности, именно въ преуменьшенности исчисленія обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ. Бюджетная комиссія изслѣдуетъ и этотъ вопросъ съ полнымъ безпристрастіемъ и глубиною, и мы найдемъ, вѣроятно, убѣдительныя для обѣихъ сторонъ данныя, которыя приведутъ насъ къ правильному рѣшенію, а такимъ правильнымъ рѣшеніемъ будетъ только то, которое постарается въ предѣлахъ, доступныхъ человѣческому предвидѣнію, предусмотрѣть дѣйствительно возможные къ ожиданію обыкновенные государственные расходы въ 1907 г. и постарается установить наиболѣе вѣроятные размѣры ихъ поступленій, памятуя, однако, всегда, что среди бюджетныхъ ошибокъ самая существенная, и которой, слѣдовательно, нужно всего

болѣе избѣгать, будетъ та, которая слишкомъ широко учтетъ доходы и подвергнетъ государственный бюджетъ наиболѣе опасному риску вѣроятнаго недобора. Выиграть можно разъ, выиграть можно и нѣсколько разъ, но строить твердые расчеты на постоянномъ и вѣрномъ выигрышѣ — значитъ подвергать себя чрезвычайно опасному разочарованію.

По отношенію къ исчисленію доходовъ бюджета и сбалансированію его съ государственными расходами правительство было поставлено также въ условія самыя трудныя. Вездѣ, когда правительству предстоитъ удовлетвореніе расходовъ, а тѣмъ болѣе встрѣчаются новыя потребности, а въ тоже самое время дѣйствующая налоговая система не даетъ необходимыхъ ресурсовъ, правительство обращается къ тѣмъ учрежденіямъ, въ которыя оно вноситъ свой бюджетъ, и заноситъ въ проектъ росписи предположенія о новыхъ налогахъ и новыхъ источникахъ дохода. Законодательныя учрежденія, разсматривая государственную роспись, параллельно и одновременно разсматриваютъ и эти предположенія. Но такой естественный путь закрытъ былъ для насъ для текущаго 1907 г. Правда, мы внесли на разсмотрѣніе Государственной Думы цѣлый рядъ предположеній, имѣющихъ своею цѣлью увеличеніе ресурсовъ казны и нѣкоторое исправленіе нашей налоговой системы, но мы давали себѣ вполнѣ ясный отчетъ, что, въ лучшемъ случаѣ, разсмотрѣніе и даже утвержденіе этихъ предположеній дастъ возможность государственному казначейству располагать новыми источниками для будущаго времени, а въ 1907 г. въ этихъ источникахъ мы не почерпнемъ пріумноженія ресурсовъ казны. Для текущаго года мы поставлены были въ необходимость ограничиться одними существующими налогами и вдвинуть всѣ обыкновенные государственные расходы въ общую совокупность ожидаемыхъ доходовъ на основаніи существующихъ законовъ о налогахъ. Намъ это удалось послѣ большихъ усилій, и въ этомъ обстоятельствѣ я вижу залогъ упроченія нашего финансоваго положенія. Обыкновенный бюджетъ сведенъ безъ дефицита, и мы встрѣчаемся съ недостаткомъ средствъ только для покрытія одныхъ

чрезвычайныхъ расходовъ. Какъ бы грозно ни звучало это иностранное слово „дефицитъ“, которое въ отношеніи нормальныхъ, обыкновенныхъ и постоянныхъ расходовъ означаетъ то же, что означаетъ болѣзнь въ живомъ организмѣ, т. е. разстройство и недугъ, требующіе тѣмъ болѣе глубокаго и упорнаго лѣченія, чѣмъ глубже внѣдрилась эта болѣзнь, мы должны отнестись къ этому явленію, однако, спокойно и дать себѣ отчетъ въ томъ, что дефицитъ, т. е. недостатокъ въ средствахъ, образовался только по чрезвычайному бюджету, и въ этомъ обстоятельствѣ еще нѣтъ ничего роковаго или зловѣщаго. Не стану отнимать вашего времени подробнымъ изложеніемъ научныхъ взглядовъ на значеніе дефицита, на тотъ вредъ, который онъ наноситъ государственному хозяйству, но обращу ваше вниманіе на то, на какіе именно предметы намъ не хватаетъ средствъ. Подчеркну еще разъ, что обыкновенныхъ средствъ не хватаетъ намъ для покрытія расходовъ чрезвычайныхъ; намъ не хватаетъ этихъ средствъ на продолженіе ликвидаціи войны; намъ не хватаетъ ихъ на оказаніе помощи населенію, пострадавшему отъ недорода; намъ не хватаетъ ихъ на продолженіе постройки новыхъ желѣзныхъ дорогъ. Я умышленно въ этомъ перечнѣ не упоминаю о погашеніи краткосрочныхъ обязательствъ, потому что остатки отъ реализованныхъ обязательствъ минувшаго года по своимъ размѣрамъ вполнѣ достаточны для покрытія этихъ потребностей. Для всѣхъ перечисленныхъ расходовъ обыкновенные доходы и не должны вообще служить источникомъ; тутъ по всей справедливости мѣсто именно для чрезвычайныхъ средствъ, и въ необходимости изысканія ихъ для этой цѣли я не вижу угрозы нашей финансовой устойчивости. Конечно, если бы наша казна была такъ обильна, что мы могли бы изъ обыкновенныхъ доходовъ покрыть всѣ расходы, въ томъ числѣ и чрезвычайные, я съ величайшею радостью встрѣтилъ бы на этотъ разъ такое отрадное явленіе, несмотря на то, что представители финансовой науки, быть можетъ, очень рѣзко и съ большою справедливостью осудили бы меня. Я успокоилъ бы себя тѣмъ, что послѣ совершеннаго огромнаго займа, послѣ столь

явнаго перенапряженія нашего государственнаго кредита нѣтъ лучшаго способа возстановленія этого кредита и укрѣпленія его, какъ временно вовсе не прибѣгать къ займу и дать кредиту отдохнуть. Но если этого нѣтъ, то и не станемъ слишкомъ мрачно смотрѣть въ глаза будущему и скажемъ себѣ, что всякое государство при подобныхъ условіяхъ должно было бы прибѣгнуть къ этому пріему и, прибѣгая, поступило бы совершенно правильно. Примите при этомъ, однако, во вниманіе, что, говоря о недостаткахъ средствъ на покрытіе чрезвычайныхъ расходовъ, сегодня, какъ и мѣсяцъ тому назадъ,—подписывая проектъ государственной росписи для внесенія въ Думу,—я имѣлъ въ виду, что размѣръ этого недостатка будетъ находиться въ прямой зависимости какъ отъ общаго итога государственныхъ расходовъ послѣ разсмотрѣнія Государственною Думою, такъ и въ особенности отъ дѣйствительнаго поступленія государственныхъ доходовъ. Затѣмъ позволю себѣ въ этомъ важномъ предметѣ подкрѣпить мои мысли авторитетнымъ голосомъ того великаго дѣятеля современной Франціи, Тьера, которому такъ многимъ обязана упорядоченіемъ финансовъ Франція. Еще въ 1831 г., на зарѣ своей блестящей политической карьеры, Тьеръ писалъ: «Дефицитъ есть невозможность покрыть обыкновенные расходы обыкновенными же доходами. Вездѣ и всегда говорятъ про дефицитъ только тогда, когда расходы обыкновенные, постоянные, повторяющіеся изъ года въ годъ, повышаются настолько, что обыкновенныя поступленія оказываются недостаточными. Но если государство принуждено производить расходы чрезвычайные, значительные, каковы расходы, вытекающіе изъ войны, лишь бы оно могло занимать и покрывать обыкновенными доходами нетолько обыкновенные расходы, но и проценты по займамъ, которые оно обязано было заключить, нельзя говорить, что государство находится въ дефицитѣ. Въ этомъ случаѣ правительство находится въ положеніи всякаго правильно функціонирующаго правительства, которое должно покрывать обыкновенные расходы обыкновенными доходами и которое оплачиваетъ займами чрезвычайныя издержки». Эти мысли въ теченіе 70 лѣтъ

повторяются и по сей день лучшими представителями финансовой науки.

Таковъ, господа, проектъ государственной росписи, внесенный на ваше разсмотрѣніе. Мое длинное и утомительное изложеніе было бы неполно, если бы я не оправдалъ его общею оцѣнкою, которую я считаю себя обязаннымъ сдѣлать по совѣсти, какъ лицо, поставленное волею Монарха вести въ настоящую трудную минуту это отвѣтственное и сложное дѣло управленія финансами. Бюджетъ 1907 г. идетъ непосредственно съ бюджетами трехъ самыхъ тяжелыхъ лѣтъ въ исторіи послѣдняго періода нашей жизни. Но онъ не стоитъ уже сейчасъ на пути тѣхъ недостатковъ, которые должны были бы по необходимости отразить въ себѣ бюджеты 1904—5—6 г.г. Мы снова вступили на путь внѣшняго мира, Богъ дастъ, продолжительнаго. Послѣдствія военныхъ невзгодъ уже не такъ крѣпко держатъ въ своихъ неумолимыхъ тискахъ государственное хозяйство. Будемъ надѣяться, что послѣ двухъ неурожайныхъ лѣтъ Господь пошлетъ облегченіе народу удовлетворительнымъ урожаемъ. Въ сферѣ чисто финансовой мы возвращаемся къ той порѣ, когда бюджетъ опять становится въ соотвѣтствіе съ уровнемъ потребностей государственной жизни, предусмотрѣнныхъ росписью, и не налагаетъ на правительство заботъ, заботъ тягостныхъ, изыскивать средства на покрытіе расходовъ внѣ предѣловъ росписи. Поэтому хочется вѣрить и надѣяться, что все тяжелое, мрачное осталось уже позади, и что въ бюджетномъ отношеніи мы приближаемся ко времени, болѣе нормальному и болѣе обезпечивающему столь необходимое для великаго государства устойчивое положеніе его финансовъ. Я хотѣлъ бы замѣнить слово „надѣяться“ болѣе бодрящимъ словомъ „увѣренность“ и сказать, что для того, чтобы эта увѣренность сбылась, нужно только одно—чтобы прекратилась смута, разслабляющая нашу родину, чтобы въ ней водворилось спокойствіе, которое дастъ каждому возможность, если только онъ желаетъ, приложить свои руки на нивѣ народнаго труда и знать, что ему дадутъ возможность трудиться спокойно и воспользоваться

плодами своего труда. Тогда вы увидите, господа, снова, какъ быстро возстановится нашъ пошатнувшійся кредитъ, какъ скоро вернутся наши финансы въ то положеніе, которое имъ принадлежитъ по праву, какъ финансамъ великаго государства, великой страны, обладающей неисчерпаемыми природными богатствами и имѣющей 150.000.000 трудолюбиваго даровитаго населенія. А вы, господа, впервые призванные къ отвѣтственному дѣлу - разсмотрѣнію бюджета, исполняя это новое для васъ дѣло, внесите вашу лепту въ великое дѣло исправленія и упорядоченія нашихъ финансовъ и приступите вмѣстѣ съ правительствомъ къ вашей сложной работѣ. Въ свою очередь, обращаясь къ Государственной Думѣ съ просьбою нынѣ же передать проектъ государственной росписи доходовъ и расходовъ на разсмотрѣніе избранной вами бюджетной комиссіи, я позволю себѣ закончить мое разъясненіе словами, которыя принадлежатъ не мнѣ, но подъ которыми, смѣю думать, подпишутся многіе. Внося на разсмотрѣніе палаты бюджетъ на 1906 г., бельгійскій министръ финансовъ писалъ:

„Управленіе финансами страны не можетъ быть дѣломъ какой либо партіи. Поле, открытое для политической борьбы, представляетъ слишкомъ много другихъ поводовъ для раздоровъ и нападеній, чтобы съ него не слѣдовало вовсе удалить то, что составляетъ общее достояніе всѣхъ гражданъ, достояніе, которому нельзя нанести сколько-нибудь чувствительнаго ущерба, не подвергая величайшей опасности кредитъ государственный и его процвѣтаніе“. *(Аплодисменты справа.)*

9. Министръ финансовъ.

Я прошу разрѣшенія Государственной Думы остановить на нѣсколько минутъ ея вниманіе, для того, чтобы сдѣлать объясненіе по поводу тѣхъ возраженій, которыя были высказаны отъ лица партіи народной свободы членомъ Государственной Думы Кутлеромъ. Я прошу разрѣшенія сдѣлать это теперь, потому что въ

концѣ своей рѣчи членъ Государственной Думы Кутлеръ объяснилъ, что вслѣдъ за нимъ отъ лица партіи народной свободы, по другому вопросу, или, вѣрнѣе, по другой грани этого вопроса, будетъ представлено объясненіе члена Думы Струве. Членъ Думы Кутлеръ подвергъ разсмотрѣнію бюджетъ и представилъ такой подробный обзоръ, что, думается мнѣ, въ интересахъ выясненія дѣла, а можетъ быть отчасти для экономіи времени, будетъ не безполезно, если я позволю себѣ тотчасъ же представить объясненія по той части этихъ разъясненій, которыя мнѣ кажутся въ извѣстной степени вытекающими изъ недоразумѣній, а кое въ чемъ страдающими даже неправильностями. Я старался, какъ могъ, внимательно, слушать всѣ эти разъясненія, можетъ быть, кое-чего не уловилъ, а можетъ быть кое-что неправильно усвоилъ, но, тѣмъ не менѣе, представлю свои объясненія въ томъ порядкѣ, въ какомъ сужденія были высказаны. Эти обсужденія касались какъ частнаго, такъ и общаго, что даетъ и мнѣ право коснуться какъ частнаго, такъ и общаго параллельно съ тѣмъ, что мною было выслушано. Членъ Думы Кутлеръ началъ свое изложеніе съ весьма снисходительнаго заявленія о томъ, что государственная роспись въ отношеніи расходовъ представлена, какъ было сказано, въ довольно приличномъ видѣ. Я не могу, конечно, не сказать, что и это снисходительное одобреніе представляется уже цѣннымъ для правительства, которое не привыкло даже и къ такимъ легкимъ похваламъ, но затѣмъ было сказано далѣе, что если у насъ существуетъ упорядоченіе въ классификаціи государственныхъ доходовъ, то нѣтъ такого упорядоченія въ классификаціи государственныхъ расходовъ. Членъ Думы Кутлеръ не усматриваетъ, на основаніи ли ст. 87 или на основаніи какого-либо другого закона внесена классификація Государственной росписи по расходамъ на уваженіе Думы, и заканчиваетъ, если я правильно понимаю, указаніемъ на то, что Государственная Дума свободна пересмотрѣть всю классификацію и исправить въ ней всѣ несовершенства, которыя были указаны, потому что и тутъ, рядомъ съ довольно приличнымъ видомъ классификаціи, имѣются, очевидно, весьма суще-

ственные дефекты. Спѣшу исправить довольно существенное, съ моей по крайней мѣрѣ точки зрѣнія, какъ составителя бюджета, недоразумѣніе. Классификація расходовъ ни законодательною властью, ни высшею властью никогда не утверждалась и не утверждена, а внесена какъ заключеніе административнаго характера, какимъ всегда были классификаціи расходнаго раздѣла государственной росписи. Далѣе члену Государственной Думы Кутлеру, по бывшей его практикѣ административной и, въ особенности, по многимъ годамъ участія въ составленіи смѣты, конечно, извѣстно, что именно классификація государственныхъ расходовъ никогда въ законодательномъ порядкѣ не закрѣплялась и, думаю, впредь закрѣпляема не должна быть, потому что дѣло это слишкомъ подвижно, слишкомъ зависяще отъ тѣхъ или иныхъ измѣненій государственнаго хозяйства, и эта подвижность носитъ въ себѣ то удобство, съ которымъ нельзя не считаться. Само-собой разумѣется, что если въ порядкѣ разсмотрѣнія бюджетной комиссіей будетъ сдѣлано компетентное указаніе на то, что желательно допустить тѣ или иныя измѣненія классификаціи въ видахъ болѣе яснаго и систематическаго расположенія, то это будетъ исполнено, но тутъ не мѣсто для законодательства, и смѣю завѣрить—ни статья 87, ни другія статьи къ этой части работы по бюджету примѣнены не были.

Переходя далѣе къ обзору росписи по существу, членъ Думы Кутлеръ выразился такъ: онъ видитъ огромный недостатокъ въ томъ, что пропущено цѣлое вѣдомство Императрицы Маріи. Когда мы говоримъ и употребляемъ слово „пропущено" мы должны употреблять его въ грамматическомъ его пониманіи; пропущено—значитъ не помѣщено то, что должно было быть помѣщено, иначе говоря, просто не исчислены доходы и расходы по вѣдомству Императрицы Маріи, и я устанавливаю, что это вѣдомство не пропущено, потому что государственная роспись съ 1862 г. включила и включаетъ по сей день обзоръ исчисленія доходовъ, составляющихъ принадлежность казны, и обзоръ расходовъ государственнаго казначейства. Вѣдомство же Императрицы Маріи,

имѣющее свои источники доходовъ, свою организацію, сложившуюся исторически, никогда въ составъ государственной росписи не включалось, и если это есть недостатокъ, то этотъ недостатокъ нужно будетъ еще восполнить въ порядкѣ законодательномъ, приведя и тѣ основанія, по которымъ нужно почитать, что эти обороты суть обороты государственнаго казначейства и, въ качествѣ таковыхъ, подлежать внесенію въ государственную роспись. До сего времени этого не было, а, слѣдовательно, говорить о пропускѣ намъ не приходится. Я ни однимъ словомъ не касаюсь существа предмета, не касаюсь и того, правильно ли, что ни одинъ контрольный чиновникъ не можетъ войти въ это вѣдомство, располагающее своимъ контрольнымъ аппаратомъ, или же, какъ было сказано по догадкѣ, что порядки въ этомъ вѣдомствѣ таковы, что они боятся свѣта. Я къ этому вѣдомству не принадлежу и ограничусь только заявленіемъ, что ни пропуска, ни опасенія свѣта здѣсь нѣтъ, а есть вопросъ по составленію бюджета въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ до сихъ поръ этотъ бюджетъ составлялся и въ какихъ будетъ составляться впредь до тѣхъ поръ, пока не будетъ измѣненъ законъ по этому предмету. Засимъ, переходя далѣе къ разсмотрѣнію частностей, замѣчу, что послѣ снисходительной похвалы, которая относилась къ проекту самой росписи, было сказано, что въ смѣтахъ, приложеніи къ росписи, въ томъ матеріалѣ, который принесенъ на уваженіе Государственной Думы, все — изъ рукъ вонъ плохо, все никуда не годится. Законовъ безчисленное количество; нѣкоторые расходы основаны на законахъ незаконныхъ, если можно такъ выразиться; многіе основаны на словесныхъ Высочайшихъ повелѣніяхъ по всеподданнѣйшимъ докладамъ министровъ, а затѣмъ имѣются законы, подъ которыми ссылки и цитаты 40-хъ годовъ. Отвѣчу на первую часть. Дѣйствительно ли расходы оправдываются законами незаконными? Это, мнѣ кажется, вопросъ такой, въ которомъ надо разобраться. Вотъ когда бюджетная комиссія все это разсмотритъ, когда она переберетъ по очереди всѣ основанія, которыя оправдываютъ расходы, внесенные въ смѣту, если дѣйствительно окажется, что многіе милліоны, можетъ быть десятки, а можетъ быть и

сотни милліоновъ рублей оправдываются словесными Высочайшими повелѣніями, по всеподданнѣйшимъ докладамъ состоявшимися, тогда мы дѣйствительно будемъ имѣть право сказать, что смѣты никуда не годятся, что онѣ основаны на такихъ началахъ, которыя не имѣютъ подъ собой твердости; до этого, думаю, дѣлать такое заключеніе было бы преждевременно, и во всякомъ случаѣ я бы хотѣлъ въ составѣ бюджетной комиссіи разсмотрѣть и эту сторону дѣла. Что же касается ссылокъ на архаичность тѣхъ законовъ, которыми оправдываются расходы, то это совершенно вѣрно. Я думаю, что если мы пересмотримъ основанія назначеній, то мы найдемъ даты не только 1843 г., а вѣроятно и болѣе ранняго времени. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Мы говоримъ о проектѣ государственной росписи, мы говоримъ о той совокупности, которую должны представить народнымъ представителямъ всѣ исчисленные расходы изъ государственнаго казначейства, или должны дать законодательному собранію то, что есть, хотя бы тотъ или иной расходъ, то или иное учрежденіе покоились на законѣ старомъ, и пока этотъ законъ не отмѣненъ, онъ долженъ быть примѣняемъ. Если среди нашихъ учрежденій имѣются учрежденія архаическія, то и расходы на содержаніе такихъ архаическихъ учрежденій могутъ только оправдываться тѣми архаическими цитатами, безъ которыхъ намъ никакъ обойтись нельзя. Когда Государственная Дума это разсмотритъ, когда на мѣсто архаическихъ законовъ поставитъ новые, тогда, быть можетъ, десятки, сотни тысячъ такъ-называемыхъ смѣтныхъ очистокъ или назначеній замѣнятся единицами или однимъ закономъ, который облегчитъ обозрѣніе будущаго смѣтнаго матеріала. Вторая часть критики, которая была представлена здѣсь, есть критика гораздо болѣе существенная, критика, относящаяся къ общей нашей налоговой системѣ, къ обзору нашихъ доходовъ. Цифры я приводить не буду, предполагая, что представитель партіи народной свободы, вѣроятно, приводилъ эти цифры только для общей ихъ характеристики. Эта часть критики, эта часть рѣчи предшествовавшаго мнѣ оратора распалась на двѣ части, къ которымъ отношеніе мое будетъ раз-

лично. Слушая первую часть критики нашей налоговой системы, я, именно, думалъ, что встрѣчу оправданіе того, что я упоминалъ во вступительной моей части. Вся эта критика сводится къ необходимости переломать всю нашу налоговую систему и замѣнить другой, замѣнить косвенные налоги другими и установить новый порядокъ. Вторая часть рѣчи члена Государственной Думы Кутлера въ значительной степени облегчила оцѣнку этого вопроса. Къ ней вполнѣ примѣнимо выраженіе пословицы: „страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ". И вотъ въ этой второй части уже послѣдовало указаніе на то, что нельзя обойтись безъ косвенныхъ налоговъ, нельзя замѣнить косвенные налоги прямыми, т.-е. какъ разъ то, о чемъ говоритъ и правительство. Слѣдовательно, я могъ бы въ данномъ случаѣ не говорить о первой части, если бы этой части не было отдано такъ много времени. Я не стану говорить о томъ проектѣ, который внесенъ, но не разсмотрѣнъ еще Государственною Думой, о проектѣ подоходнаго налога; правильно или неправильно считаетъ правительство, въ лицѣ министра финансовъ, возможнымъ извлечь изъ подоходнаго налога 40.000.000 руб.; возможно ли болѣе смѣло идти въ этомъ отношеніи? Все это къ дѣлу не относится и до бюджета 1907 г. не касается. Когда поступятъ на разсмотрѣніе Думы отдѣльные финансовые законопроекты, тогда мы и посмотримъ, какой изъ этого будетъ результатъ, и, вѣроятно, въ концѣ - концовъ, оправдается та часть возраженій предшествующаго оратора, въ которой, по счастью, мы съ нимъ какъ разъ сходимся, въ томъ, что систему налоговъ мѣнять не такъ легко, переходить отъ однихъ порядковъ къ другимъ нужно, по меньшей мѣрѣ, съ осторожностью. Вся эта критика была, конечно, необходима для того, чтобы показать какъ несовершенна наша налоговая система, какъ ложна та финансовая политика, которую ведетъ правительство, и, въ этомъ отношеніи приведены были повидимому убѣдительныя цифры и, какъ результатъ ихъ, приведено заключеніе, что едва 300.000.000 доходовъ уплачивается состоятельными классами, а 1.300.000.000, было сказано, уплачивается низшими классами населенія. Это такъ. О цифрахъ

мы не споримъ. Цифры требуютъ довольно подробнаго обзора, и представитель партіи народной свободы указывалъ на то, что могутъ быть разные методы исчисленія. Я принимаю на вѣру эти цифры и допускаю, что только 300.000.000 руб. уплачиваются классами состоятельными, а 1.300.000.000 руб. несостоятельными. Что изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ только одно: какъ малъ классъ состоятельныхъ людей въ Россіи и какъ много несостоятельныхъ! Но что съ этимъ дѣлать? Это, конечно, очень печально, что Россія не такъ богата, что не все населеніе состоятельно и не все населеніе можетъ принять на себя равномѣрное бремя. Опять-таки скажу, что бюджетъ изображаетъ то, что есть, а исправленіе есть дѣло будущаго, которое должно быть исполнено осторожно, внимательно, деликатно. Переломать все легко, критиковать еще легче, но создавать очень трудно. Далѣе слѣдовала третья часть. Это разборы государственныхъ расходовъ. Тутъ уже досталось всѣмъ, ни одно вѣдомство не было пощажено, ни одно вѣдомство не ведетъ правильно своего дѣла, и вездѣ злоупотребленія, нехозяйственность, неумѣлость. Дѣйствительно, какъ же можно подходить къ такому бюджету, когда онъ изображаетъ одни только несовершенства? Къ чему ни подойдешь — все дурно; ни одной свѣтлой стороны. Начинается съ казенной продажи питей; говорятъ, что извлекается изъ нея огромный доходъ государствомъ, но извлекается какъ? Подняли цѣну съ 5 р., которые вино стоило при акцизной системѣ, до 8 р. за ведро, и немедленно же получили 3 р. на ведро лишняго; распродавая 67—68—70 милліоновъ ведеръ, получаютъ лишнихъ 200.000.000—250.000.000 руб. А что же сдѣлано? Какъ это расходуется? И вотъ начинается обзоръ этихъ расходовъ, и съ легкимъ сердцемъ заявляютъ, что обзоръ расходовъ приводитъ только къ одному: все дурно, одна нехозяйственность, одна дороговизна, одно расточеніе государственнаго достоянія. Какъ это сказано легко! Вотъ посмотримъ, такъ ли это будетъ сказано бюджетной комиссіей, когда она разберетъ сама по косточкамъ все это дѣло; придетъ ли бюджетная комиссія къ тому же самому выводу, къ которому пришелъ представитель партіи

народной свободы? Пусть въ частной продажѣ вино стоило дешевле, но не потому, что частныя лица лучше вели приготовленіе вина, а по другимъ и болѣе сложнымъ причинамъ; говорить, конечно, можно, что явилась казна, и цѣна сразу стала выше, вмѣсто 1 р. 60 к. оно стоитъ 2 р. 40 к., потому что явились неимовѣрныя злоупотребленія по отношенію къ казнѣ со стороны поставщиковъ спирта, а правительство только смотритъ, какъ эти представители предъявляютъ назойливыя требованія, домогаясь непомѣрно высокихъ цѣнъ, стоитъ сложа руки. Какъ это справедливо и какъ это отвѣчаетъ истинѣ! Пусть будутъ разобраны всѣ отчеты по казенной продажѣ, пусть будетъ сказано, дѣйствительно ли эта продажа есть не что иное, какъ произволъ финансоваго вѣдомства и беззастѣнчивая эксплоатація поставщиковъ казеннаго спирта! Съ этой каѳедры, дѣйствительно, иногда произносятся слова, которыя произнести легко, но справедливы ли эти слова, отвѣчаютъ ли они дѣйствительности—это вопросъ совершенно другой. Я отвѣчу, что они несправедливы. Они несправедливы потому, что сравниваютъ цѣны выдѣлки вина у частныхъ поставщиковъ съ выдѣлкой вина у казны. При этомъ нужно быть очень осторожнымъ, нужно знать, о какихъ цѣнахъ говорятъ. Вѣроятно, докладчику было извѣстно, онъ такъ долго служилъ въ министерствѣ финансовъ и знаетъ, какая разница въ условіяхъ выдѣлки казеннаго вина; онъ знаетъ, что ни одна рюмка вина не проходила иначе, какъ при помощи ректификованнаго спирта; онъ знаетъ, что казна беретъ на себя доставку въ мѣста потребленія, какъ всѣ это знаютъ, и тѣмъ не менѣе, онъ объ этомъ заявлялъ. Позволю себѣ сказать, что это заявленіе потребуетъ, вѣроятно, въ бюджетной комиссіи нѣкоторыхъ подтвержденій, но скажу пока только одно, что предполагать, что казна и правительство, въ лицѣ агентовъ министерства финансовъ и лично министра финансовъ, стоятъ такими беззащитными по отношенію къ эксплоатаціи поставщиковъ спирта — это значитъ сказать нѣчто совершенно невѣрное. Казна борется и борется успѣшно. А если Россію постигъ двухгодовой недородъ, если пудъ ржи стоитъ теперь не то,

что онъ стоилъ прежде, то казна не имѣетъ права заставлять поставщиковъ спирта отдавать спиртъ даромъ или дешевле только потому, что она является монополистомъ, и внѣ казны некуда дѣвать этого спирта. Легко этотъ спиртъ обезцѣнить, да и то не всегда. Но нужно подумать и о сельскомъ хозяйствѣ, и о той промышленности, которая, по меньшей мѣрѣ, имѣетъ право на то, чтобы правительство трактовало ее справедливо. Пусть съ легкимъ сердцемъ говорятъ, что казна повысила только цѣну и ничего иного не сдѣлала, а просто взяла изъ народнаго достоянія послѣднюю копѣйку, которая есть у народа. Объ этой послѣдней копѣйкѣ я уже слышалъ очень давно; знакомился я съ переходомъ отъ откупной системы къ акцизу и, помню, читалъ нападки на акцизную систему, принадлежащія очень даровитому русскому человѣку, правда откупщику—Кокореву. И тотъ еще говорилъ въ началѣ 60-хъ годовъ, что народъ пропиваетъ послѣднюю копѣйку. И вотъ, съ Божьей помощью, все эта же послѣдняя копѣйка пропивается до сихъ поръ. Мы не изъ народнаго достоянія взяли эту копѣйку, а казна взяла и уменьшила доходы посредниковъ этого дѣла, и та часть доходовъ, которая теперь идетъ въ руки государства, шла прежде въ руки посредниковъ и продавцовъ. Говорятъ, далѣе—казенныя желѣзныя дороги никуда не годятся; строятся только однѣ стратегическія дороги, а для дорогъ, которыя нужны народу, ничего не дѣлаютъ. Эти дороги не провозоспособны: нѣтъ вагоновъ, нѣтъ паровозовъ, гніютъ товары, и ничего перевезти нельзя. Явился неурожай, явилась необходимость обратнаго движенія грузовъ—и вотъ оказалось, вся наша желѣзнодорожная сѣть не въ состояніи исполнить того, для чего ее строили. Такъ тоже критиковать легко, конечно, но надо знать, насколько эта критика отвѣчаетъ дѣйствительности. Можетъ ли такое великое государство, какъ Россія, обойтись безъ стратегическихъ дорогъ—это извѣстно члену Государственной Думы Кутлеру лучше, чѣмъ кому бы то ни было другому. Да, стратегическія дороги, дѣйствительно, приносятъ убытки, онѣ дороги, онѣ не оправдываютъ себя, но необходимость ихъ постройки не есть капризъ правительства;

если бы это былъ капризъ, легко было бы съ нимъ сладить. Это есть государственная потребность, а государственныя потребности требуютъ, чтобы имъ было дано удовлетвореніе. Если же желѣзныхъ дорогъ, нужныхъ для экономическаго развитія, не строятъ, такъ не потому, что не желаетъ ихъ строить правительство, а потому, что для постройки нужны деньги, а деньги доставать не легко, особенно, когда нужно быть умѣренными въ расходахъ. Легко ссылаться также на то, что явилось нагроможденіе грузовъ, товаръ гніетъ, но въ этомъ отношеніи есть отвѣтъ— если въ Германіи, Бельгіи или Франціи нарушается правильное движеніе желѣзныхъ дорогъ, и грузъ, который шелъ въ извѣстномъ направленіи, временно, въ силу исключительныхъ причинъ, передвигается въ другую сторону, является замѣшательство, оно явилось и у насъ. Откуда у насъ явилось замѣшательство? Было дѣйствительно время, лѣтъ 11—12 тому назадъ, если память мнѣ не измѣняетъ, когда были залежи на желѣзныхъ дорогахъ. Когда стала усиливаться казенная рельсовая сѣть, когда стала увеличиваться провозоспособность частныхъ желѣзныхъ дорогъ, дѣло стало улучшаться. До совершенства далеко, его нѣтъ на землѣ. Но тутъ наcталъ 1904 годъ, явилась война, которая потребовала огромное количество подвижного состава на Дальній Востокъ, явились залежи, но съ ними справились. Много ли сгнило хлѣба—не знаю; думаю, что его сгнило немного. Трудно сказать, чтобы то государство, которое вело войну въ продолженіе двухъ лѣтъ на разстояніи 9.000 верстъ отъ своей базы, чтобы это государство могло вести войну и оставить ненарушенными всѣ условія мирной жизни, въ томъ числѣ и желѣзной дороги; отъ нихъ оправиться нельзя въ короткій срокъ и, тѣмъ не менѣе, съ этимъ совладали. Вотъ начнется разсмотрѣніе продовольственной комиссіей отчета продовольственнаго дѣла, и тогда увидятъ, какое количество хлѣба было вывезено и въ какой срокъ; а если и были залежи, то потому, что иногда въ одно и то же время нужно провезти грузъ спѣшный, безъ котораго голодаетъ народъ, а другой грузъ долженъ подождать; онъ и долженъ ждать, съ этимъ дѣлать нечего, съ этимъ нужно

мириться и временно приходится такъ или иначе прилаживаться къ существующимъ условіямъ. Но не такъ ужъ плохи желѣзныя дороги, если онѣ все-таки совладали съ этой, почти нечеловѣческой, гигантской работой, съ которой онѣ, тѣмъ не менѣе, совладали. Всюду было во-время перевезено зерно для обсѣмененія осенью, и зерно для обсѣмененія весной, и даже продовольственный хлѣбъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ вопросъ требуетъ также большой разборки. Затѣмъ, послѣ этого обзора, сдѣланъ былъ обзоръ другихъ отраслей нашего управленія, гражданскаго управленія, и тутъ я, къ удовольствію своему, выслушалъ нѣкоторыя похвалы и нашему чиновничеству. Сказано было, что чиновничество наше вовсе ужъ не такъ плохо, какъ признано его называть. Слава Богу! Можно поблагодарить члена Государственной Думы Кутлера, что онъ помянулъ добромъ наше чиновничество, которое дѣлаетъ свое дѣло, ужъ не такъ-то широко оплачиваемое, а какъ оно дѣлаетъ это дѣло—это вопросъ, подлежащій обсужденію, конечно, внѣ бюджета. Прохожу мимо критики земскихъ начальниковъ и всѣхъ остальныхъ отдѣльныхъ расходовъ. Все это къ бюджету не имѣетъ прямого отношенія, потому что пока земскіе начальники существуютъ, пока они не замѣнены какимъ-нибудь другимъ учрежденіемъ, по необходимости приходится на нихъ отпускать деньги. Такимъ образомъ, мы подошли къ государственному долгу. Опять-таки и тутъ я выслушалъ очень мягкое заявленіе, за которое, конечно, могу только благодарить, что государственный долгъ Россіи, требующій ежегоднаго платежа въ 380.000.000 р., не такъ ужъ страшенъ, какъ онъ могъ бы казаться, но, тѣмъ не менѣе, онъ выше Франціи, онъ выше Англіи. Франція приближается къ нему, а населеніе, спрошу я, во Франціи? А исторія Франціи и Россіи послѣдняго времени? А та историческая роль, которую играла Россія даже по отношенію къ Западу, когда она принимала на себя разрѣшеніе историческихъ задачъ? Что же, это не отразилось на нашихъ долгахъ? Не платимъ ли мы до сихъ поръ долговъ, заключенныхъ въ началѣ нашего вѣка, когда мы являлись защитниками всей Европы? Одно дѣло платить долги въ 350.000.000 р.

въ годъ странѣ, у которой 45.000.000 населенія, и странѣ, у которой 150.000.000. Говорить о приумноженіи долговъ населенія, конечно, можно, но нужно говорить съ извѣстнаго рода справедливостью, съ оцѣнкой всѣхъ обстоятельствъ, которыя должны быть приняты во вниманіе. Далѣе, что я слышалъ? Я слышалъ, что весь этотъ долгъ, который мы ежегодно платимъ, это есть дань алчности нашихъ заимодавцевъ. Да, можетъ-быть, дѣйствительно, намъ приходится послѣднее время платить по нашимъ займамъ дороже, чѣмъ платятъ другіе, но почему? Отвѣтъ на это вы найдете не въ пресловутой алчности заимодавцевъ, а въ тѣхъ непорядкахъ, среди которыхъ мы живемъ, въ той смутѣ, которая нами владѣетъ (*шумъ; голоса справа:* вѣрно), въ томъ разстройствѣ, которое наблюдается. Нечего удивляться тому, что мы платимъ по нашимъ долгамъ больше, чѣмъ платятъ другіе, которые знаютъ, что они найдутъ деньги, потому что у нихъ въ странѣ спокойно, потому что у нихъ трудятся безмятежно, тогда какъ мы платимъ деньги, и въ то же самое время внутренній раздоръ разрываетъ насъ на мелкія части. Нѣтъ повода говорить объ алчности заимодавцевъ, а нужно сожалѣть о томъ времени, о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ мы должны считаться съ этой алчностью. Эта алчность далеко не такъ велика, какъ говорятъ. Не нужно забывать, что всѣ государства проходили извѣстный періодъ своей исторіи. Богатая Франція въ свою пору занимала изъ такого же высокаго процента, какъ мы. Мы заключили годъ тому назадъ заемъ, о которомъ такъ много говорятъ въ печати. Мы платимъ 6%, Франція платила 7%, Англія даже больше. Нашъ кредитъ упалъ, но упалъ и кредитъ Англіи, во время бурской войны онъ упалъ на 26 и 27%%, на который онъ упалъ и у насъ, но съ тою разницею, что въ Англіи были патріоты (*шумъ; голоса справа:* браво!), народные представители поддерживали его; у насъ во всемъ виновато правительство; его за это обвиняютъ, а платится за это, по необходимости, самъ народъ. (*Голоса справа:* браво!). Я перехожу къ концу. Мнѣ говорятъ, что бюджетъ 1907 г. невыгодно отличается отъ бюджета

1906 г. Тамъ есть расходъ на землеустроительныя комиссіи, которыя ничего не дѣлаютъ и пользы не приносятъ. Какъ легко заявлять, что онѣ ничего не дѣлаютъ и пользы не приносятъ! Дѣйствительно, критика общихъ положеній—очень легкая критика, но эти землеустроительныя комиссіи созданы силой закона, прибавлю, закона нормальнаго, закона прошедшаго, въ томъ порядкѣ, который въ то время существовалъ. Если вы ихъ отмѣните, то этихъ расходовъ не будетъ, но пока они имѣются, нужно отпускать деньги. Далѣе было указано, что расходы военнаго вѣдомства и морского—велики. По этому поводу было сдѣлано опредѣленное предложеніе Государственной Думѣ—уменьшить этотъ расходъ, пересмотрѣть смѣту военнаго и морского вѣдомствъ и дать правительству въ распоряженіе только то, что дать необходимо. Совершенно вѣрно. Надо пересмотрѣть и дать только то, что необходимо, но что необходимо государственной власти? Нужны тѣ средства, съ помощью которыхъ можно было бы содержать армію, армію сильную, армію, бодро стоящую подъ своимъ знаменемъ, армію, защищающую достоинство государства. Эти деньги надо дать, этихъ денегъ не могутъ не дать народные представители. (*Справа аплодисменты и возгласы:* «браво»). Теперь мы, наконецъ, перешли къ послѣдней статьѣ, статьѣ, въ которой было сказано о народномъ образованіи, статьѣ, которая была названа удовлетворяющей святую потребность. Но и тутъ оказалось все-таки темное пятно. Я выслушалъ подлинныя слова члена Думы Кутлера, я слышалъ, какъ онъ сказалъ о томъ, съ какой жадностью набросился онъ на толстую книгу смѣты министерства народнаго просвѣщенія, чтобы найти въ ней оправданіе этого расхода. Но что же онъ въ ней нашелъ? Онъ нашелъ только, что изъ 5.500.000 р. 90.000 р. ушли на какое-то постороннее назначеніе, сказалъ онъ, я далѣе,—сказалъ онъ,—не ознакомился еще съ проектомъ реформы начальнаго образованія, этотъ проектъ, вѣроятно, укажетъ мнѣ, куда ушли эти 90.000 р. Если это было сказано въ Государственной Думѣ, я думаю, что это было сказано для того, чтобы объяснить, что вѣроятно эти 90.000 р. ушли на какое-то другое дѣло, а не на

дѣло начальнаго образованія. Если бы мнѣ это сказалъ кто-нибудь другой, я бы на это и не отвѣчалъ, думая, что это пробѣлъ, недостатокъ знанія, но когда это говоритъ такой опытный составитель финансовыхъ смѣтъ, хотя и признаваемыхъ негодными, я могу только сказать, что онъ недостаточно внимательно просмотрѣлъ эту толстую книгу. Если бы онъ просмотрѣлъ ее внимательнѣе, онъ узналъ бы, куда ушли эти 90.000 р. Они отчислены въ пенсіонную кассу народныхъ учителей, такъ какъ всѣ 5.500.000 р. идутъ на то, чтобы увеличить содержаніе народныхъ учителей. Въ той же смѣтѣ указано, что 90.000 р. отчислены на пенсіонные вычеты въ томъ предположеніи, что Государственная Дума это одобритъ. Затѣмъ было сказано, что какая-то роковая цѣпь сцѣпленій скована только для того, чтобы все свести къ нулю. Нужны школы—ихъ нѣтъ, нужны учителя, ихъ нѣтъ, надо подготовить, а гдѣ же эта подготовка учителей? На учительскія семинаріи не дается ничего новаго. А почему? Потому что нужно ихъ строить. А почему не строятъ? Потому что нѣтъ денегъ. Дѣйствительно, какая роковая цѣпь, какъ это близоруко, какъ странно, какъ можетъ быть, скажу, хуже того, какъ необдуманно дѣйствуетъ правительство, которое проситъ у народнаго представительства 5.500.000 р. на усиленіе средствъ на начальное образованіе и не думаетъ объ усиленіи учительскаго персонала! Не такъ обстоитъ это дѣло: правительство внесло 5.500.000 р., но, приступая къ улучшенію народной школы, оно внесло въ проектъ—хорошъ онъ или худъ, вы разсмотрите въ свое время—оно внесло прежде всего то, что нужно, чтобы поднять обезпеченіе начальной школы, чтобы поднять содержаніе школьныхъ учителей, которое не даетъ возможности людямъ, любящимъ школу и молодое поколѣніе, свято исполнять свои обязанности. Вотъ для чего внесены эти деньги, а для увеличенія семинарій, расширенія учительскаго персонала и строительныхъ расходовъ еще настанетъ время тогда, когда Государственная Дума разсмотритъ все то, что внесено на ея разсмотрѣніе.

Теперь перехожу къ послѣдней части рѣчи, которая была прямо обращена ко мнѣ. Ко мнѣ были обращены три вопроса: зачѣмъ дѣлаетъ правительство краткосрочный заемъ, сказано было, въ декабрѣ 1906 г., когда знали, что государственные доходы поступаютъ такъ блестяще, какъ они поступаютъ? Какимъ образомъ, во-вторыхъ, правительство говоритъ объ увеличеніи государственныхъ доходовъ 1906 г. и объ остаткѣ 61.000.000 р., когда оно же перенесло на 1907 г. 32.000.000 руб. расходовъ 1906 г.? Третій вопросъ—справедливы ли газетные слухи о томъ, что за государство расплачивается государственный банкъ, и нѣтъ ли опасности для устойчивости нашего обращенія? Спѣшу отвѣтить на эти вопросы. Я потому и просилъ слова теперь, чтобы устранить это впечатлѣніе, потому что эти вопросы обращены ко мнѣ, и я благодаренъ за нихъ. Только тутъ есть нѣкоторая хронологическая неправильность и неточность цифры, которую я хотѣлъ бы исправить. Я хотѣлъ бы думать, что эти неточности есть результатъ недостатка знанія. Краткосрочный заемъ былъ заключенъ не въ *декабрѣ* 1906 г., а въ *октябрѣ* этого года. Это разница очень большая. Въ октябрѣ, въ началѣ его, мы не знали, въ какомъ размѣрѣ поступятъ государственные доходы, и за три мѣсяца—октябрь, ноябрь и декабрь—могли ли мы думать о томъ, что въ теченіе этихъ мѣсяцевъ мы получимъ избытокъ доходовъ противъ поступленія 1905 г. на 120.000.000 р.? Мы этого не знали. Имѣло ли право правительство,—прошу извинить за грубое выраженіе,—кормить собакъ тогда, когда надо ѣхать на охоту? Нѣтъ, оно этого права не имѣло. Мы не могли этого ждать, потому что мы знали, что Россія находится въ положеніи тяжеломъ, вслѣдствіе недорода, но мы знали, что въ октябрѣ и ноябрѣ наступалъ срокъ для погашенія тѣхъ же обязательствъ, заключенныхъ ранѣе 1905 г. и въ началѣ 1906 г. Мы знали, что въ концѣ 1906 г. или въ началѣ 1907 г. государственному казначейству будетъ предъявленъ счетъ за содержаніе нашихъ военноплѣнныхъ въ Японіи въ 47.000.000 р., и зная это, имѣли ли мы право не подготовиться, имѣли ли мы право встрѣтить неожиданно эти по-

требности съ пустыми руками. Нѣтъ, мы этого не сдѣлали и никогда не сдѣлаемъ. *(Справа голоса:* браво, браво). Спрашиваютъ меня далѣе, на какомъ основаніи мы перенесли на 1907 г. 18.000.000 р. по винной монополіи и 14.000.000 р. по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ, когда это составляетъ расходъ 1906 г. Въ одной части членъ Думы Кутлеръ допустилъ крупное недоразумѣніе. Да, 18.000.000 р. мы перенесли платежей съ 1906 на 1907 г. Зачѣмъ? Потому, что у насъ существуетъ по обыкновеннымъ расходамъ правильный бюджетный распорядокъ. Правильный бюджетный распорядокъ говоритъ: сколько бы въ казну ни поступило доходовъ при существованіи раздѣльности доходовъ и расходовъ, мы не имѣемъ права брать изъ доходовъ, мы должны брать только то, что назначено въ смѣтѣ расходной. Когда мы получили новые 88.000.000 р. дохода отъ винной монополіи, они поступили полностью на счетъ казны, но они поступили потому, что было продано больше вина, а для этого нужно было купить спиртъ, очистить, разлить, развести и продать, нужно было произвести расходъ, а на расходъ кредита не было, мы должны были отложить до 1907 г. платежи, потому что иначе поступить не могли. Мы считали противнымъ правильному кассовому порядку произвести сверхсмѣтные расходы, и за это насъ не слѣдуетъ осуждать, а нужно быть безпристрастнымъ и сказать, что мы поступили правильно. Затѣмъ послѣдняя часть заявленія о 14.000.000 р. на желѣзныя дороги,—меня очень удивляетъ. Меня спрашиваютъ: «Какіе это 14.000.000»? А вотъ какіе—тѣ, которые изъ года въ годъ, съ давнихъ поръ, вносятся кредитомъ на перерасходъ по желѣзнымъ дорогамъ. Смѣта составляется, какъ извѣстно, съ расчетомъ на доходы, и если поступаетъ больше, то весь доходъ поступаетъ въ казну. Когда сводятся счеты и оказывается, что въ смѣтѣ является перерасходъ, тогда неизбѣженъ кредитъ на покрытіе его. И такъ изъ года въ годъ дѣлается, и въ кредитѣ 1906 года ничего новаго не было, а было повтореніе того, что было раньше и безъ чего наши желѣзныя дороги не могутъ обойтись. Вотъ, когда мы будемъ брать деньги прямо изъ дохода и покрывать

ими расходы, тогда, выражаясь грубо—пиши, пропало. Тогда не будетъ единства кассы, не будетъ устойчивости бюджета. Можетъ-быть, вамъ этого угодно? Печать говоритъ о томъ, что государственный банкъ платитъ въ государственное казначейство. Мало ли что говоритъ печать! Я отвѣчу члену партіи народной свободы, члену Думы Кутлеру: государственный банкъ не учитываетъ никакихъ векселей и обязательствъ казначейства по винной монополіи и не покрываетъ расходовъ казны. Расходы казны покрываются изъ кредитовъ, которые ассигнуются по смѣтѣ, а если для желѣзныхъ дорогъ является необходимость открыть кредитъ, то онъ открывается и новаго ничего не дѣлается сравнительно съ тѣмъ, что дѣлалось много лѣтъ къ ряду. Разъ въ началѣ года, въ теченіе 6—7 недѣль, государственный банкъ допускаетъ возможность открыть кредитъ для поставщиковъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ по платежамъ, по которымъ у поставщиковъ имѣются полученія отъ казны, то это онъ дѣлаетъ безъ нарушенія, и нѣтъ повода говорить, что 1906 или 1907 годы въ этомъ отношеніи создали что-нибудь новое. Говоря о бюджетѣ, не слѣдуетъ возбуждать вопроса о государственномъ банкѣ, и если возникнутъ такіе вопросы о государственномъ банкѣ, на которые министръ финансовъ долженъ будетъ дать отвѣтъ, онъ его дастъ съ полнымъ сознаніемъ лежащаго на немъ долга, а до того я могу только завѣрить васъ, что государственное казначейство не одолжалось у банка, и устойчивость нашей денежной системы покоится на твердыхъ основаніяхъ.

10. Предсѣдатель Совѣта Министровъ.

Господа! Я не буду долго утруждать ваше вниманіе. Я вхожу на каѳедру въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ лишь для того, чтобы сдѣлать маленькую поправку къ рѣчи члена Думы Николая Николаевича Кутлера. Рѣчь эту я слушалъ съ особымъ вниманіемъ, и то, что я скажу, является результатомъ внимательнаго отношенія къ рѣчи г. Кутлера. Я полагалъ, что разсмотрѣ-

ніе бюджета въ Государственной Думѣ есть одно изъ самыхъ существенныхъ ея правъ. Результатомъ его должно быть пролитіе свѣта на такія тѣневыя стороны бюджета, выясненіе которыхъ ожидается отъ Государственной Думы. Я полагаю, что рѣчь Кутлера должна пролить этотъ свѣтъ еще и потому, что у него не можетъ быть тайнъ въ бюрократическомъ мірѣ, въ которомъ онъ такъ долго служилъ. Слушая его рѣчь, я остановился на одномъ его упрекѣ, а именно: „Въ то время, говоритъ Кутлеръ, когда манифестомъ Государя Императора была дарована полная свобода слова и свобода печати, въ то самое время министерство внутреннихъ дѣлъ увеличило окладъ начальника главнаго управленія по дѣламъ печати и его помощника“. Кажется, не ошибаюсь. Это было сказано именно такъ (*голоса справа*: „да, да“). Я долженъ сказать, что замѣчаніе это вызвало со стороны членовъ Государственной Думы и аплодисменты и смѣхъ. Противъ этого я ничего не имѣю. Смѣхъ—прекрасное оружіе и ...ъ, въ особенности для правительства, и я думаю, что можно смѣяться надъ человѣкомъ или учрежденіемъ, если они ставятъ ...я въ смѣшное положеніе. Было ли въ данномъ случаѣ такое положеніе? Было бы, если бы замѣчаніе члена Думы Кутлера было ...овано на фактахъ. Это условіе особенно важно для серьезной ...ли, основанной на предварительномъ изученіи вопроса, не могущей не произвести впечатлѣнія, загладить которое не всегда возможно, не имѣя подъ руками документовъ. Въ теченіе получасового перерыва мнѣ трудно было провѣрить достовѣрность сказаннаго, но я, все-таки, это сдѣлалъ и теперь могу сказать, что утвержденія г. Кутлера не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Другого выраженія я не могу подобрать. Ни начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, ни одинъ изъ служащихъ никакой прибавки къ содержанію не получили. (*Аплодисменты справа*). Я докажу это документами. Штаты главнаго управленія по дѣламъ печати существуютъ съ 1862 года. Бывшій начальникъ главнаго управленія, по Высочайшему повелѣнію, вмѣсто прибавки въ 3.000 р., которые онъ получалъ къ своему содержанію, получилъ

8 августа 1902 г. 3.000 р. квартирныхъ. Эти деньги ассигновывались изъ суммъ «Правительственнаго Вѣстника», и отпускъ ихъ былъ продолженъ и теперешнему начальнику главнаго управленія по дѣламъ печати 1 апрѣля 1905 г., т.-е. до манифеста 17 октября. Помощника у начальника главнаго управленія нѣтъ, поэтому прибавки содержанія некому было и дѣлать. (*Аплодисменты и смѣхъ на правыхъ скамьяхъ*). Остальные служащіе удовлетворяются по штату 1862 г., и такъ какъ штаты эти весьма незначительны, то они получа добавочное содержаніе изъ суммъ «Правительственнаго Вѣстника» по 150.000 р. въ годъ. Такъ было въ 1902, 1903, 1904 годахъ. Но такъ какъ эти суммы «Правительственнаго Вѣстника» были обращены на другіе расходы, то эти именно 150.000 р. были внесены въ 1907 г. въ общегосударственную смѣту. Знать это господину Кутлеру слѣдовало бы, такъ какъ перенесеніе кредита въ общую смѣту было произведено тѣмъ Совѣтомъ Министровъ, председателемъ котораго я не былъ, но членомъ котораго состоялъ г. Кутлеръ. (*Смѣхъ на правыхъ скамьяхъ*). Здѣсь былъ нанесенъ ввѣренному мнѣ вѣдомству ударъ сильный и смѣлый, но пришелся онъ, во-истину—„не по коню, а по оглоблямъ." (*Въ залѣ движеніе, на правыхъ скамьяхъ смѣхъ и аплодисменты*).

11. Министръ Финансовъ.

Прибывъ въ сегодняшнее засѣданіе, я имѣлъ въ виду спокойно слушать всѣ тѣ возраженія, которыя будутъ сдѣланы по поводу внесеннаго проекта государственной росписи, и отвѣтить на нихъ разомъ, впослѣдствіи. Я не имѣлъ въ виду возражать на отдѣльныя замѣчанія, которыя были бы высказаны съ той или иной стороны. Я полагалъ, судя по тому, что было поставлено на повѣсткѣ тому назадъ два дня, что разсмотрѣнію подлежитъ вопросъ о дальнѣйшемъ разсмотрѣніи Государственною Думою въ порядкѣ, для того закономъ установленномъ, внесеннаго мною

проекта государственной росписи. Въ такомъ направленіи велись пренія во вторникъ, въ такомъ направленіи начались онѣ сегодня. Но отъ этого направленія только что говорившій передо мною ораторъ, заявившій себя представителемъ польской партіи, сдѣлалъ весьма существенное отступленіе: съ вопроса о бюджетѣ онъ сошелъ на вопросъ совершенно посторонній. Я, какъ представитель правительственной власти, не считаю себя въ правѣ молчаливо пройти мимо этого заявленія и почитаю себя обязаннымъ отвѣтить нѣсколькими словами на то, что было слышано здѣсь, словами, не имѣющими ничего общаго съ программой по поводу бюджета, поднявшими вопросы, которые, можетъ-быть, будутъ разсмотрѣны своевременно Государственной Думой, но, вѣроятно, будутъ разсматриваться въ условіяхъ иной подготовки и иной постановки. Вотъ по этому только соображенію, что предыдущій ораторъ затронулъ вопросы, ничего съ бюджетомъ общаго не имѣющіе, что онъ воспользовался этимъ поводомъ для того только, чтобы высказать тѣ мысли, которыя были высказаны, произнести тѣ слова, которыя были произнесены, я считаю себя въ правѣ и даже обязаннымъ отъ имени правительства отвѣтить на то, что было высказано, для того, чтобы попытаться вести дальнѣйшіе бюджетные дебаты въ отмежеванныхъ имъ предѣлахъ и отвѣтить вамъ на тотъ призывъ, который мы только что слышали, во имя польской національности и въ ущербъ русскому самосознанію, въ отвѣтъ на брошенное здѣсь заявленіе о томъ, что вы имѣете враговъ и угнетателей національностей. Ничего подобнаго нѣтъ, и въ бюджетѣ объ этомъ нѣтъ рѣчи. Говорить, отвѣчать на отдѣльныя слова, я себѣ не позволю: ниже достоинства правительственной власти отвѣчать на заявленіе о томъ, что бюрократическій строй — врагъ народа. Здѣсь нѣтъ враговъ народа, здѣсь есть представители власти, которые призваны волею Монарха слушать то, что принесутъ сюда представители народа, и, по мѣрѣ крайняго своего разумѣнія, стараться найти средства и способы, чтобы отвѣтить на заявленныя нужды и исполнить этимъ свой долгъ передъ нашимъ Монархомъ и передъ нашей родиной. (*Аплодисменты справа*).

Въ рѣчи предыдущаго оратора былъ, однако, затронутъ вопросъ, подъ предлогомъ найти связь его съ бюджетомъ — вопросъ о польской автономіи, развивалась мысль объ автономномъ польскомъ сеймѣ, провозглашалась борьба съ правительствомъ, борьба упорная—пока не будетъ завоевано провозглашенное равноправіе. Этотъ вопросъ не имѣетъ никакой связи съ бюджетомъ. Слѣдовъ этой связи нѣтъ и въ рѣчи депутата. Онъ спрашиваетъ, гдѣ въ бюджетѣ отраженіе того участія, которое принимаютъ угнетаемыя національности окраины въ русской культурной жизни, гдѣ тѣ средства, которыя идутъ въ бюджетѣ на пользу культурнаго процвѣтанія страны, той части нашей страны, представителемъ который былъ только что сошедшій съ трибуны ораторъ. Мы говоримъ, господа, о проектѣ государственной росписи доходовъ и расходовъ, и если угодно знать—есть другое мѣсто, другой путь для вашего же разсмотрѣнія, путь менѣе интересный, можетъ-быть, чрезвычайно сухой — матеріалъ, который называется кассовымъ отчетомъ министерства финансовъ. И вотъ тогда вы увидите, тогда вы поймете, когда вы разсмотрите то мѣсто, которое занимаетъ польская окраина, польская національность въ русскомъ государственномъ бюджетѣ, вы узнаете, сколько доходовъ поступаетъ въ общую сокровищницу казны съ этой окраины, и сколько обще-народнаго русскаго достоянія идетъ на эту окраину. (*Апплодисменты справа*). Вы узнаете, что въ общія средства россійской казны доходовъ съ польской окраины, съ польскихъ мѣстностей поступаетъ меньше, чѣмъ расходуется на нее. Русскій народъ, тотъ народъ, который со временъ Ивана Калиты собралъ около Москвы сильное государство, этотъ народъ до сихъ поръ несетъ многіе десятки и сотни тысячъ на культурную жизнь польскихъ окраинъ. (*Шумъ слѣва, справа апплодисменты и крики:* браво). Польская окраина живетъ культурной жизнью, тою, которая васъ не удовлетворяетъ. Вы говорите о томъ, что тамъ только одно угнетеніе, что тамъ пылаютъ костры, тамъ убійства ежедневныя. Польская окраина развилась за русскимъ рубежемъ. Россія построила тотъ рубежъ, который ее оградилъ

отъ иноплеменныхъ странъ. Россія дала возможность развиться фабричной промышленности и всей той культурѣ, которою славится теперь польскій край. (*Слѣва смѣхъ*). Если и содержитъ Россія тамъ много войскъ, то войска эти нужны для того, чтобы оградить и польскую окраину, какъ часть русской великой державы. (*Аплодисменты справа*). Тутъ нѣтъ того мѣста, на которое позволяютъ себѣ указывать, возбуждая попутно и бюджетный вопросъ, ничего съ нимъ общаго не имѣющій, здѣсь нѣтъ вражескаго стана, какимъ вы называете правительство. Настанетъ время, и болѣе спокойнымъ образомъ я отвѣчу на всѣ тѣ соображенія, которыя я сегодня услышалъ о разсмотрѣніи бюджетныхъ правъ Государственной Думы. Можетъ-быть, найдутся болѣе спокойныя слова для отвѣта на этотъ предметъ, но нельзя не отвѣтить сразу на призывъ къ вѣчной борьбѣ, какъ было сказано, до тѣхъ поръ, пока культурные элементы польской національности не займутъ того мѣста, которое было отмежевано. Объ автономіи и самостоятельномъ сеймѣ, о равноправіи національностей, будто бы угнетаемыхъ, будемъ говорить въ иное время. Очевидно, эта тема потребовалась только для того, чтобы указать опять на угнетенія, возбудить новые, жгучіе вопросы, отвести общественную мысль отъ того центра, на который она должна быть теперь направлена. Не на угнетеніе той или другой національности идутъ государственныя средства, а на то, чтобы содержать государственный механизмъ, чтобы руская государственная власть не останавливалась, чтобы она шла по тому пути, который ей завѣщанъ исторіей. Идти по этому пути безъ средствъ государственная власть не могла до сихъ поръ, не можетъ допустить этого и впредь. (*Аплодисменты справа*).

12. Министръ Финансовъ.

Несмотря на то, что съ лѣвой стороны я слышу выраженія неудовольствія на то, что я желаю сдѣлать разъясненія, я дол-

женъ исполнить эту обязанность, хотя бы она была кому-нибудь непріятна. Эту обязанность мнѣ тѣмъ легче исполнить, что предыдущій ораторъ поставилъ почти всю свою рѣчь на ту чисто дѣловую почву, стоя на которой можно объясняться спокойно, и если я отнимаю время, то прошу въ этомъ извиненія всей Государственной Думы, не исключая и тѣхъ членовъ, которымъ мое появленіе непріятно. Это я дѣлаю потому, что тогда, когда дѣлаются разъясненія дѣловыя, когда мы слышимъ подробныя фактическія объясненія съ цифрами въ рукахъ въ предѣлахъ вопроса, я думаю, что исполнительная власть должна представить свои объясненія, особенно тогда, когда она видитъ, что въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ эти дѣловыя разъясненія представляютъ дѣло не такъ, какъ оно есть, и вызываютъ одобренія, вытекающія не изъ вполнѣ правильнаго освѣщенія. Эта власть должна имѣть право отнять ваше время, оговариваюсь, гораздо меньшее, нежели то, которое было посвящено предыдущимъ ораторомъ на то, чтобы разъяснить то, что не требуетъ разъясненія: а въ этомъ случаѣ я думаю, что то время, которое тратится на разъясненіе дѣловое и спокойное, хотя бы это вызывало и неудовольствія, есть затрата производительная. Членъ Государственной Думы Жуковскій, примыкая къ тому, что сказалъ Стецкій, заявилъ, что ему извѣстно, что въ государственномъ банкѣ существуетъ даже спеціальное предположеніе установить повышенный учетный процентъ для польскихъ губерній, и сказано это было, очевидно, для того, чтобы подтвердить существованіе того направленія угнетенія въ извѣстную сторону, о которомъ говорилъ предыдущій ораторъ. Я позволю себѣ на обращеніе, ко мнѣ сдѣланное, отвѣтить и сказать, что я съ большимъ удовольствіемъ представлю разъясненіе. Ни въ государственномъ банкѣ, ни у министра финансовъ, ни у кого въ министерствѣ финансовъ предположеній объ установленіи спеціальныхъ повышенныхъ дисконтныхъ процентовъ для польскихъ мѣстностей и губерній не было и не имѣется. Возникли предположенія о необходимости подвергнуть разсмотрѣнію вопросъ о нашемъ денежномъ обращеніи за послѣднее время. Возникъ вопросъ о

томъ, не должны ли быть, въ видахъ исправленія денежнаго обращенія, приняты нѣкоторыя мѣры въ сферѣ дисконтной политики. Государственнымъ банкомъ и со стороны авторитетовъ, къ министерству финансовъ не принадлежащихъ, были заявлены мысли о желательности установить дисконтный процентъ, различный для различныхъ мѣстностей Имперіи, отнюдь не различный для одной лишь польской окраины. Были предположенія о томъ, что торговыя условія отдѣльныхъ мѣстностей вызываютъ необходимость дисконтной политики, согласованной съ этими условіями. Заявлены были мысли, отъ которыхъ въ теченіе 10 лѣтъ министерство финансовъ систематически отходило и постоянно поддерживало единую дисконтную политику на пространствѣ всей Имперіи. Такія мысли были заявлены, повторяю, не со стороны министерства финансовъ или лицъ, къ этому вѣдомству принадлежащихъ. На заявленныя мысли министерство финансовъ, управляющій государственнымъ банкомъ и министръ финансовъ отвѣтили въ настоящее время отрицательно и находятъ такого рода предположенія нежелательными. Другая часть рѣчи, чисто дѣловая, была посвящена изложенію подробныхъ доводовъ, доказывающихъ неправильность веденія государственнаго хозяйства, тѣхъ двухъ отраслей, которыя всего ярче отражаютъ на себѣ веденіе государственнаго хозяйства и тотъ путь, по которому идетъ правительственная власть въ этомъ отношеніи. По первой части, относительно желѣзныхъ дорогъ, я позволяю себѣ времени не отнимать: это не сфера компетенціи министерства финансовъ, и для того, чтобы быть доказательнымъ противъ заявленія такого опытнаго и столь много времени отдавшаго на изслѣдованіе этого дѣла лица, какъ членъ Думы, только что сошедшій съ каѳедры, нужно болѣе компетентное освѣщеніе нежели мое. Я сберегаю ваше время и думаю, что настанетъ иная пора, когда бюджетъ удостоится передачи въ бюджетную комиссію и гдѣ будутъ разобраны всѣ цифры. Если онѣ окажутся вѣрны, министръ путей сообщенія найдетъ возможность поучиться тѣми указаніями, которыя будутъ даны. Если въ сферѣ ихъ есть недоразумѣнія, они будутъ исправлены. Но еще больше

времени было посвящено области, которая подвѣдомственна мнѣ, какъ министру финансовъ, скажу больше — подвѣдомственна мнѣ лично. Въ концѣ своей рѣчи ораторомъ было указано, что дефекты въ сферѣ государственнаго хозяйства начинаютъ замѣчаться съ той поры, какъ талантливые руководители и создатели той или иной отрасли государственнаго хозяйства отошли въ сторону, а ихъ замѣнили ихъ преемники,—нужно понимать, и это совершенно естественно и справедливо,—менѣе талантливые и менѣе одаренные. Въ той области, на которую было сдѣлано указаніе, такого рода ссылка нѣсколько грѣшитъ неправильностью. Несостоящіе болѣе въ настоящее время руководителями этой отрасли казеннаго хозяйства—винной монополіи—болѣе одаренные и болѣе талантливые государственные люди руководили, къ сожалѣнію, этой отраслью хозяйства съ самаго начала. Внеся въ законодательныя учрежденія проектъ установленія винной монополіи и проведя его въ законодательномъ порядкѣ, эти авторитетные руководители финансовой политики, въ силу естественныхъ условій и даже въ силу необходимости вѣдать всею отраслью сложнаго финансоваго управленія, должны были передовѣрить веденіе будничнаго хозяйства своимъ сотрудникамъ, тѣмъ самымъ менѣе талантливымъ и даровитымъ сотрудникамъ, которымъ и нынѣ приходится держать въ своихъ рукахъ это дѣло. Такимъ образомъ, тотъ дефектъ, который замѣчается—пониженіе доходности государственнаго хозяйства, если оно существуетъ,—есть результатъ не замѣны даровитыхъ лицъ менѣе даровитыми, а есть результатъ дѣятельности однихъ и тѣхъ же лицъ и результатъ условій, которыя не являются тождественными на пространствѣ времени и мѣста. Нужно, конечно, доказать только, дѣйствительно ли это такъ, дѣйствительно ли государственное хозяйство въ этомъ отношеніи падаетъ и даетъ поводъ дѣлать тѣ выводы, которые дѣлаются. Смѣю думать, что гораздо будетъ полезнѣе и гораздо меньше мы потратимъ времени, если предоставимъ разбираться въ этомъ дѣлѣ меньшему составу, 33-членной бюджетной комиссіи или даже 4—5-членному, изъ состава ея, отдѣлу, который будетъ разбирать ту или другую от-

дѣльную финансовую смѣту. Но подробныя соображенія, здѣсь высказанныя, заслуживаютъ нѣкотораго поясненія. Тутъ вѣдь было указано на такія частности этого дѣла, которыя, повидимому, указываютъ на нѣкоторое недомысліе руководителей этой сложной операціи и на то, что существуетъ какая-то переправка дорогого спирта въ мѣстности съ болѣе дешевымъ сырымъ матеріаломъ. Я слѣдилъ за тѣмъ впечатлѣніемъ, которое производитъ тѣ или иныя слова на господъ членовъ Думы. Эта мысль вызывала улыбки одобренія. Дѣйствительно, въ какихъ же рукахъ находится многомилліонное государственное хозяйство, когда дѣятели его не знаютъ даже той элементарной истины, что перевозить дорогіе продукты въ тѣ мѣстности, гдѣ можно имѣть ихъ по болѣе дешевой цѣнѣ, это такой пріемъ государственнаго хозяйства—если бы онъ существовалъ въ дѣйствительности,—который заслуживалъ бы болѣе жестокой критики, чѣмъ выслушанная мною, ибо въ выслушанной мною критикѣ были очень лестныя мысли, указывающія не только на честность, но, въ прежнее время, и на хозяйственность этой операціи. Выводъ только не совсѣмъ точный. Говорилось, что хозяйственность падаетъ. Этого нѣтъ. Рядомъ со смѣтой существуютъ другіе документы. Эти документы составляютъ предметъ гласности. Здѣсь у меня имѣется съ собой отчетъ по винной монополіи за 1905 г., который сопоставляетъ въ сравнительномъ изложеніи данныя отчетовъ за 1903 и 1904 г.г., и любознательному изслѣдователю этой сложной хозяйственной статьи даетъ полную возможность вникнуть во всю глубину цифръ и сдѣлать выводы. Если заглянуть въ этотъ отчетъ, то выводъ получится не тотъ, что хозяйственность падаетъ, а тотъ, что она увеличивается. Экономическія условія 1905 г. всѣмъ извѣстны. Они были хуже экономическихъ условій 1904 г.; тѣмъ не менѣе, по даннымъ, которыя были приведены и помѣщены въ смѣтѣ, указывается, что средняя стоимость вина равна не 2 р. 29 к., какъ это было въ 1904 г., а равна 2 р. 25 к. т.-е. является улучшеніе на 4 к. Не въ 4-хъ копейкахъ, однако, дѣло. Рядомъ съ этими отчетными данными приводится, что стоимость основного матеріала

спирта поднялась въ 1905 г. на 5 копеекъ, также, какъ она поднялась въ 1904 г., и, тѣмъ не менѣе, вся стоимость понизилась, а если дать отчетъ, почему поднялась стоимость спирта, то на это отвѣтъ очень простой: потому, что на рынкѣ хлѣбъ въ 1905 г. стоилъ дороже, чѣмъ въ 1903 г., а если вы это сосчитаете, то увидите, что это дало сбереженіе почти 9 к. на ведро, а это составляетъ во всей хозяйственной статьѣ почти 6.500.000 руб. Говорятъ, далѣе, что существуетъ такая организація хозяйства, которая ведетъ къ тому, что изъ дорогихъ губерній перевозятъ въ дешевыя спиртъ. Этого, господа члены Государственной Думы, на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Спиртъ вывозится, несомнѣнно, но почему вывозится? Въ составѣ членовъ Государственной Думы имѣются, и притомъ не на однѣхъ только правыхъ скамьяхъ, а и на другихъ, люди, которые довольно близко знакомы съ организаціей дѣла казенной продажи и съ условіями, на которыхъ она покоится. Они знаютъ, что существуетъ законъ, который гласитъ— это основное начало—что $^{2}/_{3}$ всего того спирта, который нуженъ казнѣ, долженъ быть взятъ по разверсткѣ тамъ, гдѣ онъ выкуренъ, а его нужно затѣмъ направлять туда, гдѣ является потребность въ винѣ. Очень многимъ лицамъ, близко стоящимъ къ дѣлу, извѣстно, что винокуреніе распредѣляется по Россійской Имперіи далеко неравномѣрно. Винокуренные заводы возникали сами собой, возникаютъ и теперь, и законъ далъ преимущество винокуренной промышленности еще 13 лѣтъ тому назадъ, когда вводилась казенная продажа вина, установивъ, что $^{2}/_{3}$ спирта, необходимыя для казны, предоставляются по разверсткѣ винокуреннымъ заводчикамъ, а казна взяла на себя обязанность взять спиртъ, если послѣдуетъ согласіе между казною и заводомъ, за ту цѣну, которая назначена по разверсткѣ. И вотъ, когда количество этого собраннаго по разверсткѣ спирта въ одной мѣстности превышаетъ потребность той же мѣстности въ готовомъ винѣ для потребленія, его нужно перевезти туда, гдѣ винокуренія нѣтъ или оно крайне малое. Я укажу для доказательства двѣ губерніи столичныя— Московскую и Петербургскую. Въ Московской губерніи не имѣется

ни одного винокуреннаго завода, не выкуривается ни одной капли вина. Нужно же перевезти туда спиртъ, и онъ везется оттуда, гдѣ есть излишекъ, прежде всего по разверсткѣ. Въ такомъ положеніи находится и другая столичная губернія, въ которой вы въ настоящее время находитесь, гдѣ, если винокуреніе есть, то оно опредѣляется всего въ 200,000—300,000 ведеръ. Потребленіе Петербургской губерніи составляетъ почти 3,500,000—4,000,000 ведеръ. Вотъ почему спиртъ перевозится изъ одной мѣстности въ другую. Съ этою мыслью я долженъ связать разъясненія на сдѣланный мнѣ вопросъ о томъ, имѣется ли у правительства контроль на мѣстахъ, съ тѣмъ, чтобы получить то, что нужно въ порядкѣ огражденія интересовъ народныхъ. Отвѣчу на этотъ вопросъ: да, имѣется, достаточный или нѣтъ—вопросъ вашего суда въ ту пору, когда вы будете разбирать вопросъ о необходимости измѣненія закона винной монополіи. Въ прошлый разъ, отвѣчая на аналогичный вопросъ, на аналогичное обвиненіе, я позволилъ себѣ сказать: не такъ беззащитно правительство, какъ кажется. Несомнѣнно правильно указаніе существующей тенденціи повышать цѣны на спиртъ. Да, существуетъ борьба, и она ведется правительствомъ, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, въ зависимости отъ условій экономическихъ. Тамъ, гдѣ потребность на спиртъ велика, тамъ давленіе на правительство и казну будетъ нѣсколько выше. До сихъ поръ мы боремся и иногда мы достигаемъ успѣха; средства для борьбы существуютъ; опять-таки сошлюсь на нѣкоторыхъ членовъ Государственной Думы, которые лучше меня отвѣтятъ и, вѣроятно, вызовутъ болѣе довѣрія къ своимъ словамъ и объяснятъ, что не такъ просто домогаться въ министерствѣ финансовъ непремѣннаго повышенія цѣнъ, какъ это могло бы быть желательно въ отдѣльныхъ случаяхъ винокуреннымъ заводчикамъ. Послѣднее заявленіе, заявленіе программное, указывающее на желательность децентрализаціи казеннаго хозяйства—вопросъ очень сложный, чрезвычайно важный. Скажу только одно, что самый призывъ государственною властью народныхъ представителей къ участію въ зако-

подательствѣ и всѣ тѣ предположенія и соображенія, которыя правительство излагало передъ вами и которыя, вѣроятно, въ той или иной формѣ получатъ въ свое время осуществленіе—они возымѣютъ свое дѣйствіе и въ сферѣ вопросовъ государственнаго хозяйства. Я думаю, что это вопросъ сложный, и къ нему слѣдуетъ подходить осторожно, изучая и прилаживая тѣ или иныя мысли къ потребностямъ государственной жизни.

13. Министръ Финансовъ.

Законченныя пренія и предстоящее рѣшеніе Государственной Думой вопроса о томъ направленіи, которое признано будетъ наиболѣе соотвѣтственнымъ дать порядку разсмотрѣнія бюджета на 1907 г., побуждаетъ меня высказать нѣкоторыя соображенія, думается мнѣ, не совсѣмъ излишнія. Считаю себя обязаннымъ заранѣе предупредить гг. членовъ Государственной Думы, что въ томъ поясненіи, которое я сейчасъ представлю, я пройду мимо всѣхъ тѣхъ замѣчаній, скажу даже болѣе, нападокъ, которыя были сдѣланы и направлены лично противъ меня. Настоящій вопросъ и та работа, которой должна заниматься Государственная Дума, не должны служить предметомъ тѣхъ или иныхъ разъясненій личнаго характера. Точно также я не стану касаться многихъ частныхъ замѣчаній; ихъ было высказано такъ много, они имѣли иногда характеръ настолько противорѣчивый, иногда настолько дробный, что для того, чтобы отвѣчать на нихъ, мнѣ понадобилось бы потратить и отнять у васъ если не такія же четыре дня, какія заняли предварительныя сужденія, то во всякомъ случаѣ нѣкоторое, довольно немалое, количество часовъ времени. Сберегая ваше время и считая, что для этого гораздо больше подходящею ареною явится именно детальная разработка въ составѣ бюджетной коммиссіи, я этихъ замѣчаній частныхъ касаться не стану. Но въ числѣ

этихъ замѣчаній имѣется два, на которыя я не могу не отвѣтить не только потому, что они представляются замѣчаніями весьма серьезными, что они были высказаны по поводу соображеній, которыхъ я оставить безъ отвѣта не могу, но еще и потому, что одно изъ нихъ имѣетъ, думается мнѣ, для самой работы бюджетной комиссіи значеніе весьма, существенное. Первое изъ этихъ замѣчаній касается той критики, которую я выслушалъ, частью находясь въ залѣ засѣданій Государственной Думы, частью въ тотъ день, когда меня здѣсь не было и не было не потому, чтобы я не хотѣлъ быть, но потому, что я не могъ, о чемъ, впрочемъ, было, справедливо указано съ этой каѳедры. Я разумѣю то замѣчаніе, которое было высказано по поводу возраженія моего, сдѣланнаго относительно. такъ, называемой, народной копейки. Мнѣ вмѣнено въ вину, какъ представителю правительственной власти, чуть ли не пренебрежительное отношеніе къ народной копейкѣ. Это замѣчаніе и эта оцѣнка въ глубокой степени несправедливы и являются, по меньшей мѣрѣ, не вытекающими изъ того сомнѣнія, которое я высказалъ въ своемъ мѣстѣ; я отнесся отрицательно не къ народной копѣйкѣ, а къ тому заявленію, которое было сдѣлано, что податная система, усвоенная въ настоящее время правительствомъ, извлекаетъ изъ народа послѣднюю копейку. Вотъ къ этому только заявленію относилось мое отрицательное отношеніе. Напрасно была мнѣ вмѣнена въ вину та точка зрѣнія, которую я на самомъ дѣлѣ не имѣлъ никогда и имѣть, конечно, не буду до тѣхъ поръ, пока я буду стоять въ томъ или иномъ соприкосновеніи съ отечественными финансами. Здѣсь, въ этомъ залѣ, было уже справедливо указано, и притомъ не мною, что винная монополія, какъ способъ взиманія питейнаго налога, не заслуживаетъ обвиненія въ томъ, что ею извлекается послѣдняя копейка, точно также, какъ несправедливо говорить, что народное хозяйство терпитъ огромный ущербъ оттого, что податная система вся основана на направленіи правительства въ сторону спаиванія народа. Говорить это можно, но нужно говорить съ извѣстнаго рода осторожностью. Здѣсь было указано и обращено на это вниманіе въ тотъ день, когда меня

не было, что русскій народъ несетъ въ видѣ питейнаго налога вовсе ужъ не такъ много, какъ это могло быть представлено. Пропиваетъ русскій народъ, тратитъ деньги на предметъ потребленія спиртныхъ напитковъ вовсе не такъ много, какъ тратятъ другія страны, но къ сожалѣнію, онъ тратитъ ихъ не такъ, тратитъ ихъ въ такихъ условіяхъ, которыя являются условіями, парализующими его богатство. Это все вѣрно, но это не потому, что существуетъ та или иная система взиманія доходовъ, а существуетъ это съ давняго времени, и причина этого явленія кроется въ условіяхъ, гораздо болѣе глубокихъ и такихъ, которыя измѣнить или перевернуть помощью той или иной системы взиманія налоговъ не по силамъ человѣческимъ. Второе изъ частныхъ замѣчаній, на которое я не могу не отвѣтить, и которое, по моему мнѣнію, имѣетъ значеніе даже для работъ бюджетной комиссіи и притомъ значеніе, думается мнѣ, не второстепенное, касается обращеннаго ко мнѣ съ самаго начала нашихъ преній замѣчанія, когда я только что кончилъ мое предварительное объясненіе 20 марта. Замѣчаніе было сдѣлано по вопросу о классификаціи государственной росписи. Членъ Государственной Думы Кутлеръ указывалъ на непонятность того порядка, въ которомъ этотъ вопросъ разрѣшается, на неизвѣстность, на основаніи какой статьи закона, 87 или какой-либо иной, составлена государственная роспись съ точки зрѣнія вопроса о классификаціи, и указалъ на то, что неизвѣстно, въ какомъ порядкѣ и въ какихъ условіяхъ можетъ быть исправлена и измѣнена эта классификація. Этого вопроса коснулся, если память мнѣ не измѣняетъ, членъ Думы Струве, но въ минувшую пятницу этотъ вопросъ получилъ совершенно своеобразное направленіе. При разсмотрѣніи и выясненіи тѣхъ соображеній, которыя были высказаны съ другихъ скамей, если я правильно понялъ, однимъ изъ представителей трудовой группы, вопросъ пошелъ гораздо дальше. Отвѣтъ, который въ прошлую пятницу былъ мною данъ члену Государственной Думы Кутлеру, какъ лицу, компетентность котораго для меня не представляла сомнѣнія, отвѣтъ, который поэтому былъ облеченъ мною въ краткую, суммарную форму, — въ этомъ отно-

нечія вина лежитъ очевидно исключительно на мнѣ, такъ какъ я далъ слишкомъ краткій отвѣтъ и не далъ того объясненія, которое мнѣ казалось излишнимъ и которое мнѣ теперь кажется нужнымъ, — этотъ отвѣтъ былъ обращенъ рѣзко противъ меня и послужилъ даже поводомъ открыто заявить въ Государственной Думѣ, что министръ даетъ объясненія передъ Государственной Думой, не согласныя съ тѣмъ, о чемъ онъ пишетъ, что онъ позволяетъ себѣ давать объясненія передъ членами Государственной Думы, которымъ не слѣдуетъ вѣрить. Я позволяю себѣ указать на это для того, чтобы быть болѣе доказательнымъ. Чтобы память мнѣ не измѣнила, я могу даже прочитать то мѣсто, къ которому относится мое возраженіе, а именно, въ стенографическомъ отчетѣ засѣданія 23 марта мы читаемъ слѣдующее: «онъ, — т.-е. министръ финансовъ, — къ величайшему нашему удивленію отвѣтилъ, что эта классификація даже не должна быть установлена путемъ закона; при ближайшей повѣркѣ оказалось, что это заявленіе совершенно не соотвѣтствуетъ тому, что было въ дѣйствительности», т.-е. другими словами, что министръ финансовъ — сказалъ неправду, а затѣмъ въ доказательство того, что министръ финансовъ сказалъ неправду, сдѣлана еще ссылка на страницы 1, 3, 14 объяснительной записки къ росписи, которая внесена на ваше уваженіе, и приведено указаніе на то, что въ этой запискѣ министръ финансовъ говоритъ о классификаціи государственной росписи, какъ о законѣ, а вамъ онъ даетъ указанія, что это не законъ, а нѣчто другое. „Можно ли вѣрить такому министру финансовъ?“ — закончилъ ораторъ свою рѣчь въ засѣданіи 23 марта. Не потому, конечно, что я считаю себя обязаннымъ взывать къ народному довѣрію — довѣріе пріобрѣтается не тѣми или иными объясненіями и заявленіями, а довѣріе пріобрѣтается дѣйствіями и поступками, — но потому что, если ужъ упрекать министра финансовъ или представителя правительственной власти въ томъ, что онъ говоритъ невѣрно, что онъ говоритъ не то, что отвѣчаетъ дѣйствительности, а тутъ сказано, даже „завѣдомо невѣрно“, а завѣдомо невѣрно на простомъ языкѣ называется ложью, то надо быть весьма

осторожнымъ, и нужно дѣлать очень точныя ссылки на тѣ аргументы, которыми такіе приговоры и такія заявленія подтверждаются. Позволяю себѣ указать, что ссылка, сдѣланная на объяснительную записку на страницахъ 1, 3, 14, никакого отношенія къ дѣлу не имѣетъ. На этихъ страницахъ о классификаціи государственной росписи не сказано ни одного слова. На этихъ страницахъ говорится о смѣтныхъ правилахъ, говорится о смѣтныхъ законахъ. Смѣтныя правила есть дѣйствительно законы, а не что либо другое. Вотъ о чемъ говорится на страницахъ 1, 3, 14. Этимъ я и ограничусь для того, чтобы сказать, что легко сдѣлать ссылку на неправильныя объясненія того или другого органа правительственной власти, легко, конечно, подорвать довѣріе къ этому представителю правительственной власти. Не трудно пустить стрѣлу, которая несетъ на своемъ острiѣ тяжелое несправедливое обвиненіе. Стрѣла эта летитъ чрезъ раскрытыя окна и далеко разноситъ недобрую славу. Но одно дѣло—пустить стрѣлу правильно, а другое дѣло — пустить ее несправедливо, и тогда, когда она пущена по такому ложному направленію, то она должна по необходимости вернуться назадъ къ тому, кто ее пустилъ. По существу дѣла, по вопросу о томъ, что такое классификація государственной росписи, я, къ сожалѣнію, долженъ отнять у васъ нѣсколько минутъ времени, такъ какъ это достойно вашего вниманія. Именно это не есть законъ, какъ я позволилъ себѣ сказать 20 марта во время моихъ первыхъ возраженій на сдѣланное замѣчаніе. Я сказалъ тогда суммарно и недостаточно подробно, теперь же долженъ пояснить и доказать, чтобы въ этомъ отношеніи по крайней мѣрѣ не оставалось сомнѣній. На обращенные ко мнѣ вопросы о томъ, на основаніи какой же статьи закона утверждена та классификація, по которой нынѣ распредѣляются государственные расходы — а это дѣло очень важное: распредѣлить государственные расходы на 400—500 или большее количество номеровъ,—я отвѣчу слѣдующее. Вопросъ о классификаціи составляетъ дѣйствительно предметъ очень существенный, потому что дѣйствующіе законы ставятъ въ зависимость отъ классифи-

каціи и отъ распредѣленія государственныхъ расходовъ самый порядокъ производства этихъ расходовъ. Чѣмъ больше будетъ параграфовъ и номеровъ, тѣмъ уже будетъ каждый параграфъ, тѣмъ уже будетъ то право распоряженія, которое, въ предѣлахъ этихъ рамокъ, закономъ представлено исполнительной власти. Но я отвѣтилъ тогда же, отвѣчу и теперь, что не на основаніи 87 статьи, которая даетъ Совѣту Министровъ право въ промежутокъ, когда Государственная Дума не дѣйствуетъ, издавать временные законы, составлена эта классификація; и не на основаніи какого либо Высочайшаго повелѣнія, какъ было сказано въ отвѣтъ на мое замѣчаніе, когда я объяснилъ, что 87 статья тутъ не заинтересована. Мнѣ сказали тогда: это все равно, все равно рѣшенія Совѣта Министровъ утверждаются Высочайшею властью и имѣютъ характеръ закона. Нѣтъ, господа, это не все равно; независимо отъ того, что не всѣ рѣшенія Совѣта Министровъ утверждаются Высочайшею властью, это рѣшеніе есть рѣшеніе, имѣющее характеръ акта управленія. Я объяснялъ это тогда, и на это мнѣ было возражено, къ сожалѣнію, неправильно. Я объяснялъ, что и по существу дѣла государственная роспись, опять таки оговариваюсь, не смѣтный законъ, который былъ въ данномъ случаѣ приведенъ неизвѣстно для чего, а классификація расходной росписи въ законодательномъ порядкѣ не утверждалась. Также неправильно было сдѣлано заявленіе въ томъ же засѣданіи 20-го марта членомъ Государственной Думы Кутлеромъ о томъ, что съ 1862 г. классификація государственныхъ расходовъ оставалась неизмѣненной. Смѣтныя правила 22 мая 1862 г. впервые установили у насъ правильный такъ-называемый смѣтный распорядокъ. Эти правила объемлютъ собою не классификацію государственной росписи, они объемлютъ собою правила составленія, утвержденія и исполненія финансовой смѣты и государственной росписи. Они представляются закономъ, въ высшей степени важнымъ, тѣмъ закономъ, которому въ настоящее время соотвѣтствуютъ въ извѣстной части законы основные. Въ другомъ смѣтномъ законѣ отъ 8 марта 1906 г. и затѣмъ въ тѣхъ же

старыхъ правилахъ отъ 22 мая 1862 г., которыя до сихъ поръ существуютъ въ тѣхъ своихъ частяхъ, въ которыхъ они не отмѣнены основными законами и правиломъ 8 марта, о немъ при изданіи смѣтнаго закона 8 марта 1906 г. о классификаціи росписи и смѣтъ, какъ твердо установленномъ законодательномъ постановленіи, вовсе не упоминается. Къ правиламъ 22 мая 1862 г. была приложена классификація государственныхъ доходовъ и государственныхъ расходовъ, но она просуществовала весьма недолго. Уже въ 1866 г. Государственный Совѣтъ въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, усмотрѣвъ, что составленная такимъ путемъ государственная роспись, съ точки зрѣнія своей классификаціи, представляетъ весьма значительное практическое неудобство, мнѣніемъ, Высочайше утвержденнымъ 17 января 1866 г., положилъ: представить министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями сохранять въ точности установленныя Высочайше утвержденныя 22 мая 1862 г. правила о порядкѣ классификаціи смѣтныхъ назначеній и по главнымъ подраздѣленіямъ, при необходимости же измѣненія ихъ, не входя съ особымъ каждый разъ представленіемъ, вводить въ случаѣ надобности таковыя измѣненія по соглашенію съ министерствомъ финансовъ и государственнымъ контролемъ, въ ежегодныя финансовыя смѣты съ надлежащей оговоркой всѣхъ допущенныхъ измѣненій въ самой смѣтѣ. Изъ этого вы изволите видѣть, господа, что 4 года спустя послѣ изданія смѣтныхъ правилъ, именно 40 лѣтъ тому назадъ, законъ предоставилъ министрамъ и главноуправляющимъ вносить измѣненія въ классификацію государственной росписи, требуя лишь, чтобы они оговаривали объ этомъ въ смѣтѣ; такъ они и поступали. Поэтому, неправильно здѣсь было заявлено, что съ 1862 г. классификація остается неизмѣнной. Она измѣнялась очень часто, измѣнялась по тому самому соображенію, которое я позволилъ себѣ привести въ моемъ возраженіи 20 марта, потому что государственная жизнь, условія управленія, потребности государственнаго хозяйства требуютъ такой подвижности, которая вызываетъ необходимость именно такихъ измѣненій

въ классификаціи, которыя, при неподвижности законодательныхъ нормъ, представляются совершенно ненужно стѣснительными. Отступленіе отъ этого было допущено въ 1891 г. только въ отношеніи классификаціи государственныхъ доходовъ, которое и было утверждено въ законодательномъ порядкѣ, а классификація расходовъ никакому утвержденію никогда не подвергалась. Я тогда же указывалъ и теперь повторяю, что стоитъ только перечислить всѣ отдѣльныя измѣненія въ строѣ нашего управленія, всѣ учрежденія, которыя на пространствѣ сорока лѣтъ возникали, всѣ измѣненія въ условіяхъ нашей жизни, которыя были произведены, чтобы понять, до какой степени классификація 1862 г. была постепенно измѣняема и измѣнялась, и понять это именно для того, чтобы устранить тѣ смѣлыя, скажу прямо несправедливыя, возраженія, которыя были сдѣланы по отношенію ко мнѣ, въ томъ смыслѣ, что я позволилъ себѣ давать объясненія Государственной Думѣ, неправильныя и незаслуживающія довѣрія. Это, конечно, говорить легко, въ особенности, когда дается характеристика представителя правительственной власти, и тѣмъ болѣе легко, что впечатлѣніе произведено, а опроверженій многіе и не прочитаютъ. Отъ этихъ частныхъ объясненій перехожу теперь къ существу дѣла. Я долженъ пояснить, что я считаю существенными въ этомъ отношеніи и нуждающимися въ моемъ освѣщеніи только три вопроса, на которые и позволяю себѣ отвѣтить, не затрудняя долго вашего вниманія. Существомъ дѣла я разумѣю высказанную въ очень рѣзкой формѣ критику и упреки, предъявленные лично ко мнѣ, но въ сущности относящіеся ко всему правительству, упреки въ томъ, что, внося первый разъ на разсмотрѣніе народнаго представительства проектъ бюджета, мы не представили картины того направленія, которому мы будемъ слѣдовать, не представили тѣхъ общихъ условій, тѣхъ широкихъ штриховъ, которымъ должно быть подчинено наше государственное хозяйство и наша финансовая система—это первый вопросъ. Второй вопросъ представляетъ упомянутый съ моей стороны и вызвавшій продолжительныя пренія вопросъ о бюджетныхъ правахъ Государственной

Думы, и третій вопросъ—о томъ направленіи, которое желательно дать внесенному мною проекту государственной росписи. Только этихъ трехъ вопросовъ я и коснусь въ моихъ объясненіяхъ. Если бы я попытался независимо отъ этихъ трехъ вопросовъ коснуться тѣхъ безчисленныхъ замѣчаній, соображеній, пожеланій, которыя были здѣсь высказаны, я думаю, что я выслушалъ бы совершенно справедливый упрекъ въ томъ, что роль моя и роль отдѣльнаго члена Государственной Думы совершенно различны. Дѣлать, въ особенности съ точки зрѣнія оппозиціи, критику легко, гораздо легче, чѣмъ спуститься на глубину бюджета, изучить всѣ отдѣльныя статьи, которыя достойны замѣчаній и возраженій. Вмѣсто такого кропотливаго труда гораздо благодарнѣе и эффектнѣе критиковать все положеніе государственнаго механизма. Совершенно иною должна быть точка зрѣнія правительства, и потому я не сочту себя въ правѣ отвѣчать на всѣ безконечныя возраженія, которыя были сдѣланы, а только объясню, и притомъ въ весьма немногихъ словахъ, почему именно, внеся въ первый разъ этотъ бюджетъ, который предстоитъ вамъ разсмотрѣть,—если вы рѣшите это сдѣлать,—министръ финансовъ, или вѣрнѣе, правительство не сочло себя обязаннымъ въ такъ - называемыхъ широкихъ штрихахъ открывать передъ вами горизонты будущаго. Въ моихъ объясненіяхъ, въ тѣхъ вступительныхъ общихъ соображеніяхъ, которыя я позволилъ себѣ сдѣлать 20 марта, я провелъ мысль, что вопросъ о критикѣ, вопросъ о новшествахъ, вопросъ о тѣхъ или иныхъ финансовыхъ преобразованіяхъ, есть дѣло въ высшей степени легкое, въ зависимости отъ того, какъ къ нему относиться. Оно является, наоборотъ, въ высшей степени труднымъ, когда приходится брать на себя отвѣтственную задачу—не только обѣщать, но и исполнить, не только нарисовать картину, но суметь ее осуществить, сумѣть воплотить заманчивые образы въ дѣйствительно практическія мѣропріятія. Если вамъ угодно перечитать или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать самыя краткія выдержки изъ всего того, что было въ теченіе 4 дней здѣсь указано,то что получится? Полнѣйшая критика всего построенія доходнаго бюд-

жета, и не меньшая критика всѣхъ построеній расходнаго бюджета. Мы выслушали по отношенію къ доходамъ, что неправильна финансовая система, основанная на преобладаніи косвенныхъ налоговъ, предпочтительнѣе система налоговъ прямыхъ. Отсюда—долой косвенные налоги и необходимо желать, чтобы возрастали и множились налоги прямые. Мы слышали о вредѣ, который приноситъ таможенное обложеніе, и та система, которая въ этомъ отношеніи усвоена. Мы слышали затѣмъ о томъ, что сахарный акцизъ не нуженъ, потому что онъ вреденъ, нужно постепенно его сложить. Мы слышали, что съ чая не нужно взимать пошлины, съ керосина нужно сложить налогъ, и т. д., безъ конца. Если бы правительство стало на эту точку зрѣнія, то, позволю себѣ спросить: если просто суммарно подвести итогъ того, что было высказано съ самыхъ различныхъ скамей Государственной Думы—во что бы превратился государственный бюджетъ и его итогъ? Въ ту величину, которая была названа однимъ изъ членовъ Государственной Думы, если не круглымъ нулемъ, то чѣмъ-то весьма недалекимъ отъ этого нуля. Если бы, съ другой стороны, мы стали относиться—я разумѣю правительство—по вопросу о государственныхъ расходахъ также, какъ мы слышали здѣсь, между прочимъ, и се-ція, что нужно развивать производительныя силы страны, нужно расширять сѣть желѣзныхъ дорогъ, нужно насаждать школы, нужно, я не знаю еще, что нужно, такъ много было перечислено—что сталось бы съ нашимъ бюджетомъ, который вы же считали безобразно широкимъ? И я долженъ вамъ сказать, что когда я слушалъ все это, мнѣ казалось, что я слышалъ нѣчто знакомое, нѣчто такое, чему остались воспоминанія изъ очень отдаленнаго дѣтства, вѣрнѣе юности; и когда я сталъ припоминать, гдѣ это я слышалъ, я вспомнилъ, что еще на школьной скамьѣ, когда мы слушали лекціи по финансовому праву и политической экономіи, насъ знакомили съ ученіемъ экономиста Бастіа, который жилъ въ первой половинѣ минувшаго 19-го вѣка. Этотъ ученый, иронизируя надъ ролью министра финансовъ въ смыслѣ предъявляемыхъ къ нему требованій, нарисовалъ портретъ того, что такое вообще министръ

финансовъ; и вотъ, когда я припомнилъ это давнее прошлое, я убѣдился въ томъ, что еще 60—70 лѣтътому назадъ имъ были пророчески выражены тѣ же самыя мысли, но только подъ инымъ угломъ зрѣнія. Здѣсь я ихъ слышалъ въ качествѣ укора, направленнаго по адресу правительства, съ поученіемъ того, что правительство должно было дѣлать, и указаніемъ, что оно виновато, если этого не дѣлаетъ, и то, что онъ говорилъ, послужитъ, вѣроятно, нѣкоторымъ смягченіемъ въ вашихъ сужденіяхъ о томъ разочарованіи, которое постигло васъ; читая объяснительную записку министра финансовъ или слушая его вступительныя объясненія, Бастіа говоритъ: «Министръ финансовъ, подобно Фигаро, къ сожалѣнію, не знаетъ кого слушаться и куда повернуться; изъ стотысячныхъ устъ печати и трибуны ему кричатъ: организуйте трудъ трудящихся, уничтожьте эгоизмъ, подавите заносчивость и тиранію капитала, дѣлайте опыты надъ удобреніемъ и надъ яйцами, избороздите страну желѣзными дорогами, оросите поля, насадите деревья въ горахъ, учредите образцовыя фермы и идеальныя мастерскія, заселите Алжиръ, кормите грудныхъ дѣтей, дайте молодежи образованіе и обезпечьте стариковъ. Переселите народъ въ деревни изъ душныхъ городовъ, приведите въ равновѣсіе всѣ отрасли промышленности, освободите Италію, Польшу, Венгрію, оказывайте поощреніе искусству, дайте намъ музыкантовъ, танцовщицъ, покровительствуйте торговлѣ, создайте торговый флотъ и т. д. Государство имѣетъ цѣлью просвѣщать, развивать, возвышать, укрѣплять, облагораживать душу народную. Но долой новые налоги, мы требуемъ отмѣны старыхъ! Отмѣните налогъ на соль, таможенныя пошлины, всякіе сборы и т. д.».

Вотъ что говорилось 70 лѣтъ тому назадъ. Какъ видите, ничто не ново подъ луною, все повторяется; и ваше предложеніе, и ваше разочарованіе, что министръ финансовъ не сталъ на этотъ путь, какъ видите, 70 лѣтъ тому назадъ были предусмотрѣны этимъ ученымъ, который, конечно, не чета нынѣшнему министру финансовъ. Вотъ почему, господа, на этотъ путь безконечныхъ пожеланій, на этотъ путь крупныхъ реформъ, широкихъ штриховъ, на который

вы приглашаете стать правительство, правительство стать не могло. Вы спрашиваете, какая же его финансовая политика? Еще сейчасъ, послѣдній ораторъ, котораго я смѣнилъ на этой трибунѣ, говорилъ, что нужно же знать, какая будетъ общая политика правительства. Легко себѣ поставить такой вопросъ, но не легко на него отвѣтить. Политика не дѣлается по прихоти людей, не дѣлается только потому, что одни люди добрые, другіе злые; одни болѣе талантливы, другіе менѣе талантливы. Политика государства слагается подъ вліяніемъ сложныхъ и разнообразныхъ условій. Эти условія слагаются временемъ, они дѣлаются исторіей. Также точно финансовая политика не есть результатъ изобрѣтенія. Можетъ быть, многое, что здѣсь было сказано, и вѣрно. Можетъ быть, многое существующее достойно порицанія. Быть можетъ мы бы пожелали увидать общее благополучіе, о которомъ еще говорилъ Бастіа, и увидали бы ослабленнымъ налоговое бремя. Но дѣло заключается въ томъ, что существо жизни государства, его политика внѣшняя и внутренняя и особенно политика финансовая дѣлается временемъ, слагается подъ вліяніемъ сложнаго и медленнаго процесса и вы, господа, впервые подойдя къ этому зданію, которое многіе изъ васъ здѣсь разрушали и разбивали довольно безжалостной рукой, полагаете, что можно разомъ пересоздать все. Но вмѣсто попытокъ разрушенія, если даже вамъ это зданіе кажется не соотвѣтствующимъ потребностямъ, которымъ оно должно отвѣчать, вы его должны изучить, вы должны изслѣдовать его по частямъ, вы должны помнить, что самое грандіозное зданіе слагается изъ мелкихъ кирпичиковъ, а каждый кирпичикъ слагается изъ безчисленнаго количества атомовъ. И вотъ, когда вы разберете эти атомы, тогда вы поймете, какъ легко критиковать и какъ трудно созидать. Наша общая политика въ отношеніи финансовой должна быть та, которая указывается нашимъ современнымъ положеніемъ. Это должна быть политика величайшей сдержанности государственныхъ расходовъ; мы должны быть сдержаны съ той самой точки зрѣнія, о которой вы такъ много говорили—нужно беречь народное достояніе. Какъ это дѣлать—нужно сказать не общими словами, а въ каждомъ

отдѣльномъ случаѣ, въ каждой отдѣльной статьѣ. Критикуйте каждую отдѣльную статью, и правительство будетъ вамъ за это благодарно; и говоритъ это оно вамъ не только сегодня, а сказало уже 20 марта въ моей вступительной рѣчи, которая вызвала столько нападокъ. Къ сожалѣнію, нападки, которыя здѣсь были высказаны тѣми, кому что либо было непріятно, не были сопоставлены съ тѣмъ, что было сказано передъ этимъ или послѣ этого. Я позволю себѣ сказать, что если въ порядкѣ оцѣнки бюджетной комиссіи вы придете къ тому заключенію, что правительство не исполнило своего долга въ отношеніи сдержанности расходовъ, и если вы это докажете, то правительство съ благодарностью приметъ эти указанія. Но какъ тогда, такъ и сегодня я говорю: сокращать вовсе не такъ легко и просто, какъ это вамъ кажется, когда вы по всему бюджету высказываете общія соображенія. Итакъ, наша политика, повторяю, должна быть постепенной, чрезвычайно бережливой и чрезвычайно осторожной въ совершенствованіи того, что существенно. То сравненіе, которое я сдѣлалъ по отношенію къ машинѣ, остается въ силѣ и теперь, несмотря на всю широту размаха критики, которая въ теченіе четырехъ дней раздавалась съ этой самой трибуны. Что касается того, какъ трудно измѣнять налоговую систему, какой осторожности требуетъ этотъ процессъ, въ этомъ вы сами убѣдитесь, потому, что легко сказать: долой косвенные налоги и да здравствуетъ подоходный налогъ. Но найти въ подоходномъ налогѣ, то что даютъ косвенные—это разрѣшить квадратуру круга; а если здѣсь сегодня говорилось о необходимости поднять развитіе производительности народнаго труда, то нужно помнить, что каждый шагъ въ подъемѣ производительности требуетъ расходовъ; безъ расходовъ не дѣлается ничего. Слѣдовательно, требуя расходовъ, высказывая пожеланія, нужно сосчитаться и съ тѣми рессурсами, которые для этихъ расходовъ требуются. Вотъ въ чемъ должна быть политика: она должна быть и въ финансахъ, она должна заключаться въ томъ, чтобы была умѣренность, сдержанность расходовъ; она должна заключаться въ надзорѣ и контролѣ за тѣмъ, чтобы государственные расходы про-

изводились правильно; чтобы былъ тотъ контроль, для котораго вы призваны. И контроля настоящаго, спокойнаго, дѣлового не боится ни современный кабинетъ, ни тѣ кабинеты, которые его смѣнятъ, а критика... критиковать по общимъ соображеніямъ дѣло чрезвычайно легкое и крайне мало отвѣтственное.

Перехожу къ отвѣту на второй вопросъ, который я себѣ отмѣтилъ. Здѣсь, чрезвычайно широко были развиты пренія по вопросу о бюджетныхъ правахъ Государственной Думы. Эта сторона дѣла съ разныхъ точекъ зрѣнія была освѣщена: она была освѣщена и тѣми ораторами, которые закончили свое предложеніе тѣмъ самымъ предложеніемъ, которымъ я закончилъ мое вступленіе, т. е. предложеніемъ передать государственную роспись на разсмотрѣніе бюджетной комиссіи. Тѣ же самые аргументы и та же самая постановка вопроса была взята въ руководство ораторами совершенно противоположнаго характера. Представители партіи соціалъ-демократовъ и, кажется, даже соціалистовъ-революціонеровъ говорили о томъ, что нельзя передавать въ бюджетную комиссію, а нужно отвергнуть весь этотъ бюджетъ: они аргументировали, между прочимъ, и тѣмъ, что у Думы нѣтъ бюджетныхъ правъ, и до тѣхъ поръ, пока этихъ бюджетныхъ правъ не будетъ, стоитъ ли заниматься такимъ мелочнымъ, будничнымъ безполезнымъ трудомъ, какъ разсмотрѣніе 2.500.000.000-наго бюджета, по которому, говорилось, представители народа лишены всякаго права воздѣйствія. Этотъ вопросъ, дѣйствительно, чрезвычайно сложный, и если бы указанія въ этомъ отношеніи даны были правильныя, то нужно было бы, пожалуй, сказать, что болѣе справедливо говорятъ представители соціалъ-демократической партіи: „Не стоитъ разсматривать бюджетъ, коль скоро мы его разсмотрѣть не можемъ“. Но это неправильно, это невѣрно. Тѣ лица, которыя говорили по этому предмету, говорили безъ цифръ въ рукахъ, они говорили также общими соображеніями, сравнивая тѣ или иные параграфы смѣтныхъ правилъ, тѣ или иныя статьи основныхъ законовъ, ограничивающихъ бюджетныя права Государственной Думы. Но они говорили съ весьма малыми доказательствами. Позволю себѣ освѣтить это съ точки зрѣнія

болѣе доказательной, чтобы сказать, что бюджетныя права Государственной Думы вовсе не такъ малы, какъ это было сказано. Я не помню—можетъ быть, мнѣ память измѣняетъ,—съ лѣвой стороны одинъ изъ ораторовъ сказалъ, обращаясь къ Государственной Думѣ: какъ велико то количество кредитовъ, которое вы можете измѣнить. Извиняюсь,—быть можетъ, моя память упустила цифру,—но я выслушалъ цифру 39 милліоновъ. А былъ ораторъ, кажется, членъ Государственной Думы Алексинскій, который сказалъ, обращаясь къ Государственной Думѣ: „Ваши права равняются нулю“ (это имѣется въ протоколахъ). Нѣтъ, господа, не нулю равняются ваши права. И не такъ поступило, какъ нѣкоторымъ здѣсь хотѣлось доказать, правительство въ изданіи бюджетнаго закона, чтобы передать вамъ только одинъ нуль. Правительство дало вамъ не нуль, оно дало вамъ въ руки нѣчто весьма положительное. А чтобы это не были аргументы одними словами, но цифрами,—а для меня цифры обязательны, потому что онѣ убѣдили меня въ теченіе тѣхъ четырехъ дней, въ продолженіе которыхъ я имѣлъ честь присутствовать и давать объясненія Государственной Думѣ, что на справку, представленную министромъ финансовъ, на соображенія, имъ излагаемыя, очень легко слѣдуетъ отвѣтъ: это невѣрно, это не отвѣчаетъ тому, что онъ сказалъ, это вѣры не заслуживаетъ,—чтобы дать себѣ отвѣтъ, какъ же дѣйствительно велики бюджетныя права Думы въ настоящее время, не касаясь даже ни однимъ словомъ измѣненія тѣхъ законовъ, которые были подвергнуты такой жестокой критикѣ—я позволю себѣ представить вашему вниманію ту работу, которую я продѣлалъ, правда, въ теченіе всего двухъ дней. Указываю на этотъ малый срокъ для того, чтобы оговориться впредь, что если въ моемъ объясненіи будутъ, можетъ быть, неточности въ единицахъ или даже въ десяткахъ милліоновъ, то я надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что объ этомъ не будутъ говорить, какъ говорили до сихъ поръ,—что министръ финансовъ говорилъ неправду. Эта работа, которую я взялъ на себя обязанность представить вамъ сейчасъ, заключается въ томъ, чтобы расчленить внесенный на ваше разсмотрѣніе бюджетъ по тѣмъ рубрикамъ, въ примѣненіи

къ которымъ было здѣсь упомянуто крылатое слово—«бронированный бюджетъ». Какая же это броня и сколько разныхъ броней наложено на бюджетъ Государственной Думы? Если взять законы основные и смѣтныя правила 8 марта въ тѣхъ частяхъ, въ которыхъ они частью покрываются законами основными, частью ихъ дополняютъ, то вы изволите усмотрѣть, что броней есть нѣсколько. Есть одна броня, которой, дѣйствительно, не пробить Государственной Думѣ, это та броня, которая наложена законами основными. Законы основные опредѣляютъ, какіе расходы не могутъ быть сокращены. Это расходы по государственнымъ займамъ и принятымъ на себя государствомъ обязательствамъ. Опять-таки, будучи обязанъ быть весьма осторожнымъ въ моихъ объясненіяхъ, я напрягаю всѣ доступныя мнѣ усилія къ тому, чтобы быть доказательнымъ; я именно говорю—«по займамъ и принятымъ на себя другимъ обязательствамъ». Понятіе «обязательство»—очень шаткое, но обязательствъ, кромѣ внѣшнихъ займовъ, вовсе не такъ много, чтобы о нихъ стоило говорить. Вотъ въ этой рубрикѣ, если считать не только нашъ бюджетъ обыкновенный, т.-е. тѣ 380.000.00 р., которые такъ часто упоминались здѣсь для характеристики того бремени долга, который лежитъ на народѣ, но если къ этому присчитать и платежъ по долгу, включенному въ чрезвычайную роспись—я разумѣю 52.000.000 р. по погашенію краткосрочныхъ обязательствъ,—если присоединить къ этимъ расходамъ содержаніе министерства Императорскаго Двора и на экстренныя въ теченіе года надобности, все, что дѣйствительно находится подъ запретомъ, то, что ограждено отъ измѣненія законами основными и правилами смѣтными, совокупность этихъ статей даетъ двѣ цифры—27.000.000 р. и 475.000.00 р., всего 502.000.000 р. въ бюджетѣ обыкновенномъ и чрезвычайномъ. Вотъ это броня, которая, дѣйствительно, забронировала часть русскаго государственнаго бюджета, и пробить эту броню внѣ власти Государственной Думы. Другая броня уже совсѣмъ иного характера. Это—броня, которая не допускаетъ возможности свободно вычеркивать въ порядкѣ разсмотрѣнія смѣтъ. Это броня—гораздо болѣе тонкая, она слѣдуетъ только законодательному пути,

она говоритъ только, что раньше, чѣмъ вычеркнуть расходы, нужно съ этими расходами вычеркнуть и тотъ законъ, которымъ онъ оправданъ. Нужно измѣнить тотъ титулъ, основаніемъ котораго онъ оправдывается. Эта броня уже гораздо менѣе тверда и гораздо болѣе слабо будетъ противостоять натиску критики Государственной Думы. Эта броня по всему бюджету,—опять, господа, оговариваюсь, можетъ быть за спѣшностью работы десятки милліоновъ рублей въ видѣ недосмотра сюда не попали,—составляетъ 689.000.000 р.; итого въ совокупности всѣ эти бронированные расходы составляютъ менѣе половины всего бюджета. А тотъ нуль, о которомъ говорилъ членъ Государственной Думы Алексинскій, совсѣмъ ужъ не нуль, а гораздо болѣе, чѣмъ нуль, и именно 1.280.000.000 р. предоставляется свободѣ дѣйствій Государственной Думы въ смыслѣ разсмотрѣнія по существу и критики, которую вы сочтете нужнымъ сдѣлать, когда вы, какъ я сказалъ,—и было признано на этотъ разъ, что я сказалъ правильно,—опуститесь на глубину смѣтнаго матеріала. Слѣдовательно, по меньшей мѣрѣ было неправильно заявить, что бюджетныя права Думы не существуютъ, что государственная власть—правительство передало бюджетъ для неизвѣстно какой-то пустой формальности и связало Государственную Думу по рукамъ и по ногамъ. Нѣтъ, оно передало бюджетъ для того, чтобы Государственная Дума могла въ немъ разсматривать и критиковать и приносить этимъ серьезную пользу, и если вы имѣете въ бюджетѣ изъ 2.471.000.000 руб. болѣе половины, то-есть 1.280.000.000 р., въ предѣлахъ которыхъ вы свободны разбираться, то я думаю, что на первый годъ весьма достаточно работы Государственной Думѣ *(смѣхъ справа)*, чтобы показать насколько она своей работой, знакомясь со всею совокупностью расходовъ, изъ которыхъ слагается этотъ $1^1/_4$ милліардъ, можетъ принести ту пользу, которую ожидаетъ отъ нея вся страна. Слѣдовательно, не о нулѣ, не объ отсутствіи бюджетныхъ правъ, а о правѣ реальномъ говорится въ настоящемъ случаѣ. Какъ будетъ пересмотрѣнъ бюджетный законъ, въ чемъ будутъ заключаться тѣ измѣненія, которыя сочтетъ нужнымъ сдѣлать Государственная Дума,

какія изъ измѣненій, которыя Государственная Дума сочтетъ нужнымъ сдѣлать для расширенія своихъ бюджетныхъ правъ, воспріемлютъ силу закона—все это дѣло будущаго. Проектъ бюджетнаго закона Государственной Думой не внесенъ; это одинъ изъ самыхъ трудныхъ, одинъ изъ самыхъ спорныхъ, одинъ изъ самыхъ отвѣтственныхъ вопросовъ.

Перехожу къ послѣднему вопросу для того, чтобы закончить мои объясненія къ вопросу о томъ, какое же направленіе желательно дать бюджету въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ внесенъ, съ точки зрѣнія той критики, которая раздавалась въ теченіе 4 дней. Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ тѣхъ двухъ предложеніяхъ, которыя были сдѣланы партіей народной свободы, а сейчасъ членомъ Государственной Думы Рейномъ отъ имени партіи умѣренныхъ. Они полагаютъ, ссылаясь на дѣйствующій законъ, на учрежденіе о Государственной Думѣ,—и на ст. 3 смѣтныхъ расходовъ, прибавлю я отъ себя,—передать бюджетъ на разсмотрѣніе бюджетной коммиссіи. Партіи лѣвыхъ,—соціалъ-демократическая и, кажется, другія партіи предлагаютъ прямо отвергнуть бюджетъ. Его нечего разсматривать. Стоитъ ли разсматривать такой бюджетъ, который былъ здѣсь разобранъ, какъ они думаютъ, по косточкамъ, и какъ я думаю, совершенно не былъ разобранъ. Гораздо проще отвергнуть бюджетъ. Дѣйствительно, это гораздо проще. Если бы вопросъ шелъ о томъ, что проще, то само собою разумѣется, что это второе предложеніе, съ точки зрѣнія ясности и простоты, имѣетъ неизмѣримо большія преимущества. Преимущество заключается уже въ томъ, что нечего трудиться надъ бюджетомъ, нечего просматривать весь матеріалъ, который вамъ доставленъ, нечего дополнять матеріалъ, который вы же признаете необходимымъ просить правительство доставить вамъ. Гораздо проще отвергнуть и уйти въ сторону отъ этого вопроса, хотя бы для того, какъ было сказано, чтобы сложить съ себя отвѣтственность за дѣйствія правительства. Это, конечно, гораздо проще, но эта простота не есть та простота, которую имѣетъ въ виду законъ. И вотъ почему, заканчивая мое вступительное объясненіе 20 марта, я сдѣлалъ то

предложеніе, которое на слѣдующій день было сдѣлано партіею народной свободы, а сегодня дѣлается умѣренными партіями,—именно о передачѣ бюджета на разсмотрѣніе бюджетной комиссіи. Государственная Дума учреждена для того, чтобы принять самое дѣятельное участіе въ нашемъ отечественномъ законодательствѣ, а въ области этого законодательства нѣтъ болѣе важнаго законопроекта, какъ законопроектъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ. Не отвергайте же его разомъ и огульно, потому что онъ отражаетъ въ себѣ ту политику, которой та или иная партія не сочувствуетъ; его нужно разсмотрѣть, нужно разсмотрѣть внимательно и спокойно, надо провѣрить все то, что внесено, нужно по каждому расходу дать себѣ ясный отвѣтъ, дѣйствительно ли этотъ расходъ нуженъ, или онъ является излишнимъ. Нужно разсмотрѣть, опять таки скажу, объективно и спокойно, можемъ ли мы безъ него обойтись или слѣдуетъ въ теченіе извѣстнаго времени остаться при этомъ расходѣ. Можетъ быть, этой невидной работѣ, работѣ, которая пройдетъ безъ участія посторонней публики, гдѣ не будетъ аплодисментовъ, гдѣ не будетъ возможности провозглашать широкія теоріи, несбыточныя и неосуществимыя, этой работѣ, можетъ быть и черной, работѣ кружевной, работѣ подчасъ и чрезвычайно скучной, этой работѣ надо посвятить время, и когда эта работа будетъ выполнена, тогда только можно будетъ сказать, что народное представительство не побоялась этого труда и исполнило свою задачу, и тѣмъ самымъ указало правительству, въ чемъ оно ошибается и какія должно допустить измѣненія для того, чтобы въ будущемъ такихъ ошибокъ не было. Вотъ почему, заканчивая мои общія замѣчанія передъ вашимъ голосованіемъ, я думаю, что нѣтъ другого пути, пути законности и пользы народной, пути, позволю себѣ выразиться, достоинства Государственной Думы, какъ передать проектъ росписи на разсмотрѣніе бюджетной комиссіи, и только тогда, когда бюджетная комиссія исполнитъ свою работу и возвратитъ этотъ проектъ сюда, только тогда нужно начать разбирать его здѣсь въ предѣлахъ тѣхъ споровъ, сомнѣній, которыя останутся послѣ работы бюджетной комиссіи.

14. Министръ юстиціи.

Членъ Государственной Думы Гессенъ въ своихъ выводахъ по вопросу о порядкѣ временнаго устраненія членовъ Думы, привлеченныхъ къ слѣдствію по обвиненію въ преступленіяхъ, влекущихъ за собою правопораженія, выразился относительно соотвѣтствующихъ статей учрежденія Государственной Думы, что статьи эти являются статьями неясными и противорѣчивыми. Затѣмъ, разсматривая по существу содержаніе относящихся статей и поставивши на свое разрѣшеніе вопросъ о томъ, обязана ли Государственная Дума временно устранить изъ числа своихъ членовъ того, кто привлеченъ къ слѣдствію по обвиненію въ тяжкомъ преступленіи, членъ Государственной Думы Гессенъ пришелъ къ тому выводу, что, по существу, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ Государственной Думѣ надлежитъ обсудить тѣ обстоятельства, которыя послужили основаніемъ для соотвѣтствующаго распоряженія слѣдственной власти, и потому полагалъ, что вопросъ объ обязанности Государственной Думы долженъ быть разрѣшенъ относительно устраненія въ отрицательномъ смыслѣ. Съ своей стороны, я, въ качествѣ министра юстиціи, считаю своею обязанностью заявить Государственной Думѣ, что, по мнѣнію моему, Государственная Дума должна обсудить вопросъ, касающійся отдѣльныхъ членовъ Государственной Думы, привлеченныхъ къ уголовной отвѣтственности для того, чтобы это обсужденіе положить въ основаніе вопроса о временномъ устраненіи, но только обсужденіе свое должна имѣть не въ тѣхъ предѣлахъ, о которыхъ говорилъ здѣсь членъ Государственной Думы Гессенъ. Законъ, по моему, совершенно ясно и опредѣлительно указываетъ, что членъ Государственной Думы временно устраняется въ случаѣ привлеченія къ слѣдствію по обвиненію въ такихъ преступныхъ дѣяніяхъ, по отношенію къ которымъ п. 1 ст. 7 правилъ о выборахъ въ Государственную Думу устанавливаетъ лишеніе такъ-называемаго пассивнаго избиратель-

наго права, то-есть права участвовать въ выборахъ. Членъ Думы временно устраняется, говоритъ законъ, изложенный въ ст. 20 учрежденія Государственной Думы. Затѣмъ, ст. 21 того же учрежденія говоритъ о томъ, что членъ Государственной Думы временно устраняется отъ участія въ собраніи по постановленію Думы. Такимъ образомъ, мы имѣемъ въ постановленіи, предшествующемъ ст. 21, прямое указаніе на то, что членъ Думы, оказавшійся въ извѣстномъ положеніи, въ положеніи лица, привлеченнаго къ отвѣтственности, является такимъ лицомъ, которое, въ силу закона, временно устраняется. Затѣмъ, ст. 21 лишь указываетъ ту власть, которая своимъ постановленіемъ осуществляетъ правила, содержащіяся въ законѣ. Членъ Государственной Думы Гессенъ указывалъ, между прочимъ, на то, что ст. 16 того же учрежденія Думы ставитъ необходимымъ условіемъ для того, чтобы членъ Государственной Думы, во время ея сессіи, былъ подвергнутъ лишенію свободы, предварительное разрѣшеніе Думы. Такимъ образомъ, только по отношенію къ лишенію свободы нашъ законъ ограничиваетъ права и полномочія судебной власти, не допуская лишенія свободы члена Государственной Думы во время сессіи безъ предварительнаго разрѣшенія Думы. Между тѣмъ, въ ст. 21 говорится не о разрѣшеніи Думы на временное устраненіе, а лишь говорится о временномъ устраненіи по постановленію Думы. По существу, если вдуматься въ ту систему, которая положена въ основаніе разсматриваемаго правила учрежденія Государственной Думы, то нельзя не признать, что съ точки зрѣнія этой системы то толкованіе, которое я поддерживаю, является совершенно понятнымъ, совершенно объяснимымъ. Наше законодательство въ области выборовъ, въ области опредѣленія правъ по участію въ выборахъ въ Государственную Думу, лишаетъ пассивнаго избирательнаго права тѣхъ лицъ, которыя привлечены къ отвѣтственности по обвиненію въ наиболѣе тяжкихъ преступленіяхъ. Естественнымъ и логическимъ послѣдствіемъ этой отправной точки зрѣнія и является то, что выражено въ статьяхъ 20 и 21. Если привлеченіе къ слѣдствію по обвиненію въ тяжкомъ преступленіи наступаетъ не

до начатія выборовъ, а послѣ того, когда уже выборы закончились, то такъ какъ въ этомъ обстоятельствѣ нахожденія подъ слѣдствіемъ законъ усматриваетъ такое условіе, которое отражается на избирательныхъ правахъ, то законъ, логически исходя изъ указанной мной отправной точки зрѣнія, и указываетъ въ статьяхъ 20 и 21, что нахожденіе подъ слѣдствіемъ влечетъ временное устраненіе отъ участія члена Думы въ ея засѣданіяхъ, въ ея работахъ. О совершенномъ отсѣченіи, конечно, при этихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи въ законѣ, такъ какъ привлеченіе къ слѣдствію не предрѣшаетъ вовсе вопроса о виновности, о наказуемости. Если же стать на точку зрѣнія толкованія, предлагаемаго членомъ Государственной Думы Гессеномъ, то я позволилъ бы себѣ выразить опасеніе, что произойдетъ, если не столкновеніе, то смѣшеніе властей, которое представляется въ высшей степени нежелательнымъ. Современный государственный строй почитается тѣмъ болѣе совершеннымъ, чѣмъ точнѣе въ немъ разграничены всѣ главнѣйшіе отрыски государственной власти, которые въ каждомъ государственномъ единеніи существуютъ. Этихъ отрысковъ три: одна власть—власть устрояющая, законодательствующая, потому и именуема властью законодательной, другая власть—осуществляющая, призванная къ тому, чтобы выполнить задачи и цѣли многообразнѣйшія и многочисленныя, которыя возлагаются на государственное единеніе,—власть управленія, власть административная, и, наконецъ, третья власть — власть охраняющая, которая даетъ странѣ миръ, порядокъ и обезпечиваетъ въ ней законность и именуется властью судебной. Тотъ государственной строй, въ которомъ эти власти перемѣшиваются, является государственнымъ строемъ, въ которомъ, несомнѣнно, заключаются весьма существенные недостатки. Когда при томъ или другомъ толкованіи вопроса возникаетъ возможность смѣшенія властей, скажу болѣе—ихъ столкновенія, необходимо отнестись къ нему съ опасеніемъ. Вопросъ же о томъ, привлеченный къ слѣдствію долженъ ли быть устраненъ или нѣтъ изъ состава Думы, можетъ при толкованіи, предлагаемомъ Гессеномъ, привести къ столкновенію властей судебной

и законодательной. Ссылался членъ Государственной Думы Гессенъ на систему Западно-Европейскихъ конституціонныхъ государствъ. Я съ этими системами знакомъ. Системы по отношенію къ разсматриваемому вопросу Западно-Европейскія содержатъ нѣчто иное, чѣмъ то, что предлагаетъ своимъ толкованіемъ статей 20 и 21 учрежденія Государственной Думы г. Гессенъ. Въ Западной Европѣ, гдѣ забота о томъ, чтобы отдѣленіе властей проводилось дѣйствительно въ жизнь, рѣшительно выражена въ конституціонныхъ законодательствахъ, конституціи подлежащихъ странъ не допускаютъ возможности обсужденія въ парламентѣ, законодательномъ собраніи, существа основаній, которыми руководствуется судебная власть; подобное обсужденіе почиталось бы присвоеніемъ законодательной властью себѣ полномочій власти судебной. Въ этихъ конституціяхъ есть совершенно другое требованіе, которое, создавая извѣстныя гарантіи членамъ законодательнаго собранія, вмѣстѣ съ тѣмъ и обезпечиваетъ невмѣшательство законодательной власти въ дѣла, подлежащія вѣдѣнію власти судебной. На западѣ для судебнаго преслѣдованія члена законодательнаго собранія требуется разрѣшеніе самого собранія, съ тѣмъ, что, если разрѣшеніе не будетъ дано, то и уголовное преслѣдованіе пріостанавливается, а слѣдовательно столкновенія между законодательной и судебной властями произойти не можетъ. Законодательное собраніе говоритъ суду: «Подождите, пока полномочія члена законодательнаго собранія окончатся. Когда законодательное собраніе завершитъ свою сессію, тогда наступитъ время для того, чтобы судъ могъ постановить по закону приговоръ, который по закону надлежитъ постановить. Такимъ образомъ, разсмотрѣніе по существу основаній, по которымъ привлекается къ отвѣтственности или можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности членъ законодательнаго собранія, по Западно-Европейскимъ конституціямъ не допускается. Система, принятая въ основаніе нашей Государственной Думы, совершенно иная; она заключается въ томъ, что при наличности привлеченія въ качествѣ обвиняемаго члена Государственной Думы, этотъ членъ Государственной Думы временно устраняется изъ состава этой Думы, въ силу самаго закона.

Эта система, которая сходится съ Западно-Европейскими въ томъ отношеніи, что она обезпечиваетъ точное разграниченіе судебной и законодательной властей, въ другихъ отношеніяхъ отличается существенно отъ системъ, мною уже указанныхъ, Западно-Европейскихъ. Если согласиться на минуту съ членомъ Государственной Думы Гессеномъ и допустить возможность обсужденія основаній, по которымъ то или другое лицо привлечено къ отвѣтственности, если подвергать эти основанія оцѣнкѣ по существу для рѣшенія вопроса о временномъ устраненіи члена Думы, то тогда придется договориться до такихъ выводовъ, которые я, какъ Министръ Юстиціи, признавалъ бы особенно нежелательными. Такъ, г. Гессенъ полагалъ, что временное устраненіе члена Государственной Думы будетъ зависѣть, если отвергнуть его толкованіе, не отъ Государственной Думы, а отъ судебнаго слѣдователя. Законъ, а не судебный слѣдователь устраняетъ, по моему мнѣнію, того или другого члена Государственной Думы. Передъ закономъ должны преклоняться и подчиняться ему должны всѣ, какъ бы несовершененъ ни былъ тотъ или другой уголовный законъ; никогда судебный слѣдователь Россійскаго государства не можетъ, да и не будетъ дѣйствовать на основаніи мнѣнія, котораго держится членъ Государственной Думы Алексинскій, онъ будетъ дѣйствовать по закону. Законъ есть лозунгъ суда, и напрасно ссылаются здѣсь на то, что судебная власть будетъ будто бы разрѣшать вопросы о томъ—существовать или не существовать Государственной Думѣ. Надо отъ такихъ выводовъ воздерживаться. Эти выводы не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Судебная власть русская не заслуживаетъ тѣхъ подозрѣній, которыя были здѣсь высказаны... *(Аплодисменты справа; слѣва и съ центра шиканье и смѣхъ).* Да, господа, я повторяю, русская судебная власть не заслуживаетъ этого... *(Аплодисменты справа, шумъ слѣва, звонокъ предсѣдателя).* Дарованный незабвеннымъ Царемъ Освободителемъ Россіи судъ есть украшеніе Россіи... *(Аплодисменты справа, голоса слѣва:* его нѣтъ...) Къ этому суду нужно относиться, по меньшей мѣрѣ, бережно, а я бы сказалъ—съ боль-

нимъ и надлежащимъ уваженіемъ. (*Аплодисменты справа*). Интересы, которымъ призванъ служить судъ, суть вѣчные интересы, которые истекаютъ изъ общечеловѣческаго требованія справедливости, и чѣмъ сильнѣе въ странѣ чувство законности, тѣмъ сильнѣе въ этой странѣ уваженіе къ суду. И если къ суду не поддерживается должное уваженіе, то въ этой странѣ чувство законности ослаблено. (*Справа аплодисменты, слѣва голоса:* правда, правда...) Справедливо одинъ англійскій мыслитель высказывалъ мысль о томъ, что наиболѣе совершеннымъ судомъ, идеальнымъ судомъ будетъ тотъ судъ, котораго помѣщеніе всѣ обыватели такъ же хорошо знаютъ, какъ они знаютъ ту церковь, въ которую они ходятъ молиться. Въ этихъ словахъ есть глубокая мысль, свидѣтельствующая, господа, о томъ, на какихъ внутреннихъ, вѣчныхъ потребностяхъ человѣческаго духа покоится идея правосудія. Конечно, и въ самомъ совершенномъ судѣ, при самомъ его лучшемъ строѣ могутъ быть тѣ или другія погрѣшности. Да ихъ и законъ заранѣе предвидитъ. Раскройте любой изъ кодексовъ, которыми въ своей дѣятельности руководствуется судъ, и что вы прочитаете? Въ области уголовнаго правосудія вы прочитаете статьи, которыя говорятъ о возможности судебныхъ ошибокъ въ уголовномъ судѣ, и тѣхъ способахъ, которыми эти ошибки исправляются. Раскройте вы кодексы, касающіеся производства по гражданскимъ дѣламъ. Вы и тамъ найдете страницы, которыя говорятъ о томъ, какъ нужно переверщать уже вошедшія въ законную силу рѣшенія. Такимъ образомъ, несовершенства—съ ними считается законодательство. Да и можно ли говорить о полномъ совершенствѣ, когда мы говоримъ о человѣческомъ учрежденіи. Для того же, чтобы судъ занималъ у насъ то положеніе, которое онъ долженъ занимать и на которое онъ, по судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 года въ правѣ разсчитывать, для этого нужно, чтобы не обобщали отдѣльныхъ неправильностей въ дѣятельности суда и на основаніи этихъ отдѣльныхъ неправильностей не дѣлали бы обобщеній, осуждающихъ судъ. Господа, если мы будемъ колебать судъ, если мы будемъ подозрѣвать судебныхъ слѣдователей въ неправильныхъ

дѣйствіяхъ, то мы поколеблемъ идею суда. А она намъ нужна, она намъ необходима, такъ какъ судебная идея есть идея, обезпечивающая миръ, порядокъ и законность. Подводя итогъ всему сказанному, я утверждаю, что не произволомъ судебныхъ слѣдователей опредѣляется вопросъ о томъ, что къ тремъ членамъ Государственной Думы имѣетъ быть примѣнена 21 статья учрежденія о Государственной Думѣ. Вопросъ этотъ разрѣшается самимъ закономъ. Величіе же закона требуетъ, чтобы передъ нимъ преклонялись. *(Аплодисменты справа).*

15. Министръ юстиціи.

Поднимаясь вторично на эту трибуну, я совершенно исключилъ въ своихъ предположеніяхъ о томъ, что я буду говорить, все обращенное ко мнѣ лично, хотя бы оно было подкрѣплено рукоплесканіями.

Въ моей дѣятельности мною руководило и руководитъ лишь сознаніе той отвѣтственности, того долга, который я несу передъ престоломъ и родиной.

Если бы нападки касались только меня, то я бы сказалъ: нападайте на меня—я грудью встрѣчу эти нападки, но не нападайте на судъ, не говорите, что отъ суда осталась одна обложка. Такъ говорилъ членъ Государственной Думы, присяжный повѣренный Тесленко. *(Шумъ).* Тяжело было, господа, всѣмъ намъ, а въ особенности суду въ революціонные дни такъ-называемаго освободительнаго движенія. Тяжело было суду, между прочимъ, и потому, что онъ встрѣчалъ затрудненія въ своей дѣятельности. Къ глубокому сожалѣнію, въ судебномъ вѣдомствѣ изъ среды присяжной адвокатуры исходили попытки, направленныя къ тому, чтобы склонить русскій судъ пріостановить свою дѣятельность.

Такія попытки были въ Петербургѣ и другихъ городахъ. И если намъ говорятъ въ настоящее время, что у насъ не осталось независимыхъ самостоятельныхъ судей, то я скажу: нѣтъ,

судъ, не остановившій своей дѣятельности въ революціонное время, доказалъ, что въ немъ есть независимость, есть самостоятельность. Членъ Государственной Думы Тесленко говорилъ, что у насъ нѣтъ несмѣняемости. Не будемъ бороться по этому поводу съ Тесленко, но позволимъ себѣ утверждать съ этой трибуны, что несмѣняемость русскаго суда существуетъ. Здѣсь, съ этой трибуны говорилось, а къ сожалѣнію много разъ объ этомъ и печаталось гораздо раньше, чѣмъ это было здѣсь сегодня сказано, что судъ, русскій судъ, превратился въ орудіе борьбы съ революціей. Нѣтъ, господа, орудіемъ борьбы съ революціей русскій судъ никогда не былъ, да никогда имъ и быть не могъ. Судъ нашъ и въ тяжелые революціонные дни былъ орудіемъ борьбы съ преступленіемъ. *(Голоса справа:* браво, браво*)*. Въ нашемъ уголовномъ кодексѣ существуютъ преступленія различныхъ категорій, и въ числѣ этихъ категорій существуютъ преступленія государственныя или политическія. Мнѣ, господа, была приписана смѣлость. Смѣлость въ исполненіи своего долга есть та смѣлость, которой я готовъ гордиться. Повторю еще разъ, устраненіе на время членовъ Государственной Думы самою Думою есть требованіе не министерства, а это есть требованіе закона. Можно законъ толковать, можно находить въ немъ недостатки, но нельзя сказать: „Законъ въ сторону“, или, какъ говорилъ членъ Государственной Думы Кузьминъ-Караваевъ, „никто не можетъ заставить члена Государственной Думы поступать такъ или иначе“. Да, конечно, заставить нельзя, но каждому свойственна закономѣрность, а подъ таковой всегда понимается умѣніе подчиниться закону. О принужденіи рѣчи быть не можетъ, и, конечно, въ самомъ учрежденіи о Государственной Думѣ объ этомъ принужденіи и не упомянуто. Если въ настоящее время я позволилъ себѣ еще разъ коснуться вопроса о временномъ устраненіи члена Думы, то единственно изъ-за заботы о томъ, чтобы судъ и законодательство въ Государственной Думѣ не смѣшивались. Оцѣнивать по существу обстоятельства тѣхъ трехъ—я допустилъ ошибку—четырехъ дѣлъ, по которымъ привлечены къ отвѣтственности три члена Государственной Думы,—это значитъ

пойти въ разрѣзъ со статьей 21 учрежденія о Государственной Думѣ. Стоитъ сойти только съ почвы буквальнаго текста этой статьи, и невольно придется дойти уже до такого толкованія, которое будетъ въ прямомъ противорѣчіи съ 21 статьей учрежденія Государственной Думы. Членъ Государственной Думы Пергаментъ слово „предварительное разрѣшеніе“, содержащееся въ статьѣ 16 учрежденія о Государственной Думѣ, пріурочилъ къ статьѣ 21, правда оговорившись, что тамъ не предварительное разрѣшеніе нужно, а одобреніе. Одобреніе нужно въ отношеніи привлеченія по мнѣнію члена Думы г. Пергамента, а предварительное разрѣшеніе—для лишенія свободы. Но дѣло-то въ томъ, чтъ въ статьѣ 21 говорится о временномъ устраненіи, а въ подлежащихъ случаяхъ—о выбытіи. Какъ же представить себѣ одобреніе Государственной Думы по отношенію къ члену Думы, подлежащему выбытію изъ состава Думы, ну, скажемъ для примѣра—вслѣдствіе утраты русскаго подданства? Можно ли себѣ представить, что въ этомъ случаѣ Государственная Дума отклонитъ выбытіе члена изъ своего состава? Это совершенно невозможно. Между тѣмъ, вопросъ о выбытіи и временномъ устраненіи въ отношеніи своего порядка въ ст. 21 учрежденія Государственной Думы поставленъ на одну и ту же доску. Повторяю еще разъ: законъ можетъ быть признаваемъ, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, несовершеннымъ, можно считать болѣе правильной иную систему, но вѣдь это разсужденія, которыя мы, юристы, называемъ разсужденіями de lege ferenda. Я же здѣсь, предъ Государственной Думой, представляю свои соображенія исключительно съ точки зрѣнія дѣйствующихъ законовъ, выражаясь технически, de lege lata. Съ этой точки зрѣнія, утверждая, что по ст. 21 предѣлы обсужденія Государственной Думой должны сводиться къ удостовѣренію вопроса о томъ, подлежащая ли судебная власть сдѣлала распоряженіе о привлеченіи членовъ Государственной Думы къ отвѣтственности, послѣдовало ли это привлеченіе въ установленномъ порядкѣ, и наконецъ, въ 3-хъ, приписывается ли члену Государственной Думы обвиненіе въ такомъ преступленіи, которое указано въ пунктѣ 1

ст. 7 правилъ о выборахъ въ Государственную Думу. Если бы оказалось, что одинъ изъ этихъ 3-хъ вопросовъ разрѣшится отрицательно, то, само собой разумѣется, Государственная Дума должна была бы отклонить вопросъ о временномъ устраненіи, но оцѣнка по существу, недоступная къ тому же Государственной Думѣ, повлечетъ за собой смѣшеніе властей: законодательной и судебной. Западная Европейская система, о которой я говорилъ, именно заключается и сводится къ тому, что она, устраняя вопросъ разсмотрѣнія дѣла по существу, приводитъ къ пріостановкѣ судебнаго преслѣдованія законодательнымъ собраніемъ. Но это возможно только при прямомъ указаніи на эти полномочія въ законѣ. По нашимъ же законамъ, судебное преслѣдованіе не можетъ быть пріостановлено Думою, и хотя здѣсь говорили, что Дума пріостановитъ преслѣдованіе, но нѣтъ—остановить судебное разслѣдованіе по законамъ, по учрежденію Государственной Думы, Дума не уполномочена. Судъ будетъ продолжать свою дѣятельность, судебный слѣдователь будетъ продолжать свое предварительное слѣдствіе, такъ какъ Думѣ полномочій пріостанавливать судебное разслѣдованіе не предоставлено. *(Аплодисменты справа).*

16. Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Макаровъ.

Господа народные представители. Вызванный безпорядками въ рижской тюрьмѣ запросъ въ той редакціи, въ которой онъ изложенъ въ настоящее время комиссіею, пріобрѣлъ совершенно иное значеніе, чѣмъ имѣлъ первоначально. То обстоятельство, которое было выставлено какъ причина возникновенія безпорядковъ, теперь несомнѣнно имѣетъ главенствующее, первенствующее значеніе. Я говорю о тѣхъ истязаніяхъ и мученіяхъ, которыя приписываются чинамъ полиціи по отношенію къ содержавшимся въ арестныхъ помѣщеніяхъ. Запросъ признанъ Государственною Думою срочнымъ, и запросъ этотъ заключаетъ въ себѣ тягчайшее, серьезнѣйшее

обвиненіе по отношенію къ чинамъ полиціи. Въ виду этого министръ внутреннихъ дѣлъ, не желая пользоваться мѣсячнымъ срокомъ для отвѣта на этотъ запросъ, предположилъ сдѣлать по этому поводу тѣ разъясненія, которыми онъ въ настоящее время располагаетъ. Останавливаясь, затѣмъ, на тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ должны быть даны эти разъясненія, считаю нужнымъ замѣтить, что запросъ касается не только дѣйствій однихъ административныхъ должностныхъ лицъ, онъ касается дѣйствій прокуратуры, тюремнаго надзора, даже воинскихъ чиновъ. Я, конечно, могу вамъ отвѣчать только по той части запроса, которая касается дѣйствій чиновъ полиціи. Но, думается мнѣ, что это самая существеннѣйшая, самая важная часть. Кромѣ того, запросъ этотъ заключаетъ въ себѣ перечисленіе нѣсколькихъ десятковъ возмутительнѣйшихъ случаевъ злоупотребленій властью; но онъ отпечатанъ только вчера и, конечно, я не имѣю никакой возможности отвѣчать вамъ по поводу того или другого случая, потому что въ теченіе менѣе сутокъ министерство внутреннихъ дѣлъ не могло собрать тѣхъ свѣдѣній, которыя доказывали бы или опровергали единичные случаи истязаній, въ настоящемъ запросѣ заключающіеся. Тѣмъ не менѣе я рѣшилъ сегодня отвѣчать, потому что въ моихъ глазахъ для Государственной Думы должно имѣть большое значеніе не столько недоказанность или достовѣрность тѣхъ или иныхъ случаевъ, сколько самое отношеніе правительственной власти къ злоупотребленіямъ, которыя низшимъ агентамъ этой власти приписываются. Прежде всего, я долженъ замѣтить, что ни одной жалобы или заявленія по поводу истязаній, допускавшихся въ Ригѣ и нѣкоторыхъ другихъ арестныхъ помѣщеніяхъ въ Лифляндской и Курляндской губерніяхъ, въ министерство внутреннихъ дѣлъ не поступало. (*Шумъ слѣва*). Но съ начала нынѣшняго года въ нѣкоторыхъ газетахъ русской и иностранной печати появился цѣлый рядъ замѣтокъ, указывающихъ, что въ рижскихъ мѣстахъ заключенія, главнымъ образомъ, въ сыскномъ отдѣленіи, производятся насилія и истязанія надъ лицами, задержанными въ этихъ мѣстахъ. Немедленно же послѣ этого, озабочиваясь разъясненіемъ

этихъ обстоятельствъ, министръ внутреннихъ дѣлъ сдѣлалъ распоряженіе о командированіи въ г. Ригу, для собранія надлежащихъ свѣдѣній, директора департамента полиціи. По представленіи дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Трусевичемъ доклада по этому поводу оказалось, что тѣ свѣдѣнія, которыя помѣщены были въ газетахъ, представляются, во всякомъ случаѣ, въ высшей степени преувеличенными и окрашенными тенденціозною окраскою. Тѣмъ не менѣе, однако, изъ доклада директора департамента выяснилось, что по отношенію къ рижскому сыскному отдѣленію слѣдуетъ считать установленнымъ, что въ этомъ мѣстѣ были допускаемы дѣйствительно насилія и побои надъ задержанными лицами. Эти насилія и побои, насколько удалось собрать тогда свѣдѣнія, не носили характера избиваній, истязаній, мученій, которыя въ настоящее время приведены въ запросѣ, но, тѣмъ не менѣе насилія и побои были. Въ этомъ отношеніи до извѣстной степени правильно были описаны дѣйствія полицейскихъ властей въ сыскномъ отдѣленіи корреспондентомъ московской газеты «Утро», который близко знакомъ съ обстановкою канцеляріи сыскного отдѣленія и совершенно справедливо утверждалъ, что тѣхъ орудій пытокъ, о которыхъ писали нѣкоторые корреспонденты и въ особенности корреспондентъ англійской газеты «Tribune», въ дѣйствительности вовсе не было. Англійскій корреспондентъ принялъ за орудія пытки шкафы съ вещественными доказательствами. Этотъ же корреспондентъ газеты «Утро», объясняя столь печальное явленіе, какъ насиліе надъ арестованными въ сыскномъ отдѣленіи, указалъ, что все сводится, главнымъ образомъ, къ «дикости нравовъ» полиціи въ такомъ культурномъ городѣ, какъ Рига. Быть можетъ онъ и правъ, но я считаю своимъ долгомъ прибавить къ этому, что для вѣрнаго освѣщенія этихъ дѣйствій нужно сдѣлать нѣкоторый учетъ. Въ г. Ригѣ экспропріаціи, разбои, стрѣльба, метаніе бомбъ приняли въ минувшемъ году характеръ эпидемическій. Съ такъ называемыми экспропріаторами, а въ сущности разбойниками и вымогателями, полиція должна была вести систематическую войну. Война эта велась со стороны преступниковъ тѣмъ, что они

въ полицію стрѣляли, бросали бомбы, устраивали даже покушенія взорвать тѣ помѣщенія, въ которыхъ находятся полицейскія учрежденія. При необходимости производства обыска постоянно оказывались серьезнѣйшія вооруженныя сопротивленія. Полиція для того, чтобы проникнуть въ помѣщеніе, гдѣ находились преступники, и арестовать ихъ, вынуждаема была часто ползти ползкомъ, прикрываясь желѣзными щитами и будучи въ это время обстрѣливаема изъ маузеровъ, а иногда и закидываема бомбами. Достаточно сказать, что за этотъ періодъ времени изъ строя рижской полиціи выбыло 111 чиновъ ранеными и убитыми. При этихъ условіяхъ представляется до извѣстной степени понятнымъ то чувство озлобленія, которое полиція имѣла по отношенію къ преступнымъ элементамъ г. Риги. Я далекъ, конечно, отъ того, чтобы оправдать ея дѣйствія въ сыскномъ отдѣленіи. Но, принимая уровень развитія низшихъ полицейскихъ чиновъ, я—то озлобленіе, которое они вымещали на задержанныхъ при первоначальномъ допросѣ, могу до извѣстной степени объяснить гнѣвомъ и злобою, вызванными предшествующими столкновеніями съ этими преступными элементами. Тѣмъ не менѣе, милостивые государи, министерство внутреннихъ дѣлъ не могло признать, чтобы тѣ указанія, которыя добыты были при разслѣдованіи директора департамента полиціи, оставались совершенно безрезультатными, разъ этимъ разслѣдованіемъ было установлено, что насилія и побои наносились чинами полиціи въ сыскномъ отдѣленіи. Сидящимъ между вами юристамъ, конечно, извѣстно, что это преступленіе должностное, и что нельзя прокурорскому надзору немедленно возбудить преслѣдованіе противъ должностнаго лица, обвиняемаго по цитированной уже здѣсь статьѣ 345 уложенія о наказаніяхъ. И вотъ министерство, больше мѣсяца тому назадъ, сообщило временному Прибалтійскому генералъ-губернатору о дачѣ этому дѣлу законнаго хода, о производствѣ разслѣдованія въ порядкѣ, указанномъ статьею 1086 и слѣдующими статьями уголовнаго судопроизводства, и о направленіи затѣмъ дѣла въ судъ. Этимъ распоряженіемъ устанавливается съ достаточною яркостью и твердостью отношеніе министерства внут-

решнихъ дѣлъ къ тѣмъ печальнымъ явленіямъ, которыя составляютъ предметъ настоящаго запроса. Теперь надо ждать, что скажетъ судъ, и до тѣхъ поръ, пока онъ не скажетъ своего слова, обсужденіе этого дѣла, по моему мнѣнію, представляется преждевременнымъ. Вѣдь мы совершенно не знаемъ, на чемъ основаны тѣ данныя, которыя заключаются въ запросѣ и впервые только вчера увидѣли свѣтъ. Мы не знаемъ—жалобы ли это потерпѣвшихъ, свидѣтельства ли это очевидцевъ, слухи ли это и толки, ни на чемъ не основанные? Они нуждаются въ провѣркѣ; провѣрка эта можетъ быть сдѣлана только судомъ, и я полагаю, что чувство закономѣрности, элементарныя требованія справедливости заставляютъ остановиться на томъ, что со стороны правительства все сдѣлано для разъясненія этого дѣла.

17. Товарищъ министра юстиціи Люце.

Господа народные депутаты. Въ дополненіе къ тому, что передо мной сейчасъ сказано, я имѣю представить весьма немногое. Такъ какъ запросъ только что внесенъ, то я могу представить на ваше усмотрѣніе только то, что совершенно случайно уже имѣется въ министерствѣ юстиціи по данному дѣлу; но и по тому, что получено до сегодняшняго дня, вы можете видѣть, что то, что кажется на первый взглядъ ужаснымъ, представляется въ другомъ освѣщеніи, когда это провѣрено (*Шумъ*).

Если вамъ угодно слушать, то вы меня услышите, если вамъ угодно кричать, я долженъ перестать говорить. Уже на первый взглядъ то, что написано относительно рижской тюрьмы, представляется совершенно неправдоподобнымъ; если бы у меня не было въ рукахъ никакихъ документовъ, то мнѣ бы пришлось ограничиться указаніемъ на неправдоподобность того, что написано. Тутъ говорится, что сторожъ Соколовъ выпустилъ партію арестантовъ и сталъ безъ всякой причины ругать и потомъ сильно ударилъ Бокеберга. Послѣдній сталъ защищаться. Сторожъ позвалъ на

помощь стоявшаго въ коридорѣ солдата. Защищаясь, арестованные сломали у солдата ружье, на помощь прибѣжали другіе солдаты, пришла цѣлая рота, и началась перестрѣлка, послѣдствіемъ которой 7 убитыхъ и 17 раненыхъ. Это совершенно неправдоподобно... Нужно не быть никогда въ тюрьмѣ и не видать никогда содержащихся подъ стражей, чтобы вообразить себѣ, что, если нанесены оскорбленія арестованнымъ сторожемъ, или сторожу арестованными, чтобы изъ за этого происходило цѣлое сраженіе. Такое оскорбленіе имѣетъ всегда одинъ и тотъ же результатъ: оскобленные жалуются и происходитъ разслѣдованіе. (*Голосъ слѣва: черезъ револьверы!*) Мы имѣетъ нѣкоторыя данныя по этому дѣлу, которыя представляютъ его въ иномъ, и гораздо болѣе естественномъ, освѣщеніи. Я могу вамъ представить телеграмму, которую мы получили въ самый день происшествія. Это, разумѣется, телеграмма по первому впечатлѣнію: „Сегодня, около 8 часовъ утра, въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи, 33 слѣдственныхъ арестанта, при входѣ въ камеру надзирателя, набросились, стали душить, отобрали револьверъ и ключи; затѣмъ арестанты, стрѣляя изъ револьвера, напали на расположенное въ томъ же коридорѣ караульное помѣщеніе съ 8 нижними чинами; изъ 8 винтовокъ, бывшихъ въ стойкѣ, арестанты захватили 4; несмотря на неожиданность нападенія, солдаты успѣли удержать остальныя 4 винтовки и, дѣйствуя штыками и стрѣляя, вытѣснили арестантовъ изъ караульной, а сами забаррикадировались; вызванная по тревогѣ рота Изборскаго полка, по прибытіи и входѣ въ арестантское помѣщеніе, встрѣчена сопротивленіемъ, вызвавшимъ необходимость вновь дѣйствовать оружіемъ; черезъ часъ порядокъ возстановленъ. Убито 7 арестантовъ, 12 тяжело ранено; изъ трехъ пострадавшихъ нижнихъ чиновъ одинъ раненъ тяжело; помощникъ начальника тюрьмы раненъ легко въ руку. Судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ приступилъ къ слѣдствію“. Когда на сегодняшній день былъ назначенъ этотъ запросъ, то, такъ какъ съ 31 числа прошло нѣкоторое время, мы потребовали по телеграфу свѣдѣнія о томъ, что установило слѣдствіе по сегодняшній день,

и этими свѣдѣніями я считаю себя обязаннымъ подѣлиться съ вами, чтобы вы не были введены въ заблужденіе и могли судить о дѣлѣ настолько, насколько офиціальный документъ въ настоящее время его разъясняетъ. Въ полученной сегодня телеграммѣ сказано: „Слѣдствіемъ установлено, что заранѣе задуманъ побѣгъ; утромъ надзиратель Соколовскій выпустилъ нѣсколько арестантовъ мыться; возвращаясь съ двумя арестантами назадъ, чтобы выпустить слѣдующихъ двухъ, Соколовскій подошелъ къ камерѣ, сталъ отпирать рѣшетчатую дверь; внезапно стоящіе сзади два арестанта накинули на шею Соколовскаго полотенце, начали душить и втащили его при помощи другихъ арестантовъ черезъ открытую уже дверь въ камеру; отъ побоевъ Соколовскій лишился сознанія. Часовой въ коридорѣ не видѣлъ происшедшаго, такъ какъ дверь камеры расположена въ амбразурѣ. Затѣмъ арестанты, числомъ до 30, перебѣжали въ находящуюся рядомъ караульную, стрѣляя изъ отобраннаго револьвера Соколовскаго, и кинули заранѣе приготовленную изъ хлѣба бомбу, выкрашенную въ черное, чтобы напугать отдыхавшихъ солдатъ; арестанты бросились къ стоявшимъ въ козлахъ ружьямъ, но успѣли захватить всего только 4, такъ какъ солдаты также поспѣшили къ ружьямъ и завладѣли остальными четырмя. Часовой, отбиваясь, сломалъ прикладъ и пробился въ караульную, откуда вскорѣ арестанты были вытѣснены. Послѣ этого солдаты забаррикадировались и оставались въ осадѣ до прибытія вызванной по тревогѣ роты Изборскаго полка, также дѣйствовавшей оружіемъ. Пострадавшіе солдаты и арестанты были какъ при нападеніи на караулъ, такъ и по прибытіи роты. Сообщеніе объ ударѣ арестанта Соколовскимъ ложно. По слѣдствію имѣется указаніе на соглашеніе съ арестантами верхнихъ этажей того же корпуса“.

Вотъ, что пока устанавливаетъ предварительное слѣдствіе. Въ настоящую минуту я имѣю возможность представить Государственной Думѣ только это на ея разсмотрѣніе. Я еще обязанъ сказать, что, хотя теперь никакихъ данныхъ я не могу представить относительно указаній на прокурорскій надзоръ, но я считаю, что эти

указанія совершенно невѣроятны. Если бы нашелся товарищъ прокурора или прокуроръ, который бы дѣйствовалъ такъ, какъ здѣсь указано, то это было бы совершенно несогласно съ традиціями прокурорскаго надзора. Прокурорскій надзоръ слишкомъ хорошо знаетъ, что такія средства никакого вліянія на направленіе дѣла не имѣютъ и никогда не могутъ ничего открыть полезнаго. Между тѣмъ, прибѣгая къ этимъ средствамъ, товарищъ прокурора или прокуроръ слишкомъ многимъ рисковали бы, дѣйствуя притомъ безъ всякой пользы, безъ всякой нужды и несправедливо.

18. Министръ юстиціи.

Всхожу на каѳедру вовсе не съ цѣлью касаться той области чувства, которой было сегодня посвящено такъ много рѣчей. Пытка, ея ужасы, они въ гораздо болѣе сильныхъ выраженіяхъ, господа, описаны и, конечно, осуждены. Сколько бы по этому поводу ни говорили, эта область останется той областью, которая имѣетъ одну, весьма опредѣленную оцѣнку. Позволяю себѣ моими разъясненіями коснуться только одной интересующей меня стороны, стороны, которую я назову стороной дѣловой. Ставлю себя въ положеніе отвѣчающаго въ будущемъ на запросъ, который поддерживается весьма многими представителями Государственной Думы. Считаю необходимымъ по этому поводу указать на смѣшеніе въ запросѣ совершенно различныхъ предметовъ. Исторія настоящаго запроса, а онъ имѣетъ свою исторію, относится къ безпорядкамъ, которые произошли въ рижской тюрьмѣ. Всѣмъ вамъ памятно то опасеніе, которое среди васъ возникло вслѣдствіе слуховъ, появившахся о томъ, что виновники безпорядковъ предаются военно-полевому суду. Недовѣріе къ тому, что исходитъ отъ правительственной власти, доходило по этому вопросу даже до того, что, когда здѣсь въ Государственной Думѣ была оглашена телеграмма, полученная отъ временнаго генералъ-губернатора, то были даже сдѣланы возраженія

о большой достовѣрности свѣдѣній, которыя были положены въ основаніе извѣстій о предстоящемъ преданіи военно-полевому суду. Сегодня объ этомъ уже не говорили больше. Вопросъ о военно-полевомъ судѣ отпалъ. Но зато по отношенію къ безпорядкамъ въ рижской тюрьмѣ появилось указаніе въ запросѣ на то, что безпорядки эти были вызваны оскорбленіемъ, которое было будто бы нанесено одному арестанту тюремнымъ сторожемъ. Такимъ образомъ, въ запросѣ говорится о безпорядкахъ, въ тюрьмѣ происшедшихъ, и о причинѣ, эти безпорядки вызвавшей. Но содержаніе запроса, въ которомъ упомянуто въ концѣ о безпорядкахъ, посвящено затѣмъ за обширный періодъ времени описанію тѣхъ способовъ воздѣйствія, которые якобы предпринимались чинами полиціи при производствѣ розысковъ. Я утверждаю, что въ запросѣ, такимъ образомъ, содержится два совершенно различныхъ предмета: одинъ, которому посвящены цѣлыя страницы, касается, за періодъ весьма значительный, дѣйствій полицейской власти; второй же предметъ, помѣщенный въ концѣ запроса, касающійся событій ближайшаго прошлаго, а именно безпорядковъ въ тюрьмѣ, относится уже къ дѣйствіямъ тюремной стражи и военной команды, призванной для прекращенія этихъ безпорядковъ. Позвольте прежде всего коснуться второго предмета. По поводу второго предмета Государственной Думѣ было сообщено моимъ товарищемъ-сенаторомъ Люце содержаніе телеграммы, удостовѣряющей о данныхъ, установленныхъ предварительнымъ слѣдствіемъ. Заявляю вамъ, что правительство, кромѣ свѣдѣній такого рода, никакихъ иныхъ никогда Государственной Думѣ не представитъ. Судебная власть производитъ разслѣдованіе, устанавливаетъ, какъ значилось въ той телеграммѣ, которая была вамъ оглашена, что свѣдѣнія о томъ, что безпорядки возникли будто бы вслѣдствіе оскорбленія, нанесеннаго арестанту, что это обстоятельство есть обстоятельство ложное, и что это установлено предварительнымъ слѣдствіемъ. Поэтому я позволю себѣ утверждать, что никакихъ другихъ свѣдѣній правительство вамъ по этому не представитъ, и если вамъ угодно, тѣмъ не менѣе, несмотря на сдѣланное вамъ здѣсь заявленіе, предъявить по этому

поводу запросъ, то я считаю своею обязанностью въ настоящее время объяснить, что по поводу обстоятельствъ, указанныхъ въ концѣ запроса, правительство считаетъ, что оно отвѣтъ уже дало. Конечно, касаться вопроса о томъ, нуженъ ли, тѣмъ не менѣе, запросъ въ своей заключительной части, я не буду: это не мое дѣло. Я даю мое объясненіе въ качествѣ отвѣчающаго на то, о чемъ говорится въ запросѣ. Оканчивая съ указанною составною частью запроса, я позволилъ бы себѣ сказать, если этотъ запросъ въ разсматриваемой части будетъ, тѣмъ не менѣе, поддержанъ и предъявленъ, то пусть, по крайней мѣрѣ, укажутъ власти источникъ этихъ свѣдѣній. Предварительное слѣдствіе устанавливаетъ, что эти свѣдѣнія ложны. Въ запросѣ же говорится, какъ о фактѣ, о нанесенномъ оскорбленіи, но кѣмъ же это удостовѣряется? Откуда эти свѣдѣнія исходятъ? Объ этомъ ни слова въ запросѣ не говорится. Все то, что я въ настоящее время позволяю себѣ заявить, имѣетъ своею исключительною цѣлью мое стремленіе располагать всѣми средствами, которыя облегчили бы разслѣдованіе, всестороннее освѣщеніе тѣхъ обстоятельствъ, которыя въ запросѣ приводятся. Перехожу къ главной части запроса, называю ее главной, хотя бы потому, что ей посвящены цѣлыя страницы запроса, а именно той части запроса, въ которой упоминается объ истязаніяхъ, побояхъ, словомъ—цѣломъ рядѣ насильственныхъ дѣйствій, которыя, за большой періодъ времени, производились будто бы чинами полиціи, при производствѣ полицейскихъ розысковъ. Ставя себя въ положеніе разслѣдующаго эти обстоятельства, я, естественно, въ правѣ ожидать указанія источниковъ. По источникамъ разслѣдованіе можетъ идти для того, чтобы дать правильный и закономѣрный отвѣтъ на запросъ, который предъявляется. Легко спросить, трудно отвѣчать. Но для того, чтобы отвѣчающій могъ давать свои отвѣты въ полномъ сознаніи правоты удостовѣряемаго, необходимо, чтобы отвѣчающему было сказано, на чемъ основываются тѣ свѣдѣнія, которыми подкрѣпляется сдѣланный запросъ. На этомъ я и позволяю себѣ покончить. По моему мнѣнію, запросъ содержитъ въ себѣ двѣ части, которыя должны быть совершенно отдѣлены. Одна изъ

нихъ относится къ происходившему въ Рижской тюрьмѣ. По этому поводу Государственной Думѣ уже представлены тѣ разъясненія, которыя и являются по этому предмету единственно возможными. Что касается другой части запроса, то для того, чтобы эта часть запроса могла со стороны правительства вызвать отвѣтъ, я позволю себѣ утверждать, что для того, чтобы отвѣтъ былъ достаточно полный и достаточно всесторонній, необходимо указаніе на источники, изъ которыхъ исходятъ свѣдѣнія, на источники, которыми подкрѣпляются свѣдѣнія, приведенныя и изложенныя въ запросѣ.

19. Министръ юстиціи Щегловитовъ.

Я хочу сказать нѣсколько словъ по поводу заявленій, сдѣланныхъ послѣдними двумя ораторами, въ особенности первымъ изъ нихъ, о томъ, что предварительное слѣдствіе только въ части, касающейся безпорядковъ, происходившихъ въ рижской тюрьмѣ, можетъ выяснить обстоятельства дѣла. При этомъ я позволилъ бы себѣ только замѣтить Гессену, говорившему по этому поводу, что предварительныя слѣдствія по обстоятельствамъ, напечатаннымъ въ запросѣ Государственной Думы, возникать не могутъ. Они возникаютъ по тѣмъ основаніямъ, которыя изложены въ уставѣ уголовнаго судопроизводства, и хотя бы много разъ въ запросѣ удостовѣрялось, что безпорядки въ рижской тюрьмѣ произошли вслѣдствіе оскорбленія, нанесеннаго арестанту, содержащемуся въ ней— предварительное слѣдствіе по поводу этого оскорбленія не возникнетъ до тѣхъ поръ, пока не поступила жалоба со стороны того, кого въ запросѣ признають оскорбленнымъ. Но дѣло не въ этихъ подробностяхъ; дѣло заключается въ томъ, что предварительное слѣдствіе производится по поводу безпорядковъ въ рижской тюрьмѣ, и я совершенно недоумѣваю, почему члену Думы Гессену угодно было указывать на необходимость производства предварительнаго слѣдствія. Да, вѣдь, оно производится. Въ этомъ состоитъ сущность

моего заявленія; я ничего другого по поводу этихъ безпорядковъ, какъ производство предварительнаго слѣдствія, не могу предложить,—повторяю еще разъ: оно уже производится. Требовать чего-либо дальнѣйшаго по этому поводу представляется совершенно невозможнымъ. Если бы вопреки тому, что устанавливается предварительнымъ слѣдствіемъ, въ запросѣ все-таки будетъ указано на то, что безпорядки были вызваны не коллективно задуманнымъ желаніемъ устроить массовый побѣгъ изъ рижской тюрьмы, а будто бы оборонительными дѣйствіями арестантовъ, на которыхъ нападали надзиратели, то подтвердите это обстоятельствами. Какъ вы хотите, чтобы вамъ отвѣтили, когда вамъ говорятъ, что предварительное слѣдствіе признаетъ это ложнымъ и невѣрнымъ. Но намъ отвѣчаютъ только одно: это въ достаточной степени здѣсь выяснено и освѣщено. Между тѣмъ ни одинъ изъ говорившихъ ораторовъ этого обстоятельства не касался. Въ преніяхъ изъ рижской тюрьмы переѣзжали въ Ростовъ, заѣзжали въ Тифлисъ и попадали въ Акатуевъ, но по поводу того, что является ближайшимъ образомъ предметомъ конечной части запроса, здѣсь никто не говорилъ. Несмотря на это, ораторы продолжаютъ утверждать, что запросъ долженъ быть предъявленъ въ полномъ объемѣ. Господа, все сказанное двумя послѣдними ораторами еще въ большей степени убѣдило меня въ томъ, что въ вашемъ запросѣ смѣшаны два предмета. Вообще два предмета никогда не слѣдуетъ смѣшивать, а когда рѣчь идетъ о запросѣ, то для того, чтобы отвѣтъ получался надлежащій, слѣдуетъ избѣгать указаннаго смѣшенія. Вѣдь это же азбучная истина. Вопросъ нужно ставить правильно. Если я въ настоящее время такъ близко къ сердцу принимаю правильность постановки вашего запроса, то единственно изъ желанія дать вамъ полный и надлежащій отвѣтъ.

20. Министръ юстиціи.

Я уже, конечно, совершенно не предполагалъ, что мнѣ придется сегодня и въ третій разъ взойти на эту каѳедру, но побу-

ждаетъ меня къ тому необходимость. Со стороны члена Государственной Думы Пергамента, обладающаго, несомнѣнно, достаточной полнотой юридическихъ познаній, были приписаны мнѣ такого рода удостовѣренія, которыхъ я не дѣлалъ. Съ этой каѳедры, господа, вы отъ министра юстиціи не слышали о томъ, чтобы вы не обращали къ министру юстиціи, а къ министру внутреннихъ дѣлъ первую часть вашего запроса. Я этого не говорилъ, я не указывалъ на то, что запросъ будто бы неправильно обращается къ тому или другому министру — нѣтъ, господа, обратите этотъ запросъ хотя бы весь, въ полномъ объемѣ, къ министру юстиціи — онъ его приметъ, и если бы онъ оказался ошибочно засланнымъ, то онъ будетъ препровожденъ по принадлежности. Такими подробностями я не сталъ бы васъ занимать, и когда я говорилъ о томъ, что первая часть запроса упоминаетъ о неправильныхъ дѣйствіяхъ чиновъ полиціи, то этимъ я вовсе не имѣлъ въ виду, чтобы вы запросъ направили къ министру внутреннихъ дѣлъ. Я знаю, что въ этомъ запросѣ брошено обвиненіе по адресу прокурорскаго надзора—ужъ этого одного достаточно для того, чтобы этотъ запросъ летѣлъ, хотя бы въ одной своей частицѣ, къ министру юстиціи. Запросъ долженъ быть направленъ къ тѣмъ министрамъ, къ вѣдѣнію которыхъ относятся обстоятельства, въ немъ указанныя. Но это далеко не все, что утверждалъ здѣсь членъ Думы Пергаментъ. Въ возраженіи противъ моего заявленія о томъ, что въ запросѣ смѣшиваются разные предметы, была сдѣлана ссылка на объединеніе всего сказаннаго въ немъ одною мыслью. Но если на этомъ основаніи объединять, то, конечно, запросъ можно сдѣлать до нельзя обширнымъ, и тогда, дѣйствительно, мои соображенія должны быть признаны совершенно отпавшими. Но не мыслью должны быть объединены тѣ запросы, съ которыми обращается Государственная Дума къ правительству, они должны быть объединены предположеніемъ о неправильности дѣйствій въ области тѣхъ или другихъ происшествій, совершенно точно опредѣленныхъ и ясно разграниченныхъ. Вотъ какъ должны быть, по моему мнѣнію, предъявляемы запросы, и только на такіе запросы

можно ожидать совершенно ясныхъ и опредѣленныхъ отвѣтовъ. Далѣе никоимъ образомъ не могу согласиться съ членомъ Государственной Думы Пергаментомъ въ томъ, чтобы законодательное учрежденіе, какъ бы высоки его полномочія ни были, могло входить въ обсужденіе того, что предварительное слѣдствіе произведено односторонне, что обвинительный актъ недостаточно освѣтилъ обстоятельства дѣла. Нѣтъ, господа, это тотъ самый вопросъ, о которомъ я уже имѣлъ честь представлять мои объясненія Государственной Думѣ. Высоко законодательное учрежденіе, но высока и судебная власть, и вмѣшиваться одной въ область другой не слѣдуетъ. *(Шумъ)*. Предварительное слѣдствіе, произведенное, скажу я въ отвѣтъ на сказанное членомъ Государственной Думы Пергаментомъ, получитъ законное дальнѣйшее направленіе, и зависѣть это направленіе никоимъ образомъ не можетъ отъ того, что по этому поводу выскажетъ Государственная Дума. Если предварительное слѣдствіе произведено неправильно, если оно неправильно направлено, для этого имѣются законные способы, въ вѣдѣніи судебной власти находящіеся, которыми эти неправильности и должны быть исправлены, должны быть устранены. Полагаю, что свѣдѣнія объ этихъ способахъ, достаточно полныя, имѣются въ распоряженіи члена Государственной Думы Пергамента. Въ заключеніе я утверждаю, что въ запросѣ смѣшаны различные предметы, и что по отношенію къ событію, о которомъ говорится въ концѣ запроса, производится предварительное слѣдствіе. Было сказано между прочимъ, и сказанное произвело впечатлѣніе: не Дума представитъ доказательства, а правительство должно представить доказательства. Но вѣдь мои соображенія касались обстоятельствъ, разслѣдуемыхъ предварительнымъ слѣдствіемъ. Я удостовѣряю то, что устанавливается предварительнымъ слѣдствіемъ, а мнѣ на это говорятъ: да вы представьте доказательства. Я этого положенія, хотя оно казалось чрезвычайно красивымъ и соблазнительнымъ, въ примѣненіи къ тому вопросу, о которомъ я имѣю честь въ настоящее время говорить, совершенно не понимаю. Оно неприложимо къ разсматриваемому запросу. Предвари-

тельное слѣдствіе производится: оно обнаруживаетъ совершенно иную картину всего происшедшаго въ рижской тюрьмѣ. Противъ этого возражаютъ въ запросѣ и говорятъ, что это было совсѣмъ иначе. Въ такомъ случаѣ я въ правѣ сказать: представьте доказательства вашего утвержденія. Между прочимъ Пергаментомъ было упомянуто, что въ концѣ запроса говорится не только объ оскорбленіи, но еще и о стрѣльбѣ. Но, господа, распространяться ли по этому поводу, когда въ тюрьмѣ бунтъ? Когда нужно прекратить этотъ бунтъ, то печальная необходимость заставляетъ стрѣлять; конечно очень печально, что отъ этой мѣры, примѣненной въ силу необходимости, были и жертвы, но что же дѣлать!? Нѣтъ никакой возможности давать развиваться бунту, и тѣ власти, которыя поставлены для охраненія порядка въ тюрьмѣ, та военная команда, которая призвана для усмиренія бунта, конечно должна была стрѣлять. Неужели мнѣ нужно было это объяснять? *(Апподисменты справа).*

21. Военный министръ.

Правительству былъ предъявленъ запросъ по дѣлу объ отмѣнѣ московскимъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками генераломъ Гершельманомъ приговора военно-полевого суда надъ братьями Кобловыми и Тараканниковыми, обвинявшимися въ убійствѣ городового Стребкова. Считаю нужнымъ раньше всего остановиться на фактической сторонѣ дѣла, такъ какъ въ засѣданіи Государственной Думы 3 апрѣля въ этомъ отношеніи были приведены свѣдѣнія, которыя оказались невѣрными. Здѣсь говорилось, что все дѣло сводилось не къ нанесенію Стребкову тяжкихъ ранъ, а къ дракѣ между пьяными земляками; земляки эти вмѣстѣ со Стребковымъ сначала угощались, затѣмъ разошлись, вновь его нашли на посту и стали къ нему приставать, чтобы онъ снова шелъ съ ними угощаться, и когда онъ отказался, то затѣялась драка, во время которой Стребкову была разсѣчена

кожа надъ глазомъ. Свѣдѣнія эти оказались неточными. Во-первыхъ, Стребковъ происходилъ изъ крестьянъ Орловской губерніи, Тараканниковы происходили изъ Владимірской губерніи и Кобловы изъ Московской—земляками они, слѣдовательно, не были. Затѣмъ, нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы Стребковъ вообще въ этотъ день угощался съ кѣмъ бы то ни было, такъ какъ врачъ, который дѣлалъ ему перевязку, свидѣтельствуетъ, что отъ него не пахло виномъ. Наконецъ, Стребкову не только была разсѣчена кожа надъ глазомъ, но ему было нанесено три тяжкихъ раны, между прочимъ, съ поврежденіемъ черепа, и отъ этихъ ранъ онъ черезъ нѣсколько дней скончался. То, что эти раны были нанесены именно братьями Тараканниковыми и Кобловыми удостовѣрялось, во-первыхъ, показаніями самого потерпѣвшаго Стребкова, во-вторыхъ, тѣмъ, что у нихъ были найдены шашка и револьверъ убитаго городового, и, наконецъ, показаніями случайно бывшаго при этомъ свидѣтеля. Московскій генералъ-губернаторъ, принимая во вниманіе, что это было уже не первое дерзкое нападеніе на городовыхъ, призналъ нужнымъ предать всѣхъ четырехъ обвиняемыхъ военному-полевому суду, при чемъ къ нимъ было предъявлено обвиненіе въ нападеніи на городового и въ покушеніи на убійство его, сопровождавшемся нанесеніемъ тяжкихъ ранъ. Затѣмъ, всѣ дальнѣйшія распоряженія генерала Гершельмана исходили отъ него, какъ отъ командующаго войсками округа, почему объясненія по этимъ дѣйствіямъ представляются военнымъ министромъ.

По установленному генераломъ Гершельманомъ порядку, онъ тотчасъ по рѣшеніи передать дѣло военно-полевому суду призвалъ къ себѣ предсѣдателя очередного состава военно - полевого суда, передалъ ему дѣло и приказалъ ему отправиться въ окружной штабъ, съ тѣмъ, чтобы тамъ былъ составленъ приказъ по округу объ учрежденіи военно-полевого суда. По недоразумѣнію предсѣдатель суда этого не исполнилъ, немедленно созвалъ судъ и приступилъ къ разсмотрѣнію дѣла. Въ тотъ же день, вечеромъ предсѣдатель представилъ командующему войсками приговоръ суда,

на основанiи котораго всѣ четыре обвиняемые присуждались къ каторжнымъ работамъ безъ срока.

На основанiи закона приговоры военно-полевыхъ судовъ не нуждаются въ какомъ-либо утвержденiи, они лишь передаются военному начальству для исполненiя. И въ данномъ случаѣ этотъ приговоръ не нуждался въ какомъ либо утвержденiи командующимъ войсками, но командующiй войсками долженъ былъ войти въ разсмотрѣнiе этого приговора: имѣетъ ли онъ законную силу и составленъ ли онъ такъ, какъ того требуетъ законъ? При разсмотрѣнiи этого вопроса генералъ Гершельманъ раньше всего обратилъ вниманiе на то, что судъ собрался безъ учрежденiя его приказомъ округа, только на основанiи словеснаго его приказанiя; затѣмъ, входя въ разсмотрѣнiе приговора по существу, онъ не могъ не замѣтить, что этимъ приговоромъ нарушены основныя, элементарныя правила уголовнаго судопроизводства. На основанiи общихъ правилъ, приговоръ раньше всего долженъ заключать въ себѣ опредѣленiе—виновны ли подсудимые въ томъ преступленiи, за которыя они были преданы суду; а, затѣмъ, онъ долженъ заключать въ себѣ указанiе на статью закона, на основанiи которой они присуждаются къ тому или иному наказанiю. Ни того ни другого въ постановленiи суда не было. Какъ было упомянуто, всѣ подсудимые были преданы суду за покушенiе на убiйство и нанесенiе при этомъ тяжкихъ ранъ. Судъ не разрѣшилъ вопроса о томъ, было ли покушенiе на убiйство, или нѣтъ, онъ просто приговорилъ ихъ къ извѣстному наказанiю за то, что они нанесли тяжкiя раны. Затѣмъ, въ постановленiи суда не было ссылки на статью закона, на основанiи которой они присуждались къ каторжнымъ работамъ безъ срока. При такихъ условiяхъ командующiй войсками не могъ признать за этимъ приговоромъ силы законнаго рѣшенiя, онъ не могъ привести этотъ приговоръ въ исполненiе. Приговоръ этотъ былъ постановленъ съ нарушенiемъ закона и не могъ имѣть законной силы. Вслѣдствiе этого генералу Гершальману оставалось только одно — признать приговоръ законно несостоявшимся и передать это дѣло на разсмотрѣнiе другого суда,

который это дѣло разсмотрѣлъ и приговорилъ всѣхъ подсудимыхъ къ смертной казни. Разница между приговоромъ перваго и второго военно-полевыхъ судовъ давала основаніе предполагать, что генералъ Гершельманъ не обратилъ перваго приговора въ исполненіе потому, что онъ якобы требовалъ, чтобы непремѣнно была назначена смертная казнь. Изъ вышеизложеннаго видно, что это не основательно. Первый приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе потому, что за нимъ нельзя было признать законной силы, и, дѣйствительно, военная власть не имѣетъ права принимать къ исполненію всякое постановленіе, если оно постановлено съ нарушеніемъ закона. Что было бы, если бы первый судъ приговорилъ къ смертной казни, а командующій войсками привелъ этотъ приговоръ въ исполненіе, несмотря на то, что этотъ приговоръ былъ постановленъ съ нарушеніемъ закона? Считаю нужнымъ еще указать, что вся дѣятельность генерала Гершельмана во все время существованія военно-полевыхъ судовъ доказываетъ его полное уваженіе къ рѣшеніямъ этихъ судовъ, когда они постановлялись въ законномъ порядкѣ. Что онъ не требовалъ непремѣнно смертныхъ приговоровъ, видно изъ того, что имъ приведены въ исполненіе пять приговоровъ, въ которыхъ постановлялись иныя наказанія: въ трехъ случаяхъ, а именно по дѣламъ о Киндяковѣ, Дрождинѣ и Евсѣевѣ, судъ приговаривалъ къ каторжнымъ работамъ на различные сроки, въ одномъ случаѣ, по дѣлу объ Андреевѣ, судъ вынесъ оправдательный приговоръ, наконецъ, въ одномъ случаѣ, по дѣлу Фролова и братьевъ Ильиныхъ, судъ отказался приступить къ разсмотрѣнію дѣла, такъ какъ призналъ обвиненіе недостаточно доказаннымъ. На основаніи всего вышеизложеннаго я и прихожу къ выводу, что въ данномъ случаѣ не было отмѣны приговора; въ данномъ случаѣ было только непризнаніе законной силы за приговоромъ, постановленнымъ съ нарушеніемъ закона, что я признаю вполнѣ правильнымъ и отвѣчающимъ обстоятельствамъ дѣла.

22. Министръ юстиціи.

Правильное обсужденіе отвѣта на запросъ, который былъ сдѣланъ Государственной Думой правительству, обусловливается тѣмъ, чтобы, по возможности, все относящееся къ воздѣйствію на чувства, было устранено. Между тѣмъ, при самомъ первоначальномъ обсужденіи этого запроса, уже была нарисована фантастическая картина совершенно невѣрнымъ фактическимъ изложеніемъ обстоятельствъ дѣла, которое было предметомъ обсужденія въ двухъ военно-полевыхъ судахъ. Когда правительство получило возможность заявить о фактической невѣрности этой картины, тогда здѣсь, съ этой трибуны, было заявлено, что упрекъ этотъ признается заслуженнымъ, и когда отъ фактической стороны не осталось ничего, что подтверждало бы *(смѣхъ слѣва и центра; шиканье)* нарисованную ранѣе картину, тогда перешли уже въ область юридическаго спора и въ этомъ юридическомъ спорѣ не только поспѣшили объявить, что генералъ Гершельманъ совершилъ преступленіе, но пошли гораздо дальше и сказали правительству, что оно провозглашаетъ апологію преступленія *(голоса:* правильно! вѣрно!), что правительство занимается политикой безсознательной провокаціи *(голоса:* сознательной). Скажу на это одно: для вывода нужны посылки; для вывода должна быть логическая связь между тѣмъ, изъ чего извѣстный выводъ дѣлается, и самымъ выводомъ. Признавая преступленіе въ дѣйствіяхъ Гершельмана, а апологію преступленія въ томъ, что правительство преступленія не усматриваетъ, правильно ли дѣлается заключеніе? Когда правительство говоритъ, что генералъ Гершельманъ приговора перваго военно-полевого суда не отмѣнилъ, на это отвѣчаютъ: нѣтъ, генералъ Гершельманъ приговоръ военно-полевого суда отмѣнилъ. Удостовѣряю передъ Государственной Думой, что резолюція генерала Гершельмана не содержитъ въ себѣ словъ: „Отмѣняю приговоръ военно-полевого суда“. *(Смѣхъ, шиканье слѣва и центра).* Господа, повторяю вамъ

еще разъ, что въ резолюціи того, что приписываютъ здѣсь генералу Гершельману, не содержится. Не можемъ и не имѣемъ мы права приписывать генералу Гершельману то, чего онъ не сдѣлалъ. Генералъ Гершельманъ положилъ резолюцію объ оставленіи приговора безъ исполненія. Но на это возражаютъ, что это споръ о словахъ, существо остается то же самое. Позвольте же спросить того оратора, который, обладая юридическими знаніями, не пожелалъ ни одного слова отвѣтить на заявленіе, которое здѣсь было сдѣлано военнымъ министромъ. Приговоръ военно-полевого суда оставилъ безъ разрѣшенія обвиненіе, которое было предъявлено Кобловымъ и Тараканниковымъ. Они были преданы суду по обвиненію въ покушеніи на убійство. Судебный приговоръ и долженъ былъ отвѣтить на вопросъ: виновны ли подсудимые въ покушеніи на убійство или нѣтъ? Если по этому предмету никакого отвѣта не дано, то и нѣтъ судебнаго приговора, который бы разрѣшалъ предъявленное обвиненіе. Первый военно-полевой судъ говоритъ, что Кобловы и Тараканниковы виновны въ нанесеніи тяжкихъ ранъ, но составляютъ ли эти тяжкія раны посягательство на жизнь городового, могутъ ли онѣ учитываться какъ посягательство на его жизнь или нѣтъ—по этому поводу въ судебномъ приговорѣ не содержится ни слова. Не было приговора военно-полевого суда, который былъ бы, повторяю, разрѣшеніемъ этого обвиненія, предъявленнаго Кобловымъ и Тараканниковымъ. Такимъ образомъ, обращая это дѣло къ вторичному разсмотрѣнію военно-полевого суда, генералъ Гершельманъ предъявилъ, въ сущности, лишь требованіе разрѣшить то обвиненіе, которое его резолюціей предъявлялось къ Кобловымъ и Тараканниковымъ. Конечно, говорить о преступленіи чрезвычайно легко, я особенно въ этомъ убѣдился въ сегодняшнемъ засѣданіи. Какъ только говорятъ о правительствѣ, какъ только говорятъ о должностномъ лицѣ, слово «преступленіе» привѣтствуется. Но, господа, положеніе власти и безъ того трудное въ революціонное время... *(Шумъ слѣва; голоса:* такъ уходите, уходите...) Безъ того на власть нареканія сыплются. Между тѣмъ, при такихъ условіяхъ приписываніе власти всякаго рода преступленій

безъ достаточнаго основанія прибавлять, къ затрудненіямъ существующимъ еще новыя. Незачѣмъ намъ, правительству, приписывать то, что здѣсь говорилось; ни о какой апологіи преступленій, ни о какой политикѣ безсознательной провокаціи, конечно, рѣчи быть не можетъ. Если преступленіе доказано, то само собою разумѣется, правительство всегда первое пойдетъ навстрѣчу тому, чтобы виновные въ преступленіи были подвергнуты законной отвѣтственности... *(Шумъ)*. Но не будемте говорить о преступленіи тамъ, гдѣ его нѣтъ, не будемъ подрывать довѣрія къ власти, когда эта власть всѣми законными средствами борется съ тѣмъ, чтобы побороть тѣ преступныя проявленія, которыя, выбрасывая громкія слова о свободѣ, нарушаютъ и попираютъ эту свободу самымъ возмутительнымъ образомъ. *(Аплодисменты справа. Шумъ слѣва. Звонокъ предсѣдателя)*.

23. Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, сенаторъ Макаровъ.

Происходившія сегодня пренія о неправильныхъ дѣйствіяхъ генерала Гершельмана относились неоднократно къ нему, какъ къ генералъ-губернатору. Дѣятельность его въ качествѣ генералъ-губернатора относится къ вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ, поэтому мой долгъ представить по этому поводу дополнительныя разъясненія. Я долженъ сказать, что прежде всего протестую противъ предложенія представителямъ правительства забронироваться искусственной броней въ видѣ 143 статьи воинскаго устава о наказаніяхъ. Внѣ всякаго сомнѣнія, что такого рода отводъ правительству не могъ не быть извѣстенъ. Но правительство, въ лицѣ представляющихъ свои заключенія министровъ и, по ихъ уполномочію, ихъ товарищей, къ такимъ пріемамъ прибѣгать не намѣрено, а намѣрено открыто и смѣло, по совѣсти и своему разумѣнію, предста-

вить тѣ объясненія, которыя вытекаютъ изъ обстоятельствъ дѣла и основаны на законахъ. Что касается дѣятельности генералъ-лейтенанта Гершельмана въ качествѣ генералъ-губернатора, то я полагаю, что въ этомъ отношеніи, никакихъ споровъ или недоразумѣній возникнуть не можетъ. Дѣятельность московскаго генералъ-губернатора по дѣлу, составляющему предметъ настоящаго запроса, сводилась, въ сущности, къ одному акту, къ акту передачи дознанія о нападеніи на городового Скребкова военно-полевому суду. Для законности такой передачи необходимы три условія: первое—нахожденіе мѣстности, въ которой дѣло возникло, въ положеніи чрезвычайной охраны или на военномъ положеніи; второе—очевидность совершеннаго преступленія и, третье,—распоряженіе главноначальствующаго. Несомнѣнно, что первое условіе на лицо, потому что Москва и Московская губернія въ это время были въ положеніи чрезвычайной охраны. Очевидность также была на лицо, потому что вслѣдъ за совершеніемъ приписываемаго Тараканниковымъ и Кобловымъ преступленія, они были задержаны съ поличнымъ и признаны свидѣтелемъ-очевидцемъ за лицъ, напавшихъ на городового Скребкова. Распоряженіе главноначальствующаго, въ лицѣ московскаго генералъ-губернатора, было сдѣлано, и такимъ образомъ дѣйствія генерала Гершельмана, въ качествѣ генералъ-губернатора не заключаютъ въ себѣ никакихъ отступленій отъ закона. Все послѣдующее, если ознакомиться ближайшимъ образомъ съ закономъ 19 августа 1906 г., относится уже къ дѣйствіямъ генералъ-лейтенанта Гершельмана, какъ командующаго войсками округа. Прежде всего, по первой статьѣ перваго отдѣла этого закона долженъ быть *учрежденъ* военно-полевой судъ по распоряженію военной власти, затѣмъ, судъ этотъ разсматриваетъ дѣло, и приговоръ направляется опять-таки военной власти для исполненія. Такимъ образомъ судъ военный долженъ быть *„учрежденъ“*. Учрежденіе какого бы то ни было военнаго установленія достигается составленіемъ по этому поводу соотвѣтствующаго приказа: военные судьи должны быть назначены соотвѣтствующимъ приказомъ; такъ назначаются полковые судьи, такъ назначаются

временные и запасные судьи военно-окружныхъ судовъ. Несомнѣнно, что для учрежденія военно-полевого суда по этому дѣлу нуженъ былъ приказъ объ образованіи этого военно-полевого суда, потому что военно-полевой судъ по закону 19 августа 1906 г. не является учрежденіемъ постояннымъ, а представляется установленіемъ, образовываемымъ ad hoc, по каждому данному дѣлу въ отдѣльности. Спрашивается, когда 27 ноября разсматривалось впервые дѣло по обвиненію Кобловыхъ и Тараканниковыхъ, то былъ ли учрежденъ военно-полевой судъ по этому дѣлу, или не былъ? Я отвѣчаю— нѣтъ, не былъ, потому что приказъ по войскамъ московскаго военнаго округа объ учрежденіи военно-полевого суда состоялся 28 ноября 1906 г. за № 541, т. е. на другой день послѣ того, какъ судъ этотъ состоялся. Вотъ основанія, почему суда не было, а если это такъ, то и постановленіе, которое вечеромъ 27 ноября было представлено генералу Гершельману, въ качествѣ приговора суда, составляло не приговоръ, потому что оно исходило изъ учрежденія, юридически не существовавшаго. *(Смѣхъ и шумъ).* Вотъ, по моему, юридическая сторона этого дѣла, но я позволю себѣ прибавить нѣсколько словъ и о сторонѣ фактической. Въ самомъ запросѣ она изложена коротко, но въ развитіе этого запроса было много говорено по этому поводу 3 апрѣля. Я долженъ сознаться, что съ тяжелымъ чувствомъ слушалъ я слова, которыя описывали дѣйствія покойнаго городового Скребкова въ несчастный для него вечеръ 26 ноября. Онъ изображался должностнымъ лицомъ, которое въ этотъ вечеръ пьянствовало вмѣстѣ съ обвиняемыми и засимъ участвовало въ дракѣ, повлекшей за собой причиненіе ему тяжкихъ поврежденій. Это неправильно. Это неправда. Городовой Скребковъ, маленькій служащій, заступиться за котораго некому. *(Смѣхъ).* Городовыхъ Скребковыхъ, этихъ простыхъ русскихъ людей, исполняющихъ свои обязанности ежедневныя, тяжелыя, трудныя, очень много. Многіе изъ нихъ выходятъ утромъ на свой постъ, не зная, вернутся ли они живыми къ вечеру. Сотни изъ нихъ, господа, гибнутъ, и, если этихъ людей порочить послѣ ихъ смерти, если только на основаніи того, что двери военно-полевыхъ судовъ закрыты, оправ-

дывать то, чего въ дѣйствительности не было, слухами, которые „плодятся и растутъ“, то я скажу, если вы не находите возможнымъ поддерживать ихъ мужество вашимъ авторитетнымъ словомъ, пощадите, по крайней мѣрѣ, ихъ память.

24. Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ сенаторъ Крыжановскій.

Господа! Внося въ Государственную Думу проектъ установленія штатовъ послѣдней, правительство руководилось однимъ лишь желаніемъ ускорить разсмотрѣніе этого дѣла, такъ какъ въ случаѣ возникновенія его по почину самой Думы приходилось бы ждать мѣсяцъ, прежде чѣмъ назначить его къ слушанію. Ограничивая, такимъ образомъ, свою роль одной только формальностью, правительство приняло цѣликомъ весь тотъ проектъ, который былъ составленъ секретаремъ Думы, не входя въ обсужденіе ни размѣровъ содержаній, ни числа должностныхъ лицъ, ни даже того, насколько имѣется дѣйствительная необходимость въ учрежденіи особыхъ должностей, завѣдывающихъ отдѣлами при наличіи четырехъ товарищей секретаря; оно ограничилось лишь нѣкоторыми техническими замѣчаніями по отдѣльнымъ статьямъ и предположеніямъ, которыя и предлагаетъ Государственной Думѣ. Угодно ли Думѣ принять ихъ или нѣтъ, правительству безразлично, ибо оно разсматриваетъ штаты, какъ дѣло внутренняго устроенія Государственной Думы. Но въ проектѣ секретаря и въ заключеніяхъ соединенныхъ комиссій, здѣсь вамъ доложенныхъ, имѣется одно предположеніе, далеко выходящее изъ предѣловъ штата канцеляріи Думы и вносящее, хотя и незамѣтное, на первый взглядъ, но весьма существенное измѣненіе, въ самый законъ о Думѣ. Съ этимъ предположеніемъ правительство не могло согласиться и продолжаетъ возражать и нынѣ. Дѣло вотъ въ чемъ: по закону — пунктъ 5 приложенія къ ст. 30 учрежденія Государственной Думы—дѣло-

производителями канцеляріи и ихъ помощниками назначаются лица, окончившія курсъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній и пробывшія на службѣ государственной или по выборамъ дворянскимъ, земскимъ и городскимъ не менѣе трехъ лѣтъ.

25. Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ сенаторъ Крыжановскій.

Господа, такъ какъ мы разсматриваемъ проектъ въ разбросъ, по мелочамъ, и приходится говорить послѣдовательно по статьямъ, механически раздѣленнымъ, хотя и внутренно связаннымъ, то я извиняюсь за тѣ повторенія, которыя придется сдѣлать. Останавливаюсь въ данную минуту на статьѣ 5. Статья 5 дѣйствующаго закона устанавливаетъ для занятія высшихъ должностей въ канцеляріи два условія, два ценза. Во-первыхъ, требуется образованіе, во-вторыхъ, извѣстный житейскій опытъ, пріобрѣтаемый службой государственной, общественной или сословной. На первомъ мѣстѣ стоитъ образованіе. Между тѣмъ, въ заключеніи соединенной комиссіи эти два ценза раздѣлены, и требуется или образованіе или предшествующая служба. Такимъ образомъ обязательность образованія исключается, и, въ сущности, требованіе образованія какъ будто для приличія, для вида сохраняется, но на дѣлѣ оно упраздняется совершенно. Выходитъ впечатлѣніе такое, какъ будто не хотятъ прямо сказать, что не нужно образованія для занятія высшихъ должностей, а говорятъ: нѣтъ, образованіе нужно, но можно въ извѣстныхъ случаяхъ обойтись безъ него. Подобная постановка дѣла нарушала бы въ корнѣ все то, что сдѣлано въ теченіе послѣдняго десятилѣтія для улучшенія состава служащихъ въ государственныхъ учрежденіяхъ. Съ такой постановкой дѣла правительство согласиться не можетъ и настаиваетъ, чтобы статья 5, въ интересахъ обезпеченія лучшаго состава и дѣеспособности служащихъ въ государственномъ учрежденіи, оставлена была въ этой ея части безъ всякихъ измѣненій.

26. Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, сенаторъ Крыжановскій.

Господа, это примѣчаніе восьмое къ проекту штатовъ есть тотъ второй пунктъ, на которомъ я хотѣлъ остановить ваше вниманіе. Содержаніе его таково, что оно совершенно уничтожаетъ и сводитъ на нѣтъ весь смыслъ и все содержаніе ст. 5 приложенія къ ст. 30 учрежденія Государственной Думы. Достаточно назвать человѣка вольнонаемнымъ, а не штатнымъ служащимъ для того, чтобы освободить его отъ требованія того ценза, который закономъ установленъ. Въ качествѣ вольнонаемнаго можетъ быть, такимъ образомъ, назначено завѣдующимъ отдѣломъ канцеляріи Государственной Думы лицо, не получившее ровно никакого образованія. Правда, въ журналѣ соединенныхъ комиссій имѣется попытка обосновать это примѣчаніе нѣсколько другими соображеніями. Тамъ говорится, что право назначать вольнонаемныхъ на штатныя должности необходимо, напримѣръ, для замѣщенія временно отсутствующаго служащаго или для испытанія пригодности приглашаемыхъ лицъ. Но такъ ли это? Разъ служащій отсутствуетъ временно, очевидно, обязанности его исправитъ его ближайшій помощникъ и онъ ихъ исправитъ лучше, нежели лицо, взятое временно со стороны. Если же человѣка приглашаютъ для испытанія, для опредѣленія того, годенъ ли онъ къ занятію штатной должности, то ясно, что этотъ человѣкъ долженъ отвѣчать всѣмъ тѣмъ условіямъ, какія установлены для занятія штатныхъ должностей. Но этой оговорки въ примѣчаніи нѣтъ. Въ примѣчаніи имѣется ссылка лишь на то, что вольнонаемный, занимающій штатную должность, долженъ удовлетворять требованіямъ ст. 3, т.-е. не совмѣщать въ себѣ нѣкоторыхъ отрицательныхъ признаковъ, преграждающихъ, вообще, доступъ на службу въ канцелярію. Съ такого рода примѣчаніемъ правительство согласиться рѣши-

тельно не можетъ и полагаетъ необходимымъ или совершенно его исключить, по крайней мѣрѣ, въ примѣненіи къ тѣмъ старшимъ должностнымъ лицамъ, о которыхъ трактуетъ п. 5 ст. 30 или изложить его въ иной редакціи, указавъ, что приглашаемые по вольному найму должны удовлетворять всѣмъ тѣмъ требованіямъ, какія установлены для лицъ, замѣщающихъ должности штатныя. Сдѣлавъ это, вы тѣмъ самымъ, господа, скажете окончательно и рѣшительно, что въ канцеляріи Государственной Думы, призванной, очевидно, служить образцомъ порядка и трудоспособности, не можетъ быть мѣста недоучкамъ ни штатнымъ ни вольнонаемнымъ.

27. Министръ народнаго просвѣщенія.

Я просилъ слова, господа, прежде всего, чтобы выразить мою благодарность тѣмъ членамъ Государственной Думы, которые вспомнили, что на ряду съ вопросами, занимавшими до сихъ поръ вниманіе Государственной Думы, стоитъ неотложный законопроектъ, внесенный министерствомъ народнаго просвѣщенія и имѣющій цѣлью приблизить населеніе къ общедоступной школѣ. Я думаю, что я выражу не только свое мнѣніе, если скажу, что общедоступная, здоровая школа является краеугольнымъ камнемъ народнаго благосостоянія и является залогомъ успѣха многихъ изъ тѣхъ предначертаній, которыя нынѣ внесены въ Государственную Думу и касаются разныхъ сторонъ народной жизни. Правда, существуетъ мнѣніе, что счастье не въ знаніяхъ, что съ расширеніемъ человѣческаго кругозора у человѣка увеличиваются и растутъ потребности быстрѣе чѣмъ средства и способы ихъ удовлетворенія и отъ усиливающагося чувства неудовлетворенности обостряются страданія, но если это мнѣніе, можетъ-быть, и справедливо, то лишь въ отношеніи тѣхъ счастливыхъ странъ, гдѣ для жизни человѣку не приходится вести упорную борьбу и съ природой и съ людьми. Къ числу такихъ странъ наше отечество не принадлежитъ; но

крайней мѣрѣ, на громадной части своей территоріи оно природой не избаловано, а тамъ, гдѣ оно богато своими природными сокровищами—у народа для пользованія ими нѣтъ достаточнаго умѣнія и въ экономической борьбѣ съ болѣе культурными сосѣдями, которые привлекаются нашими природными богатствами и являются во всеоружіи знанія, нашъ способный и даровитый, но темный народъ является безоружнымъ. Особенно тягостно и обидно это положеніе для коренного русскаго населенія, для того народа, который своимъ потомъ и кровью собралъ Россійское государство. Я приведу, можетъ быть, большинству здѣсь присутствующихъ и извѣстныя статистическія данныя, по послѣдней народной переписи, о состояніи грамотности въ Россіи. По послѣдней переписи въ имперіи, въ общемъ считается грамотныхъ мужчинъ 29—33%, а женщинъ 13—6%, а вамъ извѣстно, какъ этотъ процентъ распредѣляется по главнымъ народностямъ. Вотъ цифры по той же переписи: нѣмцевъ грамотныхъ—мужчинъ 59,9%, женщинъ—58,5%; литовцевъ и латышей—мужчинъ 52%, женщинъ—52%; евреевъ—мужчинъ—49%, женщинъ—28,2%; финновъ—мужчинъ—35%, женщинъ—27%, поляковъ—мужчинъ—35%, женщинъ—29%; а русскіе—на послѣднемъ мѣстѣ: мужчинъ—29, 58%, а женщинъ—всего 9%, а вѣдь женщина—это мать, которая самой природой назначена быть первой учительницей своего ребенка. Эти цифры говорятъ сами за себя и комментаріевъ не требуютъ. Очевидно, что откладывать долѣе, если не обязательное, то общедоступное начальное обученіе нельзя; надо скорѣе дать возможность нашему народу быть зрячимъ, вывести его изъ темноты. Богъ дастъ, при этихъ условіяхъ онъ и блуждать будетъ меньше, и многія раны, гноящія теперь нашу родину, заживутъ, какъ онѣ зажили, подъ вліяніемъ просвѣщенія, у западныхъ нашихъ сосѣдей. Насколько проектированныя и вносимыя нынѣ на вашу критику предположенія министерства народнаго просвѣщенія окажутся примѣнимы къ жизни, можно будетъ, конечно, судить тогда, когда ихъ примѣненіе начнется, но я счастливъ, что по волѣ Государя Императора на мою долю выпало представить этотъ законопроектъ

вамъ нынѣ и дать движеніе той народной потребности, тому великому дѣлу просвѣщенія народныхъ массъ, котораго оно ждетъ со временъ Петра Великаго, перваго изъ нашихъ Монарховъ, объявившаго и признавшаго, что образованіе не привилегія, а народная потребность. Въ основаніе законопроекта, выработаннаго и внесеннаго теперь въ Государственную Думу министерствомъ народнаго просвѣщенія, положены тѣ же основные принципы, которые были указаны для народной школы редакціонными комиссіями, вырабатывавшими положеніе о крестьянахъ и тогда же признавшими неотложность устройства сѣти сельскихъ школъ. Мысль редакціонныхъ комиссій была выражена въ журналахъ ихъ слѣдующими словами: „Особая комиссія вполнѣ сознаетъ настоятельную необходимость въ сельскихъ училищахъ и считаетъ учрежденіе ихъ, примѣненное къ средствамъ и потребностямъ крестьянъ, одной изъ существеннѣйшихъ мѣръ къ улучшенію крестьянскаго быта. Вопросъ этотъ не только важенъ по отношенію къ нравственному улучшенію крестьянскаго сословія и усовершенствованію нашего сельскаго хозяйства, но онъ находится въ ближайшей связи съ осуществленіемъ всей реформы, предпринимаемой нынѣ правительствомъ, ибо большая часть начертываемыхъ нынѣ постановленій тогда только достигнетъ своей цѣли, когда крестьянское сословіе будетъ въ состояніи знать права и обязанности, усвояемыя ему новымъ положеніемъ, что, конечно, невозможно безъ распространенія между крестьянами грамотности и необходимыхъ въ ихъ быту первоначальныхъ свѣдѣній“. Вотъ какъ думали лучшіе русскіе люди, когда по волѣ Царя-Освободителя крестьянство впервые было привлечено къ участію въ гражданской жизни государства. Что же сказать теперь, когда, по волѣ Монарха, то же крестьянство привлечено къ жизни политической и принимаетъ участіе въ законодательствѣ для всей страны. Но, чтобы осуществить этотъ проектъ, котораго такъ давно ждетъ Россія, потребуется время и потребуются громадныя средства, громадныя жертвы со стороны государства. По сравненію съ тѣми кредитами, которые въ настоящее время отпускаются по двумъ смѣтамъ на народныя школы,

по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія и по смѣтѣ вѣдомства православнаго исповѣданія, въ общей суммѣ до 16.500.000 р., отпускъ изъ казны долженъ будетъ увеличиться, по крайней мѣрѣ въ семь разъ. Столько же потребуется отъ самихъ обществъ, которыя будутъ открывать школы. Расчетъ этотъ подробно изложенъ въ представленіи министерства, и я его сегодня повторять не буду, скажу только, что при населеніи къ 1906 г. въ 141.500.000. изъ коихъ дѣтей школьнаго возраста считалось 12.736.000, обучаться могло лишь 5.389.000, т.-е. не доставало мѣста въ школахъ болѣе чѣмъ для 7.300.000 дѣтей. По нашему расчету, для достиженія общедоступности школы требуется 250.000 школъ. По тѣмъ даннымъ, которыми я располагалъ, представляя этотъ законопроектъ въ Государственную Думу, начальныхъ школъ всѣхъ вѣдомствъ въ настоящее время въ предѣлахъ всей Россійской имперіи считается 90.000. Слѣдовательно, недостаетъ болѣе 160.000. Такъ какъ эти свѣдѣнія были собраны годъ тому назадъ, а истекшій годъ былъ довольно напряженнымъ въ дѣятельности учебной, то, при участіи земствъ и городовъ, было открыто довольно много новыхъ училищъ, и эти цифры измѣнились нынѣ нѣсколько къ лучшему, но, конечно, это измѣненіе ничтожно, и намъ надо озаботиться, чтобы то явленіе, о которомъ я говорилъ вамъ сейчасъ, отошло въ область преданія. По проекту, казенныя ассигнованія на начальныя училища, считая по 390 р. на школу, обращаются на вознагражденіе учительскаго персонала какъ на расходъ, могущій быть фиксированнымъ. Мѣрою этою имѣется въ виду, улучшивъ матеріальное положеніе народныхъ учителей, тѣмъ самымъ улучшить и ихъ составъ, чему нельзя не придавать особаго значенія, такъ какъ въ школахъ вся сила въ учителѣ. Будутъ хорошіе учителя—у насъ будутъ хорошія школы, не будетъ учителей—и школъ открывать нельзя. Недостатокъ въ хорошихъ учителяхъ можетъ оказаться самымъ серьезнымъ тормазомъ въ намѣчаемой реформѣ. Учитель долженъ не только учить, но и воспитывать. Какое имѣетъ значеніе школьное воспитаніе, къ какимъ результатамъ приводитъ отсутствіе въ школѣ

этого воспитанія, указывать нечего; это всѣмъ извѣстно, и мы всѣ на себѣ чувствуемъ послѣдствія такого положенія, когда дѣти въ школѣ не воспитываются. Обращаясь къ исторіи педагогики, я сошлюсь на авторитетъ отца педагогіи Платона, который, въ своемъ сочиненіи „Законы", говоритъ, что человѣкъ отъ природы кротокъ, но только благодаря воспитанію становится лучшимъ изъ тварей. Человѣкъ, выросшій безъ воспитанія, или получившій ложное, становится самымъ дикимъ изъ звѣрей. И чтобы намъ изъ нашихъ дѣтей готовить не тѣхъ звѣроподобныхъ, о которыхъ говорилъ Платонъ, а готовить честныхъ гражданъ, намъ необходимы для школы учителя-воспитатели, и на это денегъ жалѣть грѣшно. Въ особенности это важно въ настоящую минуту, когда, съ изданіемъ указа 5 октября 1906 г., уравнены всѣ сословія въ правахъ по поступленію на государственную службу и когда никто изъ начавшихъ ученіе въ начальной школѣ, продолжая образованіе, не лишенъ возможности со временемъ принять участіе въ управленіи государствомъ, и когда многіе, заканчивающіе свое образованіе начальной школой, могутъ сидѣть на этихъ скамьяхъ и участвовать въ законодательствѣ страны. Поэтому, какъ ни велики предстоящія для государства и самого населенія на начальную школу жертвы, министерство не остановилось передъ этимъ затрудненіемъ и поспѣшило внести свои предположенія на утвержденіе законодательныхъ учрежденій въ глубокомъ убѣжденіи, что такое помѣщеніе народныхъ денегъ—самое выгодное помѣщеніе капитала, когда-либо въ Россіи произведенное. Въ связи съ настоящимъ проектомъ имѣютъ быть также внесены на законодательное утвержденіе, а частью введены въ жизнь, по воспослѣдованіи ихъ утвержденія въ порядкѣ Верховнаго управленія, проекты, на которые я считаю долгомъ вамъ указать. Во-первыхъ, новое положеніе о начальныхъ училищахъ—проектъ готовъ и въ скоромъ времени будетъ вамъ представленъ; готовъ и проектъ закона, намѣченный еще Думой перваго состава,—о домашнемъ первоначальномъ обученіи, который также подлежитъ законодательному утвержденію. 26 марта удостоилось Высочайшаго утвержденія, въ порядкѣ Вер-

ховнаго управленія, положеніе о попечительствахъ для начальныхъ училищъ. По этому положенію къ школѣ привлекается ближайшее къ ней населеніе; готово также и новое положеніе объ учительскихъ семинаріяхъ, пока женскихъ. Такимъ образомъ, казалось бы, все приготовлено къ тому, чтобы законопроектъ о всеобщемъ обученіи начать вводить въ жизнь, и поэтому я, вмѣстѣ съ подписавшими заявленіе 168 членами Государственной Думы, прошу также о скорѣйшей передачѣ этого законопроекта въ комиссію. Замедленіе въ его разсмотрѣніи и въ его утвержденіи, если бы оно протянулось до конца лѣта, поставило бы министерство народнаго просвѣщенія въ безвыходное положеніе, для принятія мѣръ, необходимыхъ для открытія сѣти школъ, съ начала будущаго учебнаго года, такъ какъ такое дѣло, конечно, въ сутки не дѣлается. Для того, чтобы съ осени можно было начать во вновь открываемой школѣ учить, нужно эту школу приготовить. Я присоединяю также мое ходатайство къ заявленію 168 членовъ, поддержанному только-что говорившимъ членомъ Государственной Думы Гессеномъ, о желательности и даже необходимости скорѣйшаго разсмотрѣнія цѣлаго ряда проектовъ, мною въ Государственную Думу внесенныхъ и касающихся, если ихъ отдѣльно взять, вопросовъ, на первый взглядъ второстепенныхъ. Но всѣ эти вопросы, теряющіеся въ массѣ сложныхъ дѣлъ, которые нынѣ васъ занимаютъ, для тѣхъ угловъ Россіи, гдѣ они возникли, зачастую составляютъ вопросы жизненной потребности, и населеніе съ нетерпѣніемъ ждетъ удовлетворенія ихъ ходатайствъ, изъ которыхъ нѣкоторыя уже годы ожидаютъ своей очереди. Собственно, пока на этомъ я долженъ бы ограничить свои объясненія въ ожиданіи тѣхъ вопросовъ, которые могутъ возникнуть при подробномъ разсмотрѣніи законопроекта съ заключеніемъ комиссіи, въ которую я, вмѣстѣ съ членами Государственной Думы, ходатайствую проектъ передать. Но мнѣ бы хотѣлось сказать еще лишь нѣсколько словъ. Если Государственная Дума постановитъ приступить къ разсмотрѣнію проекта въ комиссіи, я считаю, что дѣло наше двинуто и оно пойдетъ. Ни для кого нѣтъ сомнѣнія, что уже во всѣ слои населенія проникло сознаніе необ-

ходимости образованія; жажда, которую проявляетъ къ школамъ теперь населеніе, обезпечитъ успѣхъ, но я сказалъ бы—при одномъ условіи: если общество и самъ народъ твердо рѣшатъ сохранить школу для школы. Правительство одно, съ обращеніемъ этой школы въ арену, въ орудіе, въ жертву политической распри, правительство одно бороться съ этимъ не можетъ. Ни надзоръ, ни контроль, ни кары въ этомъ дѣлѣ много не помогутъ. Нужна рѣшимость всѣхъ родителей, всего зрѣлаго населенія, всѣхъ народностей и всѣхъ исповѣданій властно и разъ на всегда сказать смѣняющему насъ поколѣнію: учитесь, чтобы сдѣлаться честными гражданами общаго нашего отечества; рѣшать его судьбу будете, когда созрѣете. *(Аплодисменты справа и центра).*

28. Министръ народнаго просвѣщенія.

Я сейчасъ не буду отвѣчать и давать разъясненій на тѣ цифровыя данныя и соображенія, которыя только что были здѣсь представлены членомъ Думы Гралевскимъ. Но одну поправку, во избѣжаніе недоразумѣній, я считаю нужнымъ сдѣлать сейчасъ. Членъ Государственной Думы Гралевскій все время ссылался на приходскія училища, какъ на церковныя. Это не церковныя учебныя заведенія, а приходскія общедоступныя училища, министерскія, содержимыя на казенныя средства. *(Въ залѣ шумъ).*

29. Предсѣдатель Совѣта Министровъ.

Господа члены Государственной Думы, я прежде всего долженъ заявить, что только-что оглашенный предсѣдателемъ Государственной Думы запросъ не относится къ разряду тѣхъ, по которымъ правительству предоставлено право давать Государственной Думѣ разъясненія, такъ какъ, по ст. 40 Учр. Гос. Думы, разъясненія эти даются по предметамъ, непосредственно касающимся

разсматриваемыхъ Государственной Думой дѣлъ, а по ст. 58— касающихся поступковъ или дѣйствій незакономѣрныхъ. Тѣмъ не менѣе, ознакомившись вчера изъ газетныхъ сообщеній съ имѣющимъ послѣдовать запросомъ и освѣдомившись о крайне преувеличенныхъ толкахъ, которые циркулируютъ по этому поводу въ городѣ, правительство нашло необходимымъ опубликовать по этому вопросу офиціальное сообщеніе. Понимая встревоженное чувство членовъ Государственной Думы по вопросу о безопасности Священной Особы Государя Императора, я, въ видахъ успокоенія Государственной Думы, позволю себѣ огласить это сообщеніе, которое сегодня появится въ освѣдомительномъ бюро и въ бюллетеняхъ Петербургскаго Агентства:

„Въ февралѣ текущаго года отдѣленіе по охраненію общественнаго порядка и безопасности въ Петербургѣ получило свѣдѣніе о томъ, что въ столицѣ образовалось преступное сообщество, поставившее ближайшею цѣлью своей дѣятельности совершеніе ряда террористическихъ актовъ.

Установленное въ цѣляхъ повѣрки полученныхъ свѣдѣній продолжительное и обставленное большими трудностями наблюденіе обнаружило кругъ лицъ, какъ вошедшихъ въ составъ указаннаго сообщества, такъ и имѣвшихъ съ членами его непосредственныя сношенія. Сношенія, какъ выяснилось, происходили между нѣкоторыми изъ членовъ сообщества на конспиративныхъ квартирахъ, постоянно мѣнявшихся, при условіяхъ строгой таинственности, и были обставлены паролями и условными текстами въ тѣхъ случаяхъ, когда сношенія были письменныя.

Установленный наблюденіемъ кругъ лицъ, прикосновенныхъ къ преступному сообществу, въ числѣ 28 человѣкъ, былъ 31 марта подвергнутъ задержанію.

Вслѣдъ за этимъ, отдѣленіе по охраненію общественнаго порядка и безопасности 4 апрѣля донесло прокурору с.-петербургской судебной палаты о данныхъ, послужившихъ къ задержанію 28 лицъ. Съ своей стороны, прокуроръ судебной палаты, усмотрѣвъ въ этихъ данныхъ указанія на признаки составленія преступнаго сообщества,

поставившаго своею цѣлью насильственныя посягательства на измѣненіе въ Россіи образа правленія (ст. 102 угол. улож.), того же 4 апрѣля предложилъ судебному слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ при С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ приступить къ производству предварительнаго слѣдствія, которое было начато немедленно подъ непосредственнымъ наблюденіемъ прокурорскаго надзора с.-петербургской судебной палаты и производится безъ малѣйшаго промедленія.

Въ настоящее время предварительнымъ слѣдствіемъ установлено, что изъ числа задержанныхъ лицъ значительное число изобличается въ томъ, что они вступили въ образовавшееся въ составѣ партіи соціалистовъ-революціонеровъ сообщество, поставившее цѣлью своей дѣятельности посягательство на Священную Особу Государя Императора и совершеніе террористическихъ актовъ, направленныхъ противъ Великаго Князя Николая Николаевича и предсѣдателя Совѣта Министровъ, при чемъ членами этого сообщества предприняты были попытки къ изысканію способовъ проникнуть во дворецъ, въ коемъ имѣетъ пребываніе Государь Императоръ, но попытки эти успѣха не имѣли“.

30. Предсѣдатель Совѣта Министровъ.

Господа члены Государственной Думы. Я не думалъ выступать сегодня по этому дѣлу и не ждалъ запроса, который только что тутъ оглашенъ, такъ что онъ является для меня полною неожиданностью. Но я считаю своею обязанностью, какъ начальникъ полиціи въ государствѣ, выступить съ нѣсколькими словами въ защиту дѣйствій лицъ, мнѣ подчиненныхъ. Дѣло, которое сегодня, теперь, тутъ поднято, будетъ, вѣроятно, разсмотрѣно послѣ обсужденія его въ комиссіи; вѣроятно мнѣ придется дать объясненіе и въ порядкѣ запроса о незакономѣрныхъ дѣйствіяхъ полиціи. Теперь же я желаю дать только предварительное разъясненіе. Насколько мнѣ извѣстно, дѣло произошло такимъ образомъ: столичная полиція

получила свѣдѣнія, что на Невскомъ собираются центральные революціонные комитеты, которые имѣютъ сношенія съ военной революціонной организаціей. Въ данномъ случаѣ полиція не могла поступить иначе, какъ не вторгнуться въ ту квартиру, — я этого выраженія не признаю—а войти, въ силу власти, предоставленной полиціи, и произвести въ этой квартирѣ обыскъ. Не забудьте, что городъ Петербургъ находится на положеніи чрезвычайной охраны, и что въ этомъ городѣ происходили событія чрезвычайныя. Такимъ образомъ, полиція должна была, имѣла право и правильно сдѣлала, что въ эту квартиру вошла. Въ квартирѣ оказались, дѣйствительно, члены Государственной Думы; но кромѣ нихъ были лица посторонніе. Лица эти, въ числѣ 31, были задержаны, и при нихъ были задержаны документы, нѣкоторые изъ которыхъ оказались компрометирующими. Всѣмъ членамъ Государственной Думы было предложено, не пожелаютъ ли они тоже обнаружить то, что при нихъ находится. Изъ нихъ нѣсколько лицъ подчинилось, а другія лица отказались. Никакого насилія надъ ними не происходило, и до окончанія обыска всѣ они оставались въ квартирѣ, въ которую вошла полиція. Теперь я долженъ, въ оправданіе дѣйствій полиціи, сказать слѣдующее: на слѣдующій день были произведены дополнительныя дѣйствія не только полицейской, но и слѣдственной властью, и обнаружено отношеніе квартиры депутата Озола къ военно-революціонной организаціи, поставившей своей цѣлью вызвать возстаніе въ войскахъ. Въ этомъ случаѣ, господа, я долженъ сказать и заявляю открыто, что полиція и впредь будетъ такъ же дѣйствовать, какъ она дѣйствовала (*Апподисменты справа. Шумъ*). Незакономѣрнаго ничего не было. Если были какія-либо неправильности въ подробностяхъ, то это и будетъ обнаружено. Я долженъ сказать, что кромѣ огражденія депутской неприкосновенности, на насъ, на носителяхъ власти, лежитъ еще другая отвѣтственность—огражденіе общественной безопасности. Долгъ этотъ свой мы сознаемъ и исполнимъ его до конца, и въ этомъ отношеніи, я считаю своею обязанностью, передъ лицомъ всей Россіи, какъ

начальникъ, какъ отвѣтственное лицо за дѣйствія полиціи, сказать нѣсколько словъ въ ея защиту, сказать, что если будутъ доходить до нея слухи, подкрѣпленные достаточными данными, о серьезныхъ обстоятельствахъ, за которыя правительство и администрація несутъ отвѣтственность, то она сумѣетъ поступить такъ же, какъ поступала, а судебное вѣдомство исполнитъ свой долгъ и сумѣетъ обнаружить виновныхъ. (*Аплодисменты справа*).

31. Министръ юстиціи.

Я просилъ слова въ тѣхъ видахъ, чтобы попытаться внести нѣкоторое упорядоченіе въ предметъ, нынѣ обсуждаемый. Всѣ говорившіе до сихъ поръ исходили изъ того предположенія, что обыскъ, предпринятый въ ночь 6 мая, былъ лишенъ всякаго законнаго основанія. Такъ думалъ и представитель судебной власти въ указанную мною ночь. Дѣйствительно, тѣ свѣдѣнія, которыя были представлены прокурору судебной палаты, носили характеръ недостаточной уловимости наблюденій, которыя привели полицію къ необходимости произвести въ квартирѣ члена Государственной Думы Озола обыскъ. Когда по этому поводу мнѣ былъ сдѣланъ прокуроромъ с.-петербургской судебной палаты докладъ, то я вмѣнилъ ему въ обязанность немедленно выяснить, каковы же были фактическія основанія, въ силу которыхъ былъ предпринятъ обыскъ. Дѣйствія прокурора судебной палаты, во исполненіе моего порученія, продолжавшіяся въ теченіе всей ночи 6 мая и въ теченіе всего дня 6 мая, привели въ настоящее время къ тому, что у судебнаго слѣдователя возбуждено предварительное слѣдствіе по даннымъ, указывающимъ на то, что въ квартирѣ члена Государственной Думы Озола допускалось посѣщеніе ея представителями революціонной военной организаціи, организаціи, которая поставила своей цѣлью вызвать возстаніе въ войскахъ. Данныя эти свидѣтельствуютъ, между прочимъ, что полиція, вошедшая въ квартиру Озола, опоздала на полчаса.

Поэтому, господа, не ссылайтесь на то, что обыскомъ не было обнаружено данныхъ, которыя обыскъ обнаружить предполагалъ. Задержаніе лицъ, которыхъ, при помощи этого обыска, хотѣли задержать, это было бы несомнѣнно достигнуто, будь обыскъ предпринятъ на полчаса раньше. Таковы фактическія указанія, находящіяся въ настоящее время въ распоряженіи судебной власти. Отъ существа вопроса перехожу къ тѣмъ формальностямъ, о которыхъ здѣсь уже было говорено. Обыскъ предпринимается, если онъ не производится по исключительнымъ законамъ, на основаніи устава уголовнаго судопроизводства. Обыскъ есть, по самому основному понятію нашего процессуальнаго законодательства—дѣйствіе власти судебной. Вмѣстѣ съ тѣмъ уставъ уголовнаго судопроизводства не могъ не считаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что подобнаго рода дѣйствіе, какъ обыскъ, зачастую не терпитъ отлагательствъ. По отношенію къ квартирѣ Озола мы встрѣчаемся съ нагляднымъ доказательствомъ того, насколько нужна быстрота при производствѣ подобныхъ дѣйствій. Такъ какъ судебная власть не находится вездѣ, то закономъ и предоставлено полиціи, статьей 258 устава уголовнаго судопроизводства, право, при отсутствіи судебной власти на мѣстѣ, когда обыскъ не терпитъ отлагательства, произвести его, замѣняя въ этомъ случаѣ судебную власть. Полиція по этой статьѣ, какъ оказалось изъ ордера градоначальника, и приступила къ производству обыска въ квартирѣ Озола. Данныя, въ силу которыхъ было приступлено къ производству обыска,—я долженъ замѣтить, по закону обыскъ производится тогда, когда отыскиваютъ или плоды преступленія, или слѣды преступленія, или же, наконецъ, когда отыскивается лицо, подозрѣваемое въ совершеніи преступленія,—данныя, имѣвшіяся въ распоряженіи полиціи, сводились къ наблюденіямъ, указывавшимъ на появленіе въ квартирѣ Озола переодѣтыхъ нижнихъ чиновъ, принадлежащихъ къ организаціи, имѣющей призывать войска къ бунту противъ начальства. Посѣщеніе квартиры Озола этими лицами имѣло своимъ назначеніемъ установить между членами Государственной Думы, принадлежащими къ извѣстной

фракціи, и переодѣтыми нижними чинами—посредничество на той почвѣ, чтобы для военной организаціи использовать народное представительство для участливаго отношенія къ нижнимъ чинамъ. Данныя, свидѣтельствовавшія о томъ, что квартира Озола посѣщалась такими лицами, которыя принадлежатъ къ преступной, въ высшей степени опасной, организаціи, и повлекли за собой необходимость, не теряя ни одной минуты, появиться въ этой квартирѣ, гдѣ, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, вечеромъ 5 мая должно было происходить соединенное засѣданіе представителей революціонной военной организаціи и представителей извѣстной фракціи членовъ Государственной Думы.

(*Голоса слѣва*—Это ложь)!

Я просилъ бы слово «ложь» говорить тогда, когда это слово могло бы имѣть какое-нибудь отношеніе къ тому, что вамъ говоритъ министръ юстиціи. Онъ передастъ Государственной Думѣ данныя, на основаніи которыхъ приступлено къ производству предварительнаго слѣдствія.

Такимъ образомъ, основанія для того, чтобы войти въ помѣщеніе г. Озола, у полиціи имѣлись. Затѣмъ тутъ говорилось о томъ, что обыскъ, который былъ предпринятъ полиціей, повлекъ за собою какъ бы задержаніе членовъ Государственной Думы; говорившіе упустили одно обстоятельство, что всюду, во всѣхъ конституціонныхъ странахъ, различается строго такъ называемая неприкосновенность и внѣземельность для того помѣщенія и мѣста, гдѣ находится членъ законодателънаго собранія. Всюду, во всѣхъ конституціонныхъ странахъ, при признаніи неприкосновенности личности членовъ законодательнаго собранія признается полная прикосновенность для судебной власти не только помѣщенія, занимаемаго отдѣльнымъ членомъ законодательнаго собранія, но и помѣщенія, занимаемаго всѣмъ законодательнымъ собраніемъ. Еще весьма недавно въ германской литературѣ вызвалъ цѣлую массу печатныхъ статей вопросъ о томъ, можетъ ли судебная и полицейская власть проникать въ помѣщеніе рейхстага. Вопросъ этотъ въ Германіи разрѣшается въ томъ смыслѣ, что когда нужно

искать то, что признается необходимымъ для судебнаго слѣдствія, то въ этомъ отношеніи препятствій въ идеѣ неприкосновенности членовъ законодательнаго собранія не существуетъ. По существу иное положеніе было бы невозможно. Нельзя авторитетъ идеи, которая сводится къ неприкосновенности личности, ставить въ такое положеніе, чтобы этотъ авторитетъ когда нибудь могъ быть заподозрѣнъ въ сокрытіи чего либо, могущаго имѣть значеніе для судебнаго разслѣдованія. (*Голосъ слѣва:* но не полиціи). Полиція дѣйствовала взамѣнъ судебной власти, на основаніи ст. 258 устава уголовнаго судопроизводства, что я имѣлъ честь только что объяснить. Судебная власть можетъ отыскивать все необходимое для судебнаго изслѣдованія, отъ этого идея неприкосновенности членовъ законодательнаго собранія, конечно, ни въ какой мѣрѣ страдать не можетъ. Но если вслѣдствіе обстановки, въ которой собирается то или иное сборище, а въ данномъ случаѣ это было сборище, министромъ внутреннихъ дѣлъ предъ вами удостовѣрено, что тамъ было засѣданіе не членовъ Государственной Думы, тамъ было засѣданіе совмѣстное членовъ Государственной Думы и какихъ то постороннихъ лицъ, изъ которыхъ и въ настоящее время въ отношеніи нѣсколькихъ не представляется даже возможнымъ удостовѣрить ихъ личности...

Между прочимъ обыскъ обнаружилъ, что отъ имени одной изъ фракцій Государственной Думы выдаются квитанціи лавочникамъ за снятіе бойкота, за что и берутся деньги. (*Голоса справа:* позоръ, стыдъ! *Гр. Бобринскій, съ мѣста:* преступники!) Эти данныя добыты обыскомъ. Если такимъ образомъ требованіе закона, который устанавливаетъ обыскъ, въ настоящемъ случаѣ не нарушено, то позвольте же мнѣ, уже обращаясь къ вопросу о неправильныхъ будто бы дѣйствіяхъ прокурора судебной палаты, отвѣтить нынѣ же, ибо я знакомъ во всѣхъ подробностяхъ съ обстоятельствами обсуждаемаго дѣла, что ничего неправильнаго дѣйствія прокурора судебной палаты не содержатъ, и если бы Государственная Дума приняла запросъ о незакономѣрныхъ будто бы въ данномъ случаѣ дѣйствіяхъ прокурора

судебной палаты, то я заранѣе отвѣчаю вамъ и болѣе отвѣчать уже не буду, что дѣйствія прокурора судебной палаты были вполнѣ закономѣрны.

32. Министръ юстиціи.

Поводомъ къ запросу, который былъ обращенъ къ министрамъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, относительно имѣвшихъ будто бы мѣсто случаевъ истязаній политическихъ заключенныхъ въ Алгачинской тюрьмѣ, послужило поступившее на разсмотрѣніе Государственной Думы заявленіе о томъ, что въ названной тюрьмѣ, по приказанію ея начальника Бородулина, были тяжко избиты прикладами 15 политическихъ, при переодѣваніи въ арестантскую одежду по приходѣ ихъ изъ Акатуя, откуда они были отправлены 2 марта, и что затѣмъ 5 того же марта, по приказанію того же Бородулина, въ Алгачинскую тюрьму было введено 60 солдатъ, которые вновь подвергли политическихъ избіенію, при чемъ избито 13 человѣкъ, въ числѣ которыхъ были даже потерявшіе сознаніе; двоихъ за ноги сбросили съ крыльца на камни, и весь полъ былъ залитъ кровью. Несмотря на то, что во время предъявленія оглашеннаго мною запроса въ министерствѣ юстиціи имѣлись уже свѣдѣнія, представленныя по требованію главнаго тюремнаго управленія военнымъ губернаторомъ Забайкальской области относительно обстоятельствъ перевода въ началѣ марта 15 ссыльно-каторжныхъ изъ Акатуевской въ Алгачинскую тюрьму, изъ каковыхъ свѣдѣній усматривалось, что въ этой послѣдней тюрьмѣ не было случаевъ избіенія и истязаній политическихъ заключенныхъ, министерство юстиціи не признало тѣмъ не менѣе возможнымъ ограничиться этими свѣдѣніями и нашло необходимымъ провѣрить тщательно заключающіяся въ обращенномъ въ Государственную Думу заявленіи указанія относительно насильственныхъ дѣйствій, предпринятыхъ, будто бы, по распоряженію начальника Алгачинской тюрьмы по отношенію къ политическимъ заключеннымъ. Въ этихъ видахъ со-

держаніе указаннаго выше заявленія передано было по телеграфу Иркутскому генералъ-губернатору, и сверхъ того, для сообщенія дополнительныхъ справокъ, также по телеграфу поручено было прокурору Иркутской судебной палаты возложить на прокурора Читинскаго суда провѣрку путемъ личнаго разслѣдованія на мѣстѣ послужившихъ основаніемъ запроса свѣдѣній. Распоряженія эти имѣли въ виду всестороннее выяснить всѣ обстоятельства настоящаго дѣла и представить вполнѣ достовѣрный матеріалъ, необходимый для правильнаго вывода закономѣрности дѣйствій мѣстнаго начальства. Изъ сопоставленія поступившихъ въ настоящее время телеграммъ Иркутскаго генералъ-губернатора и прокурора Читинскаго окружнаго суда, а также подробнаго донесенія послѣдняго относительно проведеннаго имъ лично разслѣдованія въ Нерчинской каторгѣ, въ составъ которой входятъ въ числѣ другихъ Алгачинская, Акатуевская и Мальцевская тюрьмы, усматривается нижеслѣдующее: Нерчинская каторга до начала 1907 г. находилась въ неудовлетворительномъ положеніи въ смыслѣ техническаго несовершенства тюремныхъ зданій, ихъ ветхости, отсутствія среди заключенныхъ надлежащей дисциплины и допускавшихся тюремной администраціей отступленій отъ установленнаго уставомъ о ссыльныхъ порядка содержанія каторжныхъ. Особенно серьезное отступленіе въ этомъ отношеніи допускалось въ Акутаевской тюрьмѣ, предназначенной для политическихъ заключенныхъ, въ которой были сосредоточены лица, присужденныя за тягчайшія государственныя преступленія къ ссылкѣ въ каторжныя работы, въ томъ числѣ террористы и многія лица, которымъ смертная казнь была замѣнена каторгой. Въ тюрьмѣ этой, предназначенной для мужчинъ, содержалось и шесть ссыльно-каторжныхъ женщинъ, осужденныхъ за участіе въ террористическихъ актахъ, при чемъ, хотя женщины эти содержались въ отдѣльномъ тюремномъ корпусѣ, но въ одной оградѣ, и тюремное начальство не препятствовало общенію ихъ съ политическими арестантами. Всѣ они образовали сплоченную группу, именовавшуюся коммуной, завели свою кухню, устроили собственную лавку съ разными продуктами и товарами, которыхъ было

у нихъ на 3.000 р., носили, вопреки опредѣленному требованію устава о ссыльныхъ, собственную одежду и бѣлье, словомъ, допускались столь существенныя и серьезныя отступленія отъ требованій тюремнаго режима и дисциплины, которыя не могутъ и не должны быть терпимы не только въ каторжныхъ тюрьмахъ, но даже въ мѣстахъ заключенія, предназначенныхъ для лицъ, приговоренныхъ къ кратковременному лишенію свободы за маловажныя преступныя дѣянія. Арестанты совершенно вышли изъ повиновенія тюремному начальству; чрезвычайно участились побѣги заключенныхъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что, начиная съ конца 1906 года, Акатуевская тюрьма была переполнена. Небольшое, предназначенное на 84 человѣка, зданіе этой тюрьмы должно было вмѣщать не менѣе 150 человѣкъ заключенныхъ. Такое положеніе вещей не могло, конечно, продолжаться, и главное тюремное управленіе, удостовѣрившись въ неудовлетворительномъ состояніи Нерчинской каторги, приступило къ измѣненіямъ порядка управленія каторгой, къ приведенію въ исправность тюремныхъ помѣщеній и къ осуществленію ряда мѣропріятій, направленныхъ, какъ на водвореніе, въ строгомъ соотвѣтствіи съ требованіями закона, надлежащаго режима, такъ и на устраненіе практиковавшихся отступленій отъ означенныхъ требованій. Въ частности, въ отношеніи Акатуевской тюрьмы, въ началѣ 1907 г. военный губернаторъ Забайкальской области, генералъ-маіоръ Эбѣловъ, предписалъ начальнику Нерчинской каторги ввести къ 15 февраля настоящаго года въ названной тюрьмѣ надлежащій, установленный закономъ для ссыльно-каторжныхъ, безъ различія къ роду преступленій, за которыя они осуждены, тюремный режимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ перевести къ указанному сроку всѣхъ ссыльно-каторжныхъ женщинъ изъ Акатуевской тюрьмы въ тюрьму Мальцевскую, спеціально предназначенную и приспособленную для ссыльно-каторжныхъ женщинъ. Предписаніе это было приведено въ исполненіе начальникомъ каторги Метусомъ, при содѣйствіи командированнаго имъ для этой цѣли начальника Алгачинской тюрьмы. Былъ установленъ правильный, согласный съ постановленіемъ устава о ссыльныхъ и содержа-

щихся подъ стражею, режимъ. При этомъ, для окончательнаго водворенія порядка въ Акатуевской тюрьмѣ, признано необходимымъ, между прочимъ, въ виду переполненія этой тюрьмы, перевести въ другія мѣста заключенія 30 ссыльныхъ каторжниковъ, изъ которыхъ 15 въ Зерентуйскую тюрьму и 15, наиболѣе безпокойныхъ, не подчиняющихся тюремной администраціи и возбуждающихъ другихъ къ неповиновенію—въ Алгачинскую тюрьму. Разслѣдованіе, произведенное прокуроромъ Читинскаго окружнаго суда, путемъ разспросовъ арестантовъ, тюремной стражи и конвойной команды, установило, что новый режимъ въ Акатуевской тюрьмѣ, вызвавшій неудовольствіе въ средѣ арестантовъ и протесты съ ихъ стороны, не потребовалъ, однако, примѣненія физическаго воздѣйствія по отношенію къ заключеннымъ. Послѣдніе заявляли прокурору, что надъ ними, по ихъ выраженію, совершено насиліе тѣмъ, что ихъ заставили выйти на прогулку, отъ которой они отказались, при чемъ они не жаловались на причиненіе имъ тюремной стражей побоевъ. Далѣе, при тщательномъ разслѣдованіи прокуроромъ Читинскаго суда обстоятельствъ, касающихся событій, имѣвшихъ мѣсто 2 марта текущаго года въ Алгачинской тюрьмѣ, оказалось, что по прибытіи указаннаго числа 15 ссыльныхъ каторжныхъ изъ Акатуя начальникъ Алгачинской тюрьмы Бородулинъ сдѣлалъ распоряженіе помѣстить ихъ въ школу, а затѣмъ водить по одному арестанту въ канцелярію и тамъ, согласно тюремнымъ правиламъ, остричь (оказалось, у нѣкоторыхъ арестантовъ были очень длинные волосы), переодѣть въ новое бѣлье и платье и оттуда отправить въ тюрьму. Первымъ былъ вызванъ Штильманъ,—онъ отказался стричься и переодѣваться. Бывшими тутъ надзирателями и конвойными Штильманъ былъ посаженъ на стулъ и остриженъ, потомъ раздѣтъ. Когда ему дали бѣлье и платье, онъ отказался одѣваться, на него были надѣты рубашка и халатъ, и въ такомъ видѣ онъ былъ отправленъ въ тюрьму. На крыльцѣ, когда Штильманъ отказался слѣдовать за конвойнымъ, одинъ солдатъ ударилъ его слегка (*смѣхъ слѣва*) плашмя прикладомъ ружья по спинѣ, послѣ чего Штильманъ пошелъ за конвойнымъ.

Этотъ ударъ, какъ выяснилось, не оставилъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ. Я долженъ оговориться, въ виду замѣченнаго мною смѣха. Я передаю буквально донесеніе лица, которое производило на мѣстѣ разслѣдованіе того происшествія, о которомъ мнѣ предъявленъ Государственною Думою запросъ (*голосъ слѣва*: Камышанскій). Фамилія Камышанскаго совершенно къ настоящему дѣлу не относится (*голосъ справа*: правильно). Этотъ ударъ, о которомъ было только что упомянуто, не оставилъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ. Тѣмъ же порядкомъ были введены, острижены и переодѣты остальные 14 человѣкъ. Нѣкоторые изъ арестантовъ заявили прокурору, что съ нихъ срывали одежду, волосы рвали, а не стригли, а Бородулинъ кричалъ: „здѣсь не Акатуй, я васъ такъ усмирю, что послѣ васъ костей не найдешь“. По поводу этого заявленія арестантовъ, выслушаннаго прокуроромъ, имъ были спрошены всѣ бывшіе при этомъ: начальникъ конвойной команды капитанъ Языковъ и всѣ тюремные надзиратели, но ни одинъ изъ нихъ не подтвердилъ справедливости заявленія арестантовъ (*смѣхъ слѣва*). Я буду очень затрудненъ отвѣчать на предъявленный мнѣ запросъ, если меня будутъ прерывать. Побоевъ арестантамъ никто не наносилъ, а если переодѣвали и стригли нѣсколькихъ арестантовъ насильно, то только потому, что послѣдніе сопротивлялись. Крайне дерзко и вызывающе вели себя въ канцеляріи арестанты Штильманъ и Сазоновъ. Переодѣваніе арестантовъ, требуемое закономъ, тѣмъ болѣе было необходимо, что въ ихъ платьѣ были найдены деньги и три фальшивыхъ паспорта. Одинъ изъ такихъ паспортовъ оказался у ссыльно каторжнаго Магазинера, который на вопросъ—зачѣмъ у него былъ такой паспортъ?—отвѣтилъ: „У каторжныхъ всегда долженъ быть такой паспортъ“. Переведенные изъ Акатуевской тюрьмы 15 ссыльно-каторжныхъ, равно какъ всѣ другіе арестанты, оставленные въ Алгачинской тюрьмѣ до настоящаго времени, сильно озлоблены противъ начальника каторги Метуса и особенно противъ начальника Алгачинской тюрьмы Бородулина, водворившихъ основанный на законѣ режимъ для каторжныхъ; особенно озлоблены противъ Бородулина 15 ссыльно-каторж-

ныхъ, переведенныхъ въ Алгачинскую тюрьму. Они рѣшили при встрѣчѣ съ начальникомъ тюрьмы демонстративно не снимать шапокъ, а при входѣ въ камеру не вставать. Въ случаѣ, если со стороны начальника послѣдуетъ распоряженіе о наложеніи на кого-либо изъ арестантовъ взысканія, они открыто въ лицо называютъ его палачомъ. *(Голоса слѣва:* правильно).

Министръ юстиціи *(обращаясь къ лѣвымъ скамьямъ).* Изъ дальнѣйшаго изложенія вы услышите мнѣніе лица, которое было на мѣстѣ, правильно ли они называютъ или нѣтъ. Никто изъ дѣлающихъ теперь замѣчаніе на мѣстѣ не былъ, не провѣрялъ основательности запроса. Продолжаю отвѣтъ на запросъ. Подробности происшедшихъ затѣмъ 5 марта безпорядковъ въ Алгачинской тюрьмѣ, потребовавшихъ вмѣшательства конвойной команды для подавленія сопротивленія арестантовъ, представляются по даннымъ, представленнымъ прокуроромъ Читинскаго суда, тщательно провѣреннымъ имъ на мѣстѣ, въ слѣдующемъ видѣ: 5 марта начальникъ Алгачинской тюрьмы Бородулинъ, встрѣтивъ въ коридорѣ одного изъ политическихъ арестантовъ Рыбникова, который при встрѣчѣ съ нимъ не снялъ шапки, приказалъ ему снять таковую. Рыбниковъ отказался исполнить требованіе, за что былъ посаженъ въ карцеръ. Когда товарищи Рыбникова по заключенію, узнавъ о наложенномъ на него взысканіи, потребовали къ себѣ въ камеру Бородулина, тогда тотъ чрезъ надзирателя передалъ имъ, что онъ зайдетъ къ нимъ вечеромъ. Арестанты заявили, что если начальникъ тюрьмы не исполнитъ ихъ требованія и не придетъ къ нимъ черезъ $^1/_4$ часа, то они выбьютъ двери. Узнавъ объ этомъ, Бородулинъ, въ сопровожденіи конвоя въ 12 человѣкъ, явился въ камеру. Арестанты не только не встали при входѣ, но и стоявшіе въ это время демонстративно сѣли. На приказаніе встать—арестанты отвѣтили отказомъ, потребовавъ при этомъ, чтобы Бородулинъ немедленно освободилъ Рыбникова или заключилъ всѣхъ въ карцеръ, такъ какъ всѣ они не желаютъ снимать передъ Бородулинымъ шапокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они обозвали начальника тюрьмы палачомъ и другими оскорбительными словами, а одинъ изъ нихъ бросилъ въ него

чашкой. Тогда Бородулинъ приказалъ отвести въ карцеръ двухъ арестантовъ, сидѣвшихъ ближе къ двери. Конвой и надзиратели взяли перваго изъ нихъ—Латина, но арестанты выхватили его, и сбились въ кучу, защищая Латина, а нѣкоторые изъ нихъ стали хватать за ружья конвойныхъ солдатъ. Въ виду оказаннаго арестантами сопротивленія, начальникъ тюрьмы отдалъ приказаніе взять Латина. Солдаты ударили прикладами ружей нѣкоторыхъ сопротивлявшихся арестантовъ, послѣ чего Латина вытащили изъ камеры за ноги, и затѣмъ, унесли его за руки и за ноги на дворъ. Тамъ къ Латину подошли два надзирателя, уговорили его встать и идти въ карцеръ, что тотъ и исполнилъ. Въ то время, когда арестанты оказывали сопротивленіе конвою, Бородулинъ приказалъ принести розги, которыя и были принесены въ коридоръ старшими надзирателями, но никто изъ арестантовъ не былъ наказанъ. *(Голосъ слѣва:* Этого еще не доставало!). Ваше замѣчаніе нѣсколько опережаетъ дальнѣйшее.

По объясненію Бородулина, онъ потребовалъ розги для устрашенія. По закону, по уставу о ссыльныхъ, онъ имѣлъ право примѣнять розги. При производствѣ разслѣдованія по поводу описаннаго происшествія, прокуроромъ были допрошены всѣ 15 арестантовъ, переведенные изъ Акатуя, при чемъ каждому въ отдѣльности было предложено разсказать какъ обо всемъ случившемся, такъ и о полученныхъ имъ лично поврежденіяхъ. По заявленію самихъ арестантовъ 8 изъ нихъ, а не 13, какъ значится въ запросѣ, были нанесены удары прикладами. Изъ этихъ арестантовъ болѣе серьезныя поврежденія отъ ударовъ прикладами получили Винокуровъ, Опко, Купинъ и Латинъ. При этомъ, по ихъ словамъ, Винокуровъ получилъ ударъ прикладомъ въ грудь и бокъ, послѣ чего сталъ страдать нервными припадками; Опко нанесенъ былъ ударъ въ голову, причинившій лишь легкую поверхностную рану кожныхъ покрововъ; послѣ этого удара, по его заявленію, появилось головокруженіе при малѣйшемъ волненіи; Израилю Купину причиненъ ударъ въ губу, грудь и правую ногу; Латинъ, по словамъ арестантовъ, былъ избитъ солдатами, которые выволокли его за ноги

и за ноги тащили по двору, самъ же Латинъ заявляетъ, что никакихъ знаковъ на тѣлѣ отъ этихъ побоевъ у него не имѣется. Побои наносились еще 4 арестантамъ: Магазинеру, Стасенко, Балацко и Давыдову; какъ можно заключить изъ ихъ объясненій, побои были легкіе, при чемъ Балацко самъ заявилъ, что ему былъ нанесенъ лишь легкій ударъ. Послѣ прекращенія описанныхъ безпорядковъ тѣмъ изъ пострадавшихъ заключенныхъ, которые обратились за врачебной помощью, въ виду болѣзни врача Каменева, первое пособіе было оказано двумя фельдшерами: Дворниковымъ и Перминовымъ. По словамъ послѣднихъ къ нимъ обратились за помощью только три арестанта: Винокуровъ, Ошко и Кунинъ. Первый жаловался на боль въ боку; у Ошко была поверхностная рана на головѣ; рана эта зарубцевалась послѣ перевязки черезъ три дня; у Кунина была незначительная ссадина на головѣ, которая скоро зажила. Въ видахъ точнаго установленія характера поврежденій, причиненныхъ арестантамъ, тѣ изъ нихъ, которымъ, по ихъ собственнымъ заявленіямъ, были нанесены побои, причинившіе поврежденія, а именно Винокуровъ, Ошко, Кунинъ и Латинъ, были подвергнуты прокуроромъ Читинскаго суда, черезъ врача Каменева, медицинскому освидѣтельствованію. Какъ видно изъ акта этого освидѣтельствованія, у Виноградова и Латина никакихъ наружныхъ слѣдовъ поврежденій не обнаружено, и со стороны внутреннихъ органовъ замѣтныхъ уклоненій отъ нормы не обнаружено. Виноградовъ жаловался на неестественную сонливость, плохой аппетитъ, появившіеся у него послѣ 5 марта, постоянную боль въ правомъ боку на уровнѣ нижнихъ бедеръ, причемъ, по временамъ, боль эта какъ бы направляется къ подложечной области, дыханіе начинаетъ стѣсняться и вскорѣ послѣ этого съ Виноградовымъ, по его словамъ, дѣлаются припадки, во время которыхъ онъ теряетъ сознаніе. По заключенію врача, Виноградовъ, насколько можно судить изъ его собственныхъ объясненій, страдаетъ припадками истеріи, при чемъ, однако, установить связь этихъ страданій съ тѣми ударами приклада, которые были ему нанесены 5 марта, не представляется возможнымъ. Латинъ жаловался при изслѣдо-

ваніи на то, что съ 5 марта, когда ему нанесены были побои, у него стала побаливать грудь; насколько жалоба эта соотвѣтствуетъ дѣйствительности, судить совершенно не представляется возможнымъ, за отсутствіемъ какихъ-либо объективныхъ данныхъ изслѣдованія. Что же касается Ошко и Кунина, то у того и другого обнаружены при освидѣтельствованіи наружные знаки повреждения, которые, по мнѣнію врача, должны быть отнесены къ разряду легкихъ. А именно, у Ошко на головѣ, около соединенія лѣвой теменной кости съ затылочной, усмотрѣнъ былъ заживщій подвижной рубецъ кожи длиною около трехъ четвертей сантиметра послѣ зажившей незначительной и поверхностной раны наружныхъ покрововъ головы. Наконецъ, у Кунина подъ нижней губой констатированъ неправильной формы красноватый подвижной рубецъ, длиною приблизительно въ дюймъ. По словамъ Кунина рубецъ этотъ произошелъ отъ раны, причиненной ему 5 марта, причемъ, однако, Кунинъ не испытываетъ никакихъ болѣзненныхъ послѣдствій отъ этого повреждения. Описанныя повреждения Ошко и Кунину могли, по заключенію врача, вызвать лишь самое незначительное кровотеченіе. На основаніи приведенныхъ данныхъ, лично разслѣдованныхъ, и другихъ добытыхъ имъ свѣдѣній, прокуроръ Читинскаго окружнаго суда пришелъ къ заключенію, что арестанты Алгачинской тюрьмы, не отрицая самаго факта оказаннаго начальнику этой тюрьмы сопротивленія, стараются преувеличить значеніе мѣръ воздѣйствія, принятыхъ противъ нихъ тюремнымъ начальствомъ въ началѣ марта 1907 г. и оказавшихся необходимыми въ интересахъ возстановленія правильнаго теченія тюремной жизни. Нанесеннымъ имъ, при подавленіи оказаннаго ими сопротивленія, незначительнымъ ударамъ прикладами, они стараются придать характеръ жестокихъ истязаній, о чемъ и сообщаютъ въ своихъ письмахъ. Между тѣмъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, о причиненіи 2 и 5 марта кому бы то ни было въ Алгачинской тюрьмѣ истязаній и мученій не могло быть и рѣчи. Не было ни упоминаемаго въ запросѣ залитаго кровью пола, ни избитыхъ до безсознательнаго состоянія арестантовъ, никого за ноги не сбрасывали съ крыльца на камни,

и никогда 60 солдатъ не вводились въ тюрьму для избіенія арестантовъ. Въ усмиреніи безпорядковъ 5 марта приняли участіе всего 12 конвойныхъ, вооруженныхъ берданками стараго образца, а явившійся, сверхъ того, въ помѣщеніе тюрьмы конвой изъ 20 солдатъ никакого участія въ подавленіи сопротивленія арестантовъ не принималъ, такъ какъ ко времени явки этого конвоя въ тюрьму безпорядки уже были прекращены. Конвой этотъ присутствовалъ лишь при обыскѣ въ помѣщеніяхъ, занимаемыхъ арестантами, при чемъ въ камерѣ политическихъ найденъ былъ ножъ съ лезвіемъ длиною въ 5 вершковъ. Ножъ этотъ, по объясненіямъ Бородулина, былъ, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, приготовленъ для того, чтобы нанести ему ударъ... *(Гр. Бобринскій съ мѣста*: Вотъ они, гдѣ палачи!). Другихъ, кромѣ описанныхъ выше, случаевъ усмиренія арестантовъ Нерчинской каторги не было, а наказанія розгами, по установленному для ссыльно-каторжныхъ уставу, къ ссыльнымъ ни разу не примѣнялось. По удостовѣренію прокурора Читинскаго суда, всѣ жалобы арестантовъ на тюремную администрацію сводятся въ общемъ къ ихъ недовольству введеннымъ режимомъ послѣ укрѣпившейся на каторгѣ распущенности. По отношенію къ начальнику каторги Метусу и въ особенности начальнику тюрьмы Бородулину, арестанты, въ особенности осужденные за государственныя преступленія, проявляютъ крайнюю ненависть и озлобленіе за введеніе строгаго, требуемаго закономъ, режима, столь необходимаго въ мѣстахъ заключенія, и притомъ предназначенныхъ для отбыванія каторжныхъ работъ лицами, совершившими тягчайшія преступленія. Давая объясненіе о своихъ столкновеніяхъ съ тюремной администраціей, арестанты, видимо, сгущаютъ краски и выдаютъ себя невинно пострадавшими отъ своеволія начальниковъ, желая, очевидно, добиться этимъ увольненія Бородулина и другихъ, строго исполняющихъ требованія закона лицъ тюремной администраціи. А между тѣмъ, благодаря ихъ усиліямъ, подлежащій тюремный режимъ Нерчинской каторги возстановленъ безъ примѣненія всѣхъ, дозволенныхъ закономъ, мѣръ физическаго воздѣйствія на неподчиняющихся требованіямъ

начальства арестантовъ. По отзывамъ Иркутскаго генералъ-губернатора, лично посѣтившаго Нерчинскую каторгу, старыя тюремныя помѣщенія приведены въ относительный порядокъ, пища удовлетворительна, всѣ арестанты одѣты въ установленную одежду и содержатся съ соблюденіемъ установленныхъ закономъ правилъ, а прежде допускавшіяся отступленія отъ этихъ правилъ, порождавшія лишь поводы для безпорядковъ, болѣе не повторяются. Администрація каторги была вынуждена прибѣгнуть къ силѣ и вызвать для водворенія порядка въ Алгачинской тюрьмѣ воинскую команду. Своевременно принятыми въ этомъ отношеніи мѣрами начальникомъ тюрьмы Бородулинымъ, который, по свидѣтельству того же генералъ-губернатора, отличается энергіей и добросовѣстностью, удалось прекратить безпорядки въ самомъ началѣ, и не допустить ихъ распространенія на всю тюрьму, и предотвратить возможность болѣе острыхъ столкновеній арестантовъ съ тюремной администраціей, которыя могли окончиться гораздо болѣе плачевно и довести до необходимости прибѣгнуть къ дѣйствію огнестрѣльнымъ оружіемъ, и тогда могла произойти та кровавая картина, которой въ дѣйствительности не было. При такихъ условіяхъ, правительство не можетъ признать дѣйствій администраціи Нерчинской каторги, послужившихъ поводомъ къ запросу, неправильными и незакономѣрными. Неуклонно стремясь къ упорядоченію тюремнаго дѣла, преобразованію каторги, къ установленію правильныхъ, нормальныхъ и согласныхъ съ требованіями закона условій жизни тюремнаго населенія, правительство не можетъ допустить въ этой жизни ни послабленія, ни такихъ явленій, которыя въ минувшемъ году замѣчались въ тюрьмахъ Нерчинской каторги и привели къ полной распущенности и своеволію арестантовъ, которые сами отзывались, что жили въ Акатуевской тюрьмѣ, какъ дома, а равно къ систематическимъ и дерзкимъ побѣгамъ изъ ихъ среды наиболѣе опасныхъ арестантовъ. Такихъ побѣговъ съ 17 іюля по 27 октября 1906 г. учинено изъ Акатуевской тюрьмы 15, при чемъ послѣдствіемъ ихъ было преданіе суду исполнявшаго обязанности начальника въ Акатуевской тюрьмѣ,

его помощника и одного изъ тюремныхъ надзирателей. Достигнувъ нынѣ, путемъ цѣлаго ряда мѣропріятій, водворенія на Нерчинской каторгѣ порядка и установленія правильнаго тюремнаго режима, правительство считаетъ себя обязаннымъ употребить всѣ усилія для поддержанія среди арестантовъ надлежащей дисциплины. Но на ряду съ этимъ правительство принимаетъ мѣры къ огражденію арестантовъ и отъ возможности злоупотребленій со стороны тюремной администраціи, отъ излишнихъ, не обусловленныхъ требованіями закона и пенитенціарными задачами, стѣсненій, насилій и произвола и твердо надѣется достигнуть возстановленія въ недалекомъ будущемъ спокойнаго и нормальнаго теченія тюремной жизни въ тюрьмахъ Нерчинской каторги. (*Апплодисменты справа*).

33. Предсѣдатель Совѣта Министровъ.

Господа члены Государственной Думы, прислушиваясь къ преніямъ по земельному вопросу и знакомясь съ ними изъ стенографическихъ отчетовъ, я пришелъ къ убѣжденію, что необходимо нынѣ же, до окончанія преній, сдѣлать заявленіе какъ по возбуждавшемуся тутъ вопросу, такъ и о предположеніяхъ самого правительства. Я, господа, не думаю представлять вамъ полной аграрной программы правительства. Это предполагалось сдѣлать подлежащимъ компетентнымъ вѣдомствомъ въ аграрной комиссіи. Сегодня я узналъ, что въ аграрной комиссіи, въ которую не приглашаются только члены правительства и не выслушиваются даже тѣ данныя и матеріалы, которыми правительство располагаетъ, принимаются принципіальныя рѣшенія. Тѣмъ болѣе я считаю необходимымъ высказаться только въ предѣлахъ тѣхъ вопросовъ, которые тутъ подымались и обсуждались. Я исхожу изъ этого положенія, что всѣ лица, заинтересованныя въ этомъ дѣлѣ, самымъ искреннимъ образомъ желаютъ его разрѣшенія. Я думаю, что крестьяне не могутъ не желать разрѣшенія того вопроса, который для нихъ является

самымъ близкимъ и самымъ больнымъ. Я думаю, что и землевладѣльцы не могутъ не желать имѣть своими сосѣдями людей спокойныхъ и довольныхъ вмѣсто голодающихъ и погромщиковъ. Я думаю, что и всѣ русскіе люди, жаждущіе успокоенія своей страны, желаютъ скорѣйшаго разрѣшенія того вопроса, который несомнѣнно, хотя бы отчасти, питаетъ смуту. Я поэтому обойду всѣ тѣ оскорбленія и обвиненія, которыя раздавались здѣсь противъ правительства. Я не буду останавливаться и на тѣхъ нападкахъ, которыя имѣли характеръ агитаціоннаго напора на власть. Я не буду останавливаться и на провозглашавшихся здѣсь началахъ классовой мести со стороны бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ къ дворянамъ, а постараюсь встать на чисто государственную точку зрѣнія, постараюсь отнестись совершенно безпристрастно, даже болѣе того— безстрастно къ данному вопросу. Постараюсь вникнуть въ существо высказывавшихся мнѣній, памятуя, что мнѣнія, не согласныя со взглядами правительства, не могутъ почитаться послѣднимъ за крамолу. Правительству тѣмъ болѣе, мнѣ кажется, подобаетъ высказаться въ общихъ чертахъ, что изъ бывшихъ здѣсь преній, изъ бывшаго предварительнаго обсужденія вопроса ясно, какъ мало шансовъ сблизить различныя точки зрѣнія, какъ мало шансовъ дать аграрной комиссіи опредѣленныя заданія, очерченный строгими рамками наказъ.

Переходя къ предложеніямъ разныхъ партій, я прежде всего долженъ остановиться на предложеніи партіи лѣвыхъ, ораторами которыхъ выступили здѣсь прежде всего господа: Караваевъ, Церетели, Волкъ-Карачевскій и др. Я не буду оспаривать тѣхъ весьма спорныхъ по мнѣ цифръ, которыя здѣсь представлялись ими. Я охотно соглашусь и съ нарисованной ими картиной оскудѣнія земледѣльческой Россіи. Встревоженное этимъ правительство уже начало принимать рядъ мѣръ для поднятія земледѣльческаго класса. Я долженъ указать только на то, что тотъ способъ, который здѣсь предложенъ, тотъ путь, который здѣсь намѣченъ, поведетъ къ полному перевороту во всѣхъ существующихъ гражданскихъ правоотношеніяхъ; онъ ведетъ къ тому, что подчиняетъ интересамъ

одного, хотя и многочисленнаго класса, интересы всѣхъ другихъ слоевъ населенія. Онъ ведетъ, господа, къ соціальной революціи. Это сознается, мнѣ кажется, и тѣми ораторами, которые тутъ говорили. Одинъ изъ нихъ приглашалъ государственную власть возвыситься въ этомъ случаѣ надъ правомъ и заявлялъ, что вся задача настоящаго момента заключается именно въ томъ, чтобы разрушить государственность съ ея помѣщичьей бюрократической основой и на развалинахъ государственности создать государственность современную, на новыхъ культурныхъ началахъ. Согласно этому ученію, государственная необходимость должна возвыситься надъ правомъ не для того, чтобы вернуть государственность на путь права, а для того, чтобы уничтожить въ самомъ корнѣ именно существующую государственность, существующій въ настоящее время государственный строй. Словомъ, признаніе націонализаціи земли, при условіи вознагражденія за отчуждаемую землю или безъ него, поведетъ къ такому соціальному перевороту, къ такому перемѣщенію всѣхъ цѣнностей, къ такому измѣненію всѣхъ соціальныхъ, правовыхъ и гражданскихъ отношеній, какого еще не видѣла исторія. Но это, конечно, не доводъ противъ предложенія лѣвыхъ партій, если это предложеніе будетъ признано спасительнымъ. Предположимъ же на время, что государство признаетъ за благо, что оно перешагнетъ черезъ разорѣніе цѣлаго, какъ бы тамъ ни говорили, многочисленнаго, образованнаго класса землевладѣльцевъ, что оно примирится съ разрушеніемъ рѣдкихъ культурныхъ очаговъ на мѣстахъ— что же изъ этого выйдетъ? Что, былъ бы, по крайней мѣрѣ, этимъ способомъ разрѣшенъ, хотя бы съ матеріальной стороны, земельный вопросъ? Далъ бы онъ или нѣтъ возможность устроить крестьянъ у себя на мѣстахъ? На это отвѣтъ могутъ дать цифры, а цифры, господа, таковы: если бы не только частновладѣльческую, но даже всю землю безъ малѣйшаго исключенія, даже землю, находящуюся въ настоящее время подъ городами, отдать въ распоряженіе крестьянъ, владѣющихъ нынѣ надѣльною землею, въ то время, какъ въ Вологодской губерніи пришлось бы всего вмѣстѣ съ имѣющимися нынѣ по 147 дес. на дворъ, въ Олонецкой по 185 дес.,

въ Архангельской даже по 1.309 дес., въ 14 губерніяхъ недостало бы и по 15, а въ Полтавской пришлось бы лишь по 9, въ Подольской всего по 8 десятинъ. Это объясняется крайне неравномѣрнымъ распредѣленіемъ по губерніямъ не только казенныхъ и удѣльныхъ земель, но и частновладѣльческихъ. Четвертая часть частновладѣльческихъ земель находится въ тѣхъ 12 губерніяхъ, которыя имѣютъ надѣлъ свыше 15 дес. на дворъ, и лишь $^1/_7$ часть частновладѣльческихъ земель расположена въ 10 губерніяхъ съ наименьшимъ надѣломъ, т. е. по 7 десятинъ на одинъ дворъ. При этомъ принимается въ расчетъ вся земля всѣхъ владѣльцевъ, т. е. не только 107.000 дворянъ, но и 490.000 крестьянъ, купившихъ себѣ землю, и 85.000 мѣщанъ, а эти два послѣдніе разряда владѣютъ до 17.000.000 дес. Изъ этого слѣдуетъ, что поголовное раздѣленіе всѣхъ земель едва ли можетъ удовлетворить земельную нужду на мѣстахъ; придется прибѣгнуть ко тому же средству, которое предлагаетъ правительство, т. е. къ переселенію; придется отказаться отъ мысли надѣлить землей весь трудовой народъ и не выдѣлять изъ него извѣстной части населенія въ другія области труда. Это подтверждается и другими цифрами, подтверждается изъ цифръ прироста населенія, за 10-лѣтній періодъ, въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи. Россія, господа, не вымираетъ; приростъ ея населенія превосходитъ приростъ всѣхъ остальныхъ государствъ всего міра, достигая 1.000 чел. 15_1, въ годъ. Такимъ образомъ, это дастъ на одну Европейскую Россію всего на 50 губерній 1.625.000 душъ естественнаго прироста въ годъ или, считая семью въ 5 человѣкъ, 341.000 семей. Такъ что, для удовлетворенія землей одного только прирастающаго населенія, считая по 10 дес. на одинъ дворъ, потребно было бы ежегодно 3.500.000 дес. Изъ этого ясно, господа, что путемъ отчужденія, раздѣленія частновладѣльческихъ земель—земельный вопросъ не разрѣшается. Это равносильно наложенію пластыря на засоренную рану. Но, кромѣ упомянутыхъ матеріальныхъ результатовъ, что дастъ этотъ способъ странѣ, что дастъ онъ съ нравственной стороны? Та картина, которая наблюдается теперь въ на-

нихъ сельскихъ обществахъ, та необходимость подчиняться всѣмъ одному способу веденія хозяйства, необходимость постояннаго передѣла, невозможностя для хозяина съ инициативой примѣнить къ временно находящейся въ его пользованіи землѣ свою склонность къ опредѣленной отрасли хозяйства, все это распространится на всю Россію. Все и всѣ были бы сравнены, земля стала бы общей, какъ вода и воздухъ. Но къ водѣ и къ воздуху не прикасается рука человѣческая, не улучшаетъ ихъ рабочій трудъ, иначе на улучшенные воздухъ и воду, несомнѣнно, наложена была бы плата, на нихъ установлено было бы право собственности. Я полагаю, что земля, которая распредѣлилась бы между гражданами, отчуждалась бы у однихъ и предоставлялась бы другимъ мѣстнымъ соціалъ-демократическимъ присутственнымъ мѣстамъ, что эта земля получила бы скоро тѣ же свойства, какъ вода и воздухъ. Ею бы стали пользоваться, но улучшать ее, прилагать къ ней свой трудъ съ тѣмъ, чтобы результаты этого труда перешли къ другому лицу—этого никто не сталъ бы дѣлать. Вообще, стимулъ къ труду, та пружина, которая заставляетъ людей трудиться, была бы сломлена. Каждый гражданинъ—а между ними всегда были и будутъ тунеядцы—будетъ знать, что онъ имѣетъ право заявить о желаніи получить землю, приложить свой трудъ къ землѣ, затѣмъ, когда занятіе это ему надоѣстъ, бросить ее и пойти опять бродить по бѣлу-свѣту. Все будетъ сравнено,—но приравнять всѣхъ можно только къ низшему уровню. Нельзя человѣка лѣниваго приравнять къ трудолюбивому, нельзя человѣка тупоумнаго приравнять къ трудоспособному. Вслѣдствіе этого культурный уровень страны понизится. Добрый хозяинъ, хозяинъ изобрѣтатель, самою силою вещей будетъ лишенъ возможности приложить свои знанія къ землѣ. Надо думать, что при такихъ условіяхъ совершился бы новый переворотъ, и человѣкъ даровитый, сильный, способный силою возстановилъ бы свое право на собственность, на результаты своихъ трудовъ. Вѣдь, господа, собственность имѣла всегда своимъ основаніемъ силу, за которою стояло и нравственное право. Вѣдь и раздача земли при Екатеринѣ Великой оправдывалась

необходимостью заселенія незаселенныхъ громадныхъ пространствъ (*голосъ изъ центра:* „ого"), и тутъ была государственная мысль. Точно также право способнаго, право даровитаго создало и право собственности на западѣ. Неужели же намъ возобновлять этотъ опытъ и переживать новое возсозданіе права собственности на уравненныхъ и разоренныхъ поляхъ Россіи? А эта перекроенная и уравненная Россія, что, стала ли бы она и болѣе могущественной и богатой? Вѣдь богатство народовъ создаетъ и могущество страны. Путемъ же передѣленія всей земли государство въ своемъ цѣломъ не пріобрѣтетъ ни одного лишняго колоса хлѣба. Уничтожены, конечно, будутъ культурныя хозяйства. Временно будутъ увеличены крестьянскіе надѣлы, но, при ростѣ населенія, они скоро обратятся въ пыль, и эта распыленная земля будетъ высылать въ города массы обнищавшаго пролетаріата. Но, положимъ, что эта картина невѣрна, что краски тутъ сгущены, кто же, однако, будетъ возражать противъ того, что такое потрясеніе, такой громадный соціальный переворотъ, не отразится, можетъ быть, на самой цѣлости Россіи. Вѣдь тутъ, господа, предлагаютъ разрушеніе существующей государственности, предлагаютъ намъ среди другихъ сильныхъ и крѣпкихъ народовъ превратить Россію въ развалины для того, чтобы на этихъ развалинахъ строить новое, невѣдомое намъ, отечество. Я думаю, что на второмъ тысячелѣтіи своей жизни Россія не развалится. Я думаю, что она обновится, улучшитъ свой укладъ, пойдетъ впередъ, но путемъ разложенія не пойдетъ, потому что, гдѣ разложеніе—тамъ смерть.

Теперь обратимся, господа, къ другому, предложенному намъ, проекту, проекту партіи народной свободы. Проектъ этотъ не обнимаетъ задачи въ такомъ большомъ объемѣ, какъ предыдущій проектъ, и задается увеличеніемъ пространства крестьянскаго землевладѣнія. Проектъ этотъ даже отрицаетъ, не признаетъ и не создаетъ ни за кѣмъ права на землю. Однако, я долженъ сказать, что и въ этомъ проектѣ для меня не все понятно, и онъ представляется мнѣ во многомъ противорѣчивымъ. Докладчикъ этой партіи въ своей рѣчи отнесся очень критически къ началамъ на-

ціонализаціи земли. Я полагалъ, что онъ логически долженъ поэтому придти къ противоположному, къ признанію принципа собственности. Отчасти это и было сдѣлано. Онъ призналъ за крестьянами право неизмѣннаго, постояннаго пользованія землей, но вмѣстѣ съ тѣмъ, для расширенія его владѣній, онъ призналъ необходимымъ нарушить постоянное пользованіе его сосѣдей землевладѣльцевъ, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ гарантируетъ крестьянамъ ненарушимость ихъ владѣній въ будущемъ. Но разъ признанъ принципъ отчуждаемости, то кто же повѣритъ тому, что, если понадобится со временемъ отчудить земли крестьянъ, онѣ не будутъ отчуждены? И поэтому мнѣ кажется, что въ этомъ отношеніи проектъ лѣвыхъ партій гораздо болѣе искрененъ и правдивъ, признавая возможность пересмотра трудовыхъ нормъ, отнятіе излишка земли у домохозяевъ. Вообще, если признавать принципъ обязательнаго количественнаго отчужденія, т. е. принципъ возможности отчужденія земли у того, у кого ея много, чтобы дать тому, у кого ея мало, надо знать, къ чему поведетъ въ конечномъ выводѣ это—приведетъ къ той же націонализаціи земли. Вѣдь, если теперь въ 1907 г., у владѣльца, скажемъ, 3.000 десятинъ будетъ отнято 2.500 дес., и за нимъ останется 500 десят. культурныхъ, то, вѣдь, съ измѣненіемъ понятія о культурности и съ ростомъ населенія онъ, несомнѣнно, подвергается риску отнятія остальныхъ 500 десятинъ. Мнѣ кажется, что и крестьянинъ не пойметъ, почему онъ долженъ переселяться куда-то вдаль въ виду того только, что его сосѣдъ не разоренъ, а имѣетъ по нашимъ понятіямъ культурное хозяйство. Почему онъ долженъ идти въ Сибирь и не можетъ быть направленъ—по картинному выраженію одного изъ ораторовъ партіи народной свободы—на сосѣднюю помѣщичью землю? Мнѣ кажется, ясно, что и по этому проекту право собственности на землю отмѣняется; она изъемлется изъ области купли и продажи. Никто не будетъ прилагать свой трудъ къ землѣ, зная, что плоды его трудовъ могутъ быть черезъ нѣсколько лѣтъ отчуждены. Докладчикъ партіи прикидывалъ цѣну на отчуждаемую землю въ среднемъ по 80 р. на десятину въ Европейской Россіи.

Вѣдь это не можетъ поощрить къ примѣненію своего труда къ землѣ, скажемъ, тѣхъ лицъ, которыя за землю годъ передъ тѣмъ заплатили по 200—300 р. за десятину и вложили въ нее все свое достояніе. Но между мыслями, предложенными докладчикомъ партіи народной свободы, есть и мысль, которая должна сосредоточить на себѣ самое серьезное вниманіе. Докладчикъ заявилъ, что надо предоставить самимъ крестьянамъ устраиваться такъ, какъ имъ удобно. Законъ не призванъ учить крестьянъ и навязывать имъ какія-либо теоріи, хотя бы эти теоріи и признавались законодателями совершенно основательными и правильными. Пусть каждый устраивается по-своему, и только тогда мы дѣйствительно поможемъ населенію. Нельзя такого заявленія не привѣтствовать, и само правительство во всѣхъ своихъ стремленіяхъ указываетъ только на одно: нужно снять тѣ оковы, которыя наложены на крестьянство, и дать ему возможность самому избрать тотъ способъ пользованія землей, который наиболѣе его устраиваетъ. Интересно еще въ проектѣ партіи народной свободы другое провозглашаемое начало. Это начало государственной помощи. Предлагается отнести на расходы казны половину стоимости земли, пріобрѣтаемой крестьянами. Я къ этому началу еще вернусь, а теперь укажу, что оно мнѣ кажется нѣсколько противорѣчивымъ провозглашаемому принципу принудительнаго отчужденія. Если признать принудительное отчужденіе, то какъ же на-ряду съ этимъ признать необходимость для всего населенія, для всего государства, для всѣхъ классовъ населенія придти на помощь самой нуждающейся части населенія? Почему на ряду съ этимъ необходимо съ этою цѣлью обездолить 130.000 владѣльцевъ, и не только обездолить, но и оторвать ихъ отъ привычнаго и полезнаго для государства труда? Но, можетъ быть, господа, безъ этого обойтись нельзя? Прежде чѣмъ изложить вамъ въ общихъ чертахъ виды правительства, я позволяю себѣ остановиться еще на одномъ способѣ разрѣшенія земельнаго вопроса, который засѣлъ во многихъ головахъ. Этотъ способъ, этотъ путь — это путь насилія. Вамъ всѣмъ извѣстно, господа, насколько легко прислушивается

нашъ крестьянинъ простолюдинъ къ всевозможнымъ толкамъ, насколько легко онъ поддается толчку, особенно въ направленіи разрѣшенія своихъ земельныхъ вожделѣній явочнымъ путемъ, путемъ, такъ сказать, насилія. За это уже платился нѣсколько разъ нашъ сѣрый крестьянинъ. Я не могу не заявить, что въ настоящее время опасность новыхъ насилій, новыхъ бѣдъ въ деревнѣ возрастаетъ. Правительство должно учитывать два явленія: съ одной стороны, несомнѣнное желаніе, потребность, стремленіе широкихъ круговъ общества поставить работу въ государствѣ на правильныхъ законныхъ началахъ и приступить къ правильному новому законодательству для улучшенія жизни страны. Это стремленіе правительство не можетъ не привѣтствовать и обязано приложить всѣ силы для того, чтобы помочь ему. Но на ряду съ этимъ существуетъ и другое: существуетъ желаніе усилить броженіе въ странѣ, бросать въ населеніе сѣмена возбужденія, смуты, съ цѣлью возбужденія недовѣрія къ правительству, съ тѣмъ, чтобы подорвать его значеніе, подорвать его авторитетъ, для того, чтобы соединить воедино всѣ враждебныя правительству силы. Вѣдь съ этой каѳедры, господа, была брошена фраза: «мы пришли сюда не покупать землю, а ее взять». (*Голоса*: вѣрно, правильно). Отсюда, господа, распространялись и письма въ провинцію, въ деревню, письма, которыя печатались въ провинціальныхъ газетахъ, почему я объ нихъ и упоминаю, письма, вызывавшія и смущеніе и возмущеніе на мѣстахъ. Авторы этихъ писемъ привлекались къ отвѣтственности, но поймите, господа, что дѣлалось въ понятіяхъ тѣхъ сельскихъ обывателей, которымъ предлагалось, въ виду якобы насилій, кровожадности и преступленій правительства, обратиться къ насилію и взять землю силой! Я не буду утруждать васъ, господа, ознакомленіемъ съ этими документами, я скажу только, что при наличности ихъ, и я откровенно это заявляю, такъ какъ русскій министръ и не можетъ иначе говорить въ Русской Государственной Думѣ, можно предвидѣть и наличность новыхъ попытокъ пріобрѣтенія земли силою и насиліемъ. Я долженъ сказать, что въ настоящее время опасность эта еще далека, но необходимо

опредѣлить ту черту, за которой опасность эта, опасность успѣшнаго воздѣйствія на населеніе, въ смыслѣ открытаго выступленія, становится дѣйствительно тревожной. Государство, конечно, переступить эту черту, этотъ предѣлъ, не дозволитъ, иначе оно перестанетъ быть государствомъ и станетъ пособникомъ собственнаго своего разрушенія. Все, что я сказалъ, господа, является разборомъ тѣхъ стремленій, которыя, по мнѣнію правительства, не даютъ того отвѣта на запросы, того разрѣшенія дѣла, котораго ожидаетъ Россія./Насилія допущены не будутъ. Національзація земли представляется правительству гибельною для страны, а проектъ партіи народной свободы, т. е. полу-экспропріація, полу-національзація, въ конечномъ выводѣ, по нашему мнѣнію, приведетъ къ тѣмъ же результатамъ, какъ и предложенія лѣвыхъ партій.

Гдѣ же выходъ? Думаетъ ли правительство ограничиться полумѣрами и полицейскихъ охраненіемъ порядка? Но прежде чѣмъ говорить о способахъ, нужно ясно себѣ представить цѣль, а цѣль у правительства вполнѣ опредѣлена: правительство желаетъ поднять крестьянское землевладѣніе, оно желаетъ видѣть крестьянина богатымъ, достаточнымъ, такъ какъ гдѣ достатокъ, тамъ, конечно, и просвѣщеніе, тамъ и настоящая свобода. Но для этого необходимо дать возможность способному, трудолюбивому крестьянину, т. е. соли земли русской, освободиться отъ тѣхъ тисковъ, отъ тѣхъ теперешнихъ условій жизни, въ которыхъ онъ въ настоящее время находится. Надо дать ему возможность укрѣпить за собой плоды трудовъ своихъ и представить ихъ въ неотъемлемую собственность. Пусть собственность эта будетъ общая тамъ, гдѣ община еще не отжила, пусть она будетъ подворная тамъ, гдѣ община уже не жизненна, но пусть она будетъ крѣпка, пусть будетъ наслѣдственная. Такому собственнику-хозяину правительство обязано помочь совѣтомъ, помочь кредитомъ, т. е. деньгами. Теперь же надлежитъ немедленно браться за незамѣтную черную работу, надлежитъ сдѣлать учетъ всѣмъ тѣмъ малоземельнымъ крестьянамъ, которые живутъ земледѣліемъ. Придется всѣмъ этимъ малоземельнымъ крестьянамъ дать возможность воспользоваться

изъ существующаго земельнаго запаса такимъ количествомъ земли, которое имъ необходимо на льготныхъ условіяхъ. Мы слышали тутъ, что для того, чтобы дать достаточное количество земли всѣмъ крестьянамъ, необходимо имѣть запасъ въ 57,000,000 дес. земли. Опять-таки говорю, я цифры не оспариваю. Тутъ же указывалось на то, что въ распоряженіи правительства находится только 10,000,000 дес. земли. Но, господа, вѣдь правительство только недавно начало образовывать земельный фондъ, вѣдь крестьянскій банкъ перегруженъ предложеніями. Здѣсь нападали и на крестьянскій банкъ, и нападки эти были достаточно вѣскія. Была при этомъ брошена фраза: «это надо бросить». По мнѣнію правительства, бросать ничего не нужно. Начатое дѣло надо улучшать. При этомъ, должно быть, можетъ обратиться къ той мысли, на которую я указывалъ раньше—мысли о государственной помощи. Остановитесь, господа, на томъ соображеніи, что государство есть одинъ цѣлый организмъ, и что если между частями организма, частями государства начнется борьба, то государство неминуемо погибнетъ и превратится въ «царство, раздѣлившееся на ся». Въ настоящее время государство у насъ хвораетъ. Самой больною, самой слабою часть, которая хирѣетъ, которая завядаетъ, является крестьянство. Ему надо помочь. Предлагается простой, совершенно автоматическій, совершенно механическій способъ: взять и раздѣлить всѣ 130.000 существующихъ въ настоящее время помѣстій. Государственно ли это? Не напоминаетъ ли это исторію Тришкина кафтана — обрѣзать полы, чтобы сшить изъ нихъ рукава? Господа, нельзя укрѣпить больное тѣло, питая его вырѣзанными изъ него самого кусками мяса; надо дать толчокъ организму, создать приливъ питательныхъ соковъ къ больному мѣсту, и тогда организмъ осилитъ болѣзнь; въ этомъ должно, несомнѣнно, участвовать все государство, всѣ части государства должны придти на помощь той его части, которая въ настоящее время является слабѣйшей. Въ этомъ смыслъ государственности, въ этомъ оправданіе государства, какъ одного соціальнаго цѣлаго. Мысль о томъ, что всѣ государственныя силы должны

придти на помощь слабѣйшей его части, можетъ напоминать принципы соціализма; но если это принципъ соціализма, то соцiлизма государственнаго, который примѣнялся не разъ въ Западной Европѣ и приносилъ реальные и существенные результаты. У насъ принципъ этотъ могъ бы осуществиться въ томъ, что государство брало бы на себя уплату части процентовъ, которые взыскиваются съ крестьянъ за предоставленную имъ землю. Въ общихъ чертахъ дѣло сводилось бы къ слѣдующему: государство закупало бы предлагаемыя въ продажу частныя земли, которыя вмѣстѣ съ землями удѣльными и государственными составляли бы государственный земельный фондъ. При массѣ земель, предлагаемыхъ въ продажу, цѣны на нихъ при этомъ не возрасли бы. Изъ этого фонда получали бы землю на льготныхъ условіяхъ тѣ малоземельные крестьяне, которые въ ней нуждаются и, дѣйствительно, прилагаютъ теперь свой трудъ къ землѣ и затѣмъ тѣ крестьяне, которымъ необходимо улучшить формы теперешняго землепользованія. Но такъ какъ въ настоящее время крестьянство оскудѣло, ему не подъ силу платить тотъ сравнительно высокій процентъ, который взыскивается государствомъ, то послѣднее и приняло бы на себя разницу въ процентѣ, выплачиваемомъ по выпускаемымъ имъ листамъ, и тѣмъ процентомъ, который былъ бы посиленъ крестьянину, который былъ былъ опредѣляемъ государственными учрежденіями. Вотъ эта разница обременяла бы государственный бюджетъ; она должна была бы вноситься въ ежегодную роспись государственныхъ расходовъ. Такимъ образомъ вышло бы, что все государство, всѣ классы населенія помогаютъ крестьянамъ пріобрѣсти ту землю, въ которой они нуждаются. Въ этомъ участвовали бы всѣ плательщики государственныхъ повинностей, чиновники, купцы, лица свободныхъ профессій, тѣ же крестьяне, и тѣ же помѣщики. Но тягость была бы разложена равномѣрно и не давила бы на плечи одного немногочисленнаго класса 130.000 человѣкъ, съ уничтоженіемъ котораго уничтожены были бы, что бы тамъ ни говорили, и очаги культуры. Этимъ именно путемъ правительство начало итти, понизивъ временно про-

веденнымъ по 87 статьѣ закономъ проценты платежа крестьянскому банку. Способъ этотъ болѣе гибкій, менѣе огульный, чѣмъ тотъ способъ повсемѣстнаго принятія на себя государствомъ платежа половинной стоимости земли, которую предлагаетъ партія народной свободы. Если бы одновременно былъ установленъ выходъ изъ общины и создана такимъ образомъ крѣпкая индивидуальная собственность, было бы упорядочено переселеніе, было бы облегчено полученіе ссудъ подъ надѣльныя земли, былъ бы созданъ широкій меліоративный землеустроительный кредитъ, то, хотя кругъ предполагаемыхъ правительствомъ земельныхъ реформъ и не былъ бы вполнѣ замкнутъ, но виденъ былъ бы просвѣтъ, при разсмотрѣніи вопроса въ его полнотѣ, можетъ быть и, въ болѣе ясномъ свѣтѣ представился бы и пресловутый вопросъ объ обязательномъ отчужденіи. Пора этотъ вопросъ вдвинуть въ его настоящія рамки, пора, господа, не видѣть въ этомъ волшебнаго средства, какой-то панацеи противъ всѣхъ бѣдъ. Средство это представляется смѣлымъ, потому только, что въ разоренной Россіи оно создастъ еще классъ разоренныхъ въ конецъ землевладѣльцевъ. Обязательное отчужденіе дѣйствительно можетъ явиться необходимымъ, но, господа, въ видѣ исключенія, а не общаго правила, и обставленнымъ ясными и точными гарантіями закона. Обязательное отчужденіе можетъ быть не количественнаго характера, а только качественнаго. Оно должно примѣняться, главнымъ образомъ, тогда, когда крестьянъ можно устроить на мѣстахъ, для улучшенія способовъ пользованія ими землей; оно представляется возможнымъ тогда, когда необходимо: при переходѣ къ лучшему способу хозяйства—устроить водопой, устроить прогонъ къ пастбищу, устроить дороги, наконецъ, избавиться отъ вредной чрезполосицы. Но я, господа, не предлагаю вамъ, какъ я сказалъ ранѣе, полнаго аграрнаго проекта. Я предлагаю вашему вниманію только тѣ вѣхи, которыя поставлены правительствомъ. Болѣе полный проектъ предлагалось внести со стороны компетентнаго вѣдомства въ соотвѣтствующую комиссію, если бы въ нее были приглашены

представители правительства для того, чтобы быть тамъ выслушанными.

Пробывъ около 10 лѣтъ у дѣла земельнаго устройства, я пришелъ къ глубокому убѣжденію, что въ дѣлѣ этомъ нуженъ упорный трудъ, нужна продолжительная черная работа. Разрѣшить этого вопроса нельзя, его надо разрѣшать. Въ западныхъ государствахъ на это потребовались десятилѣтія. Мы предлагаемъ вамъ скромный, но вѣрный путь. Противникамъ государственности хотѣлось бы избрать путь радикализма, путь освобожденія отъ историческаго прошлаго Россіи, освобожденія отъ культурныхъ традицій. Имъ нужны великія потрясенія, намъ нужна великая Россія! *(Аплодисменты справа).*

34. Помощникъ управляющаго земскимъ отдѣломъ Павловъ.

По поводу срока, который предлагаетъ продовольственная комиссія Государственной Думѣ обязать министерство представить подробный и полный отчетъ не позднѣе 1 января 1908 г., я долженъ сдѣлать слѣдующее разъясненіе, сдѣланное мной уже во время засѣданій и работъ продовольственной комиссіи. Не позднѣе 1 января 1908 г. министерство представить Государственной Думѣ полнаго отчета по операціямъ неурожая 1906—1907 гг. не можетъ. Отчетъ этотъ можетъ быть представленъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1908 г. Вотъ то разъясненіе, которое я считаю себя обязаннымъ сдѣлать.

35. Помощникъ управляющаго земскимъ отдѣломъ Павловъ.

Очевидно, сдѣланное мною заявленіе было не такъ понято членомъ Государственной Думы Родичевымъ. Дѣло въ томъ, что

между тѣмъ постановленіемъ, на которое здѣсь было указано—въ первой Государственной Думѣ—и предлагаемымъ постановленіемъ есть большая разница. Между тѣми отчетами, которые министерство обязалось представлять, согласно постановленію первой Государственной Думы, и тѣмъ отчетомъ, который предлагаетъ продовольственная комиссія истребовать отъ министерства не позднѣе 1 января 1908 г., большая разница. Первые отчеты—были отчеты о ходѣ продовольственной кампаніи; настоящій же отчетъ, какъ я понялъ, участвуя въ засѣданіяхъ продовольственной комиссіи и какъ понимаю теперь, это есть окончательный документальный отчетъ по всей операціи 1906—1907 гг., со всѣми рѣшительно оправдательными документами, вполнѣ законченный по всей операціи, имѣющій быть представленнымъ не позднѣе 1 января 1908 г. Если не ошибаюсь, и если это требованіе—именно такого отчета, то между этимъ отчетомъ и тѣми отчетами, которые министерство внутреннихъ дѣлъ обязалось представлять ежемѣсячно въ прошломъ году, есть большая разница. Опять я повторяю, что тѣ отчеты были періодическіе—о ходѣ операцій; этотъ же—есть вполнѣ законченный отчетъ по всей операціи, основанный на документальныхъ данныхъ. Вотъ представленіе такого отчета не позднѣе 1 января 1908 г. и представляетъ большія затрудненія потому, что собираніе всѣхъ документовъ и завершеніе всей операціи можетъ послѣдовать не ранѣе конца іюля нынѣшняго года. Засимъ, оно должно пройти нѣсколько инстанцій: уѣздный съѣздъ, губернское присутствіе, мѣстную контрольную палату, министерство внутреннихъ дѣлъ, департаментъ гражданской отчетности государственнаго контроля, и затѣмъ уже поступитъ въ Государственную Думу окончательно сформулированный, составленный отчетъ. Я объ этомъ отчетѣ говорилъ, и говорилъ именно о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя пояснены въ деталяхъ и могутъ встрѣтиться для министерства внутреннихъ дѣлъ при обязательномъ выполненіи постановленія Государственной Думы и представленіи этого отчета къ 1 января 1908 г.

36. Министръ юстиціи.

Обращенный ко мнѣ Государственною Думою 13 апрѣля запросъ объ истязаніи заключенныхъ въ тюрьмахъ и арестныхъ помѣщеніяхъ Прибалтійскаго края касается слѣдующихъ двухъ предметовъ: во-первыхъ, дѣйствій чиновъ полиціи въ отношеніи заподозрѣнныхъ въ совершеніи преступленій при задержаніи или препровожденіи этихъ лицъ или же во время содержанія въ помѣщеніяхъ, находящихся въ исключительномъ вѣдѣніи полиціи; во-вторыхъ, дѣйствій тюремнаго надзора и конвоя относительно арестантовъ въ мѣстахъ заключенія, находящихся въ вѣдѣніи главнаго тюремнаго управленія. Насколько запросъ во второй своей части относится къ вѣдомству министерства юстиціи, настолько въ первой своей части онъ затрагиваетъ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ. По этой послѣдней части запроса Государственной Думѣ сообщитъ разъясненіе присутствующій здѣсь представитель министерства внутреннихъ дѣлъ; я же коснусь ея лишь въ предѣлахъ взведенныхъ въ протоколѣ думской комиссіи тяжкихъ обвиненій на прокуратуру рижскаго окружнаго суда, обвиненій, заключающихся, во-первыхъ, въ томъ, что истязанія и пытки надъ лицами, задерживавшимися полиціей, производились, будто бы, съ вѣдома и разрѣшенія прокурорскаго надзора, который поручилъ совмѣстно съ жандармскимъ управленіемъ особой комиссіи, составленной, какъ значится въ протоколѣ комиссіи Государственной Думы, изъ полицейскихъ чиновъ и сыщиковъ, производить слѣдствіе надъ политическими заключенными, и во-вторыхъ, въ томъ, что товарищъ прокурора рижскаго окружнаго суда Бусло при допросѣ задержанныхъ полиціей лицъ во время производства дознанія позволялъ себѣ, будто бы, домогаться путемъ угрозъ признанія арестантами своей вины. Тщательное и всестороннее изслѣдованіе всѣхъ тѣхъ указаній, которыя содержатся въ про-

токолѣ комиссіи Государственной Думы, относящемся къ настоящему запросу по поводу дѣйствій прокурорскаго надзора и тюремнаго вѣдомства, было возложено мною на товарища оберъ-прокурора общаго собранія и соединеннаго присутствія перваго, и кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената Руадзе, который для указанной цѣли 15 апрѣля былъ командированъ въ г. Ригу. Результатъ произведеннаго товарищемъ оберъ-прокурора Руадзе разслѣдованія о дѣйствіяхъ рижской прокуратуры приводитъ къ заключенію, что утвержденія комиссіи по запросамъ, будто бы полиція подвергала заподозрѣнныхъ побоямъ, пыткамъ и истязаніямъ съ вѣдома, разрѣшенія и даже по порученію прокурорскаго надзора, представляются совершенно ложными. *(Шумъ).* Никогда въ г. Ригѣ не существовало комиссіи изъ полицейскихъ чиновъ для производства дознаній или слѣдствій о политическихъ преступленіяхъ, а потому прокурорскій надзоръ никакихъ порученій такой комиссіи давать не могъ. Товарищъ прокурора Бусло, по его объясненію, никогда не присутствовалъ при допросахъ задержанныхъ лицъ чинами сыскной полиціи. Были случаи, что онъ выѣзжалъ на мѣсто обнаруженія важнѣйшихъ преступленій и иногда видѣлъ тамъ арестованныхъ лицъ и, быть можетъ, случалось, задавалъ имъ при этомъ нѣкоторые вопросы, но ни разу не давалъ распоряженія объ отправленіи арестованныхъ въ сыскное отдѣленіе или о передачѣ ихъ въ распоряженіе начальника сыскной полиціи, а равно ни къ какимъ угрозамъ не прибѣгалъ. При обозрѣніи дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ не оказалось ни одного протокола полицейскаго дознанія, заключающаго въ себѣ указанія на присутствіе товарища прокурора Бусло или другого лица прокурорскаго надзора при производствѣ допросовъ. Вообще собранными и тщательно провѣренными товарищемъ оберъ-прокурора Руадзе данными нареканія на рижскій прокурорскій надзоръ слѣдуетъ признать безусловно опровергнутыми. Нареканія эти находятъ себѣ объясненія въ нѣкоторыхъ особенныхъ условіяхъ, въ которыя было поставлено въ г. Ригѣ производство дознаній по государственнымъ преступленіямъ. Особая энергія, проявленна

вообще прокуратурой и въ частности товарищемъ прокурора Бусло по дѣламъ объ этихъ преступленіяхъ, появленіе послѣдняго иногда въ мѣстахъ задержанія полиціей подозрѣваемыхъ, допросы ихъ послѣ того полиціей въ сыскномъ отдѣленіи, производство допросовъ жандармскими офицерами при участіи товарища прокурора въ зданіи полицейскаго управленія, гдѣ помѣщалось и сыскное отдѣленіе, и, наконецъ, переводъ обвиняемыхъ изъ разныхъ помѣщеній при полицейскихъ управленіяхъ въ тюрьму не въ самый день ихъ формальнаго допроса—всѣ эти обстоятельства въ своей совокупности могли дать поводъ недостаточно освѣдомленнымъ лицамъ приписать прокурорскому надзору незакономѣрныя дѣйствія. Рижская прокуратура въ мѣстности, объятой революціоннымъ терроромъ, среди всеобщаго смятенія и тревоги мужественно и стойко исполняла свой тяжелый и отвѣтственный долгъ, а потому я позволяю себѣ съ особенной настойчивостью протестовать противъ всѣхъ свѣдѣній о прокуратурѣ, которыя были представлены думской комиссіи членомъ Государственной Думы Озолъ и занесены комиссіей въ составленный ею по настоящему дѣлу протоколъ.

Перехожу ко второй части запроса, касающейся дѣятельности тюремнаго надзора, и конвоя въ мѣстахъ заключенія, находящихся въ вѣдѣніи главнаго тюремнаго управленія. Въ протоколѣ думской комиссіи, по запросамъ содержатся по этому предмету указанія на неправильныя, будто бы, дѣйствія администраціи рижской центральной тюрьмы, по отношенію къ заключеннымъ. Указанія эти, какъ выяснено разслѣдованіемъ того же товарища оберъ-прокурора Руадзе, не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. На самомъ дѣлѣ событія, приведенныя въ протоколѣ думской комиссіи, представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Во-первыхъ, 15 сентября 1906 г., содержавшаяся въ отдѣльной камерѣ рижскаго исправительнаго арестантскаго отдѣленія, крестьянка Эмма Доштеръ, обвинявшаяся въ преступной революціонной пропагандѣ, вставъ на подоконникъ и высунувшись въ форточку окна, вступила въ разговоръ съ бывшими во дворѣ на прогулкѣ арестантами. Находившійся въ это время во дворѣ на

посту рядовой унтеръ-офицерскаго батальона Петровъ приказалъ Доштеръ прекратить переговоры. Когда же она, несмотря на неоднократно повторяемыя часовымъ предупрежденія, что онъ будетъ при продолженіи разговоровъ стрѣлять, стала дѣлать арестантамъ знаки, подстрекая ихъ къ отобранію у Петрова ружья, послѣдній произвелъ въ Доштеръ черезъ окно выстрѣлъ, причинившій ей рану въ грудь, отъ которой затѣмъ и послѣдовала ея смерть. (*Голоса слѣва:* неправда, неправда!)

Во-вторыхъ, ни въ одномъ изъ мѣстъ заключенія г. Риги не было случая убійства арестанта Левгалева. Поводомъ ко включенію въ протоколъ думской комиссіи по запросамъ этого случая послужило, повидимому, то обстоятельство, что 5 октября 1906 года въ больницѣ рижскаго исправительнаго арестнтскаго отдѣленія, дѣйствительно, умеръ отъ вызваннаго огнестрѣльной раной гнойнаго воспаленія легочной плевы и брюшины крестьянинъ Александръ Яковлевъ Левгалевъ, который 8 августа 1906 г. найденъ былъ чинами полиціи съ тяжкой раной въ г. Ригѣ въ мѣстности Гризенбергъ и былъ помѣщенъ въ тюремную больницу въ виду тяготѣвшаго надъ нимъ подозрѣнія въ совершеніи вмѣстѣ съ другими лицами различныхъ грабежей. На предварительномъ слѣдствіи было выяснено, что Левгалевъ, дѣйствительно, принадлежалъ къ сообществу, совершавшему въ г, Ригѣ грабежи и нападенія на чиновъ полиціи, при чемъ сверхъ того занимался вымогательствомъ посредствомъ угрозъ денегъ отъ своихъ сообщниковъ, за что послѣдніе рѣшили его убить. 8 августа 1906 г. рѣшеніе это было приведено въ исполненіе однимъ изъ сообщниковъ потерпѣвшаго Слутинымъ при участіи 4 другихъ лицъ. Нынѣ какъ Слутинъ признавшій себя виновнымъ въ убійствѣ Левгалева, такъ и его соучастники уже осуждены за означенное убійство.

Въ-третьихъ, представляется невѣрнымъ указаніе протокола думской комиссіи на то, что въ рижской центральной тюрьмѣ выстрѣломъ, произведеннымъ стражею, смертельно раненъ арестантъ Раздинъ. Послѣдній, дѣйствительно, умеръ въ тюремной больницѣ отъ огнестрѣльной раны, съ которою былъ доставленъ въ тюрьму; раненъ

же онъ былъ драгунами, производившими въ Рижскомъ уѣздѣ розыски злоумышленниковъ, совершившихъ вооруженное нападеніе на крестьянина Чипика. Драгуны произвели выстрѣлъ въ Радзина и трехъ бывшихъ съ нимъ неизвѣстныхъ, въ виду того, что они, обнаруженные близъ мѣста нападенія, на требованіе драгунъ остановиться, требованію этому не подчинились и стали стрѣлять въ этихъ драгунъ.

Въ-четвертыхъ, содержавшійся въ лифляндской губернской тюрьмѣ Карлъ Зауманъ, дѣйствительно, умеръ 6 іюля 1906 г. отъ поврежденій, причиненныхъ ему въ тюрьмѣ 25 іюня того же года нижними чинами, охранявшими тюрьму и вынужденными прибѣгнуть къ дѣйствію силой при усмиреніи взбунтовавшихся арестантовъ. Возвращаясь въ этотъ день съ прогулки, арестанты набросились на младшаго надзирателя Грегоса и, схвативъ его за горло, отняли у него револьверъ и ключи отъ камеръ, а затѣмъ одинъ изъ арестантовъ, приставивъ къ груди тюремнаго надзирателя револьверъ, спустилъ курокъ, но выстрѣла не послѣдовало, такъ какъ револьверъ не былъ заряженъ. Послѣ этого арестанты потащили тюремнаго надзирателя къ стоявшему въ коридорѣ чану съ кипяткомъ и пытались бросить его въ горячую воду. Въ то же время другіе арестанты набросились на другихъ надзирателей и, сдавливая имъ горло, отняли у нихъ револьверы. Тогда на шумъ прибѣжали стоявшіе для охраны у входа въ тюрьму солдаты и разогнали арестантовъ по камерамъ, при чемъ Карлу Зауману и были причинены пораненія.

Въ-пятыхъ, относительно упоминанія въ протоколѣ думской комиссіи случаевъ самоубійства въ рижской центральной тюрьмѣ, при разслѣдованіи товарища оберъ-прокурора Руадзе обнаружилось что 25 сентября 1906 г. въ Ригѣ, дѣйствительно, повѣсился Антонъ Наркевичъ, задержанный стражею съ револьверомъ системы Маузера по подозрѣнію въ нѣсколькихъ грабежахъ и убійствахъ и проживавшій по подложному паспорту, но событіе это имѣло мѣсто не въ рижской центральной тюрьмѣ, а въ арестантскомъ

помѣщеніи при митавской полицейской части г. Риги, куда Паркевичъ былъ заключенъ въ отдѣльную камеру.

Въ-шестыхъ, переходя къ происшедшему 31 марта текущаго года въ лифляндскомъ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи столкновенію арестантовъ съ тюремной стражей,—нижними чинами военнаго караула, я нахожу излишнимъ излагать всѣ подробности этого прискорбнаго событія, которое составило предметъ, нынѣ уже законченнаго, предварительнаго слѣдствія. Данныя этого слѣдствія будутъ всесторонне провѣрены во время судебнаго разбирательства и найдутъ свою оцѣнку въ судебномъ приговорѣ. Но я не могу умолчать, что предварительнымъ слѣдствіемъ, которое производилось,—по отзыву лично его разсмотрѣвшаго товарища оберъ-прокурора Руадзе,—съ надлежащей обстоятельностью и полнотой, добыты вполнѣ убѣдительныя доказательства того, что дѣйствительной причиной бывшаго 31 марта возмущенія арестантовъ исправительнаго арестантскаго отдѣленія послужило не совершеніе чинами тюремной или караульной стражи какихъ-либо неправильныхъ дѣйствій, а намѣреніе арестантовъ бѣжать изъ мѣста заключенія. Это съ полною очевидностью устанавливается совокупностью показаній всѣхъ арестантовъ, допрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи въ качествѣ обвиняемыхъ. Не признавая себя виновными въ предъявленномъ къ нимъ обвиненіи, они вмѣстѣ съ тѣмъ дали довольно подробныя показанія о самомъ событіи преступленія, при чемъ ни въ одномъ показаніи не содержится даже отдаленнаго указанія на нанесеніе, утромъ 31 марта надзирателемъ исправительнаго арестантскаго отдѣленія Соколовскимъ политическому арестанту Богсбергу или другимъ арестантамъ какихъ-либо оскорбленій или побои. Напротивъ того, изъ показаній обвиняемыхъ видно, что нападеніе арестантовъ на надзирателя Соколовскаго и на бывшихъ въ караулѣ солдатъ было произведено безъ всякаго съ ихъ стороны повода и можетъ быть объяснено единственно намѣреніемъ арестантовъ, обезоруживъ Соколовскаго и караульныхъ солдатъ, бѣжать изъ мѣста заключенія. Такимъ образомъ, и столкновеніе, происходившее 31 марта 1907 г., въ одномъ изъ корпусовъ

рижской центральной тюрьмы, по безспорнымъ даннымъ слѣдствія, представляется въ совершенно иномъ видѣ, чѣмъ оно изложено во внесенномъ въ Государственную Думу заявленіи и протоколѣ комиссіи по запросамъ. Сообщенныя въ нихъ обстоятельства, послужившія поводомъ къ столкновенію, и самое описаніе этого столкновенія не соотвѣтствуютъ дѣйствительности и находятся въ полномъ противорѣчіи съ точно установленными на слѣдствіи данными и съ показаніями самихъ арестантовъ, привлеченныхъ къ дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ, и если даже они не рѣшаются утверждать, что поводъ къ столкновенію подалъ сторожъ Соколовскій, а не сами арестанты, которые задолго, до 31 марта задумавъ учинить побѣгъ, врасплохъ напали на тюремныхъ надзирателей и военный конвой: то не можетъ быть мѣста сомнѣнію въ томъ, что свѣдѣнія противоположнаго характера; иначе освѣщающія указанныя выше событія, не заслуживаютъ никакого довѣрія. Въ засѣданіи Государственной Думы, при обсужденіи принятія настоящаго запроса, я просилъ указать на источникъ, изъ котораго были почерпнуты свѣдѣнія о томъ, что безпорядки въ Рижской тюрьмѣ 31 марта произошли, будто бы, вслѣдствіе оскорбленія, нанесеннаго тюремнымъ сторожемъ политическимъ арестованнымъ. Источникъ мнѣ указанъ не былъ. На предварительномъ слѣдствіи онъ также не обнаруженъ. Но знаменательно слѣдующее: точно такія же совершенно извращающія обстоятельства дѣла свѣдѣнія, какъ и въ протоколѣ думской комиссіи, были помѣщены въ распространенномъ въ Ригѣ послѣ 31 марта воззваніи россійской соціалъ-демократической рабочей партіи, соціалъ-демократіи латышскаго края и еврейскаго бунда. Воззваніе это, озаглавленное: „Опять новое кровопролитіе“! и заканчивающееся словами: „Да здравствуетъ революція; слава погибшимъ борцамъ“, наряду съ другими ложными свѣдѣніями содержитъ въ себѣ указаніе на то, что „давно желанное столкновеніе съ заключенными было вызвано 31 марта тюремнымъ надзирателемъ и, въ частности, сторожемъ Соколовскимъ, который началъ ругать и толкать двухъ арестантовъ“.

Заканчивая на этомъ свое разъясненіе, я утверждаю, что незако-

помѣрныя дѣйствія, приписанныя въ настоящемъ запросѣ должностнымъ лицамъ вѣдомства министерства юстиціи, представляются совершенно опровергнутыми *(Аплодисменты справа)*.

37. Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, Макаровъ.

Запросъ, по которому мнѣ предстоитъ сдѣлать разъясненіе, представляется въ отношеніи полицейскихъ чиновъ Прибалтійскаго края обширнымъ обвинительнымъ актомъ, заключающимъ въ себѣ, однако, весьма существенный недостатокъ. Всякій обвинительный актъ долженъ содержать въ себѣ доказательства виновности, а въ запросѣ такихъ доказательствъ ни одного не приведено, и всѣ обвиненія, которыя возводятся на правительство, представляются совершенно голословными. Отсюда и затруднительность опроверженія этихъ обвиненій. Конечно, когда обвиненіе представляется съ ссылкою на доказательства, то для лица, провѣряющаго эти обвиненія, задача представляется сравнительно легкой: ему предстоитъ разобраться въ этихъ доказательствахъ, провѣрить ихъ достовѣрность и затѣмъ перейти къ выводу: насколько обвиненія основательны. Другое дѣло, если обвиненіе доказательствами не подкрѣплено, если оно представляется голословнымъ. Такія обвиненія на судѣ признаются недоказанными. Но если эти обвиненія бросаются противъ представителей правительственной власти, тогда достоинство этой власти обязываетъ принять все-таки всѣ тѣ мѣры, которыя находятся въ ея распоряженіи, для разъясненія позорящихъ должностныхъ лицъ дѣйствій. Первымъ дѣйствіемъ такой провѣрки представляется всегда опросъ заявителей или потерпѣвшихъ. Несомнѣнно, что заявители обычно подтверждаютъ свои заявленія, а потерпѣвшіе—свои жалобы; къ такимъ объясненіямъ, однако, приходится относиться съ осторожностью, ибо показаніе всякаго потерпѣвшаго не признается вполнѣ достовѣрнымъ доказательствомъ: въ каждомъ потерпѣвшемъ остается чувство дѣйствительной или

мнимой обиды. Съ этими затрудненіями по разслѣдованію пришлось, конечно, столкнуться и лицамъ, командированнымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ для провѣрки тѣхъ обвиненій, которыя предъявлены противъ полицейскихъ чиновъ въ запросѣ. Но эти затрудненія еще болѣе осложнились: нѣкоторыхъ изъ потерпѣвшихъ допросить не представилось возможности; одни изъ нихъ осуждены уже, другіе—уѣхали за границу, третьи—скрылись. Тѣмъ не менѣе я удостовѣряю, что значительное большинство потерпѣвшихъ, указанныхъ въ запросѣ, были самымъ тщательнымъ образомъ опрошены и опросъ этотъ привелъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) образованіе при рижскомъ сыскномъ отдѣленіи какой-либо особой комиссіи для производства по порученію прокурорскаго надзора и жандармскаго управленія «слѣдствія надъ политическими»—представляется сплошнымъ вымысломъ; 2) запросъ, очевидно, пользовался источникомъ не вполнѣ достовѣрнымъ. *(Голосъ изъ центра:* полицейскимъ). Въ этомъ запросѣ заключаются явныя неточности. Одинъ изъ потерпѣвшихъ, Янъ Стелисъ, считается признаннымъ уже не виновнымъ, а между тѣмъ дѣло о немъ находится у судебнаго слѣдователя 7 участка г. Риги и еще не окончено. Другой, Заренко. признается разстрѣляннымъ безъ всякаго суда, но Заренко въ дѣйствительности казненъ по приговору суда отъ 16 декабря 1906 г. Самое существенное, однако—это то, что никто изъ опрошенныхъ потерпѣвшихъ не заявилъ,—какъ указано въ запросѣ,—что арестованныхъ, поваливъ, истязали, прыгали по нимъ ногами, пока грудная клѣтка и ребра не были проломлены; чтобы кого-нибудь изъ нихъ били ногами до тѣхъ поръ, пока мясо не стало отваливаться отъ костей; чтобы чины полиціи на допросѣ тыкали карандашемъ и пальцами въ глаза допрашиваемыхъ; чтобы рвали имъ ногти; чтобы ломали кости; чтобы скручивали волосы щипцами. Вообще, никто изъ потерпѣвшихъ на всѣ тѣ ужасы, которые заключаются въ запросѣ, указаній не сдѣлалъ, а потерпѣвшихъ, милостивые государи, обвинить въ желаніи смягчить неправильныя дѣйствія полиціи, которыя по отношенію къ нимъ примѣнялись, я думаю, упрекнуть нельзя. Всѣ за-

явленія потерпѣвшихъ по отношенію къ насилію и побоямъ, которые чинила полиція при допросѣ, сводятся къ слѣдующему: чины полиціи били ихъ кулаками, нагайками и резиновыми палками и таскали за волосы. Въ одномъ случаѣ жалобщикъ указывалъ на сѣченіе его и брата розгами, но при провѣркѣ этого случая свидѣтели, на которыхъ самъ потерпѣвшій сослался, ссылку эту отвергли. Другой изъ потерпѣвшихъ по запросу указывалъ еще, что ему жгли ротъ зажженной папироской. Однако, изъ указанныхъ жалобщикомъ свидѣтелей: четверо совершенно отвергли сдѣланную на нихъ ссылку, а двое лишь удостовѣрили, что, находясь подъ стражей въ одной камерѣ съ жалобщикомъ, они видѣли у него слѣды побоевъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ заявленіемъ потерпѣвшихъ и провѣркою изъ заявленій находятся и результаты медицинскаго освидѣтельствованія, которое по отношенію къ нѣкоторымъ изъ потерпѣвшихъ было произведено. Освидѣтельствованіе ихъ указало на одинъ случай причиненія болѣе тяжкихъ увѣчій; остальные случаи отнесены къ нанесенію легкихъ побоевъ. Наряду съ этимъ надо отмѣтить и то обстоятельство, что если бы арестованные чинами полиціи подверглись на допросахъ всѣмъ тѣмъ ужаснымъ мукамъ, которыя указаны въ запросѣ, то эти истязанія и мученія, несомнѣнно, оставили бы послѣ себя сравнительно продолжительные слѣды. Между тѣмъ, ни на допросахъ при формальномъ дознаніи, ни на допросахъ при предварительномъ слѣдствіи, обвиняемые на это не ссылались и никакихъ слѣдовъ сколько-нибудь замѣтныхъ отъ тѣхъ мученій и истязаній, которымъ они подвергались, замѣчено не было. Никакихъ указаній на такого рода жестокости нѣтъ и въ дѣлахъ объ этихъ обвиняемыхъ, какъ это удостовѣряетъ командированный министерствомъ юстиціи товарищъ оберъ-прокурора правительствующаго сената. Въ связи съ этимъ предсѣдательствовавшій во временномъ окружномъ судѣ военный судья удостовѣряетъ, что изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ подъ его предсѣдательствомъ дѣлъ только обвиняемые Вейнбергъ и Адынь заявили на судѣ, что они сознались въ сыскномъ отдѣленіи подъ вліяніемъ причиненныхъ имъ побоевъ, но наряду съ этимъ произ-

водства по дѣламъ съ совершенной точностью указываютъ, что такого рода сознанія вполнѣ согласовались съ другими обстоятельствами дѣла и подкрѣплялись несомнѣнными уликами. Тѣмъ не менѣе, милостивые государи, какъ и при первомъ моемъ заявленіи, когда настоящій запросъ былъ внесенъ на обсужденіе Государственной Думы, я далекъ отъ мысли утверждать, чтобы полиція, при производствѣ допросовъ въ Прибалтійскомъ краѣ, не наносила въ нѣкоторыхъ случаяхъ побоевъ. Въ этомъ отношеніи я долженъ сказать вамъ, что уже въ прошломъ году, а отчасти въ нынѣшнемъ, въ Прибалтійскомъ краѣ возбуждено было 42 дѣла по обвиненію полицейскихъ чиновъ въ причиненіи насилій. Одно изъ этихъ дѣлъ прекращено за недостаточностью уликъ, другое закончилось обвинительнымъ приговоромъ, по которому подсудимый присужденъ къ лишенію всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ и къ отдачѣ въ исправительное отдѣленіе на 1 годъ; остальныя дѣла находятся въ производствѣ. Составляющее главную часть настоящаго запроса дѣло о насиліяхъ въ рижскомъ сыскномъ отдѣленіи въ настоящее время также находится въ вѣдѣніи судебной власти, потому что по этому дѣлу возбуждено предварительное слѣдствіе. Для правильнаго освѣщенія дѣйствій полиціи, однако, несомнѣнно нужно считаться съ тѣми исключительными обстоятельствами, при которыхъ ей пришлось заниматься розыскомъ. Повседневныя, повсемѣстныя, поразительныя по своей наглости, жестокости, скажу даже болѣе — кровожадности посягательства на чиновъ войскъ и полиціи и на другихъ должностныхъ лицъ, безпрерывныя убійства, грабежи и вооруженныя нападенія, сопровождавшіеся поджогами, взрывами, безсмысленными истребленіями казеннаго и частнаго имущества и опустошеніями края; несомнѣнно, должны были вліять на чиновъ полиціи, которая ежеминутно имѣла полное основаніе опасаться за свою жизнь, приносила очень часто эту жизнь на пользу службы и, не обладая совершенными и достаточными розыскными средствами, погибая почти ежедневно, — могла лишиться того хладнокровія, которое, быть можетъ, требовалось отъ нея для того, чтобы дѣйствія ея были вполнѣ законо-

мѣрными. Въ этомъ отношеніи я сошлюсь на то, что въ Лифляндской и Курляндской губерніяхъ совершено было за это время 1.148 террористическихъ актовъ. Жертвъ нападенія было въ Лифляндіи 367 человѣкъ, изъ нихъ убито 153, а 214 ранено; больше половины потерпѣвшихъ пало на войско и полицію. Въ Курляндской губерніи 321 человѣкъ были убиты и ранены; изъ нихъ—убито 171, ранено 150. Вотъ при какихъ условіяхъ приходилось работать прибалтійской полиціи. (*Шумъ слѣва*). Насколько кровожадны, насколько жестоки были эти нападенія, я позволю себѣ сослаться хотя бы на нѣкоторые случаи. 20 декабря 1905 г. въ Ригѣ вооруженные злоумышленники въ числѣ 15—20 лицъ напали на взводъ драгунъ 9 Елисаветградскаго полка, квартировавшаго въ помѣщеніи завода „Товарищества Проводникъ", въ то время, когда драгуны еще спали. Предварительно убивъ городового Малера, стоявшаго на посту у воротъ, а также часового, стоявшаго въ помѣщеніи драгунъ, злоумышленники, пробравшись въ помѣщеніе драгунъ, захватили стоявшія въ пирамидахъ винтовки и стали стрѣлять изъ револьверовъ въ спавшихъ драгунъ, нанося имъ кромѣ того удары кинжалами; при этомъ было убило 12, ранено 10 человѣкъ. 17 января 1906 г. въ Ригѣ, когда патруль изъ 6 городовыхъ ѣхалъ по улицѣ, шайка злоумышленниковъ, стоявшая на разныхъ углахъ улицы, пропустивъ мимо себя городовыхъ, одновременно открыла по нимъ стрѣльбу изъ Маузеровъ, ранила городовыхъ Петкуса, Рѣдьку и Мишкина и трехъ лошадей, а также убила одну изъ нихъ. Городовой Мишкинъ умеръ въ больницѣ на другой день. Въ августѣ 1906 г., озлобившись на гангесбергское общество правильной охоты и спорта, революціонеры совершили вооруженное нападеніе на домъ этого общества, облили стѣны этого деревяннаго дома керосиномъ, подожгли таковой, а затѣмъ произвели въ этотъ домъ 200 выстрѣловъ. Въ это время въ этомъ домѣ находились люди. Въ томъ же августѣ при задержаніи нѣкоей Анны Цауне, изъ квартиры, въ которой она находилась, было произведено въ полицію 20 выстрѣловъ. Полиція сдѣлала четыре попытки проникнуть въ

эту квартиру и постоянно встрѣчалась оттуда выстрѣлами изъ револьверовъ и Маузеровъ, а затѣмъ въ полицію была брошена и бомба. Въ сентябрѣ того же года, въ вагонъ электрическаго трамвая злоумышленники бросили бомбу, предварительно обстрѣлявъ вагонъ. Отъ взрыва бомбы убитъ наповалъ ѣхавшій въ трамваѣ неизвѣстный пассажиръ, которому оторвало обѣ ноги, обѣ руки и изувѣчило лицо. Кромѣ того, раненъ осколками снаряда машинистъ трамвая Книгге, а трамвайному служащему Корвелису осколками выбитъ правый глазъ, изувѣчено все тѣло, переломлена правая нога и ранена лѣвая рука. Ѣхавшей въ трамваѣ Блювель осколками изувѣчена лѣвая рука, плечо и нога; при перестрѣлкѣ злоумышленниками раненъ на вылетъ пулей городовой Ткачевъ. Наконецъ, въ декабрѣ того же года при задержаніи полиціей анархистовъ-коммунистовъ, послѣдніе встрѣтили полицейскихъ чиновъ огнемъ. Приставъ Грегусъ раненъ въ правую руку, полицейскій надзиратель Дукманъ—въ плечо на вылетъ, у надзирателя Давуса пробита на плечѣ одежда и самъ онъ раненъ въ нижнюю часть лица. Изъ окна этой квартиры злоумышленники стрѣляли также въ стоявшихъ на улицѣ городовыхъ и воинскихъ чиновъ, ранили городового Шевчунаса въ животъ и убили полицейскаго надзирателя Бирюковича. Такъ революціонеры поступали по отношенію къ чинамъ полиціи. Но и частныя лица не были изъяты отъ террора. Многія изъ нихъ были убиты лишь потому, что попадались навстрѣчу разбойникамъ во время побѣга. Одинъ англичанинъ, проживавшій въ г. Ригѣ, писалъ корреспонденцію въ англійскую газету, въ которой, между прочимъ, упоминаетъ: „Я самъ видѣлъ трупы старухъ и стариковъ, не могущихъ быть никому опасными, молодыхъ людей и дѣвушекъ, лежащихъ на улицѣ въ лужѣ собственной крови, и единственная вина ихъ состояла въ томъ, что они попались на дорогѣ бѣгущему разбойнику и этимъ замедлили его бѣгъ". И тѣмъ не менѣе въ большинствѣ случаевъ, милостивые государи, нападенія на частныхъ лицъ, покушенія на убійство ихъ и самыя убійства въ Прибалтійскомъ краѣ представлялись предумышленными, планомѣрными,

Изъ частныхъ лицъ, кромѣ помѣщиковъ, избивались преимущественно тѣ, которыя оказывали или даже только могли оказывать какое-нибудь содѣйствіе властямъ въ усмиреніи края. Согласно отзывамъ мѣстныхъ властей, избивались всѣ тѣ свидѣтели по политическимъ дѣламъ, которые не сочувствовали дѣлу революціи. У революціонеровъ, на случай поимки, существовало строжайшее правило—не давать властямъ никакихъ объясненій, а учинявшихъ оговоры своихъ соучастниковъ они безпощадно избивали и пристрѣливали. Революціонерами были повреждены въ Курляндіи: 79 разъ телефонъ, 20 разъ телеграфъ и 11 разъ полотно желѣзной дороги. Въ лѣсахъ прятались цѣлыя революціонныя банды, называвшія себя „лѣсными братьями". Они дѣлали вооруженныя нападенія на всѣхъ проѣзжающихъ и даже на желѣзнодорожные поѣзда. 1 декабря, въ Туккумѣ, революціонеры, измѣннически вооружившись, убили полковника Миллера и 16 драгунъ, ранили двухъ офицеровъ и 16 драгунъ, при чемъ убито было также 40 лошадей. Конюшня, въ которой находились защищавшіеся драгуны, была подожжена, а на улицѣ, съ цѣлью воспрепятствовать выступленію драгунъ, были поставлены проволочныя загражденія Въ революціонные дни въ одной Курляндіи совершено свыше 300 поджоговъ и свыше 800 разбоевъ, въ томъ числѣ ограблены въ 60 случаяхъ казенныя лавки; въ 93 случаяхъ—волостныя правленія и волостные дома; въ 16 случаяхъ—почта; въ 230 случаяхъ—разбой былъ направленъ на отнятіе оружія. Оружіе открыто расхищалось у частныхъ лицъ, преимущественно у помѣщиковъ при разгромѣ и сожженіи ихъ усадебъ, а также у лѣсниковъ, у сторожей и у чиновъ полиціи. Волостные старшины и ихъ помощники, а также волостные писаря, во второй половинѣ 1905 г. тоже подвергались избіеніямъ. Въ это время почти во всѣхъ селеніяхъ сельскія власти были упразднены и взамѣнъ ихъ образованы „распорядительные комитеты", состоявшіе изъ лицъ, причастныхъ къ революціонному движенію. Архивы и все производство въ волостныхъ правленіяхъ истреблялись, деньги, штемпеля, паспорта, книги и паспортные бланки расхищались; портреты Его

Императорскаго Величества уничтожались, сжигались и даже разстрѣливались; уничтожались также иконы; пасторы преслѣдовались наравнѣ съ помѣщиками; часто они подвергались насиліямъ и избіеніямъ въ самой церкви во время службы, въ особенности въ тѣ часы, когда они произносили установленныя молитвы за Государя Императора, а оставшіеся, вмѣсто нихъ, революціонеры произносили противоправительственныя и зачастую кощунственныя рѣчи. Яркимъ образчикомъ такихъ рѣчей служитъ дѣяніе, допущенное включеннымъ въ запросъ однимъ изъ потерпѣвшихъ, Петромъ Ризга, который собравшемуся въ зельбурнской церкви на молитву народу громогласно провозгласилъ: „Богъ смѣщенъ". Вотъ при какихъ условіяхъ приходилось дѣйствовать полиціи въ Прибалтійскомъ краѣ. Указанія на исключительность этихъ условій и справедливую оцѣнку того, что, несмотря на эти условія, полиція не утратила своей энергіи, встрѣчаемъ мы въ отчетѣ рижской городской управы за прошлый 1906 г. Въ немъ говорится: „У насъ условія полицейской охраны существенно улучшились, что слѣдуетъ приписать не столько увеличенію штатовъ на 180 городовыхъ, сколько энергіи назначеннаго 22 апрѣля полицеймейстера. Онъ мастерски сумѣлъ внушить всему учрежденію новый духъ и поставить его такъ, что оно, дѣйствительно, служитъ для общаго блага". Нѣкоторые изъ чиновъ этой самой полиціи провинились: они не смогли проявить при этихъ обстоятельствахъ того хладнокровія, которое требуется для закономѣрнаго исполненія ими возложенныхъ на нихъ служебныхъ обязанностей. Дѣйствія этихъ чиновъ составляютъ нынѣ предметъ судебнаго разслѣдованія, и пусть безпристрастный и справедливый судъ скажетъ о нихъ свое рѣшающее слово; мы же, отводя каждому общественному явленію подобающее ему мѣсто, должны признать, что незакономѣрныя дѣйствія полиціи въ Прибалтійскомъ краѣ не вызывались лишь отсутствіемъ у этихъ чиновъ понятія закономѣрности, но что главнымъ условіемъ ихъ неправильныхъ дѣйствій является совокупность тѣхъ, совершенно исключительныхъ, обстоятельствъ, которыя въ общей ихъ сложности представляются

опять все тѣмъ же раздирающимъ нашу родину, возмутительнымъ, кровавымъ бредомъ, громко называющимъ себя „революціей“. *(Аплодисменты справа.)*

38. Товарищъ министра юстиціи Люце.

Господа народные представители. Настоящій законъ наказываетъ за восхваленіе преступнаго дѣянія въ рѣчи или сочиненіи, публично произнесенныхъ или прочтенныхъ, или распространеніе, или публичное выставленіе свѣдѣній и сочиненія или изображенія, завѣдомо содержащихъ такое восхваленіе. Можно быть различнаго мнѣнія объ этомъ законѣ, но сказать, что восхваленіе преступленія не безнравственно или не опасно, этого сказать положительно невозможно. Восхваленіе преступленія очень близко къ подстрекательству, оно, конечно, не есть подстрекательство, потому что подстрекательство обращается непосредственно къ одному опредѣленному лицу или группѣ лицъ, тогда какъ восхваленіе обращается къ неопредѣленному числу лицъ; но въ то же время это восхваленіе, именно потому, что оно имѣетъ огромное распространеніе, можетъ быть, въ отдѣльныхъ случаяхъ, гораздо преступнѣе, чѣмъ самое подстрекательство. Подстрекательство не наказуемо, когда не доказано, что оно имѣло своимъ послѣдствіемъ совершеніе преступленія, и въ этомъ смыслѣ восхваленіе преступленія нельзя было бы наказать, какъ подстрекательство, хотя не потому, чтобы восхваленіе не имѣло связи съ совершеннымъ преступленіемъ, а потому, что доказать эту связь было бы не всегда возможно. Но, само собой разумѣется, что восхваленіе, во многихъ случаяхъ, можетъ имѣть послѣдствіемъ дѣйствительное совершеніе преступленія, и восхвалителя преступленія нельзя признать менѣе безнравственнымъ, чѣмъ того, кто подстрекаетъ непосредственно къ преступленію. Вслѣдствіе этого многія иностранныя законодательства нашли необходимымъ въ уголовныхъ законахъ предусмотрѣть восхваленіе преступленій. Этого направленія придерживается австрій-

ское, венгерское, итальянское, испанское, португальское, французское, норвежское и швейцарское законодательства. Нѣтъ ничего удивительнаго, что нашъ законодатель нашелъ необходимымъ ввести такой законъ и у насъ и назвать это несправедливымъ невозможно. Нынѣшнее положеніе нашего отечества никакъ не можетъ быть оправданіемъ того, чтобы восхваленіе преступленій оставалось безнаказаннымъ, и никакъ нельзя согласиться съ указаніемъ доклада комиссіи, что въ періодъ полнаго переустройства государственной жизни, при коренномъ измѣненіи отжившихъ началъ и учрежденій, нашедшихъ себѣ заслуженную отрицательную оцѣнку, сугубо строгое преслѣдованіе не только маловажнаго преступленія, но даже и положительнаго къ нему отношенія, не выдерживаетъ критики съ точки зрѣнія теоретической оцѣнки. Само собою разумѣется, что въ такія времена увлеченіе возможно скорѣе, чѣмъ при другихъ условіяхъ, и иногда излишество въ рѣчи или въ статьѣ является болѣе извинительнымъ; но, съ другой стороны, въ такія времена восхваленіе преступленій представляется и особенно опаснымъ. Можно говорить о большей или меньшей преступности даннаго лица въ такія времена, но въ семъ случаѣ нужно только чтобы законъ давалъ обширную власть судьѣ въ смягченіи наказанія. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ наказаніе должно быть справедливымъ въ отношеніи совершеннаго преступленія, и эта потребность разсматриваемымъ закономъ удовлетворяется вполнѣ. Указанная въ докладѣ комиссіи неопредѣленность, будто бы, состава преступленія, предусмотрѣннаго этимъ закономъ, по моему мнѣнію, не существуетъ. Именно въ видахъ большей опредѣленности этого состава прежняя редакція ст. 1035 уложенія о наказаніяхъ, предусматривавшая одобреніе или оправданіе воспрещенныхъ дѣяній или преступленій, была въ данномъ случаѣ измѣнена. Это выраженіе, дѣйствительно, иногда могущее дать поводъ къ недоразумѣніямъ, замѣнено словомъ „восхваленіе“, и уже въ этомъ понятіи неопредѣленность трудно видѣть. Вообще въ проступкахъ печати и проступкахъ, совершаемыхъ посредствомъ рѣчи публично, нерѣдко бываетъ нѣкоторая неопредѣленность въ указаніи состава

преступленія. Но въ этомъ отношеніи данный законъ, можно сказать, скорѣе выдѣляется изъ всѣхъ другихъ, потому что слова „восхваленіе преступленій“ выражаютъ совершенно опредѣленное понятіе. Самое главно—это примѣненіе закона судомъ и широкая власть судьи при опредѣленіи мѣры взысканія. При такой гарантіи даже нѣкоторая неясность закона не представляла бы большой опасности, потому что судья всегда примѣняетъ его по его истинному смыслу, а не по буквѣ. Но предоставить судьѣ примѣнять такой законъ, какъ нынѣшній, гдѣ сказано, что виновный въ восхваленіи преступнаго дѣянія подлежитъ наказанію, по моему мнѣнію, представляется совершенно безопаснымъ. Другой недостатокъ, указанный въ докладѣ комиссіи, это то, что уголовное уложеніе караетъ лишь за восхваленіе болѣе тяжкихъ преступныхъ дѣяній, тогда какъ разсматриваемый законъ предусматриваетъ восхваленіе всѣхъ вообще преступныхъ дѣяній. Разумѣется, на этотъ вопросъ можно смотрѣть различно. Можетъ быть, можно было бы ограничиться редакціею статьи 133 угол. улож. Но, собственно, теоретическихъ основаній нѣтъ для того, чтобы дѣлать разницу между восхваленіемъ болѣе или менѣе тяжкихъ проступковъ. Нельзя сказать: да, восхвалять преступныя дѣянія, которыя по закону караются исправительнымъ домомъ, безнравственно и опасно, а восхвалять то, за что опредѣлена „тюрьма“, это уже не безнравственно и безопасно; восхвалять оскорбленіе полицеймейстера—опасно, а восхвалять оскорбленіе частнаго лица — это можетъ остаться безнаказаннымъ. Теоретическихъ основаній къ тому, чтобы наказывать только за восхваленіе извѣстнаго рода проступковъ и не наказывать вообще за восхваленіе преступныхъ дѣяній, не существуетъ. Точной грани между тяжкими и маловажными проступками въ сущности нѣтъ. Она совершенно случайна и опредѣляется мѣрою наказанія, назначеннаго за эти проступки.

Указанія на то, что въ этомъ законѣ увеличены наказанія противъ того, какъ предполагали составители уголовнаго уложенія, не совсѣмъ точны, потому что въ данномъ случаѣ наказанія соображены не съ уголовнымъ уложеніемъ, но съ дѣйствующимъ

уложеніемъ о наказаніяхъ. Уголовное уложеніе опредѣлило арестъ до 6 мѣсяцевъ, а такого наказанія дѣйствующіе законы не знаютъ, предусматривая лишь арестъ до 3 мѣсяцевъ. Такъ какъ данный законъ изданъ не въ дополненіе къ уголовному уложенію, то и наказаніе было въ данномъ случаѣ заимствовано не изъ послѣдняго, но изъ прежней статьи 1035 уложенія о наказаніяхъ, причемъ высшая мѣра, которая была опредѣлена въ сей статьѣ, а именно—тюрьма до одного года и четырехъ мѣсяцевъ, была уменьшена до восьми мѣсяцевъ тюремнаго заключенія, а затѣмъ была сохранена низшая мѣра наказанія статьи 1035, заключающаяся въ денежномъ взысканіи. Надо, однако, замѣтить, что высшая мѣра наказанія, опредѣленная въ законѣ въ настоящее время, не представляетъ существеннаго значенія, потому что наши судьи вовсе не имѣютъ тенденціи къ опредѣленію наказанія по высшей мѣрѣ, напротивъ, замѣтна тенденція примѣнять среднюю мѣру, какъ нормальное наказаніе, а затѣмъ уменьшать эту мѣру, по возможности, по обстоятельствамъ дѣла. Лучшій законъ, по моему мнѣнію, именно тотъ, которымъ запрещаются преступныя дѣянія подъ страхомъ строгаго наказанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, дается судьѣ возможность опредѣлять въ каждомъ случаѣ наказаніе вполнѣ милостивое, и въ этомъ отношеніи тотъ законъ, который мы теперь разсматриваемъ, не оставляетъ желать рѣшительно ничего.

39. Товарищъ министра торговли и промышленности Штофъ.

Господа депутаты! Позвольте мнѣ внести маленькую поправку къ докладу, который мы выслушали. Дѣло въ томъ, что министерство торговли и промышленности по поводу Охотскихъ рейсовъ вовсе не высказывало предположенія объ отдачѣ ихъ на 12 лѣтъ, оно просто предполагало, какъ видно изъ его представленія, отдать ихъ обществу „Товарищество пароходныхъ предпріятій на Дальнемъ Востокѣ“ только на одинъ годъ, или, лучше сказать, на одну

навигацію нынѣшняго года. То, что было говорено о 12 годахъ, относится къ другимъ пароходствамъ; къ Охотскимъ рейсамъ, повторяю, это не относится. Такимъ образомъ, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что одногодній контрактъ будетъ товариществомъ принятъ; оно уже на этотъ контрактъ согласилось. Это я говорю въ объясненіе того, о чемъ спрашивалъ сейчасъ депутатъ Капустинъ. Затѣмъ позвольте сейчасъ объяснить, какимъ порядкомъ министерство торговли и промышленности пришло къ предложенію заключить контрактъ именно съ товариществомъ, такъ называемыхъ, „прапорщиковъ запаса“. Хотя возможность конкуренціи въ подобнаго рода дѣлахъ, при маломъ развитіи у насъ частнаго пароходства, весьма незначительна, тѣмъ не менѣе министерство не отказалось сдѣлать попытку устроить состязаніе по этому предмету: оно сообщило выработанныя имъ условія семи пароходныхъ предпріятіямъ; изъ этихъ семи предпріятій отозвались только два: товарищество „Русь“ и „Товарищество пароходныхъ предпріятій на Дальнемъ Востокѣ“. Послѣднее просило субсидіи на 15.000 р. меньше, чѣмъ первое; впрочемъ, первое товарищество „Русь“, затѣмъ уже, послѣ состязанія, понизило свою вначалѣ назначенную сумму на 15.000 р., такъ что предложенія обоихъ товариществъ оказались одинаковыми, но послѣ состязанія уже неудобно было это принимать во вниманіе; при томъ же товарищество „Русь“ не имѣетъ своихъ пароходовъ, а нанимаетъ иностранные, а „Товарищество пароходныхъ предпріятій на Дальнемъ Востокѣ“ имѣетъ въ своемъ распоряженіи русскіе пароходы. Такимъ образомъ, намъ предстояло выбрать одно изъ двухъ: давать ли субсидію на поддержаніе иностраннаго пароходства или пароходства русскаго, а такъ какъ мы имѣли съ мѣста свѣдѣнія, что пароходы „Товарищества пароходныхъ предпріятій“, достаточно хороши для той цѣли, для которой они предназначены, то, очевидно, у насъ другого выхода не было, какъ предложить заключить контрактъ съ „товариществомъ пароходныхъ предпріятій на Дальнемъ Востокѣ“. Затѣмъ, я хотѣлъ сказать еще о подробностяхъ дѣла. Всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя требовала ваша бюджетная комиссія, мы, по

возможности, доставляли ей. Комиссія пожелала ознакомиться съ проектами контрактовъ; мы эти проекты сообщили ей немедленно. Комиссія вошла въ подробное разсмотрѣніе этихъ контрактовъ, и указала на желательность нѣкоторыхъ поправокъ; и эти поправки были министерствомъ тотчасъ же съ благодарностью приняты. Мнѣ кажется, господа, что дѣло это вполнѣ ясное, что оно совершенно правильно поставлено, и я твердо надѣюсь, что вы не откажете въ утвержденіи этого кредита, какъ совершенно необходимаго.

40. Министръ путей сообщенія.

Господа члены Государственной Думы! Прежде, чѣмъ касаться вопроса, поставленнаго на обсужденіе, я позволяю себѣ выяснить общія положенія о водныхъ путяхъ сообщенія въ Сибири. Крайняя бѣдность всякихъ сообщеній въ Сибири рѣзко бросается въ глаза и составляетъ, по моему, горе Сибирскаго края. Всякое пріобрѣтеніе того или другого сухопутнаго или воднаго пути составляетъ большое воспособленіе для развитія этого края. Министерство путей сообщенія во многихъ мѣстностяхъ Сибири не имѣетъ своихъ органовъ для необходимаго надзора и потому не имѣетъ достаточныхъ данныхъ по многимъ вопросамъ. Однако, на немъ, какъ на органѣ государственномъ, лежитъ обязанность воспособленія всѣми мѣрами интересамъ торговли и промышленности изыскиваніемъ въ томъ числѣ и путей къ улучшенію не только состоянія рѣкъ, но и сообщенія по этимъ рѣкамъ; поэтому, идя навстрѣчу исполненію возложенной на него обязанности въ отношеніи улучшенія сообщеній, министерство путей сообщенія считаетъ своею обязанностью сдѣлать все возможное для того, чтобы обезпечить въ предѣлахъ данныхъ ему средствъ интересы населенія, обслуживаемаго рѣчными сообщеніями. Къ числу такихъ средствъ относятся срочныя пароходныя сообщенія по тѣмъ рѣкамъ, по которымъ возможно судоходство. Къ числу такихъ рѣкъ относится рѣка Лена. Изъ словъ докладчика господа члены Государственной

Думы достаточно ознакомлены съ тѣми средствами пароходныхъ сообщеній, которыя имѣются на рѣкѣ Ленѣ. Они весьма не велики. Одна компанія Глотова имѣетъ благоустроенное пароходство и должныя средства для поддержанія срочныхъ рейсовъ; компанія имѣетъ 8 пароходовъ. Остальные 14 небольшихъ пароходовъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, и обслуживаютъ, главнымъ образомъ, интересы мѣстнаго населенія, подвозя грузы въ разныя мѣстности, преимущественно на золотые пріиски, такъ что, повидимому, ясно, что выбора нѣтъ. Изъ слышаннаго мною по этому вопросу я долженъ доложить, что пароходное сообщеніе вообще на сибирскихъ рѣкахъ находится въ совершенно особыхъ условіяхъ, нежели рѣчныя пароходства и сообщенія по рѣкамъ болѣе заселенныхъ краевъ. Поэтому министерство путей сообщенія поневолѣ должно примириться съ тѣми условіями, которыя составляютъ особенности нашей далекой окраины. Особенности этихъ условій состоятъ, во первыхъ, въ малонаселенности края, въ громадности разстояній и въ отсутствіи культуры и достаточнаго числа товаровъ, которые давали бы частнымъ предпріятіямъ гарантію въ томъ, что это предпріятіе дастъ необходимую частному лицу коммерческую выгоду. Вотъ почему при отсутствіи такихъ условій весьма мало желающихъ взять на себя такія предпріятія, которыя не приносятъ видимой доходности. Къ числу такихъ предпріятій, между прочимъ, относится срочное сообщеніе по доставленію товаровъ, пассажировъ и почты въ отдаленныя части этого края. Если лишить жителей этихъ отдаленныхъ мѣстъ срочнаго сообщенія, т. е. увѣренности въ томъ, что они во время могутъ пріѣхать, во время достать товаръ или получить почту—это будетъ явно противорѣчить интересамъ и безъ того уже обездоленныхъ дальнихъ окраинъ нашей страны. Вотъ почему забота министерства путей сообщенія въ томъ и состоитъ, чтобы принять всѣ мѣры къ установленію срочнаго сообщенія. Даромъ, конечно, это не дается, и приходится субсидировать тѣхъ частныхъ предпринимателей, которые могутъ предложить свои услуги. Здѣсь было довольно ярко обрисовано положеніе многихъ предпріятій и пароходствъ въ ино-

странныхъ государствахъ, которыя субсидируютъ свои срочныя сообщенія; ничего нѣтъ удивительнаго, что при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находится наша Сибирь, приходится прилагать къ этому тѣ же способы и также субсидировать. Важно, чтобы населеніе было гарантировано не только въ срочности, но и въ правильности рейсовъ и было въ увѣренности въ томъ, что эта срочность не нарушится чѣмъ-нибудь въ короткій срокъ. Вотъ почему до сихъ поръ и прибѣгали къ субсидіямъ пароходствъ на р. Ленѣ,—то же самое и на Амурѣ,—и приходилось заключать долговременные контракты. Съ однимъ изъ такихъ контрактовъ мы имѣемъ дѣло въ настоящее время. Комиссія, которая разсматривала основанія этихъ контрактовъ, пришла, между прочимъ, къ тому заключенію, что было бы желательно не возобновлять контрактовъ съ существующими контрагентами, но вызвать конкуренцію. Пріемъ весьма симпатичный и обычно употребляемый въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ можетъ дать практическіе результаты. Опытъ показалъ большое затрудненіе къ примѣненію этого способа въ Сибири. Къ примѣру могу сказать, что вызовъ конкуренціи или просто даже желающихъ установить срочное пароходство по р. Аргуни съ субсидіей отъ правительства болѣе, чѣмъ въ 21.000 р., до сихъ поръ не далъ не только конкурентовъ, но и вообще желающихъ взять на себя установленіе срочнаго сообщенія. Поэтому не могу не привѣтствовать желанія въ дальнѣйшемъ вызвать конкуренцію на производство дальнѣйшаго срочнаго сообщенія по р. Ленѣ, но полагаю, что заключеніе этого договора, т. е. утвержденіе договора, сейчасъ заключеннаго въ порядкѣ 87 ст. на 1 годъ, едва ли можетъ дать практическіе результаты. И вотъ, сочувствуя тому, чтобы вызвать впослѣдствіи конкуренцію для указанной цѣли, я бы полагалъ болѣе осторожнымъ заключить контракты съ существующими предпринимателями—Глотовыми, не на одинъ, а на два года. Для чего? Да для того, чтобы, когда будетъ объявлено, что къ слѣдующей сдачѣ этого срочнаго сообщенія будутъ вызваны лица по конкурсу, чтобы дѣйствительно явились предприниматели, которые за этотъ срокъ могли бы собрать капиталъ

и организоваться, чтобы выступить на ту конкуренцію, которая конечно, для пользы дѣла и въ интересахъ казны весьма желательна. Мое заключеніе состоитъ въ томъ, что я прошу Государственную Думу утвердить заключенный въ порядкѣ 87 ст. договоръ на текущій годъ и разрѣшить заключить съ контрагентомъ контрактъ не на одинъ годъ, а на два года.

41. Министръ путей сообщенія.

Я позволю себѣ сдѣлать маленькое разъясненіе по тому, что здѣсь было указано. Лицъ, желающихъ взять на себя производство срочнаго сообщенія между Усть-Кутомъ и Якутскомъ, до сего времени не находилось. Мы застаемъ дѣло въ такомъ положеніи, что въ теченіе продолжительнаго ряда лѣтъ не было никакихъ другихъ предложеній, что и вызвало въ свое время необходимость заключить мѣстными административными властями контрактъ съ Глотовымъ долгосрочный на тѣхъ основаніяхъ, которыя были изложены въ докладѣ, т. е. при условіи субсидіи отъ государственнаго казначейства и при условіи извѣстнаго тарифа. Но я долженъ пояснить—тарифы, дѣйствительно, высоки, но это предѣльные тарифы, и вотъ я къ моему удовольствію узналъ, что Глотовъ уже не пользуется этимъ предѣльнымъ тарифомъ, а просто идетъ на пониженіе добровольно — вѣдь это не обязательные, а лишь когда-то установленные предѣльные тарифы. Это даетъ мнѣ надежду, что Глотовъ встрѣтитъ конкуренцію не только въ однихъ тарифахъ, но, можетъ быть, даже въ размѣрахъ субсидіи. Теперь, что касается въ частности вопроса, что контрактъ этотъ нельзя продолжить, т. е., другими словами, надо его сейчасъ прекратить, то я позволю себѣ сказать, что министерство путей сообщенія не только осмѣливается, но ставитъ себѣ въ обязанность настаивать на томъ, чтобы не прекращать этого контракта, а въ интересахъ мѣстнаго населенія не лишать его хотя тѣхъ маленькихъ удобствъ, въ которыхъ оно живетъ, т. е. срочнаго со-

общенія съ внѣшнимъ міромъ, иначе оно будетъ совершенно отъ него отрѣзано.

Отвѣчаю на тотъ вопросъ, который мнѣ былъ заданъ. Да, я первымъ дѣломъ со времени вступленія своего на эту должность счелъ себя въ высшей степени заинтересованнымъ вопросомъ, касающимся Сибири, видя всю ея государственную важность, и первое дѣло, которое у меня было—это поѣздка въ этотъ край не только по желѣзной дорогѣ, но и по Шилкѣ, Амуру, до Хабаровска и далѣе черезъ Владивостокъ обратно; такъ что въ этомъ отношеніи все, что я могъ въ періодъ мѣсячнаго путешествія замѣтить, я, конечно, замѣтилъ: что условія пароходства по Шилкѣ и Амуру совершенно иныя, чѣмъ по р. Ленѣ. *(Апплодисменты справа и въ центрѣ).*

42 Министръ путей сообщенія.

Если министерство путей сообщенія было поставлено въ неизбѣжную необходимость ходатайствовать объ утвержденіи продолженія на одинъ годъ условія съ Глотовымъ, то только потому, что никакихъ другихъ предложеній не было. Продолженіе его контракта на одинъ годъ, на прежнихъ условіяхъ, состоялось въ порядкѣ 87 статьи и вносится на утвержденіе Государственной Думы. Воля Государственной Думы утвердить это, или, наоборотъ, не утвердить со всѣми вытекающими изъ этого послѣдствіями, т. е., если послѣдуетъ утвержденіе на 1 годъ, у насъ не будетъ, конечно, обезпечена успѣшная конкуренція, къ которой, кажется, мы всѣ стремимся,—и въ дѣлѣ установленія срочнаго пароходства по р. Ленѣ. Если продолженіе этого контракта на прежнихъ условіяхъ не состоится, конечно прекратится сообщеніе по р. Ленѣ, со всѣми его непріятными, конечно, но неизбѣжными послѣдствіями. Что касается до вопроса, который былъ поставленъ: можетъ ли министръ путей сообщенія дать гарантію въ томъ, что предприниматель Глотовъ понизитъ свой тарифъ не только въ этомъ году, но и на два года, если продлится контрактъ, то я долженъ заявить, что я поставленъ въ полную невоз-

можность взять на себя отвѣтить утвердительно, потому что это дѣло—прямое дѣло частнаго предпринимателя Глотова, мнѣніе котораго мнѣ не можетъ быть извѣстно и съ которымъ, конечно, не было по этому поводу сношеній, потому что предположеніе было продлить контрактъ на 12 лѣтъ, и только теперь, къ чему я вполнѣ присоединяюсь, вмѣсто 12 лѣтъ комиссія пришла къ естественному, по моему, выводу заключенію контракта на болѣе короткій срокъ, даже до одного года, на прежнихъ условіяхъ. Поэтому эти условія теперь нельзя колебать на первый годъ. Что касается до будущаго года, то я могу только изъявить одно полное желаніе и возможность съ моей стороны: при заключеніи, если Думѣ угодно будетъ утвердить заключеніе контракта на два года, предложить Глотову, чтобы на будущій годъ тарифъ пассажировъ палубныхъ былъ пониженъ до того размѣра, который былъ здѣсь указанъ. Внѣ этого я не могу принять на себя какого-либо обязательства.

43. Министръ путей сообщенія.

Послѣ сказаннаго мнѣ остается сказать очень немного и только въ смыслѣ разъясненія частностей. Пароходъ «Ангара»—это громадный пароходъ; онъ имѣетъ машину въ 1.200 индикаторныхъ силъ и отрицательныя его свойства въ отношеніи обслуживанія озера Байкалъ, для потребностей мѣстнаго населенія, были опредѣлены совершенно вѣрно, только ему приходилось бы совершать рейсы не въ 250 верстъ, а въ 700 верстъ. Это еще болѣе усугубляетъ его непригодность при обслуживаніи нуждъ мѣстнаго населенія. Долженъ еще добавить, что срочные рейсы пароходства Черныхъ обслуживаютъ не только мѣстное населеніе, но также и 9 маяковъ, которые находятся на Байкальскомъ озерѣ. Эти 9 маяковъ имѣютъ очень небольшую администрацію, которая освѣщаетъ эти маяки и дѣлаетъ метеорологическія наблюденія, потому что тамъ же устроены метеорологическія станціи. Если этихъ людей лишить, по крайней мѣрѣ, разъ въ мѣсяцъ (пароходы дѣлаютъ 5 срочныхъ рейсовъ) возмож-

ности получать пищу и другіе необходимые жизненные продукты, то они могутъ погибнуть.

44. Министръ юстиціи.

Въ засѣданіи Государственной Думы, которое было посвящено разсмотрѣнію законопроекта объ установленіи наказуемости за восхваленіе преступныхъ дѣяній, уже были высказаны соображенія, направленныя къ отклоненію этого законопроекта. Соображенія эти исходили отъ докладчика думской комиссіи, высказавшейся именно въ указанномъ мною смыслѣ, а равнымъ образомъ и отъ предсѣдателя этой комиссіи. Сужденія, которыя вы, милостивые государи, здѣсь слышали объ отклоненіи законопроекта, могутъ быть сведены къ сужденіямъ чисто формальнаго свойства и сужденіямъ, касающимся существа законопроекта. Остановлюсь, прежде всего, на соображеніяхъ, которыя я отношу къ формальнымъ. Они сводились къ тому, что законопроекты, относящіеся къ мѣрамъ, изданнымъ въ порядкѣ ст. 87 основныхъ законовъ, не могутъ быть подвергаемы Думой видоизмѣненіямъ въ смыслѣ ли ограниченія, въ смыслѣ ли расширенія внесенныхъ законопроектовъ. «Если бы Государственная Дума раздѣляла только въ нѣкоторой части вносимыя мѣры,—было сказано по этому предмету докладчикомъ думской комиссіи,—въ другихъ же частяхъ она не раздѣляла бы ихъ, а пожелала бы мѣры эти усложнить нѣкоторыми добавленіями, то въ этихъ случаяхъ не было бы отрицанія Думою мѣръ, необходимыхъ для того, чтобы онѣ прекратили свое существованіе. Тогда этотъ видоизмѣненный проектъ долженъ будетъ двигаться въ установленномъ порядкѣ, и пока будетъ продолжаться движеніе видоизмѣненнаго законопроекта, мѣры, принятыя по ст. 87, будутъ продолжать жить и дѣйствовать». Такимъ образомъ, если я правильно понялъ высказанную въ приведенныхъ словахъ мысль, то она сводится къ слѣдующему: законопроектъ, внесенный въ порядкѣ ст. 87, если онъ со стороны Государственой Думы не встрѣчаетъ сочувствія только

въ полномъ своемъ объемѣ, а не въ самомъ существѣ, долженъ быть обреченъ на отсѣченіе, въ виду того, что Государственная Дума относительно такого законопроекта уполномочена будто бы только или на принятіе его въ полномъ объемѣ или же на совершенное его отклоненіе. Съ такой точкой зрѣнія я позволю себѣ не согласиться. Эта точка зрѣнія не соотвѣтствуетъ тому, что изложено въ ст. 87 основныхъ законовъ. Въ статьѣ этой говорится о законопроектахъ, вносимыхъ по поводу изданныхъ мѣръ, законопроектахъ, «соотвѣтствующихъ» (таково буквальное выраженіе ст. 87 основныхъ законовъ) принятымъ мѣрамъ. Отсюда, по мнѣнію моему, слѣдуетъ, что прежде всего правительство, вносящее законопроекты, имѣетъ право въ законопроектѣ сдѣлать тѣ или другія отступленія отъ мѣры, которая была издана въ порядкѣ ст. 87, заботясь лишь о томъ, чтобы законопроектъ соотвѣтствовалъ изданной въ порядкѣ ст. 87 основныхъ законовъ мѣрѣ въ своемъ существѣ. Затѣмъ, ни статья, мною указанная, 87 основныхъ законовъ, ни всѣ другія статьи этихъ же законовъ, а равно и ни одна изъ статей учрежденія Государственной Думы и Государственнаго Совѣта не содержатъ въ себѣ для законодательныхъ установленій какого-либо ограниченія въ правѣ дѣлать во внесенныхъ по ст. 87 законопроектахъ частичныя поправки и добавленія, если, конечно, законопроекты въ существѣ признаются пріемлемыми. Въ томъ, что объемлетъ большее, содержится и меньшее. Если Государственной Думѣ или Государственному Совѣту принадлежитъ право принять извѣстную мѣру въ полномъ объемѣ, то само-собой разумѣется, что этимъ учрежденіямъ, несомнѣнно, принадлежитъ и право принять эту мѣру только въ части. Соображенія, которыя были высказаны докладчикомъ думской коммиссіи о томъ, что въ подобныхъ случаяхъ, т.-е. въ тѣхъ случаяхъ, когда Государственная Дума согласилась бы на принятіе временно изданной въ порядкѣ ст. 87 мѣры лишь въ части, эта мѣра оказалась бы не отклоненной, продолжала бы свое дѣйствіе впредь до окончанія законодательнаго движенія законопроекта, которому Государственная Дума дала дальнѣйшее движеніе,—по моему мнѣнію, значенія имѣть не могутъ. Если законопроекту будетъ данъ

дальнѣйшій ходъ въ нѣсколько видоизмѣненномъ видѣ, то, само собой разумѣется, съ утвержденіемъ такого законопроекта послѣдуетъ законъ, съ изданіемъ котораго прекратится существованіе и дѣйствіе тѣхъ временныхъ мѣръ, которыя были изданы въ порядкѣ ст. 87. Считаю своимъ долгомъ сообщить Государственной Думѣ, что такъ смотрѣло на этотъ вопросъ и правительство при направленіи законопроектовъ, которые вносились въ Государственную Думу въ порядкѣ ст. 87 основныхъ законовъ. Въ подтвержденіе сказаннаго сошлюсь на законопроектъ, который внесенъ въ Государственную Думу министромъ торговли и промышленности объ обезпеченіи нормальнаго отдыха служащихъ въ торговыхъ и ремесленныхъ заведеніяхъ. Въ этомъ законопроектѣ содержатся добавленія къ тѣмъ мѣрамъ, которыя были изданы въ порядкѣ ст. 87 основныхъ законовъ. Но оставляю ссылку на точку зрѣнія правительства. Въ подкрѣпленіе того, что имѣю честь въ настоящее время высказывать, я могу сослаться и на отношеніе къ законопроектамъ или, по крайней мѣрѣ, къ одному изъ нихъ Думской комиссіи, разсматривавшей законопроекты. На сегодняшней повѣсткѣ въ числѣ дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію Государственной Думы, значится дѣло о законопроектѣ, внесенномъ министромъ народнаго просвѣщенія объ отмѣнѣ карательныхъ правилъ за тайное обученіе въ сѣверозападныхъ губерніяхъ и въ губерніяхъ Царства Польскаго. Въ отношеніи этого законопроекта Думская комиссія не встрѣтила препятствій къ тому, чтобы намѣтить въ дополненіе къ законопроекту министра народнаго просвѣщенія, соотвѣтствующему мѣрамъ, изданнымъ въ порядкѣ ст. 87 основныхъ законовъ, еще особую законодательную добавку, касающуюся отмѣны одного изъ постановленій, содержащихся въ уложеніи о наказаніяхъ. На основаніи всего изложеннаго по поводу формальныхъ возраженій, которыя здѣсь были высказаны противъ законопроекта, обсуждаемаго нынѣ, я полагаю, что никоимъ образомъ затрудненіемъ дальнѣйшаго движенія въ законодательномъ порядкѣ этого законопроекта не можетъ служить то обстоятельство, что законопроектъ этотъ въ полномъ объемѣ не встрѣчаетъ сочувствія Государственной Думы, а, быть можетъ, заслуживаетъ серьезнаго вниманія лишь въ извѣстной

части. Перехожу къ возраженіямъ, которыя касались существа законопроекта. Эти возраженія я свожу къ возраженію двоякаго рода: первыя изъ нихъ были направлены противъ расширенія той части проектируемаго карательнаго правила, которая технически именуется въ уголовномъ законѣ «частью опредѣлительной»; другія же возраженія были направлены противъ той части обсуждаемаго законопроекта, которая содержитъ въ себѣ опредѣленіе уголовной отвѣтственности, опредѣленіе размѣровъ намѣчаемыхъ уголовныхъ каръ. Возраженія первой категоріи сводятся къ тому, что настоящій законопроектъ, основанный на ст. 133 уголовнаго уложенія, въ опредѣлительной своей части расширяетъ объемъ самаго дѣянія, за которое предполагается установить уголовное наказаніе. Какъ извѣстно — и объ этомъ указано и въ докладѣ думской коммиссіи — уголовное уложеніе караетъ восхваленіе наиболѣе тяжкихъ преступныхъ посягательствъ, тѣхъ посягательствъ, которыя на техническомъ языкѣ уголовнаго уложенія именуются «тяжкими преступленіями» и преступленіями». Подъ этими техническими выраженіями скрывается та совокупность преступныхъ дѣяній, которыя по уголовному закону влекутъ за собой наказаніе не ниже тюремнаго заключенія. И вотъ, по отношенію къ восхваленію преступныхъ дѣяній, которыя по уголовному закону наказываются не ниже тюремнаго заключенія, въ уголовномъ уложеніи установлена наказуемость восхваленія подобнаго рода дѣяній. Въ проектѣ, который нынѣ разсматривается, упоминается о восхваленіи всякаго рода преступныхъ дѣяній, не ограничивая ихъ какой либо предѣльной карательной ставкой. Противъ такой постановки предъявлены возраженія, заключающіяся въ томъ, что чрезмѣрнымъ расширеніямъ опредѣлительной части проектируемаго уголовнаго закона допускается чрезмѣрное вторженіе карательнаго воздѣйствія въ ту область, къ которой относятся устное слово и слово печатное. Мой товарищъ, сенаторъ Люце, уже высказывалъ Государственной Думѣ соображенія о теоретической необоснованности какихъ либо ограниченій къ той области, къ которой относится наказуемость восхваленія преступныхъ дѣяній. Въ самомъ дѣлѣ, если пройти по отдѣльнымъ статьямъ нашихъ уголовныхъ

законовъ и вдуматься въ то, какія получатся положенія, если бы принять ту постановку восхваленія преступныхъ дѣяній, которая дана этимъ преступленіямъ уголовнымъ уложеніемъ, то окажется цѣлый рядъ такихъ случаевъ, которые нельзя было бы объяснить— почему, собственно, въ одномъ случаѣ восхваленіе преступныхъ дѣяній будетъ наказуемо, и почему въ иныхъ случаяхъ оно наказуемымъ не окажется. Приведу примѣръ изъ числа преступленій корыстныхъ. Такія преступленія, какъ воровство, мошенничество, растрата, влекутъ за собой, въ низшихъ своихъ карательныхъ ставкахъ, заключеніе въ тюрьмѣ. Но къ этимъ дѣяніямъ примыкаютъ посягательства, которыя, по внутреннему своему содержанію, будучи проникнуты корыстными побужденіями, однако, уголовнымъ закономъ караются всего только арестомъ. Сошлюсь на тотъ проступокъ, который именуется покупкой завѣдомо краденаго. Покупка завѣдомо краденаго влечетъ за собой арестъ. Спрашивается, почему, если нельзя восхвалять кражу, то почему же можно безнаказанно восхвалять покупку завѣдомо краденаго. Такихъ примѣровъ можно было бы привести довольно много, и утомлять вниманіе Государственной Думы я не буду. Скажу только одно, что обосновать ограниченіе въ вопросѣ о наказуемости восхваленія преступныхъ дѣяній какими либо ставками уголовнаго закона представляется въ высшей степени затруднительнымъ и едва ли возможнымъ: но какъ бы то ни было, возраженіе, предъявленное Государственной Думѣ по разсматриваемому предмету, имѣетъ за собою то основаніе, что оно покоится на томъ уголовномъ уложеніи, которое уже удостоено Высочайшей санкціи и лишь до настоящаго времени не приведено въ исполненіе. Это обстоятельство, конечно, имѣетъ, на мой взглядъ, очень серьезное значеніе. Но по этому предмету я бы указалъ на то, что уголовное уложеніе, которое было Высочайше утверждено 22 марта 1903 г., было составлено и утверждено еще въ тотъ періодъ времени, когда область нашего печатнаго слова находилась въ вѣдѣніи административнаго воздѣйствія. Поэтому тѣ карательныя статьи уголовнаго уложенія, которыя касаются уголовнаго воздѣйствія въ области печати, не могутъ быть признаны достаточно совершенными и во всякомъ случаѣ соотвѣтствующими

настоящему положенію вопроса, такъ какъ нынѣ печать должна находиться подъ воздѣйствіемъ только уголовнаго закона. Поэтому ссылаться на постановку разсматриваемаго преступленія въ уголовномъ уложеніи представляется въ концѣ концовъ ссылкою, недостаточно убѣдительною. Но какъ бы то ни было, если возраженія по этому предмету высказываются, то и послѣ всего того, что я имѣлъ честь высказать относительно толкованія ст. 87 основныхъ законовъ, никоимъ образомъ не могу понять вывода, который дѣлается изъ этого возраженія, а именно, что законопроектъ долженъ быть отклоненъ въ полномъ его объемѣ. Для меня изъ этого возраженія въ логическомъ порядкѣ мышленія вытекаетъ только одно: указаніе на то, что карательная статья, проектированная въ опредѣлительной части, быть можетъ, требуетъ ограниченія, которое содержится въ уголовномъ уложеніи 1903 г. Я долженъ коснуться еще одного возраженія относительно опредѣлительной части законопроекта, которое было особенно ярко выдвинуто въ предшествующемъ засѣданіи членомъ Государственной Думы Кузьминымъ-Караваевымъ. Возраженіе это сводится къ указанію на чрезвычайную неопредѣленность самой формулировки преступнаго дѣянія въ разсматриваемомъ законопроектѣ. Неопредѣленность усматривалась въ томъ, что терминъ восхваленія недостаточно обрисовываетъ признаки преступнаго посягательства, о которомъ въ настоящее время идетъ рѣчь. Говорилось, между прочимъ, членомъ Государственной Думы Кузьминымъ-Караваевымъ о томъ, что, съ его точки зрѣнія, наиболѣе правильнымъ изложеніемъ уголовнаго закона было бы то, которое создавало бы для суда какъ бы автоматическое воздѣйствіе на виновника преступнаго посягательства. Система изложенія уголовнаго закона, которая представляется названному мною члену Государственной Думы столь соблазнительной, давнымъ давно извѣдана. Она имѣетъ достаточный опытъ въ конструированіи отдѣльныхъ преступныхъ дѣяній въ уголовныхъ кодексахъ. Система эта, какъ извѣстно, признана въ настоящее время совершенно непригодною. Она ведетъ къ слишкомъ казуистической, дробной регламентаціи въ уголовномъ законѣ признаковъ преступнаго дѣянія и въ настоящее время отброшена. Во

всѣхъ современныхъ уголовныхъ кодексахъ принята обобщающая формулировка преступныхъ дѣяній. Этой системѣ отвѣчаетъ и формулировка настоящаго законопроекта. Терминъ «восхваленіе» не былъ измышленіемъ министерства юстиціи по настоящему дѣлу. Этотъ терминъ содержится въ уголовномъ уложеніи, будучи одобренъ нашими лучшими криминалистами, принимавшими участіе въ разработкѣ этого уложенія. Конечно, обобщающая формулировка преступныхъ дѣяній предполагаетъ при примѣненіи уголовнаго закона оцѣнку, и притомъ особенно тщательную, каждаго отдѣльнаго случая со стороны суда, уголовный законъ примѣняющаго. Безъ этой оцѣнки при нынѣ существующей системѣ изложенія уголовныхъ законовъ ни въ одномъ уголовномъ дѣлѣ обойтись нельзя. Вѣдь не говорятъ же о томъ, какъ говорилось по поводу настоящаго законопроекта, что формулировка, которая предлагается, влетаетъ клиномъ въ наши жизненныя правоотношенія, по поводу формулировки въ уголовномъ законѣ, напримѣръ, оскорбленія чести. Уголовный законъ говоритъ о наказуемости виновника оскорбленія чести; каково это оскорбленіе, каковы его признаки—законъ не указываетъ и не указываетъ по той простой причинѣ, что онъ безсиленъ ихъ указать. Само собой разумѣется, на уголовномъ судѣ, когда идетъ рѣчь объ оскорбленіи чести, лежитъ обязанность установить обстоятельства дѣла и выяснить путемъ ихъ всесторонней оцѣнки наличность или отсутствіе въ разсматриваемыхъ обстоятельствахъ признаковъ преступленія, именуемаго въ уголовномъ законѣ однимъ общимъ терминомъ «оскорбленіе». Формулировка преступнаго дѣянія, о которомъ идетъ рѣчь въ обсуждаемомъ законопроектѣ, въ видѣ общаго термина «восхваленіе», «не есть новшество въ уголовномъ уложеніи» 1903 г. Такую же формулировку приняли и тѣ западно-европейскія законодательства, которыя признаютъ необходимость наказанія обсуждаемаго преступнаго дѣянія; на западѣ не опасаются придавать этому преступному дѣянію ту обобщенную формулировку, о которой упоминаетъ обсуждаемый законопроектъ. Если же, скажу я на предъявленное по этому поводу возраженіе, говорятъ о неопредѣленности, то министерство юстиціи въ правѣ было бы ожидать со стороны возра-

дающихъ указаній на тѣ опредѣленные признаки, которыми предла-гаемая формула, почитающаяся неопредѣленной, должна быть замѣнена. Неопредѣленность не есть принципіальное возраженіе, направленное къ отклоненію самаго законопроекта. Остается относительно возраженій, высказанныхъ по существу, коснуться относившагося ко второй части разсматриваемаго законопроекта, именно къ тѣмъ уголовнымъ карамъ, которыя предположено установить въ законѣ за разсматриваемое преступное дѣяніе. Эти наказанія сводятся къ заключенію въ тюрьмѣ не свыше 8 мѣсяцевъ, къ аресту не свыше 3 мѣсяцевъ и къ денежному взысканію не свыше 500 р. По этому поводу было обращено вниманіе на то, что новое уголовное уложеніе устанавливаетъ за разсматриваемыя преступныя дѣянія только арестъ. Чѣмъ, спрашивается, можно объяснить включеніе въ настоящій законопроектъ, кромѣ ареста, еще и тюремнаго заключенія? Считаю необходимымъ объяснить, что издаваемыя карательныя правила должны считаться съ лѣстницей наказаній нашихъ старыхъ уголовныхъ законовъ. Лѣстница наказаній нашихъ старыхъ уголовныхъ законовъ знаетъ арестъ, не превышающій 3 мѣсяцевъ; между тѣмъ, новое уголовное уложеніе устанавливаетъ въ своей лѣстницѣ наказаній арестъ до 6 мѣсяцевъ. Такой 6-ти мѣсячный арестъ и опредѣленъ въ уголовномъ уложеніи за восхваленіе наиболѣе тяжкихъ преступныхъ посягательствъ. Такъ какъ ареста 6-ти мѣсячнаго по существующей дѣйствующей лѣстницѣ наказаній нѣтъ, то пришлось взять и въ настоящій законопроектъ включить низшія степени тюремнаго заключенія, которыя являются ближайшимъ къ аресту по строгости наказаніемъ въ существующей лѣстницѣ наказаній. Такимъ образомъ, не стремленіемъ отягчить наказуемость за данное преступное дѣяніе объясняется, что въ настоящемъ законопроектѣ, кромѣ ареста, упоминается о тюремномъ заключеніи. Я могъ бы въ подкрѣпленіе этого тюремнаго заключенія сослаться и на иностранные образцы, которые далеко превосходятъ въ отношеніи строгости наказаній то, что въ настоящее время проектируется. Чтобы не утомлять вашего вниманія ссылкою на цѣлый рядъ иностранныхъ законодательствъ, я ограничусь приведеніемъ по этому предмету тѣхъ карательныхъ

ставокъ, которыя опредѣлены въ новѣйшемъ изъ западно-европейскихъ уголовныхъ кодексовъ. Въ уголовномъ уложеніи норвежскомъ, которое вступило въ дѣйствіе въ 1902 г., за восхваленіе преступнаго дѣянія установлено заключеніе въ тюрьмѣ, доходящее до восьми лѣтъ, при чемъ за восхваленіе преступныхъ дѣяній, которыя заключаются въ изготовленіи бомбъ, приспособленіи ихъ, это тюремное заключеніе доходитъ до десяти лѣтъ. Не усматривая въ предполагаемыхъ карательныхъ ставкахъ настоящаго законопроекта ничего такого, что заслуживало бы сдѣланныхъ по этому предмету упрековъ, я оговариваюсь относительно одного возраженія, которое было высказано въ прошломъ засѣданіи. Возраженіе это, исходившее отъ члена Думы Кузьмина-Караваева, сводилось къ тому, что, опредѣляя за восхваленіе преступныхъ дѣяній три различныхъ наказанія—тюрьму, арестъ и денежное взысканіе и предоставляя судьѣ на выборъ останавливаться на одномъ изъ этихъ наказаній, проектируемый законопроектъ не обезпечиваетъ того, что за восхваленіе какого либо дѣянія,—кажется, приводилось нарушеніе правилъ опрятности въ торговыхъ заведеніяхъ съѣстными припасами,—виновникъ восхваленія будетъ приговоренъ къ тюремному заключенію, тогда какъ виновникъ самаго нарушенія, которое восхвалялось, понесетъ всего денежный штрафъ въ незначительномъ размѣрѣ. Это возраженіе я считаю весьма обоснованнымъ и вѣскимъ. Вполнѣ принимая это возраженіе, я полагаю, что въ настоящій законопроектъ, если только Государственная Дума признаетъ его въ существѣ пріемлемымъ, надлежало бы включить оговорку о томъ, что виновникъ, во всякомъ случаѣ, не можетъ подлежать наказанію, превышающему то, которое установлено для лица, учинившаго самое преступное дѣяніе, бывшее предметомъ восхваленія. Восхваленіе преступленія, если къ нему прибѣгаетъ устное и печатное слово, составляетъ не только явленіе глубоко печальное, но и уродливое, знаменующее собою угодничество передъ низкими вкусами. Явленіе это должно быть занесено на страницы уголовнаго закона, котораго главное назначеніе—ограждать все то, что дорого человѣчеству. Человѣческое слово призвано сѣять «разумное, доброе, вѣчное» и не нуждается

въ правѣ восхвалять преступленія; въ этомъ правѣ нуждается только то слово, которое сѣетъ вражду, ненависть и смуту... (*Голоса справа*: браво, браво).

45. Товарищъ министра народнаго просвѣщенія Герасимовъ.

Положеніе представителя правительства въ данномъ вопросѣ очень трудно. Вопросъ этотъ въ Государственной Думѣ попутно былъ поднятъ въ засѣданіи 4 мая, и въ теченіе этого засѣданія мнѣ пришлось выслушать цѣлый рядъ нападокъ на министерство народнаго просвѣщенія по тѣмъ фактамъ, которые вытекали изъ примѣненія закона о тайномъ обученіи. Законъ этотъ отмѣненъ въ порядкѣ 87 ст. Слѣдовательно, цѣлый годъ почти, учебный годъ—во всякомъ случаѣ, этотъ законъ пріостановленъ въ своемъ дѣйствіи, въ виду того, что само правительство признало его дѣйствіе при данныхъ условіяхъ вреднымъ. Слѣдовательно, цѣлый рядъ нападокъ, которыя дѣлались, являлись своего рода нападками на историческое прошлое. Я не возражалъ, чтобы не затягивать пренія, но въ настоящее время я слышу опять, съ одной стороны, голоса о спѣшности, какъ будто это законопроектъ, а не законъ, проведенный въ порядкѣ 87 ст. Какъ законъ, проведенный по 87 ст., ужъ онъ дѣйствуетъ и не прекратитъ своего дѣйствія, пока Государственная Дума его не отвергнетъ. Съ другой стороны, я слышалъ возраженія, которыя только что были высказаны. Въ этихъ возраженіяхъ я вижу нѣкоторыя недоразумѣнія. Говорилось о томъ, что будто бы этотъ законъ санкціонируетъ тайныя школы—совсѣмъ нѣтъ. Законъ этотъ не санкціонируетъ какихъ бы то ни было тайныхъ школъ, а законъ этотъ прекращаетъ преслѣдованіе за тайное обученіе, какъ оно понималось раньше. Вѣдь тайныя школы, собственно, въ предѣлахъ всей Россійской Имперіи не являлись узаконенными, и рядомъ съ этимъ этотъ законъ не распространялся на всѣ предѣлы Россійской Имперіи. Слѣдовательно, говорить, что отмѣна этого закона

и принятіе законопроекта, проведеннаго въ порядкѣ 87 ст., будетъ узаконеніемъ тайныхъ школъ,—мнѣ кажется, есть плодъ нѣкотораго и глубокаго недоразумѣнія. Не могу при этомъ скрыть, что въ теченіе всѣхъ этихъ преній, которыя мнѣ пришлось слышать по всѣмъ вопросамъ, связаннымъ съ народнымъ образованіемъ, довольно трудно было бы не утруждать вашего вниманія своимъ выступленіемъ, потому что, дѣйствительно, бываютъ моменты, когда прямо пасуешъ передъ тѣми обвиненіями, которыя готовъ выслушать, если они имѣютъ подъ собой дѣйствительно реальную почву. Но трудно, молча, слушать, когда обвиняютъ за законъ, который по инпціативѣ самого министерства уже годъ, какъ отмѣненъ. Рядомъ съ этимъ сегодня докладчикъ по этому вопросу обратился съ воззваніемъ къ правительству, съ указаніемъ на то, что это робкій, несмѣлый шагъ, что хотѣли бы болѣе смѣлыхъ, рѣшительныхъ шаговъ на почвѣ уравненія всѣхъ народностей, населяющихъ Россійскую Имперію. Въ этомъ отношеніи я долженъ сказать, сопоставляя только что выслушанное со стороны докладчика съ тѣмъ, что я слышалъ 4 Мая, когда говорилъ депутатъ Гралевскій о томъ, что въ ноябрѣ они обращались въ министерство, и оно не удовлетворило ихъ желанія,—я долженъ сказать, что я нахожусь въ большомъ смущеніи и думаю, что Государственной Думѣ не безполезно будетъ знать, о чемъ къ правительству обращались поляки въ ноябрѣ 1906 г., и въ чемъ имъ правительство отказало: тогда, быть можетъ, мы не будемъ въ тѣхъ недоразумѣніяхъ, въ которыхъ насъ продолжаютъ держать. Депутатъ Гралевскій указалъ, что правительство отказало, и они обратились въ Сенатъ. Я скажу: нѣтъ, правительство отказало, а они обратились въ Сенатъ съ однимъ прошеніемъ, а въ Государственную Думу съ другимъ, которое предназначалось къ исполненію до Государственной Думы. Въ концѣ октября и въ ноябрѣ 1906 г. со стороны представителей польскаго общества,—насколько они были уполномочены, я не знаю,—мы испытывали совершенно опредѣленный и твердый натискъ. Отъ насъ требовали рѣшенія вопроса польскаго школьнаго дѣла до Думы, рѣшенія его въ такомъ порядкѣ, при которомъ намъ указывалось, что мы не должны сравнивать поляковъ

съ другими народностями, что мы не можемъ сравнивать поляковъ съ татарами, населяющими Имперію—вотъ на чемъ стояли тогда, вотъ въ чемъ поляки получили отказъ, и вотъ на основаніи чего они внесли законопроектъ о народномъ образованіи въ Царствѣ Польскомъ въ Думу. Правительство не считаетъ себя виновнымъ, что оно довело этотъ вопросъ до Думы. Правительство увѣрено, что метанія между Думой и правительствомъ и въ Думѣ между партіями въ концѣ концовъ не приведутъ къ затменію русскаго общества; оно пойметъ всѣ тѣ основы равноправія, представителями которыхъ выставляютъ себя поляки. и которыя изложены въ томъ законопроектѣ, который они внесли. (*Апплодисменты справа*).

46. И. о. товарища министра внутреннихъ дѣлъ Лыкошинъ.

Сущность разсматриваемаго законопроекта заключается, какъ уже было указано докладчикомъ комиссіи, въ томъ, что дѣйствіе статей 169 и 194 устава о воинской повинности, согласно которому не могутъ быть принимаемы на военную службу лица, состоящія подъ слѣдствіемъ и судомъ, распространяется на лицъ, привлеченныхъ къ формальному полицейскому дознанію по государственнымъ преступленіямъ, а равно на лицъ, состоящихъ подъ гласнымъ полицейскимъ надзоромъ. Я желалъ первоначально выяснить точку зрѣнія правительства по этому вопросу, но, такъ какъ докладчикъ тутъ привелъ много весьма интересныхъ соображеній по этому вопросу, то я измѣню нѣсколько планъ своихъ соображеній, и буду слѣдовать его плану, т.-е. остановлюсь на тѣхъ возраженіяхъ, которыя онъ дѣлалъ. Главное его возраженіе заключалось въ несоотвѣтствіи проектируемаго предположенія, нынѣ разсматриваемаго, съ общими основными юридическими началами, въ силу которыхъ всякое правоограниченіе можетъ быть лишь послѣдствіемъ отдачи подъ судъ и нахожденія подъ слѣдствіемъ, но никакъ не нахожденія подъ гласнымъ полицейскимъ надзоромъ или привлеченія къ дознанію по государственному

преступленію. При этомъ, какъ на дефектъ, какъ на недостатокъ объясненія министерства внутреннихъ дѣлъ, указывалось на приравненіе къ предварительному судебному слѣдствію, по его юридическимъ послѣдствіямъ, дознанія по государственнымъ преступленіямъ и отдачи подъ гласный полицейскій надзоръ. Я долженъ сказать, что съ этимъ довольно трудно согласиться, потому, что если взять сущность дознанія по государственнымъ преступленіямъ, то окажется, что это дознаніе гораздо ближе къ предварительному судебному слѣдствію, чѣмъ къ общему полицейскому дознанію. Достаточно указать правомочія чиновъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ, производящихъ это дознаніе. Правомочія эти, можно сказать, почти совершенно тожественны съ правомочіями судебнаго слѣдователя. На тѣхъ же основаніяхъ, какъ судебный слѣдователь, чины отдѣльнаго корпуса жандармовъ производятъ допросы, дѣлаютъ обыски, производятъ выемки, наконецъ, принимаютъ мѣры пресѣченія способовъ уклоненія отъ суда и слѣдствія противъ лицъ обвиняемыхъ. Вся процедура дознанія носитъ затѣмъ до извѣстной степени судебный характеръ. Самое дознаніе производится подъ обязательнымъ наблюденіемъ чиновъ прокурорскаго надзора. Но, для того, чтобы убѣдиться, что такъ называемое формальное дознаніе, которое нужно отличать отъ обыкновеннаго полицейскаго дознанія, весьма близко подходитъ къ судебному предварительному слѣдствію,—для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно замѣтить, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ акты этого формальнаго дознанія служатъ матеріаломъ для судебнаго разсмотрѣнія, т.-е. имѣютъ такое же значеніе, какъ судебное предварительное слѣдствіе, замѣняютъ собою акты судебнаго предварительнаго слѣдствія. Далѣе, здѣсь было указано, какъ другое существенное нарушеніе общаго юридическаго принципа, что такая произвольная мѣра, какъ отдача подъ гласный полицейскій надзоръ, не можетъ являться источникомъ правоограниченія, такъ какъ подобнымъ источникомъ, по общему юридическому началу, можетъ служить лишь отдача подъ судъ или нахожденіе подъ предварительнымъ слѣдствіемъ. Вотъ по этому поводу, я долженъ сказать, что это не вполнѣ соотвѣтствуетъ закону. Напротивъ, по

положенію государственной охраны мы видимъ, что именно отдача подъ полицейскій гласный надзоръ влечетъ за собою и нынѣ весьма существенныя правоограниченія. Достаточно сказать, что лица, отданныя подъ такой надзоръ, стѣсняются въ правахъ поступленія на общественную и государственную службу: для нихъ могутъ быть закрытыя цѣлыя отрасли дѣятельности торговой и промышленной; они стѣсняются въ правахъ ходатайства по судебнымъ дѣламъ: они не могутъ быть безъ надлежащаго разрѣшенія опекунами, однимъ словомъ, можно сказать, что цѣлыя отрасли дѣятельности, цѣлыя сферы юридическія и гражданско-правовыя отъ нихъ изъяты, они въ нихъ являются неправоспособными. Отсюда несомнѣнно, что и по существующимъ законамъ отдача подъ полицейскій надзоръ влечетъ за собой весьма существенныя ограниченія, въ сравненіи съ которыми отсрочка въ отбываніи воинской повинности, конечно, можетъ имѣть лишь второстепенное значеніе. Затѣмъ слѣдуетъ сказать, что нѣкоторыя изъ ограниченій, которыя влечетъ за собой нынѣ отдача подъ гласный полицейскій надзоръ, сами по себѣ не совмѣстимы съ отбываніемъ воинской повинности, съ состояніемъ на военной службѣ. Достаточно замѣтить, напримѣръ, что запрещается лицамъ, состоящимъ подъ полицейскимъ надзоромъ, носить оружіе. Спрашивается, мыслимъ ли солдатъ, мыслимъ ли воинскій чинъ безъ оружія? Затѣмъ, имъ воспрещается отлучаться безъ разрѣшенія административнаго или полицейскаго. Спрашивается, какъ сочетать это съ военной дисциплиной, съ зависимостью воинскаго чина отъ своего военнаго начальства? Это совершенно невозможно. Далѣе, уже тотъ фактъ, что лица, отданныя подъ полицейскій надзоръ, не имѣютъ права поступать на государственную службу, конечно, до извѣстной степени предрѣшаетъ и вопросъ—могутъ ли состоящіе подъ полицейскимъ надзоромъ состоять въ тоже время и на военной службѣ. Въ докладѣ комиссіи, между прочимъ, проводится разница между государственной и военной службой. Я васъ спрашиваю, господа, какая же служба военная? Служба можетъ быть частная, можетъ быть общественная, можетъ быть государственная,—какъ же вы назовете службу, вступая въ которую человѣкъ

связывается самой строгой, самой суровою присягой? Такимъ образомъ, мнѣ кажется, что полицейскій надзоръ самъ по себѣ уже несетъ въ себѣ, можно сказать, невозможность принятія лицъ, которыя состоятъ подъ этимъ надзоромъ, на военную службу. Между прочимъ, въ докладѣ указывалось на циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ 1874 г. Я долженъ сказать, что едва ли можно этой ссылкѣ придавать какое-либо особое значеніе. Вѣдь, циркуляръ только разъясняетъ законъ. Слѣдовательно, если такой пробѣлъ въ законѣ былъ, если, дѣйствительно, такого постановленія не было, то циркуляръ не могъ дѣлать иначе, какъ толковать законъ. Оттого-то и изданъ временный законъ, оттого-то онъ и внесенъ на ваше разсмотрѣніе, что въ настоящее время по дѣйствующимъ законамъ такого правила не существуетъ. Затѣмъ въ докладѣ коммиссіи указывалось, что этими предположеніями нарушаются права лицъ, призываемыхъ на военную службу. Я долженъ сказать прежде всего, что нарушеніе это можетъ быть, можетъ и не быть. Имѣйте въ виду, что поступленіе, такъ сказать, лишь начерно въ военную службу состоящихъ подъ формальнымъ полицейскимъ дознаніемъ связано съ тѣмъ, что если дознаніе будетъ направлено къ обвиненію, такъ это для самихъ же заинтересованныхъ невыгодно. Я имѣлъ, конечно, въ виду не тѣхъ лицъ, которыя поступаютъ въ ряды арміи для того, чтобы пропагандировать тамъ свои ученія,—для тѣхъ, конечно, чѣмъ скорѣе они попадутъ въ армію, тѣмъ лучше. Но, вѣдь, не интересы этихъ лицъ можетъ имѣть въ виду Государственная Дума. Затѣмъ, я долженъ сказать еще и то, что государство въ настоящее время въ случаяхъ, несравненно болѣе многочисленныхъ, чѣмъ тѣ принудительныя отсрочки, которыя разсматриваемыми предположеніями министерства устанавливаются, даетъ отсрочки тысячамъ лицъ для окончанія образованія, по невозмужалости, по имущественнымъ дѣламъ. Слѣдовательно, разъ государство въ частныхъ интересахъ допускаетъ такія отсрочки, едва ли возможно отказать ему въ правѣ, когда того требуетъ государственная необходимость, примѣнить такую отсрочку въ интересахъ государства. Затѣмъ идетъ рѣчь о нарушеніи интересовъ третьихъ лицъ, замѣстителей тѣхъ, которые будутъ изъем-

лемы изъ военной службы въ виду производящагося о нихъ дознанія или въ виду состоянія ихъ подъ гласнымъ полицейскимъ надзоромъ. Да, несомнѣнно, въ настоящее время интересы этихъ лицъ будутъ нарушены, но именно интересы. Говорить о нарушеніи какого либо права—невозможно: права создаются и ограничиваются закономъ. Въ данномъ же случаѣ никакого неотъемлемаго права, никакой неотъемлемой льготы эти лица не имѣютъ. Почему они не принимаются въ контингентъ новобранцевъ?—да только потому, что они являются людьми, для него излишними за пополненіемъ комплекта; для чего же брать еще людей, такъ сказать, даже вопреки государственнымъ интересамъ, привлекать на военную службу? Но разъ комплектъ этотъ въ войсковыхъ частяхъ будетъ неполный, то, слѣдовательно, вынувшіе болѣе высокіе номера жребія станутъ уже не излишними, и государство имѣетъ полное право привлечь этихъ лицъ къ отбыванію воинской повинности. Затѣмъ я хотѣлъ бы обратить еще вниманіе Думы и на другое соображеніе, которое здѣсь приводилось,—на единственное соображеніе, господа, которое стояло на почвѣ государственной необходимости. Это—указаніе на то, что лица поступленіе коихъ на службу принудительно отсрочивается, попадаютъ на эту службу уже слишкомъ поздно, что они уже пріобрѣли извѣстныя привычки и являются недостаточно гибкими, какъ бы непригодными къ военной службѣ. Я думаю, едва ли можно съ такимъ возраженіемъ согласиться. Прежде всего объ этомъ свидѣтельствуетъ уже тотъ примѣръ, который я вамъ приводилъ, именно то обстоятельство, что уже въ настоящее время даются постоянно отсрочки и льготы въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ можно будетъ ожидать при примѣненіи проектируемыхъ предположеній. Льготы эти доходятъ иногда до отсрочекъ до 30 лѣтъ и даже свыше того; однако, до сихъ поръ отъ этихъ льготъ никакихъ дурныхъ послѣдствій не замѣчается. Отчего же отсрочка, которая была бы введена именно въ интересахъ государственной необходимости, отсрочка принудительная, отчего же именно эта отсрочка оказалась бы вредной, а тѣ многочисленныя отсрочки, которыя даются для огражденія интересовъ частныхъ, никакого вреднаго послѣдствія не оказываютъ? Это,

конечно, очень трудно обосновать. Я остановился подробнѣе на этомъ аргументѣ потому, что, повторяю, какъ въ докладѣ коммиссіи, такъ и въ разсужденіяхъ докладчика, именно только этотъ аргументъ съ точки зрѣнія государственной необходимости и былъ приведенъ. Все время говорилось лишь объ огражденіи частныхъ интересовъ и вотъ въ этомъ отношеніи принципіальная, глубокая разница между предположеніями министерства внутреннихъ дѣлъ, вносимыми на ваше разсмотрѣніе, и докладомъ коммиссіи, потому что предположенія правительства стоятъ именно на почвѣ государственной необходимости, на почвѣ государственныхъ интересовъ. И въ самомъ дѣлѣ, господа, едва ли можно отрицать и, кажется, ни въ какомъ государствѣ не отрицается право государства, разъ того требуетъ необходимость, установлять тѣ или другія стѣсненія въ способахъ отбыванія воинской повинности. Вездѣ, какъ мы знаемъ, такія стѣсненія, доходящія, иногда, какъ, напримѣръ, во Франціи, до отсутствія всякихъ семейныхъ льготъ для отбыванія воинской повинности, допускаются, и вездѣ признается право государства подобныя стѣсненія вводить. Весь вопросъ, слѣдовательно, заключается въ томъ, есть ли въ данномъ случаѣ надобность въ такихъ стѣсненіяхъ, есть ли такая государственная необходимость, которая требуетъ ихъ введенія. Вотъ въ чемъ центръ тяжести. Къ сожалѣнію, именно этотъ-то вопросъ и не получилъ въ докладѣ освѣщенія, почему я позволяю себѣ именно имъ утрудить ваше вниманіе. Не буду говорить и утомлять васъ техническими подробностями, хотя и онѣ имѣютъ извѣстное значеніе. Конечно, лишнія казенныя издержки сами по себѣ не столь важны, но отрицать за ними извѣстное значеніе, признавать ихъ желательными все же нельзя. Нельзя отрицать и того, что при системѣ, которая существовала до изданія временнаго закона 6 ноября 1906 г., могъ получаться въ отдѣльныхъ случаяхъ, въ отдѣльныхъ воинскихъ единицахъ некомплектъ, благодаря чему могла умаляться ихъ боевая готовность и могли оказаться переобремененными воинскіе чины, которые должны были больше работать въ мирное время за отсутствіемъ надлежащаго комплекта; наконецъ, это постоянное перетаскиваніе, это изъятіе изъ строя, не-

реходъ или обратный пріемъ довольно значительнаго числа лицъ могли повлечь за собою перерывъ въ строевыхъ занятіяхъ, что весьма нежелательно, особенно при послѣдовавшемъ недавно сокращеніи срока службы. Но, господа, я долженъ сказать, что всѣ эти соображенія, конечно, второстепенныя. Самый главный, самый важный вопросъ, вся сущность вопроса заключается въ необходимости оградить армію отъ вторженія въ нее сорныхъ, дурныхъ травъ, — революціонныхъ и противогосударственныхъ элементовъ, *(шумъ)*, да, господа, революціонныхъ элементовъ. *(Шумъ, голоса слѣва: политика!)*. Совершенно вѣрно. Этотъ вопросъ возникаетъ именно на почвѣ политики. Интересы арміи, поддержаніе въ ней воинскаго духа, духа дисциплины и сплоченности тѣсно связано съ интересами государства, самое существованіе котораго возможно лишь при наличности арміи, далекой отъ политики и послушной единственно велѣнію долга и присяги. *(Шумъ.)* Это необходимо для интересовъ государства, и правительство, не только въ правѣ, но правительство обязано принять мѣры къ тому, чтобы оградить армію *(шумъ)* отъ вторженія противогосударственныхъ и разлагающихъ элементовъ, которые грозили бы опасностью сплоченности и дисциплинѣ арміи, грозили бы интересамъ и существованію всего государства. *(Шумъ.)* Не надо забывать, господа, что въ настоящее время мы присутствуемъ при самой разнузданной, при самой усиленной пропагандѣ среди арміи. Создаются цѣлыя организаціи, какъ, напримѣръ, недавно открытая военно-революціонная организація, которыя главной своей цѣлью поставили распропагандированіе и революціонизированіе арміи. Имѣется цѣлая литература, къ тому направленная, имѣются цѣлые книжные склады, преслѣдующіе эту цѣль, имѣются цѣлыя агентуры, которыя только этимъ и занимаются, только и имѣютъ своей задачею революціонизированіе арміи. Среди этихъ агентовъ, какъ извѣстно, значительную роль играютъ, именно, лица, имѣющія поступить на военную службу—распропагандированные юноши. Надо сказать, что этотъ расчетъ до извѣстной степени вѣренъ, такъ какъ именно такіе агенты являются наиболѣе опасными. Правительство не можетъ, скрестивши руки, присутствовать при такихъ явленіяхъ.

Нѣтъ! оно должно помѣшать имъ, воспрепятствовать имъ, потому что не подлежитъ никакому сомнѣнію, что съ пропагандой извнѣ легче справиться, чѣмъ съ пропагандой, которая нашла себѣ мѣсто среди самихъ нижнихъ чиновъ, которая свила себѣ гнѣздо въ самыхъ воинскихъ казармахъ. Съ этой точки зрѣнія государство принимаетъ эту мѣру, именно, какъ мѣру самоохраны, охраны государства, охраны самаго существованія государства. Въ такомъ правѣ государству, конечно, отказано быть не можетъ. Словомъ, господа, минуя всѣ юридическія и техническія тонкости, которыя здѣсь были указаны какъ докладчикомъ, такъ и въ моихъ соображеніяхъ, вопросъ ставится гораздо проще и шире: слѣдуетъ ли и желательно ли оградить армію отъ вторженія въ нее такихъ сорныхъ травъ, такихъ революціонныхъ противогосударственныхъ элементовъ, которые силятся проникнуть въ нее, разрушить ее; желательно это или нежелательно?

И вотъ на этотъ вопросъ правительство отвѣчаетъ: «Да, слѣдуетъ. Да, желательно».

47. Начальникъ главнаго тюремнаго управленія.

Господа члены Государственной Думы! Докладчикъ, предлагая вамъ отклонить законопроектъ, внесенный министромъ юстиціи, вмѣстѣ съ тѣмъ, самъ призналъ архаичность и устарѣлость нашего законодательства, касающагося наложенія оковъ. По этому поводу я долженъ замѣтить, что сущность представленнаго вамъ законопроекта не имѣетъ цѣли пересмотрѣть общій вопросъ о порядкѣ наложенія оковъ: онъ имѣетъ въ виду разрѣшить только вопросъ о предупрежденіи побѣговъ арестантовъ внѣ тюремныхъ зданій. Я постараюсь доказать, что этотъ вопросъ разрѣшенъ во всемъ его объемѣ. Первый упрекъ, который сдѣланъ проекту, заключается въ томъ, что онъ расширяетъ кругъ лицъ, на которыхъ могутъ быть накладываемы предупредительныя связки. Дѣйствительно,

существующій законъ дѣлаетъ широкія изъятія въ этомъ отношеніи. Я не стану утомлять васъ чтеніемъ всѣхъ тѣхъ статей закона, которыя касаются этого предмета, но только скажу, что сущность ихъ заключается въ томъ, что въ настоящее время предупредительныя мѣры могутъ быть приняты только относительно лицъ крестьянскаго и мѣщанскаго сословій, притомъ не получившихъ высшихъ правъ по образованію, и въ томъ случаѣ, когда состоялся о нихъ приговоръ, соединенный съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, либо присуждающій къ отдачѣ въ исправительное арестантское отдѣленіе, или въ случаѣ привлеченія ихъ къ отвѣтственности за преступленія, влекущія лишеніе всѣхъ правъ состоянія. Но, спрашивается, есть ли внутреннія или внѣшнія основанія сохранить это различіе въ виду только того, что данное лицо принадлежитъ къ тому или другому сословію? Такое постановленіе закона является лишь пережиткомъ прежнихъ, канувшихъ въ вѣчность, условій, и министерство—совершенно логично—это основаніе отвергло. Затѣмъ, что касается другого признака—привлеченія къ отвѣтственности по извѣстнымъ статьямъ закона, то я долженъ обратить ваше вниманіе, что разъ органы правительства имѣютъ право задерживать лицъ при наличности опредѣленныхъ условіи, то этимъ органамъ естественно и логично должна быть предоставлена и облегчена возможность доставить задержанныхъ по назначенію. Поэтому ограниченіе и въ указанномъ смыслѣ министерствомъ было устранено. Затѣмъ, законъ запрещаетъ примѣнять предупредительныя мѣры къ женщинамъ, но, господа, практика показываетъ (я говорю не о количественномъ, а о качественномъ соотношеніи), что женщины съ точки зрѣнія преступности, способности и наклонности въ побѣгу едва ли отличаются отъ мужчинъ. Затѣмъ, законъ не позволяетъ налагать связки на несовершеннолѣтнихъ въ возрастѣ отъ 14—17 лѣтъ, но опять опытъ удостовѣряетъ, что въ кругу этихъ подростковъ является цѣлый контингентъ лицъ опасныхъ и рѣшительныхъ преступниковъ.

По приведеннымъ основаніямъ, устраняя установленныя ограниченія и расширяя кругъ лицъ, въ отношеніи которыхъ предпола-

гается принимать предупредительныя мѣры, законопроектъ, однако, ставитъ опредѣленно ту цѣль, ради которой это расширеніе допускается. Эта цѣль, господа, заключается единственно въ томъ, чтобы лишить возможности задержанное лицо убѣжать. Въ соотвѣтствіи съ этимъ проектъ (я извиняюсь, что не согласенъ съ докладчикомъ) ставитъ ясные и опредѣленные признаки и говоритъ, что предупредительныя связки могутъ быть налагаемы только съ момента задержанія до представленія арестованнаго къ мѣсту назначенія, т. е. въ тюрьму. И больше ничего. Если эта мысль выражена не совсѣмъ, можетъ быть, точно, то, конечно, въ послѣдней редакціи отъ Государственной Думы зависѣло бы выразить ее болѣе точно. Но смыслъ ея совершенно ясенъ. Потомъ приводится тотъ общій признакъ, та мысль, которою проникнутъ проектъ и которая заключается въ томъ, что предупредительныя связки вовсе не должны носить на себѣ характеръ чего-либо позорнаго, причинять страданіе или вредъ здоровью. Это есть общее указаніе; но я долженъ сказать, что практика это подтвердила. Въ то время, какъ по дѣйствующимъ законамъ оковы должны быть вѣсомъ 5—5$^1/_2$ фунтовъ, установленные образцы вѣсятъ 60—120 золотниковъ, т. е. менѣе 1$^1/_2$ фунта. Если бы Государственной Думѣ было угодно опредѣлить этотъ максимальный размѣръ въ 1$^1/_2$ фунта, то противъ этого министерство не возражало бы.

Тутъ, господа, возражали, что наложеніе оковъ представляется всегда позорнымъ. Я не стану отрицать, что при взятіи человѣка подъ стражу неизбѣженъ элементъ насилія надъ личностью; да, въ подобномъ положеніи онъ неизбѣженъ. Но вотъ цѣль министерства и заключалась въ томъ, чтобы предупредительныя связки сдѣлать настолько легкими, настолько незамѣтными, чтобы этотъ элементъ былъ по возможности устраненъ или ослабленъ. Въ этомъ отношеніи законопроектъ министерства совершенно сходится, совпадаетъ съ практикой государствъ всего цивилизованнаго міра. Я долженъ обратить ваше вниманіе на то, что если вы не облегчите исполнительной власти возможности путемъ легкихъ механическихъ приспособленій доставлять арестованныхъ къ мѣсту назначенія, то тогда, незави-

симо отъ несомнѣннаго увеличенія расходовъ по препровожденію ихъ и содержанію конвойныхъ, во всякомъ случаѣ вы не устраните печальной необходимости при побѣгахъ дѣйствовать оружіемъ, что предусмотрѣно дѣйствующими законами.

Господа, ростъ преступности, увеличеніе преступленій и всякаго рода посягательствъ въ нашемъ отечествѣ не можетъ вызывать сомнѣній или споровъ. На исполнительной власти лежитъ обязанность всѣми мѣрами стремиться къ тому, чтобы поддержать порядокъ и внутреннее спокойствіе. Она въ правѣ разсчитывать, что русская Государственная Дума поможетъ ей исполнить свой долгъ.

48. Главный военный прокуроръ.

Господа народные представители. Военный министръ, находя внесенный въ Государственную Думу законопроектъ объ оставленіи въ силѣ временнаго закона 18 августа 1906 г. объ усиленіи отвѣтственности за распространеніе среди войскъ противоправительственныхъ ученій и сужденій и о передачѣ въ вѣдомство военныхъ и военно-морскихъ судовъ дѣлъ по означеннымъ преступнымъ дѣяніямъ, имѣющимъ весьма важное и жизненное значеніе для интересовъ военнаго вѣдомства, возложилъ на меня обязанность представить Государственной Думѣ соображенія по поводу доклада комиссіи, избранной Государственной Думой и пришедшей къ заключенію, что законопроектъ во всемъ его объемѣ вполнѣ непріемлемъ. Соображенія, которыя приведены въ докладѣ, а также тѣ, которыя были изложены докладчикомъ настоящаго законопроекта и которыя привели какъ комиссію, такъ и докладчика къ тому выводу, что законопроектъ непріемлемъ, сводятся къ слѣдующему: въ докладѣ комиссіи указывалось: «не вдаваясь въ подробное развитіе теоретическихъ соображеній, комиссія, однако, не можетъ не отмѣтить, что цѣлесообразность жестокости мѣръ, какъ средства борьбы съ преступностью, представляется весьма сомнительной». Таково первое положеніе, первое соображеніе доклада. Господа народные представители! Можно

ли признать это соображеніе настолько вѣскимъ, настолько убѣдительнымъ, чтобы на основаніи его признать законопроектъ непріемлемымъ? Сомнѣнія въ цѣлесообразности того или иного средства, пока это средство не будетъ испытано продолжительнымъ опытомъ, не можетъ вести къ тому заключенію, что средство это совершенно, безусловно ни къ чему не пригодно. Итакъ, изъ этого я прихожу къ тому выводу, что это первое положеніе не можетъ служить основаніемъ для непріятія законопроекта. Затѣмъ, второе соображеніе, приводимое въ докладѣ, заключается въ сравненіи наказаній, устанавливаемыхъ закономъ 18 августа, съ наказаніями за другія преступленія, предусмотрѣнныя угол. улож. Производя оцѣнку съ этой стороны, коммиссія пришла къ тому заключенію, что наказанія, устанавливаемыя за преступленія, предусмотрѣнныя закономъ 18 августа 1906 г., являются болѣе тяжкими, чѣмъ наказанія за преступленія, предусмотрѣнныя ст. ст. 103, 111, 123 угол. улож. Остановлюсь на этомъ соображеніи. Я долженъ высказать, что, по моему мнѣнію, это соображеніе не можетъ быть признано убѣдительнымъ для отверженія законопроекта. Господа народные представители! Распространеніе преступной пропаганды среди войскъ въ первоначальномъ своемъ видѣ влечетъ шатаніе, затѣмъ подрываетъ основы воинскаго порядка, расшатываетъ въ корнѣ воинскую дисциплину, а въ конечномъ результатѣ подобнаго роста пропаганды является военный мятежъ. Если сравнить количество объективнаго вреда, причиняемаго военнымъ мятежомъ, то, конечно, мы всѣ должны будемъ признать, что этотъ объективный вредъ стоитъ гораздо выше того вреда, который приносится тѣми преступными посягательствами, о которыхъ говорилъ докладчикъ и на которыя онъ указывалъ по статьямъ уголовнаго уложенія. Опытъ жизни и исторіи служитъ лучшимъ показателемъ, что военные мятежи приносятъ неизгладимый и неизмѣримый вредъ государству, а иногда они ставятъ это государство на край гибели. Далѣе, коммиссія указываетъ, что при такихъ условіяхъ, которыя указаны въ законѣ 18 августа, военное начальство располагаетъ большими средствами борьбы, чѣмъ при другихъ условіяхъ. Вполнѣ раздѣляя мнѣніе, высказанное ко-

миссіей, вмѣстѣ съ тѣмъ я полагаю, что это соображеніе не можетъ тоже служить поводомъ къ тому, чтобы отвергнуть законопроектъ, ибо, во-первыхъ, если военное начальство имѣетъ больше средствъ борьбы, въ случаѣ если агитація проникнетъ въ казармы или мѣста, находящіяся въ исключительномъ вѣдѣніи военнаго начальства, то отсюда еще не слѣдуетъ, что въ этомъ случаѣ надо возложить всю тяжесть борьбы съ пропагандой на военное начальство и не прибѣгать къ другимъ мѣрамъ, коль скоро предполагается, что эти мѣры принесутъ извѣстную пользу. Во-вторыхъ, принятіе лишь однѣхъ мѣръ предохраненія по отношенію къ войску влечетъ за собой стѣсненіе внутренней жизни войска, а подчасъ даже ведетъ къ тому, что жизнь этихъ войскъ станетъ для нихъ невыносимой. Вотъ почему въ принятіи охранительныхъ мѣръ есть извѣстный предѣлъ, за который не можетъ перейти военное начальство, ибо, перейдя этотъ предѣлъ, создается невозможная для арміи жизнь. Позволю себѣ иллюстрировать высказанную мысль слѣдующимъ примѣромъ: если военное начальство пожелаетъ предохранить войска, находящіяся въ казармахъ, отъ пропаганды, то, конечно, одной изъ дѣйствительнѣйшихъ мѣръ будетъ созданіе высокой ограды вокругъ казармъ, поставленіе дневальныхъ и недопущеніе ни одного лица въ эти казармы. Но, господа народные представители, неужели вы не согласитесь съ тѣмъ, что эту мѣру принять военное начальство не можетъ, ибо военная служба въ такомъ случаѣ не будетъ военной службой, а военно-служащіе ради того, чтобы къ нимъ не проникла пропаганда, явятся заключенными въ своихъ собственныхъ казармахъ. Если военно-служащіе, для того, чтобы предохранить ихъ отъ распространенія среди нихъ противоправительственной пропаганды, подвергаются стѣснительнымъ мѣрамъ; если военно-служащіе за преступленія политическаго характера подвергаются болѣе тяжкой отвѣтственности, чѣмъ другіе граждане, то, я думаю, будетъ справедливо, чтобы и тѣ, которые заставляютъ войска вести эту тяжелую жизнь; чтобы тѣ, которые влекутъ ихъ къ совершенію преступленій, облагаемыхъ тяжкими наказаніями и притомъ болѣе тяжкими, чѣмъ для гражданскихъ лицъ—въ свою очередь несли извѣстную тяжесть

отвѣтственности и на себѣ. Что касается передачи этихъ дѣлъ въ военные суды, то сама комиссія указываетъ, что по существующему уставу уголовнаго судопроизводства есть форма суда безъ участія присяжныхъ засѣдателей, весьма мало отличная отъ формы военнаго суда. Это даетъ мнѣ право заключить, что въ этомъ отношеніи комиссія приходитъ къ тому выводу, что военный судъ есть тоже судъ, а не какое-то учрежденіе, созданное исключительно съ цѣлью, чтобы лицъ невиновныхъ признать виновными. Служитъ ли причиной передачи дѣлъ въ суды военнаго вѣдомства то, что было высказано докладчикомъ, а именно, недовѣріе къ судамъ гражданскаго вѣдомства — я распространяться не стану; не мое дѣло, какъ представителя военнаго вѣдомства, какъ главнаго военнаго прокурора, защищать суды гражданскаго вѣдомства и доказывать, что такая передача состоялась не въ силу недовѣрія къ нимъ. Это обязанность представителя министерства юстиціи, и, я думаю, онъ ее и исполнитъ. Въ силу всѣхъ высказанныхъ мною соображеній я обращаюсь къ Государственной Думѣ и позволю себѣ заявить, что если Государственная Дума дорожитъ интересами войска что если Государственная Дума желаетъ, чтобы въ корнѣ не были расшатаны ни воинская дисциплина, ни воинскій порядокъ; если Государственная Дума желаетъ, чтобы у насъ не было военныхъ мятежей,—а въ этомъ я положительно увѣренъ, что именно подобное желаніе существуетъ среди членовъ Государственной Думы,—то Государственная Дума придетъ къ тому выводу, что она не согласится съ комиссіей и признаетъ законъ, внесенный министромъ юстиціи, пріемлемымъ.

49. Товарищъ министра юстиціи Люце.

Господа народные представители. Я позволю себѣ сказать только нѣсколько словъ. Издавая 18 августа 1906 г. законъ объ усиленіи отвѣтственности за пропаганду въ войскахъ, правительство далеко было отъ мысли считать его совершеннымъ. Недостатки его, спра-

ведливо указываемые въ докладѣ комиссіи въ настоящее время и главнымъ образомъ заключающіеся въ суровости опредѣляемаго имъ наказанія и въ неудобствѣ выдѣлять данныя преступныя дѣянія изъ другихъ, предусмотрѣнныхъ уголовнымъ уложеніемъ, и опредѣлять ихъ наказуемость внѣ строгаго соотвѣтствія съ другими статьями уложенія, правительство вовсе не игнорировало. Но дѣло въ томъ, что чрезвычайное развитіе революціонной агитаціи въ войскахъ, доведшее до такихъ совершенно неслыханныхъ событій, какъ военные бунты въ Свеаборгѣ и Кронштадтѣ, вынудили правительство къ изданію такого закона. При этомъ, однако, именно тѣ недостатки его, о которыхъ въ настоящее время идетъ рѣчь, послужили поводомъ къ тому, что онъ былъ изданъ не въ качествѣ закона постояннаго, но въ видѣ временной мѣры, о чемъ въ самомъ законѣ и сказано. Равнымъ образомъ и подсудность военная, опредѣляемая этимъ закономъ, принята только въ видѣ мѣры временной. Это въ законѣ объяснено, и въ этомъ отношеніи указаніе доклада комиссіи что въ данномъ случаѣ будто бы настоящій законопроектъ, въ отличіе отъ другихъ законовъ, вводитъ военную подсудность лицъ гражданскаго вѣдомства въ постоянную правовую норму, является не совсѣмъ справедливымъ. Если бы обстоятельства нынѣ измѣнились, если бы пропаганда среди войскъ стала теперь менѣе дерзкой или представлялась менѣе опасной, тогда можно было бы не безъ основанія говорить о своевременности отмѣны закона 18 августа 1906 г., какъ страдающаго извѣстными недостатками. Тогда бы и правительство не нашло соотвѣтственнымъ вносить этого закона на утвержденіе Думы, и, такимъ образомъ, этотъ законъ былъ бы отмѣненъ еще въ прошломъ мѣсяцѣ. Къ сожалѣнію, однако, надо сказать, что преступная агитація среди войскъ не только не ослабѣла, но даже едва ли не имѣетъ тенденціи къ усиленію и распространенію. Это обстоятельство и не дозволило правительству отмѣнить законъ 18 августа, это же обстоятельство заставляетъ и министерство юстиціи высказаться въ настоящее время противъ его отмѣны.

---

50. Товарищъ министра финансовъ Покровскій.

Главнѣйшія замѣчанія, которыя были высказаны финансовой комиссіей по поводу представленія министерствомъ финансовъ о продленіи дѣйствія полномочій министра финансовъ по установленію временныхъ подесятинныхъ окладовъ государственнаго поземельнаго налога, заключаются въ томъ, что въ представленіи этомъ не имѣется данныхъ о количествѣ облагаемыхъ земель и о качествѣ и о доходности, объ основаніяхъ, которыя приняты при опредѣленіи окладовъ и затѣмъ, о порядкѣ какимъ они установлены. Затѣмъ, нѣтъ общихъ соображеній о финансовомъ и экономическомъ положеніи края, объ условіяхъ его землевладѣнія, о платежныхъ способностяхъ мѣстнаго населенія и т. д. Этими данными финансовая комиссія предлагаетъ министерсту финансовъ пополнить представленіе его къ будущему году. Министерство финансовъ, конечно, не уклонится отъ исполненія этихъ пожеланій, и эти данныя будутъ собраны и представлены; я долженъ даже доложить, что эти данныя уже имѣются и собраны мѣстными финансовыми учрежденіями и переданы въ совѣтъ Туркестанскаго генералъ-губернатора. Если въ настоящемъ представленіи этихъ данныхъ нѣтъ, то именно потому, что они не были еще достаточно разработаны. Въ противномъ случаѣ министерство финансовъ внесло бы въ представленіе предположеніе не о продленіи полномочій для установленія временныхъ окладовъ, а внесло бы представленіе объ установленіи постоянныхъ окладовъ. Тѣмъ не менѣе, идя на встрѣчу пожеланіямъ финансовой комиссіи, я позволю себѣ нѣкоторыя изъ этихъ данныхъ, имѣющихся въ министерствѣ финансовъ, сообщить, хотя эти данныя приблизительныя, и основываться на нихъ твердо и окончательно нельзя. Прежде всего я остановлюсь на вопросѣ о количествѣ облагаемыхъ земель. Для опредѣленія этого количества, собственно говоря, имѣются только два источника: плановой матеріалъ и свѣдѣнія о

богарныхъ посѣвахъ. Плановой матеріалъ чрезвычайно разнообразенъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ заключаетъ данныя объ общей площади богарныхъ земель, въ другихъ случаяхъ на планы наносились лишь пространства, занятыя посѣвами въ годъ съемки. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ земли, орошаемыя лишь атмосферною влагою, показывались на планахъ какъ выгоны, сѣнокосы и проч. Вслѣдствіе этого на этихъ данныхъ нельзя было основывать твердыхъ исчисленій, и мѣстные представители министерства финансовъ приняли въ основаніе своихъ исчисленій данныя о земляхъ, находящихся подъ богарными посѣвами. Въ каждомъ году эти данныя указываютъ на чрезвычайно большія колебанія въ размѣрахъ посѣва, такъ, напримѣръ, указывается, что въ Маргеланскомъ уѣздѣ въ 1901 г. было—15.000 дес., въ 1902 г.—41.000 дес., въ 1903 г.—38.000 дес., въ 1904 г.—17.000 дес., въ 1905 г.—41.000 дес. и въ 1906 г. 29.000 дес. подъ богарными посѣвами, въ Наманганскомъ уѣздѣ раньше было 40.000 дес., а впослѣдствіи количество это уменьшилось до 6.500 дес.; наоборотъ, въ Катакурганскомъ замѣчается сильное возрастаніе съ 9.000 до 19.000 дес., отъ 1905 по 1906 г. По отдѣльнымъ селеніямъ тоже усматривается значительное колебаніе въ цифрахъ,—я не буду ихъ приводить, чтобы не затруднять вниманіе Государственной Думы. Такимъ образомъ количество десятинъ опредѣлялось въ 380.000 дес. въ 1894 г., а въ послѣднее время мы по телеграфу получили данныя самыхъ послѣднихъ исчисленій, что только въ 5 уѣздахъ имѣется 422.000 дес. Слѣдовательно имѣвшіяся до сихъ поръ данныя были настолько не тверды, что вносить ихъ въ представленіе въ качествѣ матеріаловъ для представленія въ Государственную Думу было бы едва ли осторожно. Во всякомъ случаѣ эти данныя въ настоящую минуту для установленія постоянныхъ окладовъ уже разрабатываются, имѣются и представлены въ совѣтъ генералъ-губернатора, откуда будутъ представлены въ министерство и затѣмъ будетъ составленъ законопроектъ о постоянныхъ окладахъ. Что касается вопроса о томъ, насколько обременительно обложеніе богарныхъ земель, то по этому предмету мы имѣемъ слѣдующія данныя, равнымъ обра-

зомъ весьма приблизительныя; они показываютъ, что примѣрная валовая доходность земель богарныхъ составляетъ во всѣхъ трехъ областяхъ около 12.000.000 дес. Обложеніе этихъ земель казеннымъ налогомъ за послѣдніе четыре года колеблется отъ 135.000 до 155.000 р. Если къ этимъ 155.000 р., исчисленнымъ на 1907 г., прибавить 50.000 р. земскаго сбора, то это обложеніе составитъ едва $1,_7\%$ дохода. Такимъ образомъ обременительнымъ его назвать нельзя, обложеніе это легкое. Но къ этому слѣдуетъ далѣе прибавить, что въ силу закона, если эти земли почему-либо обращаются въ бездоходное состояніе, потому ли, что онѣ засыпаны песками, или по какимъ-либо другимъ причинамъ, немедленно могутъ быть исключены по просьбѣ плательщиковъ изъ оклада. Наконецъ, въ случаяхъ полнаго неурожая предоставляются соотвѣтствующія льготы плательщикамъ. Такимъ образомъ, эти земли не могутъ быть признаны обложенными высоко. Затѣмъ, оклады, которые министерство финансовъ установило въ силу Высочайшаго повелѣнія, уже сообщены къ исполненію на мѣстахъ. Такимъ образомъ, въ ближайшемъ будущемъ они должны быть включены въ окладные листы и будутъ подлежать раскладкѣ. Пріостановить ихъ взиманіе было бы очевидно, совершенно невозможно. Въ виду этого, въ данномъ случаѣ, никакого иного исхода, кромѣ принятія законопроекта, быть не можетъ. Затѣмъ, что касается общаго положенія платежныхъ средствъ населенія Туркестанскаго края, то по этому поводу я долженъ доложить, что Туркестанскій край въ общемъ обложенъ сборами чрезвычайно необременительно. По приблизительнымъ даннымъ общая валовая доходность ирригаціонныхъ земель въ трехъ областяхъ Туркестанскаго края составляетъ около 155.000.000 р. Эти данныя давали бы возможность въ силу закона облагать землю въ размѣрѣ 10% валовой ихъ доходности, т. е. 15.500.000 р. Между тѣмъ взимается казенныхъ налоговъ въ настоящее время лишь 3.700.000 р., а вмѣстѣ съ земскими сборами всего 4.500.000 р. Слѣдовательно, далеко до той нормы, которая закономъ установлена.

---

51. Товарищъ министра финансовъ Покровскій.

Я позволю себѣ на двѣ минуты занять ваше вниманіе только по вопросу о томъ, насколько обременительнымъ представляется этотъ сборъ и насколько вообще въ Туркестанскомъ краѣ этотъ сборъ представляется тягостнымъ для населенія. По общимъ даннымъ недоимки въ Ферганской области не превышали 3%, въ Самаркандской области и въ Сыръ-Дарьинской не превышали 14%. Это доказываетъ уже ясно, въ какой мѣрѣ податное обложеніе въ Туркестанскомъ краѣ не представляется обременительнымъ. Что касается сдѣланныхъ здѣсь расчетовъ о расходахъ на одну десятину богарной земли, то я долженъ по этому поводу сказать, что какъ бы эти расчеты не были сдѣланы,—ясно совершенно, что если предполагается получить 150.000 р. сбора, а подлежащихъ обложенію десятинъ считалось въ 1894 г.—380.000 р., то сборъ составляетъ, примѣрно, полтинникъ на десятину кругомъ, а такъ какъ этотъ счетъ ниже, чѣмъ наличность земель въ дѣйствительности, ибо, по послѣднимъ даннымъ, по пяти уѣздамъ имѣется 422.000 дес., то отсюда ясно, какъ ничтоженъ этотъ сборъ въ дѣйствительности и какъ въ дѣйствительности онъ вовсе не обременителенъ.

52. Товарищъ министра финансовъ Покровскій.

Я долженъ доложить, что кромѣ тѣхъ окладовъ, которые были раньше утверждены для собственно богарныхъ земель, утверждены оклады и для необработываемыхъ земель въ размѣрѣ для трехъ разрядовъ—20, 10 и 3 к. съ десятины; эти оклады утверждены также въ предѣлахъ существующаго закона.

53. Товарищъ министра финансовъ Покровскій.

По этому дѣлу я прежде всего должепъ сказать, что изложеніе записки министерства финансовъ въ докладѣ финансовой комиссіи, разосланномъ членамъ Государственной Думы, съ одной стороны, страдаетъ тѣмъ, что оно освѣщаетъ недостаточно полно и недостаточно ясно самый вопросъ, а съ другой стороны, страдаетъ нѣкоторой неполнотой. Докладъ заявляетъ, что предположенія финансоваго вѣдомства сводятся исключительно къ повышенію окладовъ государственнаго поземельнаго налога во вниманіе къ возросшей со времени утвержденія нынѣ дѣйствующаго расписанія этихъ окладовъ цѣнности земли. Это неточно. Если бы цѣли финансоваго вѣдомства сводились только къ повышенію окладовъ поземельнаго налога, то для этого не было бы никакой надобности производить разработку оцѣночныхъ данныхъ, предпринятую съ тою цѣлью, чтобы достигнуть наиболѣе уравнительнаго распредѣленія налога между губерніями, а достаточно было бы просто повысить существующіе оклады на извѣстный процентъ. Между тѣмъ, именно цѣль болѣе правильнаго распредѣленія налога между губерніями поставлена представленіемъ министерства финансовъ на первый планъ. Фискальные результаты достигаются попутно благодаря тому, что съ 1884 г., когда была составлена средняя оцѣнка, положенная въ основаніе исчисленія нынѣ дѣйствующихъ губернскихъ подесятинныхъ окладовъ, цѣнность земли настолько повысилась, что въ настоящее время тотъ окладъ, который былъ принятъ въ расчетъ и считался необременительнымъ — 0,18% съ цѣнности земли — составляетъ лишь 0,09%. Несомнѣнно, что если при примѣненіи того же самаго размѣра налога въ 0,18% съ цѣнности, который считался необременительнымъ въ 1884 г., получается финансовый результатъ благопріятный для казны, то было бы страннымъ, если бы министерство финансовъ отказалось отъ такого результата. Въ докладѣ финансовой

коммиссіи приводится, правда, выписка изъ представленія министерства о томъ, что «министерство предполагаетъ достигнуть не только большей уравнительности, но и немаловажныхъ финансовыхъ результатовъ». Но эта сторона предположеній министерства, заключающаяся въ достиженіи большей уравнительности въ распредѣленіи налога между губерніями, недостаточно освѣщена, и я считаю поэтому нужнымъ обратить на нее особенное вниманіе Государственной Думы. Въ представленіи министерства и въ краткомъ изложеніи общихъ основаній она подробно изложена. Изъ данныхъ, приведенныхъ тамъ, видно, что до послѣдняго времени 10 центральныхъ черноземныхъ губерній несли 36,6% общей суммы поземельнаго налога, столько же, сколько остальныя 15 богатыхъ черноземныхъ южныхъ губерній, которыя уплачивали равнымъ образомъ 36,6%, а нечерноземная полоса—25 губерній несла 27,5%. При переверсткѣ же получается слѣдующій результатъ по новымъ даннымъ о цѣнности земель. На 10 центральныхъ губерній, находящихся въ болѣе тяжелыхъ экономическихъ условіяхъ, платежи упадутъ въ размѣрѣ 25,7% общей суммы налога, на богатыя черноземныя губерніи юга, юго-запада и Малороссіи—въ количествѣ 43,3%, а на всю нечерноземную полосу—въ размѣрѣ 31%. Вотъ одна изъ важныхъ сторонъ этого предположенія, которая въ докладѣ представляется недостаточно освѣщенной. Затѣмъ, я попутно долженъ указать на нѣкоторую неполноту этого доклада, впрочемъ, для окончательнаго рѣшенія дѣла, не имѣющую существеннаго значенія. Дѣло въ томъ, что дѣйствительно представленіемъ министерства, внесеннымъ въ прошломъ году, предполагалось въ 1907 г. не повышать оклада въ девяти центральныхъ губерніяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая. Затѣмъ въ нынѣшнемъ году, когда представленіе было вновь внесено въ Государственную Думу, министерство препроводило его предсѣдателю Думы при отношеніи министра финансовъ, гдѣ было высказано, что къ первымъ девяти губерніямъ присоединяются еще четыре, гдѣ также министерство, въ виду неурожая, не предполагаетъ повысить оклада, а именно: въ губерніяхъ Казанской, Симбирской, Оренбургской и Уфимской. Благодаря этому, финансовый результатъ понижается

противъ того, который былъ предположенъ раньше, а именно, вмѣсто 20.300.000 руб. получится всего 19.800.000 руб., т.-е. на 500.000 р. меньше. Вотъ, собственно, то, что я желалъ сообщить по существу изложенія проекта, сдѣланнаго въ докладѣ. Обращаясь къ тѣмъ мотивамъ, которые финансовой коммиссіей приводятся въ подтвержденіе ея мысли о необходимости отклонить настоящее представленіе, я прежде всего долженъ остановиться на слѣдующемъ заявленіи. По мнѣнію коммиссіи, нельзя не признать, что существующіе казенные налоги очень обременительны, слѣдовательно, на практикѣ они требуютъ не увеличенія, а уменьшенія общей тяготы обложенія. Если допустить, что бюджетъ не можетъ быть сокращенъ, то нельзя итти въ сторону дальнѣйшаго увеличенія, поэтому всѣ новые налоги, всѣ увеличенія существующихъ сборовъ должны быть допускаемы только для того, чтобы понижать другіе сборы, которые считаются болѣе обременительными, и этого порядка необходимо держаться не только по отношенію настоящаго проекта, но и по отношенію ко всѣмъ другимъ проектамъ по податной части. Вотъ по этому поводу я долженъ замѣтить, что совершенно ничѣмъ не доказано, что даже въ ближайшемъ будущемъ бюджетъ нашъ не пойдетъ въ сторону дальнѣйшаго увеличенія. Какими данными подтверждается это категорическое утвержденіе? Масса народныхъ потребностей не удовлетворена. Сокращеніе государственной росписи, если это будетъ достигнуто, несомнѣнно будетъ весьма умѣренное. Практика покажетъ, что крупнаго сбереженія въ этомъ отношеніи достигнуть не удастся. Слѣдовательно, чѣмъ же подтверждается то указаніе, что бюджетъ нашъ не будетъ возрастать? Разъ падаетъ это заявленіе, разъ оно ничѣмъ не доказано, то падаютъ, въ свою очередь, и послѣдствія, изъ него выводимыя, а именно, что всѣ новые налоги должны быть направлены исключительно на то, чтобы понижать налоги существующіе. Затѣмъ, если на минуту остановиться на той точкѣ зрѣнія, на которую встала финансовая коммиссія, и сказать, что наши налоги не потребуютъ увеличенія государственныхъ расходовъ, что налоги нужны для того, чтобы пополнять другіе отмѣняемые сборы, ставши на минуту на эту точку зрѣнія,

пока ничѣмъ недоказанную, я долженъ сказать, что министерство финансовъ въ этомъ отношеніи такъ и поступаетъ. У насъ прошло совершенно незамѣченнымъ, т. е., собственно говоря, не достаточно оцѣненнымъ одно большой важности мѣропріятіе, отразившееся чрезвычайными убытками на средствахъ государственнаго казначейства — это отмѣна выкупныхъ платежей, послѣдовавшая 3 ноября 1905 г. Эта отмѣна въ 1906 г. создала потерю около 40.000.000 р., а въ общемъ съ 1907 г. составила уменьшеніе государственныхъ доходовъ на 90.000.000 р. Вопросъ о пониженіи и о сложеніи выкупныхъ платежей является не новымъ. Еще въ 1904 г. бывшимъ особымъ совѣщаніемъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности выработаны были предположенія о томъ, чтобы выкупные платежи понизить въ наиболѣе обремененныхъ губерніяхъ на 20.000.000 р. Эта мѣра не была приведена въ исполненіе, потому что въ то время средствъ для этого не имѣлось, а потому министерству финансовъ предоставлено было приступить лишь къ обсужденію этого предположенія, когда это по средствамъ казны окажется возможнымъ. Затѣмъ, тотъ же вопросъ возбуждается въ маѣ 1905 г. въ особой комиссіи, образованной при министерствѣ финансовъ для обсужденія предположеній о введеніи подоходнаго налога. Эта комиссія прямо высказалась въ пользу обращенія части суммъ, имѣющихъ быть вырученными какъ отъ подоходнаго налога, такъ и отъ другихъ прямыхъ налоговъ, послѣ пересмотра ихъ, на пониженіе выкупныхъ платежей. Комиссія, впрочемъ, признала въ то же время, что податная реформа имѣетъ своей настоятельной задачей увеличеніе средствъ государственнаго казначейства. Слѣдовательно, разсуждала комиссія, пониженіе податныхъ платежей на полную сумму въ 20.000.000 р., или хотя бы на извѣстную его часть, могло послѣдовать въ томъ лишь случаѣ, если общее возрастаніе государственныхъ доходовъ отъ прямого обложенія, которое будетъ достигнуто его же образованіемъ, окажется настолько значительнымъ, что дастъ возможность обратить часть его на осуществленіе указанной мѣры. Такимъ образомъ, имѣлось въ виду поступить такъ, какъ обыкновенно поступаютъ при расчетливомъ веденіи хозяйства, т. е. по

мѣрѣ появленія новыхъ источниковъ дохода замѣнять ими такіе источники, которые были ранѣе. Въ октябрѣ 1905 г. министерство финансовъ внесло представленіе въ Государственный Совѣтъ о пониженіи платежей на 11.000.000 р., но обстоятельства повели дѣло гораздо быстрѣе. 3 ноября Государю Императору угодно было сложить въ 1906 г. половину выкупныхъ платежей, а въ 1907 г. отмѣнить ихъ совершенно. Но когда это было постановлено, правительство нисколько не скрывало отъ себя, что необходимо для пополненія этого именно пробѣла въ государственномъ бюджетѣ изыскать средства и изыскать ихъ спѣшно. Сначала предполагалось изыскать средства и затѣмъ отмѣнить платежи. Теперь получился лишь обратный порядокъ: отмѣнили платежи и изысканіе средствъ, такъ-сказать, post factum составило задачу финансоваго вѣдомства. Въ этомъ смыслѣ министерство финансовъ высказалось и въ одобренномъ Совѣтомъ Министровъ въ мартѣ 1906 г. проектѣ программы о налогахъ. Здѣсь было прямо выражено, что новый источникъ финансовыхъ доходовъ необходимъ прежде всего для пополненія недоборовъ, образовавшихся вслѣдствіе отмѣны выкупныхъ платежей. Если исходить изъ этой точки зрѣнія и сопоставить сколько министерство финансовъ предполагаетъ получить новыхъ налоговъ и сколько казна потеряла выкупныхъ платежей, то окажется, что государственное казначейство будетъ еще въ убыткѣ. Прямые налоги въ общей своей сложности, при повышеніи дѣйствующихъ налоговъ и введеніи новыхъ, дадутъ не свыше 55.000.000 р. новаго дохода, а проектированные акцизы—не болѣе 18.000.000 р. Слѣдовательно, въ общей сложности будетъ 73.000.000 р., тогда какъ сложено 90.000.000 р. Ясно, что въ этомъ отношеніи министерство финансовъ именно на пополненіе сложенныхъ обременительныхъ платежей и предполагаетъ введеніе новыхъ налоговъ. Затѣмъ, противъ настоящаго проекта финансовая коммиссія приводитъ другое основаніе. Прежде всего она указываетъ, что земля никоимъ образомъ не можетъ считаться польгоченною по сравненію съ другими предметами обложенія. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ обратиться къ цифровымъ даннымъ. Эти данныя показываютъ, что сборовъ поземельныхъ,

государственныхъ и земскихъ въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи взимается на 65.000.000 р. Эти сборы, по отношенію къ доходности земли, составляютъ не болѣе 77,%. тогда какъ обложеніе городскихъ недвижимостей, если взять мѣстные и казенные сборы вмѣстѣ, составляетъ около 15%, а обложеніе промышленности и торговли достигаетъ $12^1/_2$%. Совершенно правильно указаніе финансовой комиссіи, что на крестьянскихъ земляхъ лежатъ еще особые сборы: мірскіе платежи, достигающіе 49.000.000 руб. съ нѣсколькими сотнями тысячъ рублей. Это совершенно вѣрно, но, во-первыхъ, въ эту сумму входятъ не одни сборы земскаго характера; въ составѣ ея имѣются суммы, которыми покрывается рядъ расходовъ чисто хозяйственнаго значенія. Слѣдовательно, онѣ не могутъ быть причислены къ обложенію. Но если даже предположить, что большая доля этихъ 50.000.000 руб. составляетъ прямое обложеніе земскаго характера, то исходъ отсюда не тотъ, который указанъ, а именно воздержаніе отъ какого бы то ни было увеличенія доходовъ государственнаго казначейства, а въ томъ, чтобы поскорѣе приступить къ разсмотрѣнію того внесеннаго уже правительствомъ проекта, который направленъ къ учрежденію мелкой земской единицы и при которомъ эти сборы распредѣлятся равномѣрно между всѣми классами населенія. Выводить же отсюда, что казенные сборы не должны быть увеличиваемы, никоимъ образомъ, очевидно, невозможно. Правда, комиссія опасается, что при такой реформѣ мѣстные сборы значительно возрастутъ, а потому, во избѣжаніе такого возрастанія, считаетъ несвоевременнымъ повышеніе окладовъ государственнаго обложенія. Но сама комиссія указываетъ исходъ изъ этого положенія и предлагаетъ передать часть государственныхъ налоговъ земскому самоуправленію, министерство же финансовъ полагаетъ, что и въ томъ случаѣ, если поземельный налогъ не будетъ переданъ земскимъ учрежденіямъ, нельзя, ради ожидаемаго въ будущемъ, но не существующаго еще въ настоящемъ, увеличенія мѣстныхъ сборовъ, отказываться отъ болѣе правильнаго распредѣленія казенныхъ налоговъ, хотя бы и связаннаго съ повышеніемъ, разъ такое повышеніе посильно плательщикамъ. Для частныхъ владѣльцевъ оно признается посильнымъ

и финансовой компесісй. Я позволю себѣ утверждать, что и для крестьянъ это повышеніе не будетъ обременительнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, не слѣдуетъ, опять-таки, забывать, какая сумма выкупныхъ платежей сложена съ крестьянъ. Если мы сопоставимъ повышеніе оклада поземельнаго налога, которое проектируется министерствомъ финансовъ, съ тѣми суммами, которыя сложены съ каждой десятины, то окажется слѣдующее, напримѣръ: по Курской губерніи — выкупные платежи понижены на 1 р. 63 к. съ десятины, теперь предполагается прибавить 10 к., въ Подольской губерніи слагается 1 р. 60 к., а предполагается прибавить 15 к. Я не буду утруждать Государственную Думу перечисленіемъ всѣхъ 50 губерній — все это одинаково. Въ общей суммѣ оказывается, что съ крестьянъ сложено 90.000.000 р., а предполагается увеличить собственно съ крестьянъ сборы, не съ 1908 г., повторяю, а въ будущемъ, когда положеніе крестьянскихъ хозяйствъ дастъ къ этому возможность, не болѣе какъ на 10% этой суммы. Въ настоящее время съ 1908 г., если принять во вниманіе, что предполагается повысить окладъ налога на половину того повышенія, которое соотвѣтствуетъ цѣнности земель, и изъять изъ этого числа 13 губерній, гдѣ увеличивать обложеніе вовсе не предполагается, то окажется, что съ крестьянъ придется взять, вмѣсто слагаемыхъ 90.000.000 р. только 3.800.000 р., что составитъ небольшой процентъ со всей этой сложенной суммы. Слѣдовательно, говорить объ обременительности для крестьянскаго населенія такого предположенія было бы, по крайней мѣрѣ, странно. Слѣдующее, затѣмъ возраженіе противъ новыхъ окладовъ государственнаго поземельнаго налога заключается въ томъ, что въ ближайшемъ будущемъ казна будетъ вынуждена поступиться своимъ правомъ обложенія земли въ пользу земствъ. Между тѣмъ, чѣмъ выше поземельный налогъ, тѣмъ будто бы казнѣ будетъ труднѣе отъ него отказаться, иначе самое повышеніе оклада не будетъ имѣть серьезнаго финансоваго значенія, ибо, сегодня увеличивъ поземельный налогъ и уступая его завтра земству, придется вновь изыскивать, чѣмъ бы заполнить брешь. Министерство финансовъ полагаетъ напротивъ, что если бы, по состоянію средствъ государственнаго казначейства, въ будущемъ признано

было бы возможнымъ передать земству весь поземельный налогъ или хотя бы часть его, прежде всего необходимо будетъ перераспредѣлить его между губерніями, такъ какъ только тогда можно будетъ приступить къ передачѣ его земскимъ учрежденіямъ, иначе переданныя земству суммы окажутся совершенно не отвѣчающими платежеспособности мѣстнаго землевладѣнія. Наконецъ, соображеніе, что казнѣ труднѣе будетъ отказаться отъ болѣе крупныхъ суммъ налога, чѣмъ отъ менѣе крупныхъ, такъ какъ это можетъ сдѣлать брешь, я не могъ признать серьезнымъ. Дѣло заключается въ томъ, что отказываться отъ поземельнаго налога можно будетъ тогда только государственному казначейству, когда это не будетъ брешью, когда не надо будетъ ее задѣлывать, потому что, если это будетъ брешь и если таково будетъ финансовое для государства значеніе этой мѣры, то и отказываться отъ поземельнаго налога будетъ невозможно. Конечно, если новые налоги будутъ вводиться только затѣмъ, чтобы пополнять другіе слагаемые сборы, то ни о какой подобной передачѣ какихъ бы то ни было суммъ изъ государственнаго казначейства и ни о какой вообще помощи со стороны казны земствамъ, по мнѣнію министерства финансовъ, не можетъ быть и рѣчи. Наконецъ, если бы государственному казначейству было тяжело отдать цѣлую сумму, то оно отдало бы часть ея, но я не вижу, въ чемъ здѣсь препятствіе, собственно говоря, къ введенію новыхъ окладовъ поземельнаго налога. Впрочемъ, всѣмъ предыдущимъ соображеніямъ, повидимому, финансовая комиссія придаетъ, какъ будто бы, второстепенное значеніе. Главнымъ препятствіемъ къ увеличенію поземельнаго налога является предстоящая аграрная реформа. Здѣсь надо остановиться на каждой фразѣ доклада. Именно въ немъ говорится, что основанія и размѣры обложенія земель не могутъ не быть сообразованы съ предстоящимъ перераспредѣленіемъ землевладѣнія и съ условіями земельной реформы, напримѣръ, съ платнымъ или безплатнымъ отводомъ дополнительныхъ надѣловъ. Въ этомъ усматривается, повидимому, препятствіе къ введенію новаго налога; но существующаго основанія обложенія земель проектъ министерства финансовъ вовсе не касается и вовсе ихъ не мѣняетъ. Что же касается размѣровъ

обложенія, то почему нынѣшній размѣръ признается болѣе сообразованнымъ съ предстоящимъ перераспредѣленіемъ землевладѣнія и условіями земельной реформы, чѣмъ тѣ размѣры, которые проектированы министерствомъ финансовъ? Гдѣ этому доказательства? По этому поводу въ докладѣ рѣшительно ничего не сказано и не можетъ быть сказано, такъ какъ условія предстоящаго перераспредѣленія землевладѣнія рѣшительно никому неизвѣстны. Слѣдовательно, будутъ ли существовать нынѣшніе оклады или будутъ установлены новые—все равно, вѣроятно, придется перераспредѣлять и тѣ и другіе. Отсюда вытекаетъ, что установленіе новыхъ окладовъ, собственно говоря, реформѣ мѣшать не можетъ, такъ какъ никакого отношенія къ ней не имѣетъ. Далѣе говорится, что повышеніе земельнаго обложенія въ настоящее время до реформы слѣдуетъ признать совершенно недопустимымъ въ силу оскудѣнія крестьянства. Если бы это заявленіе было вѣрно, если бы обременительность проектируемаго сбора была доказана, то при такихъ условіяхъ, независимо отъ аграрной реформы, слѣдовало бы воздержаться отъ введенія усиленныхъ окладовъ, но изъ предыдущихъ данныхъ вы изволили усмотрѣть, что при сложеніи съ крестьянъ выкупныхъ платежей въ 90.000.000 р. вводится теперь обложеніе въ 3.800.000 р., т.-е. незначительный процентъ сложенной суммы. О какомъ же тутъ обремененіи можетъ быть рѣчь? Наконецъ, третій аргументъ заключается въ томъ, что увеличеніе поземельнаго налога не позволительно и съ политической точки зрѣнія, ибо, въ отвѣтъ на требованіе земли, исходящее отъ крестьянъ, нельзя ни съ какой точки зрѣнія притти вмѣсто этого съ требованіемъ повышенія обложенія уже принадлежащей крестьянамъ земли. Такая мѣра, говорится въ докладѣ, могла бы быть принята крестьянами за издѣвательство надъ ихъ желаніями и нуждами. Отвѣтъ на это довольно затруднителенъ, такъ какъ трудно догадаться, что, именно, здѣсь имѣется въ виду. Буквально приведенную фразу можно истолковать такъ: финансовая комиссія полагаетъ, что требованіе земли, исходящее потъ крестьянъ, будетъ отклонено, но въ утѣшеніе имъ не слѣдуетъ повышать налога. Вотъ буквальный выводъ изъ того, что было

сказано. Между тѣмъ, требованіе крестьянами земли вовсе не отклонено, а приняты всевозможныя мѣры, за исключеніемъ принудительнаго отчужденія, къ его удовлетворенію. Введеніе новыхъ окладовъ поземельнаго налога, касающихся всякихъ земель, не только крестьянскихъ, но и помѣщичьихъ, никакого отношенія къ этому не имѣетъ и не можетъ имѣть. Скорѣе можно было бы сказать обратно, особенно отъ лица тѣхъ, которые держатся точки зрѣнія принудительнаго отчужденія, что наканунѣ принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель несправедливо увеличивать платежи съ тѣхъ земель, которыя предполагается отчуждать. Между тѣмъ, финансовая комиссія дѣйствуетъ какъ разъ обратно; она предполагаетъ увеличить обложеніе однѣхъ только земель частновладѣльческихъ, особенно крупныхъ; и это тѣмъ болѣе странно, что вноситъ, такъ сказать, въ податную реформу совершенно неожиданный элементъ сословности. Впрочемъ, на это предложеніе можно сказать, что оно отличается именно тѣмъ характеромъ издѣвательства,который приписанъ проекту министерства финансовъ. По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ, не находя въ докладѣ финансовой комиссіи рѣшительно никакихъ доводовъ, убѣждающихъ въ необходимости отклонить представленіе министерства финансовъ, министерство полагало бы это представленіе утвердить именно въ той формѣ, въ какой оно представлено, такъ какъ никакихъ возраженій по существу противъ него не сдѣлано.

54. Статсъ-секретарь бар. Нольде.

Государственная Дума въ засѣданіи 6 апрѣля постановила обратиться къ правительству съ запросомъ слѣдующаго содержанія:

«Вновь прибывшій изъ г. Озургеты, Кутаисской губерніи, карательный отрядъ взыскиваетъ съ общества селенія Ланчхуты штрафы въ суммѣ 45.000 руб., наложенные безъ всякихъ основаній къ принятію такой произвольной репрессивной мѣры, разо-

ряющей населеніе. Пребываніе карательнаго отряда въ связи съ незакономѣрнымъ требованіемъ уплаты ничѣмъ невызванныхъ штрафовъ, а также допускаемыя отрядомъ надъ жителями насилія грозятъ возмущеніемъ со стороны доведеннаго до отчаянія населенія и неизбѣжнымъ кровопролитіемъ.

Въ виду этого, комиссія предлагаетъ Государственной Думѣ обратиться къ министру внутреннихъ дѣлъ съ запросомъ:

1) Извѣстны ли ему вышеуказанныя дѣйствія карательнаго отряда въ селеніи Ланчхуты?

2) Какія мѣры намѣренъ онъ принять для сложенія незакономѣрно наложеннаго штрафа, избавленія населенія отъ насилій и предотвращенія кровопролитія?“

По этому поводу мною былъ запрошенъ намѣстникъ Его Величества на Кавказѣ. И нынѣ я, на основаніи полученныхъ отъ него отвѣтовъ, имѣю честь сообщить, что временнымъ Кутаисскимъ генералъ-губернаторомъ, который, въ силу введеннаго въ губерніи военнаго положенія, уполномоченъ издавать обязательныя постановленія и облагать за нарушенія ихъ штрафомъ, никакого штрафа на жителей селенія Ланчхуты въ текущемъ году наложено не было. Обстоятельство же, давшее поводъ къ предъявленію запроса, состоитъ въ томъ, что изъ числа призывавшихся по послѣднему призыву къ отбыванію воинской повинности жителей этого селенія 7 человѣкъ уклонились отъ нея. Сверхъ того, на жителяхъ селенія Ланчхуты состоитъ податныхъ недоимокъ разнаго рода около 5.000 р.; вслѣдствіе этого мѣстный приставъ обратился къ подполковнику Приходько, проходившему съ отрядомъ сотни казаковъ и охотничьей команды 132 пѣхотнаго Бендерскаго полка, за содѣйствіемъ. Подполковникъ Приходько остановился 31 марта вечеромъ въ селеніи Ланчхуты, созвалъ на слѣдующій день, 1 апрѣля, сходъ и предъявилъ къ сходу этому требованіе о выдачѣ дезертировъ, уплатѣ недоимокъ, починкѣ дорогъ и о прекращеніи самовольныхъ порубокъ въ сосѣднихъ лѣсахъ. 2 апрѣля, по предписанію командующаго гарнизономъ Озургетскаго и Новосенакскаго уѣздовъ, полковника Толмачева, подполковникъ При-

ходько съ отрядомъ покинулъ селеніе Ланчхуты. Довольствіе отряда въ теченіе сутокъ было подполковникомъ Приходько обращено на средства жителей селенія Ланчхуты. О неправильныхъ въ этомъ отношеніи дѣйствіяхъ подполковника Приходько тогда же было сообщено на распоряженіе его непосредственнаго начальства. Никакихъ жалобъ или донесеній о причиненныхъ отрядомъ насиліяхъ не поступало. Что касается упоминаемыхъ въ запросѣ 45.000 руб., то я могу объяснить это лишь тѣмъ, что начальникъ управленія землеустройства и земледѣлія Кутаисской губерніи, на точномъ основаніи дѣйствующаго закона 7 апрѣля 1897 г., о лѣсныхъ порубкахъ, предъявилъ къ жителямъ селенія Ланчхуты требованіе уплаты денежнаго за производенную ими порубку въ казенныхъ лѣсахъ взысканія въ суммѣ 47.000 р. Денегъ этихъ, однако, подполковникъ Приходько не взыскивалъ, и дѣло это, въ случаѣ неуплаты добровольно означенной суммы, будетъ, по удостовѣренію намѣстника, передано, согласно тому же закону, на разсмотрѣніе судебныхъ установленій. Изъ всего сказаннаго я позволяю себѣ заключить, что выраженныя въ средѣ Государственной Думы опасенія неизбѣжнаго кровопролитія въ селеніи Ланчхуты оказались, по счастью, совершенно напрасными.

55. Статсъ-секретарь бар. Нольде.

Въ объясненіяхъ, которыя я представлялъ Государственной Думѣ, я не могъ не оставаться въ рамкахъ того запроса, который былъ обращенъ къ правительству въ засѣданіи 6 апрѣля. Въ дополненіе къ тому, что я сказалъ, позвольте опять-таки повторить, что штрафъ въ 47.000 р. мѣстною администраціею наложенъ не былъ, что на основаніи закона 7 апрѣля 1907 г., въ случаяхъ лѣсныхъ порубокъ въ казенныхъ лѣсахъ предлагается обвиняемымъ въ порубкѣ заплатить причитающееся взысканіе добровольно; если они этому не подчиняются, то дѣло передается въ судъ. Этотъ порядокъ, общій для всѣхъ мѣстностей, былъ примѣненъ и къ данному случаю, и

подполковникъ Приходько не подкрѣплялъ силою военнаго отряда это взысканіе. Далѣе, что касается того, зачѣмъ онъ былъ призванъ, то, какъ я докладывалъ Думѣ, онъ былъ призванъ для того, чтобы предложить выдать дезертировъ, уплатить податныя недоимки, прекратить самовольныя порубки и, затѣмъ, починить дороги. Вотъ, что онъ тамъ дѣлалъ въ пребываніе въ теченіе одного дня; на второй день Приходько ближайшимъ его начальствомъ былъ отозванъ, и обращеніе имъ довольствія этого отряда въ теченіе этихъ сутокъ на счетъ жителей селенія Ланчхутъ было передано его непосредственному начальству, но какъ неправильное дѣйствіе. Затѣмъ, повторяю, что никакихъ жалобъ на насиліе не поступало, да, повидимому, и здѣсь депутатомъ Зурабовымъ, наиболѣе строго отнесшимся къ дѣйствіямъ отряда, объ этомъ заявлено не было. Въ данномъ случаѣ ни о какой коллективной отвѣтственности и рѣчи не было. Скажу еще одно, что никакого сомнѣнія нѣтъ, что военное положеніе, которое введено въ Кутаисской губерніи, можетъ быть сопряжено въ извѣстныхъ случаяхъ со стѣсненіями для населенія, но тотъ, кому извѣстны обстоятельства послѣднихъ двухъ лѣтъ на Кавказѣ, знаетъ, что введенію военнаго положенія въ Кутаисской губерніи предшествовали со стороны намѣстника попытки мирными способами добиться возстановленія нарушеннаго тамъ, въ самыхъ рѣзкихъ формахъ, спокойствія, и только, когда онъ убѣдился въ тщетѣ этихъ усилій, онъ прибѣгъ къ военному положенію. Я лично не сомнѣваюсь, что кавказскій намѣстникъ первый будетъ счастливъ отказаться отъ этой мѣры, когда состояніе Кутаисской губерніи это позволитъ.

56. Главноуправляющій землеустройствомъ и земледѣліемъ.

Милостивые государи! По поводу предъявленнаго мнѣ запроса о закономѣрности тѣхъ мѣропріятій, которыя были приняты мною для усиленія дѣла нарѣзки переселенческихъ участковъ въ четырехъ сибирскихъ губерніяхъ, мною сообщено членамъ Думы письменное

разъясненіе. Я избралъ эту форму представленія объясненія, главнымъ образомъ, потому, что затронутый вопросъ вызываетъ необходимость весьма кропотливаго сопоставленія сдѣланныхъ мною разъясненій съ существующими законами. Въ сегодняшнемъ объясненіи я намѣренъ ограничиться только изложеніемъ краткаго извлеченія того, что мною представлено въ печатномъ видѣ, и сообщить нѣсколько мыслей, не столько въ отношеніи формы, сколько въ отношеніи существа дѣла. Авторы запроса, прежде всего, возбуждаютъ сомнѣніе въ закономѣрности предпринятыхъ мною мѣръ въ томъ отношеніи, насколько правильно отвлеченіе техническихъ силъ поземельно-устроительныхъ отрядовъ отъ прямой ихъ обязанности по землеустройству старожильческаго населенія Сибири къ дѣлу переселенія. Мнѣ кажется, что это сомнѣніе могло возникнуть только на почвѣ нѣкотораго недоразумѣнія. Я утверждаю, что въ силу дѣйствующаго закона, именно въ силу пункта 3 Высочайше утвержденныхъ правилъ 1898 г., на поземельно устроительные отряды возложено не только производство межевыхъ работъ по устройству старожильческаго населенія, но и работы по отводу переселенческихъ участковъ. Это мое положеніе подтверждается прямымъ текстомъ этой статьи, которую я позволю себѣ огласить. Пунктъ 3 правилъ 1898 года говоритъ: «Возложить на чиновъ поземельно-устроительныхъ въ 4 сибирскихъ губерніяхъ отрядовъ образованіе, согласно Высочайше утвержденнымъ 13 іюня 1893 г. временнымъ правиламъ, переселенческихъ участковъ, какъ изъ земель, исключаемыхъ изъ состава надѣловъ крестьянъ-инородцевъ, такъ и изъ другихъ свободныхъ земель въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ приступлено будетъ къ поземельному устройству старожилаго населенія».

Далѣе, авторы запроса высказываютъ нѣкоторыя опасенія въ отношеніи того, что, направляя дѣятельность землемѣрныхъ силъ на устройство переселенческихъ участковъ и принимая во вниманіе, что имъ указывается возможность образованія этихъ участковъ изъ тѣхъ излишковъ, которые существуютъ или могутъ предвидѣться отъ поземельнаго устройства мѣстнаго населенія,—тѣмъ самымъ нарушаются интересы старожильческаго населенія, и что допускается

возможность такихъ дѣйствій, которыя въ будущемъ затруднятъ правильное устройство мѣстнаго населенія. Мнѣ кажется, что опять таки въ этомъ отношеніи самое предъявленіе запроса является результатомъ недоразумѣнія. Дѣло въ томъ, что интересы мѣстнаго сибирскаго населенія, въ отношеніи землеустройства, въ полной мѣрѣ ограждаются тѣмъ положительнымъ указаніемъ относительно земель, которыя должны быть обязательно включаемы въ ихъ надѣлы, законовъ 1896 и 1898 гг. Предоставляя землеустроительнымъ партіямъ заниматься отводомъ переселенческихъ участковъ, они должны руководствоваться и пользоваться правилами 1893 г. Эти правила, въ свою очередь, точно также совершенно опредѣленно и категорически повторяютъ тѣ же признаки и говорятъ, что въ переселенческіе участки не могутъ быть ни въ коемъ случаѣ включаемы такія земли, которыя подлежатъ включенію въ надѣлы мѣстнаго населенія. Такимъ образомъ, въ одномъ законѣ прямо указывается, что обязательно нужно включить, въ другомъ совершенно опредѣленно повторяются тѣ же признаки по отношенію къ землямъ, которыя въ переселенческіе участки включаемы быть не могутъ. Такимъ образомъ, въ виду того, что, конечно, данными мной разъясненіями ни въ коемъ случаѣ не имѣлось въ виду сколько-нибудь направить дѣйствія подвѣдомственныхъ мнѣ чиновъ, вопреки дѣйствующему закону, а напротивъ, ими указывалось, что они должны въ своихъ дѣйствіяхъ строго руководствоваться существующими узаконеніями,— не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы, отвлекая или направляя дѣятельность землеустроительныхъ отрядовъ на образованіе переселенческихъ участковъ, тѣмъ самымъ сколько-нибудь нарушались интересы мѣстнаго населенія.

Далѣе, въ запросѣ говорится, или, вѣрнѣе, возбуждается сомнѣніе въ томъ, насколько возможно открытіе дѣйствій по образованію переселенческихъ участковъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ еще не закончено поземельное устройство мѣстнаго населенія. Я утверждаю, что право открывать дѣйствія по образованію переселенческихъ участковъ въ такихъ мѣстностяхъ не можетъ возбуждать никакихъ сомнѣній. Оно въ полной мѣрѣ, между прочимъ, устанавливается ст. 17 закона

1898 года, которой прямо опредѣляется даже порядокъ поземельнаго устройства мѣстнаго населенія въ тѣхъ случаяхъ, когда къ нему приступаютъ тогда, когда уже въ данной мѣстности имѣются образованные незаселенные переселенческіе участки. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, болѣе подробно изложеннымъ въ письменномъ объясненіи, мнѣ кажется, что съ формальной точки зрѣнія данныя мною указанія являются въ полной мѣрѣ законными.

Признаніе, что образованіе переселенческихъ участковъ до полнаго землеустройства мѣстнаго населенія невозможно, было бы равносильно предположенію возможности примириться съ тѣмъ, что громадныя пространства вполнѣ пригодныхъ для заселенія мѣстностей Сибири должны остаться впустѣ до тѣхъ поръ, когда—а это еще весьма отдаленный срокъ—все мѣстное населеніе будетъ окончательно устроено въ поземельномъ отношеніи. Такое предположеніе, мнѣ кажется, совершенно несовмѣстимо съ нуждами данной минуты и даже несовмѣстимо съ нуждами сибирскихъ губерній, несомнѣнно, испытывающихъ потребность до нѣкоторой степени сгустить свою населенность. Наконецъ, скажу, что въ томъ же запросѣ мнѣ сдѣланъ упрекъ за призывъ не стѣсняться или избѣгать черезчуръ формальнаго отношенія къ тому дѣлу увеличенія емкости предназначенныхъ для переселенія земель, къ которому я призывалъ подвѣдомственныхъ мнѣ чиновъ. Долженъ сказать, что я менѣе всего ожидалъ встрѣтить такого рода упрекъ со стороны членовъ Государственной Думы. Въ качествѣ бюрократа, я не отвергаю необходимости соблюденія формы, но, въ качествѣ таковаго же, я долженъ сказать, что часто наталкиваюсь на такіе способы примѣненія того, что понимается подъ формализмомъ, который явно идетъ въ ущербъ существа дѣла. И въ своемъ обращеніи, и въ своемъ призывѣ отступиться нѣсколько отъ формализма я былъ послѣдователенъ. Въ качествѣ вырваннаго изъ общаго хода общаго цикла вѣдомственныхъ мѣропріятій, это письмо, эта ссылка, можетъ быть, является нѣсколько непонятной, но въ общемъ строѣ принимаемыхъ въ настоящее время мѣропріятій такого рода указанія для всѣхъ подчиненныхъ являются вполнѣ понятными. Никто и не допуститъ мысли, что это

было попыткою вызвать уклоненіе отъ закона, и я даже настолько увѣренъ въ полной лояльности подчиненныхъ мнѣ лицъ, что если-бы такая попытка и могла быть допущена, то она на мѣстѣ не была бы примѣняема. Въ данномъ случаѣ только имѣлось въ виду устранить такія примѣненія формализма, которыя явно идутъ въ ущербъ сути дѣла. Я долженъ нѣсколько затруднить вниманіе слушателей указаніемъ хотя бы на одинъ случай такого примѣненія, которое я счелъ нужнымъ устранить, въ виду, опять-таки, явной необходимости усилить дѣятельность межевыхъ чиновъ по нарѣзкѣ переселенческихъ участковъ. Въ инструкціи, изданной въ дополненіе къ закону 1898 г., имѣлось указаніе, что если при межевыхъ работахъ будутъ найдены годныя для переселенія мѣстности, то онѣ должны быть описаны, должны быть составлены планы, и все дѣло до заселенія этихъ участковъ должно поступать въ Петербургъ и здѣсь окончательно разрѣшаться. Мною были образованы на мѣстахъ особыя совѣщанія, которымъ я и делегировалъ, въ силу присущихъ мнѣ правъ, право разрѣшать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, возможно ли данный участокъ предназначить для переселенческаго дѣла, или онъ долженъ быть сохраненъ для нуждъ старожильческаго населенія. Единственный пунктъ, по которому я готовъ допустить, что принятыя мною мѣры до нѣкоторой степени затрогиваютъ интересы мѣстнаго сибирскаго населенія, заключается въ слѣдующемъ: несомнѣнно, что, отвлекая часть силъ отъ прямой, указанной задачи землеустройства мѣстнаго сибирскаго населенія, я удаляю срокъ завершенія этого землеустройства. Но въ переводѣ на цифры это значитъ слѣдующее: въ сущности, результатомъ моего распоряженія явится то, что не болѣе $^1/_5$ части техническаго персонала поземельно-устроительныхъ отрядовъ будетъ привлечено къ дѣлу устройства переселенческихъ участковъ. Разсчетъ тутъ является слѣдующій: при нѣкоторомъ счастьѣ, если работы по устройству сибирскаго населенія будутъ идти тѣмъ же темпомъ, какимъ онѣ шли до сихъ поръ, есть надежда, что онѣ завершатся въ 1929 г.; отвлекая $^1/_5$ часть персонала отъ этой работы, мы можемъ разсчитывать, что эти работы закончатся на полгода, ну, скажемъ, на годъ позже,—въ 1930 г. Я думаю, что

по сравненію съ той необходимостью, для которой была принята разсматриваемая мѣра, нѣкоторое отдаленіе срока завершенія работъ по земельному устройству сибирскаго населенія не представляется существеннымъ.

Остается сказать нѣсколько словъ по поводу того, чѣмъ были вызваны все-таки же экстренныя мѣры,—мѣры, нарушающія установленное теченіе дѣлъ и отвлекающія часть чиновъ поземельно-устроительныхъ партій на дѣло переселенія. Вотъ эти причины. Переселенческое дѣло вступило въ 1906 г., какъ извѣстно, послѣ двухлѣтняго перерыва всякаго переселенческаго движенія, вызваннаго последней войной, вступило оно въ этотъ 1906 г. съ урѣзаннымъ кредитомъ. Причиною этого была та же война, вслѣдствіе которой всѣ кредиты были урѣзаны. Разсчетъ, на которомъ было построено исчисленіе кредитовъ переселенческаго вѣдомства въ 1906 г., предвидѣлъ максимумъ переселенія 30.000 семействъ въ теченіе 1906 г. Дѣйствительность, однако, далеко превзошла эти предположенія, и за Уралъ прошло, кромѣ 140.000 душъ переселенцевъ, еще 77.000 ходоковъ и къ началу 1907 г., несмотря на явные признаки предвидимаго дальнѣйшаго усиленія переселенческаго движенія, мы вступили съ запасомъ свободныхъ земель въ количествѣ не свыше 100.000 долей, не считая въ этомъ числѣ того запаса, который мы имѣли на Дальнемъ Востокѣ. Поэтому-то правительство признало необходимымъ напречь всѣ усилія къ тому, дабы емкость Сибири въ отношеніи переселенческаго фонда въ теченіе 1907 г. елико возможно увеличить. Совокупность предпринятыхъ мѣръ въ этомъ направленіи даетъ слѣдующіе результаты. Въ 1906 г. для межевыхъ работъ, по образованію переселенческихъ участковъ, всего было привлечено 200 человѣкъ техниковъ; въ этомъ году по совокупности мѣръ, въ томъ числѣ и той мѣры, о которой идетъ рѣчь въ данномъ случаѣ, мы имѣемъ до 400 техниковъ, занятыхъ исключительно образованіемъ пересенческихъ участковъ, и мы надѣемся, что въ теченіе этого года къ тому запасу, съ которымъ мы вступили, т. е. къ количеству 100.000 душевыхъ долей, мы будемъ располагать еще не менѣе 200.000 душевыхъ долей. Что наша предусмотрительность была

умѣстна, это доказываютъ цифры переселенческаго движенія за первые $4\frac{1}{2}$ мѣсяца настоящаго года. За эти мѣсяцы мы имѣли слѣдующія цифры. Въ прошломъ году по 15 мая черезъ Челябинскъ прошло 53.000 переселенцевъ и 20.000 ходоковъ; въ текущемъ году за тотъ же періодъ прошло 182.000 переселенцевъ и 101.000 ходоковъ. Такимъ образомъ, движеніе черезъ Челябинскъ превзошло прошлогоднее за этотъ періодъ въ 4 раза. Нѣкоторымъ показателемъ того, что мы можемъ ожидать въ будущемъ, эти цифры несомнѣнно являются. При такихъ условіяхъ я считаю необходимымъ довести до свѣдѣнія Государственной Думы, что не только у насъ не можетъ предвидѣться какой-либо излишекъ переселенческаго фонда, или излишекъ тѣхъ средствъ, которыми мы располагаемъ, но, напротивъ того, я считаю совершенно безспорнымъ, что черезъ три-четыре мѣсяца, когда мы будемъ имѣть честь внести на обсужденіе Государственной Думы бюджетъ 1908 г., сумма ассигнованій, которую мы будемъ испрашивать на переселенческое дѣло, будетъ повышена противъ той цифры (11 мильоновъ), въ которой она исчислена въ настоящее время, и, кромѣ того, я не могу не предвидѣть необходимости, можетъ быть, въ ближайшемъ будущемъ испрашивать на дѣло переселенія дополнительное ассигнованіе въ текущемъ году, такъ какъ всѣ данныя показываютъ, что переселенческое движеніе идетъ, а разъ оно идетъ, никакія силы его остановить не могутъ.

Тутъ, мнѣ кажется, умѣстно остановиться нѣсколько на томъ вопросѣ, какія же причины вызываютъ это усиленіе, принимающее, можетъ быть, до нѣкоторой степени, стихійное значеніе. Здѣсь, съ этого мѣста, и въ печати уже неоднократно высказывались сужденія о томъ, что это есть движеніе до нѣкоторой степени искусственное; говорилось, что правительство распространяетъ черезчуръ заманчивыя и соблазнительныя свѣдѣнія о прелести переселенія, и что подобнаго рода распространеніемъ несоотвѣтствующихъ дѣйствительности свѣдѣній оно какъ бы соблазняетъ невѣжественное населеніе къ переселенію. Тутъ высказывалось даже нѣкоторое предположеніе, что правительство это дѣлаетъ съ коварными замыслами—отвлечь крестьянское населеніе отъ сосѣднихъ помѣщичьихъ земель,

Всѣ эти заявленія дѣлались здѣсь въ большинствѣ случаевъ голословно, безъ указанія на то, на чемъ такое убѣжденіе даннаго оратора основано. Болѣе опредѣленно въ этомъ отношеніи высказался депутатъ Алексинскій. Онъ прямо сказалъ, что вотъ, молъ, есть такой, громаднаго размѣра, плакатъ переселенческаго управленія, и что этотъ плакатъ способенъ съ ума свести все крестьянское населеніе, и что населеніе это подымается и идетъ въ Сибирь, гдѣ испытываетъ всевозможныя невзгоды. Депутатъ Алексинскій, къ сожалѣнію, не призналъ возможнымъ посвятить своихъ слушателей въ содержаніе этого плаката. Этотъ пробѣлъ я позволю себѣ въ нѣкоторой степени восполнить. Было сказано, что на этомъ дѣйствительно громадномъ плакатѣ, громаднымъ шрифтомъ, написано: «Свободное переселеніе на казенныя земли Азіатской Россіи», что одно это заглавіе представляетъ изъ себя извѣстнаго рода соблазнъ. Я долженъ сказать, что на большомъ плакатѣ, конечно, и заглавіе должно быть напечатано большимъ шрифтомъ, и что за симъ ввѣренное мнѣ вѣдомство не могло измыслить другого наименованія или другого заглавія, какъ то, которое здѣсь написано. Въ силу дѣйствующаго закона 6 іюня 1904 г., переселеніе въ Сибирь есть свободное переселеніе, и этимъ оно отличается въ настоящей постановкѣ отъ той, въ которой оно находилось ранѣе. До закона 1904 г. для того, чтобы получить право на переселеніе, надо было его испросить путемъ длинной процедуры хожденія черезъ земскаго начальника въ уѣздный съѣздъ и до губернскаго присутствія. Этотъ порядокъ въ данное время устраненъ:—русскій крестьянинъ-земледѣлецъ имѣетъ право переселяться въ Сибирь, когда онъ этого не желаетъ, имѣетъ право получать при этомъ извѣстныя льготы и пособія. Въ порядкѣ законодательномъ, конечно, въ данное время отмѣна этого права, если это было даже признано желательнымъ, можетъ возникнуть не по инициативѣ правительства, а по инициативѣ только законодательныхъ учрежденій. Пойдемъ далѣе. Что же въ этомъ инкриминируемомъ плакатѣ говорится? Въ немъ говорится слѣдующее,—я буду читать только то, что написано въ немъ особо жирнымъ шрифтомъ и что составляетъ собою экстрактъ изъ всѣхъ

тѣхъ изданій, которыя переселенческое управленіе до сихъ поръ выпустило въ народъ въ громадномъ числѣ экземпляровъ. Въ немъ говорится: «Помощь правительства оказывается только тѣмъ, кто прежде, чѣмъ двинуться съ семьей въ новыя мѣста, пріищетъ землю для переселенія.

Прежде, чѣмъ рѣшаться на переселеніе и ѣхать искать новыхъ мѣстъ или посылать за Уралъ ходоковъ, надо хорошо обдумать это дѣло.

Переселеніе—самое трудное и даже рискованное средство улучшить свое положеніе.

Переселеніе требуетъ отъ хозяина напряженія всѣхъ силъ, рѣшимости перенести въ первые годы не мало труда, огорченій и неблагопріятныхъ случайностей,—оно не всегда и не всякой семьѣ удается. Устроиться на новыхъ мѣстахъ слабому хозяину не легко. Даже пріискать для переселенія землю человѣку темному, небывалому или нерѣшительному затруднительно. Сосчитано, что хотя въ нѣкоторые годы устраиваются въ Сибири до 150.000 душъ, однако на каждыя 100 душъ около 15 вынуждены возвращаться на родину. Изъ ходоковъ же, проходящихъ за Уралъ десятками тысячъ (въ 1906 г.—77.000 человѣкъ), не малая часть возвращается, не выбравъ себѣ подходящей земли. Многимъ не удастся, вѣроятно, выбрать себѣ земли и въ нынѣшнемъ 1907 году, хотя предположено заготовить нынче вновь участокъ на 200.000 душъ (около $2^1/_2$ милліоновъ десятинъ). Готовыхъ пахотныхъ и сѣнокосныхъ земель мало. Повсемѣстно требуется разработка лѣса и залежей. Вотъ почему правительство никого не приглашаетъ переселяться, а заботится только о томъ, чтобы оказать возможную помощь рѣшающимся на это трудное дѣло, и чтобы всѣмъ были извѣстны порядокъ переселенія и льготы, предоставляемыя переселенцамъ.

Всѣ ходоки и переселенцы предупреждаются, что перевозка ихъ будетъ производиться, по недостатку классныхъ вагоновъ, въ товарныхъ вагонахъ, приспособленныхъ для войскъ, что продовольствовать себя и свои семьи въ пути они должны на собственный счетъ, и помощь на пропитаніе оказывается лишь больнымъ и дѣтямъ, и

что расходы на поѣздки къ участкамъ отъ желѣзной дороги колеснымъ путемъ и на пароходахъ относятся полностью на ихъ собственныя средства».

Вотъ, господа, то, что очень часто ставится какъ обвиненіе или какъ доказательство того, что правительство въ силу извѣстной аграрной политики заманиваетъ на переселеніе. Я умышленно говорю, что я считаю подобное заявленіе обвиненіемъ, потому что, не отвергая громаднаго значенія, которое суждено сыграть въ дѣлѣ разрѣшенія нынѣшней аграрной эволюціи переселенію, я говорю, что въ современномъ положеніи этого дѣла правительство не въ силахъ справиться даже съ тѣмъ движеніемъ, которое естественно возникаетъ, и не только не озабочено созданіемъ какихъ-либо соблазновъ для его усиленія, но, напротивъ того, вынуждено принимать мѣры лишь къ тому, чтобы направить это движеніе въ русло планомѣрности. Мы, дѣйствительно, пропагандируемъ, но мы пропагандируемъ здравыя понятія о трудности переселенія. Мы пропагандируемъ правильные пріемы этого переселенія, но отнюдь не считаемъ возможнымъ задаваться цѣлью какого-нибудь искусственнаго его усиленія. Движеніе это идетъ естественной волной и въ высказываемыхъ теперь мысляхъ о необходимости умѣрить, предупредить, запретить это движеніе слышатся какіе-то отзвуки прошлаго. Въ недавнемъ прошломъ эти попытки были, но онѣ исходили въ то время изъ нѣдръ бюрократіи, нынѣ же онѣ исходятъ изъ другой среды. Были періоды, когда переселенію особенно покровительствовали, но были и періоды прямого запрещенія и затрудненій въ дѣлѣ переселенія. Особенное вліяніе на размѣръ переселенія всѣ эти мѣры никогда не имѣли. Переселеніе вслѣдствіе такихъ мѣропріятій только измѣняло свой характеръ. Взамѣнъ переселенія по установленнымъ образцамъ шло такъ-называемое самовольное переселеніе. Когда людей не сажали въ вагоны, они со своимъ скарбомъ въ скрипучихъ телѣгахъ тянулись вдоль того же полотна желѣзной дороги и прибывали на мѣста. И вотъ, когда послѣ этого переселенческія организаціи открывали новыя мѣста и раіоны для переселенія, то тамъ обрѣтались неизвѣстно откуда и какъ возникшіе цѣлые поселки съ каменными

домами, церквами и школами. Осуществить запрещеніе или какое-нибудь сокращеніе естественнаго движенія русскихъ людей на востокъ возможно только созданіемъ какихъ-либо заставъ, баррикадъ, шлагбаумовъ, примѣненіемъ силы. Безъ этого, мнѣ кажется, положить предѣлъ этому движенію невозможно—оно длится уже 300 лѣтъ. Смѣшно говорить о томъ, что теперешніе администраторы или администраторы недавняго прошлаго измыслили это переселеніе, какъ нѣчто спасительное въ дѣлѣ аграрной реформы. Измыслилъ это переселеніе 300 лѣтъ тому назадъ казакъ Ермакъ Тимофеевичъ. Онъ проложилъ через Уралъ тропу, которую нынѣ русскій народъ разработалъ въ великій Сибирскій путь, и по этому пути онъ шелъ, идетъ и будетъ идти, несмотря на всѣ тѣ мѣропріятія, которыя могутъ быть измышлены для того, чтобы прекратить это движеніе. *(Аплодисменты справа)*.

57. Товарищъ министра торговли и промышленности Остроградскій.

Позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ въ защиту предположеній министерства торговли и промышленности о назначеніи пособія журналу „Художественныя Сокровища Россіи“. Противъ этого въ докладѣ бюджетной комиссіи приводится, что журналъ, по малому числу подписчиковъ и недостаточной распространенности, не можетъ почитаться пособіемъ для нашей художественной промышленности и служитъ преимущественно достояніемъ немногихъ состоятельныхъ лицъ. Правда, подобнаго рода предпріятія у насъ туго идутъ, и журналъ насчитываетъ въ настоящее время не болѣе того числа подписчиковъ, которое здѣсь указывалось—около 550. Но не говоря о томъ, что на это обстоятельство сильно повліяли тѣ тяжелыя времена, которыя въ послѣднее время мы переживали, и которыя далеко не способствуютъ распространенію художественныхъ изданій, надо замѣтить, что въ числѣ этихъ пятисотъ съ чѣмъ-то подписчиковъ насчитывается около ста учебныхъ заведе-

ній общеобразовательныхъ и профессіональныхъ, а такое число учебныхъ заведеній даетъ уже не одну сотню и не одну тысячу читателей и, вообще, лицъ, пользующихся изданіемъ. Сдѣланный бюджетной комиссіей подсчотъ, будто на одинъ экземпляръ субсидія падаетъ въ размѣрѣ 20 р., объясняется нѣкоторымъ недоразумѣніемъ, потому что изданіе продолжаетъ печататься въ числѣ 2,000 экземпляровъ и неразобранныя по подпискѣ коллекціи распродаются постепенно и служатъ однимъ изъ лучшихъ предметовъ для обзаведенія вновь нарождающихся школъ художественно-промышленнаго типа, библіотекъ и т. п. За невозможноттью широко пользоваться самими памятниками искусства нѣтъ лучшаго пособія для распространенія вкуса и познаній въ области прикладного искусства, какъ точныя фотографическія воспроизведенія съ подлинниковъ, и въ этомъ заключается задача разсматриваемаго изданія—дать эти образцы, эти плодотворные источники искусства въ руки каждаго, нуждающагося въ нихъ, преимущественно же, конечно, художникамъ-спеціалистамъ и преподавательскому персоналу. Подобнаго рода изданіе очень дешево стоить не можетъ, но для того, чтобы сдѣлать его болѣе доступнымъ, чтобы сдѣлать его въ полномъ смыслѣ слова популярнымъ, по моимъ свѣдѣніямъ издатель разработалъ довольно удачный планъ—воспользоваться накопленнымъ и впредь накопляемымъ періодическимъ изданіемъ, матеріаломъ гравированныхъ досокъ и клише для того, чтобы въ большомъ числѣ распространять летучіе листки, которые по ничтожной цѣнѣ могъ бы пріобрѣтать каждый мастеръ, ремесленникъ, каждый кустарь, словомъ, каждое лицо, нуждающееся въ отдѣльномъ рисункѣ. И, дѣйствительно, такимъ путемъ журналъ глубже и шире проникнетъ въ ту среду, для которой онъ предназначенъ. Не лишайте же наше едва нарождающееся художественно-промышленное образованіе этого единственнаго въ своемъ родѣ и цѣннаго пособія.

58. Министръ юстиціи.

Амнистія, обсужденія которой въ законодательномъ порядкѣ домогаются 88 членовъ Думы, составляетъ одну изъ тѣхъ формъ, въ которыхъ осуществляется помилованіе. Послѣднее, какъ извѣстно, распадается на помилованіе индивидуальное, даруемое опредѣленнымъ лицамъ, совершившимъ преступное дѣяніе, и на помилованіе групповое, именуемое, обыкновенно, амнистіей, покрывающее милосердіемъ и забвеніемъ цѣлыя категоріи лицъ, учинившихъ тѣ или другія преступныя посягательства. Въ нашемъ отечественномъ правѣ оба вида помилованія составляютъ исконную прерогативу русскихъ монарховъ. На основаніи ст. 23 основныхъ государственныхъ законовъ, Государю Императору принадлежитъ: во первыхъ, помилованіе осужденныхъ и смягченіе наказаній и, во вторыхъ, общее прощеніе совершившихъ преступныя дѣянія, съ прекращеніемъ судебнаго преслѣдованія противъ нихъ и освобожденіемъ ихъ отъ суда и наказанія.

Указанная прерогатива, отнесенная основными законами къ самому существу Верховной Самодержавной власти, что явствуетъ изъ заголовка главы I основныхъ законовъ, въ которой помѣщена статья 23,—осуществляется Государемъ Императоромъ *единолично*.

Въ виду этого, правительство заявляетъ Государственной Думѣ, что законопроектъ объ амнистіи, по силѣ основныхъ государственныхъ законовъ, ея обсужденію не подлежитъ. *(Аплодисменты справа)*. Права Верховной Самодержавной властя священны для всякаго русскаго и незыблемы. *(Аплодисменты справа)*. Какое бы то ни было прикосновеніе къ нимъ совершенно недопустимо. *(Громкіе аплодисменты справа)*.

59. Министръ юстиціи.

Въ виду сдѣланнаго только что сошедшимъ съ трибуны ораторомъ указанія на то, что вносимый законопроектъ касается не только вопроса о помилованіи осужденныхъ судебными приговорами, но и о сложеніи взысканій, которыя послѣдовали въ административномъ порядкѣ, и что по этому поводу министромъ юстиціи не указана прерогатива Монарха, я къ сказанному считаю необходимымъ добавить прочтеніе статьи 10 основныхъ государственныхъ законовъ: Статья эта гласитъ: „Власть управленія во всемъ ея объемѣ принадлежитъ Государю Императору въ предѣлахъ всего Россійскаго государства“. Власть управленія отправляется Государемъ Императоромъ безъ содѣйствія Государственной Думы, которая призывается только для участія въ дѣятельности законодательной.

60. Министръ юстиціи.

Преобразованіе мѣстнаго суда составляетъ, по убѣжденію правительства, краеугольный камень въ дѣлѣ правильной постановки началъ правового уклада государства. Доказывать передъ вами всю настоятельность и неотложность этого преобразованія считаю совершенно излишнимъ; сошлюсь только на существующую пестроту и безсистемность нашего мѣстнаго суда. Отправляется онъ разнообразнѣйшими установленіями, которыя, съ чрезвычайно дробными правилами о подсудности, дѣлаютъ доступъ къ суду обывателя въ высшей степени затруднительнымъ. Безсословность, являющаяся основнымъ началомъ правильнаго построенія суда, отсутствуетъ во многихъ формахъ нашей мѣстной юстиціи. Внесенный на ваше усмотрѣніе, господа члены Государственной Думы, проектъ мини-

стерства юстиціи замѣняетъ существующее многообразіе мѣстныхъ судовъ единымъ судомъ — мировымъ, комплектуемымъ на выборномъ началѣ. Принимая этотъ типъ мѣстнаго суда, проектъ возвращается въ области мѣстной юстиціи къ основнымъ началамъ судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. Судъ мировой съ первыхъ же шаговъ введенія судебной реформы 1864 г. сталъ въ высшей степени популярнымъ. Сокращенное названіе «мировой» получило въ народѣ широкое распространеніе. Съ этимъ словомъ народъ всегда связывалъ представленіе о правдѣ и справедливости, составляющихъ истинное назначеніе суда и вмѣстѣ съ тѣмъ лучшее его украшеніе. «Пойду къ мировому» —это были грозныя слова, передъ которыми нерѣдко умолкали самые упорные нарушители мира и спокойствія. Принимая выборное начало для пополненія мировыхъ судей, проектъ стремится обезпечить мѣстнымъ судьямъ довѣріе общества, которое особенно необходимо тому, кто призывается къ разбору повседневныхъ споровъ и столкновеній мѣстнаго населенія. Поставивъ въ вершину угла предпринимаемой реформы основныя положенія судебныхъ уставовъ 1864 г., проектъ не могъ не считаться съ богатыми указаніями опыта и наблюденій въ области дѣятельности мировой юстиціи, свидѣтельствующими о необходимости приведенія ея въ возможно большее соотвѣтствіе съ трезвыми и подчасъ неумолимыми требованіями жизни. Прежде всего, мировой судъ въ будущей его постановкѣ долженъ поглотить сословный волостной судъ. Распространяться о недостаткахъ этого суда не приходится. Состоя изъ людей, недостаточно развитыхъ, нерѣдко малограмотныхъ и къ тому же лишенныхъ въ своей дѣятельности всякой самостоятельности, волостной судъ, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ, не отвѣчаетъ своему назначенію—быть проводникомъ въ сельской жизни началъ права и законности. Предлагаемое поглощеніе мировымъ судомъ суда волостного составляетъ необходимѣйшій этапъ въ дѣлѣ проведенія въ жизнь судебныхъ уставовъ 1864 г. При начертаніи основныхъ положеній судебной реформы 29 сентября 1862 г., признавшей необходимость единства суда и равенства всѣхъ передъ судомъ, относительно крестьянскихъ судовъ, построен-

ныхъ на сословномъ началѣ, имѣлось въ виду, что, по недавнему введенію въ дѣйствіе этихъ судовъ, нельзя еще судить о тѣхъ измѣненіяхъ и преобразованіяхъ, которыя могутъ со временемъ потребоваться для окончательнаго ихъ устройства. Полагаю, что въ настоящее время, когда дѣятельность волостныхъ судовъ, расширенныхъ даже въ своей компентенціи 12 іюля 1889 г., обнаружила существеннѣйшіе недостатки, не можетъ уже быть серьезныхъ споровъ по вопросу о замѣнѣ ихъ мировымъ судомъ. Единственное достойное вниманія соображеніе, которое могло бы быть приведено въ защиту волостного суда—невозможность распространенія писаннаго закона на нѣкоторыя области правовыхъ отношеній крестьянъ—отпадаетъ въ виду предполагаемаго предоставленія мировымъ судьямъ руководствоваться въ этихъ областяхъ обычаемъ. Слѣдующее отступленіе отъ основныхъ положеній судебныхъ уставовъ въ проектѣ заключается въ увеличеніи срока, на который будутъ избираться мировые судьи — съ трехъ на шесть лѣтъ. Предположеніе это, нашедшее себѣ не мало сторонниковъ въ средѣ думской комиссіи, основано на указаніяхъ опыта. Практическое неудобство трехлѣтняго срока выборовъ въ мировые судьи предусматривалось еще при обсужденіи судебной реформы 1864 г. въ Государственномъ Совѣтѣ, а именно: въ ту пору уже имѣлось въ виду, что краткость выборнаго срока можетъ быть поводомъ къ различнымъ неудобттвамъ, и что, между прочимъ, на этомъ основаніи могутъ, по случающимся нерѣдко на выборахъ дѣйствіямъ партій, быть устраняемы люди, вполнѣ достойные и уже пріобрѣвшіе опытность въ трудныхъ занятіяхъ мировыхъ судей. Поэтому Государственный Совѣтъ положилъ: сохранивъ въ учрежденіи судебныхъ установленій правило о трехлѣтнемъ срокѣ выборовъ въ мировые судьи, какъ согласное съ основнымъ положеніемъ 1862 г., предоставить министру юстиціи сообразить: не слѣдуетъ ли увеличить этотъ срокъ. Многочисленныя данныя, собранныя министерствомъ юстиціи, свидѣтельствуютъ о томъ, что въ теченіе 3 лѣтъ мировой судья, по своему образовательному цензу, часто неподготовленный въ достаточной степени къ судебной дѣятельности, только

успѣваетъ пріобрѣсти извѣстную степень опытности и навыкъ въ практическомъ примѣненіи закона, а равнымъ образомъ, свыкнуться съ разнообразіемъ жизни и ея особенностями, да и само населеніе только успѣваетъ въ теченіе трехлѣтняго срока привыкнуть къ практическимъ пріемамъ судьи. Съ другой стороны, къ концу срока службы почти у каждаго мирового судьи является невольно возбужденное состояніе—забота объ обезпеченіи за собою успѣха при новыхъ выборахъ или, при незначительности надеждъ въ этомъ отношеніи, о пріисканіи себѣ другой, обезпечивающей его службы. Все это въ своей совокупности весьма неблагопріятно вліяетъ на существо и справедливость постановляемыхъ мировыми судьями рѣшеній. Равнымъ образомъ, и дѣлопроизводство мировыхъ судей немало страдаетъ отъ того, что черезъ краткій промежутокъ времени приходится сдавать должность судьей уходящимъ судьѣ, который удостоился быть вновь избраннымъ. Наконецъ, при болѣе продолжительномъ срокѣ выборной службы, дѣлающимъ положеніе мирового судьи болѣе обезпеченнымъ, несомнѣнно будетъ гораздо легче привлечь въ мировые судьи достойныхъ людей, а также будетъ гарантироваться и болѣе строгое отношеніе выборщиковъ къ самому избираемому. По этимъ соображеніямъ, думается мнѣ, желательно увеличить срокъ службы въ должности мирового судьи до шести лѣтъ. За удлиненіе этого срока въ видахъ ослабленія зависимости мировыхъ судей отъ избирателей высказалось, между прочимъ, и образованное въ 1903 г. особое совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. По поводу соображенія, которое приводится думской комиссіей въ пользу сохраненія трехлѣтняго срока выборовъ мировыхъ судей, я считаю нужнымъ высказать, что если болѣе краткій срокъ выборовъ обезпечиваетъ возможность скорѣйшаго исправленія ошибки избранія, то при болѣе продолжительномъ срокѣ возможно ожидать болѣе внимательнаго отношенія къ выборамъ со стороны избирателей, чѣмъ, несомнѣнно, самыя ошибки будутъ сведены къ ничтожному числу. Далѣе, я очень сомнѣваюсь въ основательности высказанныхъ въ думской комиссіи надеждъ, что если выборный судъ будетъ по-

ставленъ на болѣе демократическихъ началахъ, то онъ не будетъ происходить подъ исключительнымъ классовымъ вліяніемъ. Если нынѣ выборы отъ земствъ мировыхъ судей отличаются преобладающимъ вліяніемъ дворянско-землевладѣльческихъ классовъ, то въ будущемъ выборы мировыхъ судей могутъ оказаться почти всецѣло въ рукахъ какихъ-либо другихъ, менѣе культурныхъ классовъ. По приведеннымъ соображеніямъ я настаиваю на продленіи срока выборныхъ мировыхъ судей до 6 лѣтъ, усматривая въ этомъ залогъ независимости и самостоятельности будущихъ судей.

Далѣе, въ проектѣ, по сравненію съ судебными уставами 1864 года, нѣсколько смягченъ имущественный цензъ въ качествѣ условія, требуемаго для занятія должности мирового судьи. Цензъ этотъ былъ введенъ судебными уставами въ видахъ обезпеченія возможной независимости выборныхъ судей, по существу своему не могущихъ пользоваться полной несмѣняемостью, въ виду срочности выборной службы, и вынужденныхъ входить со многими лицами въ непрестанныя сношенія, при которыхъ человѣку, близкому къ нуждѣ, было бы трудно устоять противъ разнаго рода вліяній или давленій. Едва ли значеніе этихъ доводовъ можетъ считаться безусловно поколебленнымъ тѣми соображеніями, которыя были приведены противъ имущественнаго ценза въ думской комиссіи. Можно согласиться до извѣстной степени развѣ съ тѣмъ, что установленіе для мѣстныхъ судей имущественнаго ценза является значительнымъ тормазомъ для притока на мѣста, въ составъ мѣстныхъ судей, людей съ высшимъ юридическимъ образованіемъ, не обладающихъ имущественнымъ цензомъ, между тѣмъ, какъ приливъ образованныхъ юристовъ, конечно, необходимъ, особенно въ глухіе углы провинціи. Поэтому возможно было бы допустить вообще избраніе въ мировые судьи лицъ, не обладающихъ имущественнымъ цензомъ, но получившихъ высшее юридическое образованіе. О такихъ лицахъ, пожалуй, можно еще говорить, что они «независимы по другимъ, кромѣ матеріальнаго благосостоянія, свойствамъ своего положенія и характера», но врядъ ли это будетъ справедливо въ отношеніи всѣхъ людей, какъ то полагаетъ большинство членовъ дум-

ской комиссіи. Для лицъ, не получившихъ спеціальнаго высшаго образованія относительная матеріальная обезпеченность, какъ это указывалось и составителями судебныхъ уставовъ, представляется однимъ изъ наиболѣе надежныхъ залоговъ независимости. Само собой разумѣется, что, согласно правильному замѣчанію комиссіи, владѣніе недвижимостью, на которой числятся ипотечные долги, понижаетъ значеніе имущественнаго ценза, и сверхъ того, вообще, это владѣніе сопряжено бываетъ съ извѣстною зависимостью владѣльца отъ мѣстнаго экономическаго и соціальнаго теченія въ области землевладѣнія и соотношенія труда и капитала. Но вѣдь отсюда вовсе же не слѣдуетъ, что въ общемъ судебная независимость лицъ, обладающихъ имущественнымъ цензомъ, при указанныхъ условіяхъ, была бы меньше по сравненію съ лицами, никакого ценза не имѣющими. Нельзя отрицать и того, что на практикѣ бывали случаи покупки кандидатами въ мировые судьи, такъ называемыхъ, цензовыхъ десятинъ — болотъ и иной неудобной земли въ нужномъ количествѣ. Но возможность такого рода злоупотребленій я не считаю достаточнымъ доводомъ для устраненія правилъ объ имущественномъ цензѣ, а полагаю, что всѣ эти указанія думской комиссіи свидѣтельствуютъ только о необходимости составить такія постановленія, которыя усовершенствовали бы нѣсколько постановку имущественнаго ценза въ законѣ. Совершенно справедливо указаніе комиссіи, что вводимое проектомъ министерства юстиціи новое основаніе ценза—уплата квартирнаго налога—является лишь показателемъ извѣстной состоятельности лица, но не обусловливаетъ собою ни знанія мѣстныхъ условій, ни продолжительнаго пребыванія лица въ данной мѣстности, причемъ и тутъ возможенъ обходъ законовъ. Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что ни судебные уставы, ни проектъ министерства юстиціи совершенно не придаютъ значенія имущественному цензу, какъ показателю связи лица съ мѣстностью, и усматриваютъ въ этомъ цензѣ, именно, наглядный признакъ извѣстной состоятельности лица, для чего въ дѣйствительности можетъ служить, между прочимъ, уплата квартирнаго налога. Наконецъ, соображенія думской комиссіи о томъ, что благодаря имуществен-

ному цензу въ мировые судьи могутъ выдвинуться по преимуществу землевладѣльцы изъ дворянъ, т.-е. лица извѣстнаго сословнаго класса, поставленныя въ тѣсную зависимость и органическую связь съ классовыми интересами и принципами своего сословія, между тѣмъ какъ мѣстный судъ долженъ быть совершенно свободенъ отъ сословныхъ и узко-партійныхъ взглядовъ,—также совершенно неубѣдительны. Выборные мировые судьи, бывшіе по преимуществу изъ дворянъ, пользовались довѣріемъ общества, и, сверхъ того, дворяне являются несомнѣнно, въ общемъ наиболѣе культурнымъ классомъ и потому, быть можетъ, даже болѣе другихъ свободными отъ сословныхъ и отъ узко-партійныхъ взглядовъ (*смѣхъ*), которые совершенно нетерпимы въ судѣ. Съ другой стороны, дворянское землевладѣніе, какъ общеизвѣстно, все болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто землевладѣнію не дворянскому. Характерно, что сама комиссія въ данномъ вопросѣ не чужда классовой точки зрѣнія. По ея словамъ „не лишено значенія то соображеніе, что имущественный цензъ можетъ лишить новый институтъ мѣстнаго суда довѣрія въ глазахъ бѣднаго, трудового класса, относящагося съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ и недовѣріемъ къ людямъ имущественно обезпеченнымъ». Такимъ образомъ, комиссія, отдавая дань, какъ она говоритъ, вѣянію современной жизни, находитъ нужнымъ охранять въ дѣлѣ выборовъ на судейскія должности, требующія, прежде всего, безпристрастія и независимости, даже предубѣжденія бѣдныхъ трудящихся классовъ. Въ виду всего мною сказаннаго представляется желательнымъ сохранить имущественный цензъ для мировыхъ судей, не обладающихъ высшимъ юридическимъ образованіемъ. Идя навстрѣчу желаніямъ комиссіи, можно было бы ограничиться въ данномъ случаѣ половиннымъ цензомъ по сравненію съ предусмотрѣннымъ судебными уставами, т.-е. тѣмъ, который былъ проектированъ министерствомъ юстиціи для лицъ съ высшимъ образованіемъ, при томъ даже безъ предположеннаго повышенія для городовъ. Соотвѣтственно съ этимъ надлежало бы опредѣлить имущественный цензъ для мировыхъ судей, не получившихъ высшаго юридическаго образованія: во-первыхъ, или владѣніемъ землей

въ количествѣ ординарнаго земскаго ценза, или другимъ недвижимымъ имуществомъ, цѣной не менѣе 7.500 р., а въ городахъ—недвижимой собственностью, цѣною въ столицахъ не менѣе 3.000 и въ прочихъ городахъ не менѣе 1.500, и во-вторыхъ, уплатой въ предѣлахъ городского поселенія государственнаго квартирнаго налога, начиная съ десятаго разряда и выше, т.-е, въ размѣрѣ налога въ минимальномъ размѣрѣ отъ 16—45 р. Въ отступленіе отъ судебныхъ уставовъ 1864 г., проектъ министерства юстиціи, стремясь всемѣрно къ обезпеченію пополненія мировыхъ судей лицами съ высшимъ юридическимъ образованіемъ и допуская для этихъ лицъ даже пониженіе 25-лѣтняго возраста, допускаетъ, въ видѣ исключенія: избраніе въ мировые судьи лицъ, не имѣющихъ высшаго юридическаго образованія, при непремѣнномъ однако условіи, чтобы эти лица прослужили не менѣе трехъ лѣтъ въ такихъ должностяхъ, при исполненіи которыхъ они могли бы пріобрѣсти практическія познанія въ производствѣ судебныхъ дѣлъ, или оказались, по испытаніи познаній, въ установленномъ министромъ юстиціи порядкѣ, достаточно подготовленными для самостоятельной судейской должности. Большинствомъ думской комиссіи служебный стажъ или выдержаніе испытанія для лицъ со среднимъ образованіемъ отвергнуты. Комиссія исходила изъ тѣхъ соображеній, что для мировыхъ судей важно не столько знаніе законовъ, легко пріобрѣтаемое, какъ говоритъ комиссія, сколько умѣніе примѣнять ихъ, достигаемое надлежащей образовательной дисциплиной, и что установленіе познаній непосредственно экзаменомъ или судебнымъ стажемъ не даетъ надлежащей гарантіи. Въ частности, выраженіе проекта «состояніе въ соотвѣтствующихъ должностяхъ», по мнѣнію комиссіи, слишкомъ неопредѣленно и растяжимо, а предполагаемый экзаменъ, по заключенію комиссіи, легко можетъ превратиться въ одну фикцію или въ простую формальность. Съ этими соображеніями едва ли возможно согласиться. Съ точки зрѣнія общегосударственной совершенно необходимо дать такую постановку должностямъ мировыхъ судей, къ вѣдѣнію которыхъ (я просилъ бы господъ членовъ Государственной Думы обратить серьезное вниманіе

на это) предполагается отнести чрезвычайно широкій кругъ дѣлъ, чтобы умѣніе рѣшать судебныя дѣла было обезпечено въ законѣ самымъ положительнымъ образомъ. Никакое выраженіе довѣрія со стороны населенія, хотя бы въ видѣ единогласнаго избранія, а не только выбора двумя третями голосовъ избирателей, какъ полагаетъ думская комиссія, не можетъ, очевидно, служить достаточной гарантіей, такъ какъ избирательныя собранія, само собой разумѣется, совершенно не компетентны въ подобныхъ вопросахъ. Образовательный цензъ можетъ быть показателемъ надлежащихъ качествъ кандидатовъ въ судьи, очевидно, только при томъ единственномъ условіи, когда этотъ цензъ состоитъ въ полученіи высшаго юридическаго образованія. Образовательной дисциплины, достигаемой окончаніемъ курса средней школы, очевидно, будетъ совершенно недостаточно. При составленіи проекта министерствомъ юстиціи предусматривалась возможность нѣкоторыхъ нареканій на неопредѣленную постановку въ проектѣ вопроса о служебномъ стажѣ, но я просилъ бы не упускать изъ вида, что въ законѣ нынѣ опредѣляется такимъ же образомъ стажъ для мировыхъ судей по ст. 19 учр. суд. уст., причемъ стажъ этотъ уже получилъ руководящее разъясненіе правительствующаго сената. Наконецъ, едва ли правильно комиссія отрицаетъ благотворное значеніе испытаній на должность мирового судьи. Необходимо только, по моему мнѣнію, этимъ испытаніямъ дать надлежащую постановку, что и составило бы одну изъ весьма серьезныхъ задачъ министерства юстиціи. Въ настоящее время экзамены при судебныхъ мѣстахъ производятся для испытанія желающихъ получить мѣста старшихъ кандидатовъ на судебныя должности или права частныхъ повѣренныхъ, а также для должностей судебнаго пристава или нотаріуса. Указанія и свѣдѣнія, которыя поступаютъ отъ нашихъ судебныхъ дѣятелей, отнюдь не свидѣтельствуютъ о томъ, что существующіе экзамены желательно отмѣнить. Указанія имѣются только въ томъ направленіи, что экзамены эти необходимо урегулировать. Развѣ изъ того, что экзамены являются, какъ говоритъ комиссія, только одной формальностью, слѣдуетъ, что нужно ими пожертвовать? Скажу проще,

если въ школахъ не учатся, то развѣ правильно было бы дѣлать выводъ, что учиться вообще не слѣдуетъ? Поэтому представляется весьма желательнымъ сохранить для лицъ, желающихъ получить должность мирового судьи и не имѣющихъ высшаго юридическаго образованія, проектируемое министерствомъ юстиціи требованіе судебнаго стажа, или выдержанія надлежащаго испытанія. Иначе мировой судъ пополнится при существующемъ недостаткѣ лицъ, получившихъ высшее образованіе, совершенно невѣжественными судьями, только что сошедшими съ гимназической скамьи.

Слѣдующимъ весьма важнымъ отличіемъ проекта отъ судебныхъ уставовъ 1864 г. является расширеніе подсудности мировыхъ судей; приближеніе суда къ населенію составляетъ, безъ сомнѣнія, одну изъ насущнѣйхъ потребностей и можетъ быть достигнуто при нашей пространственной шири и малой населенности только расширеніемъ подсудности мировыхъ судей. Въ доказательство шири и малой населенности сошлюсь на цифры: во Франціи на 1 кв. версту приходится 78 человѣкъ населенія, въ Пруссіи эта цифра еще больше, доходя до 100, а у насъ въ Россіи эта цифра сводится всего только къ 7. Соглашаясь на расширеніе подсудности мировыхъ судей, думская комиссія отвергаетъ, однако другую, проектированную министерствомъ юстиціи мѣру, отступающую также отъ судебныхъ уставовъ 1864 г., но органически связанную съ первой, а именно, привлеченіе въ апелляціонную инстанцію для дѣлъ, разсматриваемыхъ мировыми судьями, въ качествѣ ея предсѣдателя, судьи, назначеннаго отъ правительства и принадлежащаго къ составу подлежащаго окружного суда. Думская комиссія основывалась на томъ, что апелляціонная инстанція должна быть органически однородной съ первой инстанціей для того, чтобы она исходила изъ тѣхъ же началъ, которыми при рѣшеніи дѣла руководствуется первая инстанція, чѣмъ и создается извѣстная судебная традиція. Съ этой точки зрѣнія, по мнѣнію комиссіи, нежелательно введеніе въ апелляціонную инстанцію мѣстнаго суда элемента, неоднороднаго съ мѣстными судьями, какимъ является членъ окружного суда

воспитанный, какъ удостовѣряютъ комиссія, на началахъ состязательнаго процесса которые въ мѣстномъ судѣ не должны примѣняться со всей строгостью. При этомъ комиссія обратила вниманіе на то, что мировые судьи должны будутъ по дѣламъ крестьянскимъ руководствоваться обычаемъ. Въ сегодняшнемъ засѣданіи докладчикъ думской комиссіи останавливался, между прочимъ, подробно на вопросѣ о будущей апелляціонной инстанціи для мировыхъ судей и, желая особенно наглядно доказать мысль о томъ, что неоднородность въ устройствѣ апелляціонной инстанціи и самаго суда первой степени можетъ причинить серьезный вредъ, кратко формулировали это положеніе словами: „это будутъ два разныхъ права". Я не знаю, съ какихъ поръ, когда говорятъ о разныхъ лицахъ, то говорятъ о разномъ правѣ? Я всегда считалъ, что право есть объективировавшаяся, извѣстная нормировка, которой должны подчиняться отдѣльныя лица. Но я совершенно понимаю докладчика. Когда нужно опровергнуть мысль о какомъ бы то ни было правительственномъ прикосновеніи къ суду выборному, тогда приходится прибѣгать къ соображенію о томъ, что гдѣ есть два человѣка, тамъ, будто-бы есть два права. Такой двойственности права, очевидно, не существуетъ. Я надѣюсь, что докладчикъ на этомъ своемъ положеніи настаивать не будетъ. Приведенный въ объяснительной запискѣ министерства юстиціи упрекъ мировымъ съѣздамъ въ томъ, что въ нихъ существовало иногда проявленіе товарищескаго послабленія и угодливости по отношенію другъ къ другу, комиссія считаетъ преувеличеннымъ и полагаетъ, что подобные случаи бывали развѣ въ качествѣ исключеній, и что подобное нарушеніе не можетъ принять характера кумовства между членами выборной коллегіи, такъ какъ надъ выборными мѣстными судьями существуетъ контроль власти общественнаго мнѣнія и товарищескаго суда.

Затѣмъ, соображенія министерства юстиціи о необходимости надзора за мировымъ судомъ думская комиссія объявляетъ только привходящими и потому не могущими имѣть серьезнаго значенія

для вопроса о правильной постановкѣ апелляціонной инстанціи. Главная мысль, которая положена въ основу предлагаемой министерствомъ юстиціи и всецѣло мною поддерживаемой мѣры, состоитъ въ томъ, чтобы при сохраненіи тѣсной связи съ первой инстанціей—мѣстнымъ судомъ—организація второй инстанціи была направлена къ объединенію мировыхъ судебныхъ учрежденій съ общими, установленію надъ первыми авторитетнаго и бдительнаго надзора и возможному смягченію проявлявшагося въ практикѣ мировыхъ съѣздовъ въ крайней рѣзкой формѣ начало товарищескаго суда. Потребность такого упорядоченія устройства апелляціонной инстанціи мѣстнаго суда безусловно необходима въ виду предположеннаго значительнаго расширенія круга подвѣдомственныхъ ему дѣлъ. Въ этомъ вопросѣ министерство юстиціи исходитъ не изъ какихъ-либо теоретическихъ соображеній, а руководствуется многочисленнѣйшими указаніями опыта, исходящими отъ выдающихся судебныхъ дѣятелей въ различные періоды существованія мирового суда. Опасенія, что включеніе въ составъ мирового съѣзда представителя коронпаго суда, воспитаннаго на началахъ чисто состязательнаго процесса, внесетъ нежелательную двойственность въ дѣятельность съѣзда, представляются совершенно неосновательными. Члены окружныхъ судовъ, эти настоящіе труженики судебнаго дѣла, совершенно не заслужили подозрѣнія въ томъ, что они будутъ проводить узко-формальную точку зрѣнія, что они будутъ чрезмѣрно руководствоваться состязательнымъ началомъ, въ особенности, если для дѣлъ мировой подсудности въ самомъ законѣ будутъ установлены тѣ или другія отступленія отъ этого начала. Если члены окружныхъ судовъ могутъ почитаться недостаточно знакомыми съ обычаями, то и въ этомъ отношеніи недостатокъ ихъ знаній будетъ восполненъ выборными мировыми судьями, которые вмѣстѣ съ коронымъ членомъ суда образуютъ коллегію, призванную разрѣшать въ аппеляціонномъ порядкѣ дѣла мировой юстиціи. Наконецъ, и въ этомъ отношеніи я снова расхожусь съ комиссіей, нельзя же не придавать серьезнаго значенія вопросу о надзорѣ. Говорятъ, что это есть со-

ображеніе привходящее. Дѣло однако въ томъ, что еслибы докладчикъ познакомился съ исторіей мирового института, то онъ убѣдился бы, что институтъ этотъ захирѣлъ именно вслѣдствіе того, что надзоръ со стороны съѣздовъ мировыхъ судей оставлялъ желать весьма многаго. Сама думская комиссія, не отрицая того, что вопросъ о надзорѣ имѣетъ значеніе, предпочитаетъ однако совершенно его въ настоящее время не разрѣшать, а обсудить впослѣдствіи. Объединеніе въ апелляціонной инстанціи мирового суда съ судомъ общимъ есть мѣра совершенно необходимая. Мѣра эта была намѣчаема и при составленіи судебныхъ уставовъ 1864 г. Такимъ образомъ, вопросъ о ней не есть какой-нибудь вопросъ новый, не есть вопросъ, въ которомъ можно было бы упрекать „бюрократическое" правительство въ измышленіи какихъ то новшествъ, которыми будетъ поколебленъ выборный мировой судъ. Противъ правительства предпринимаются всегда очень охотно экскурсіи. Докладчикъ въ сегодняшнемъ засѣданіи убѣдилъ меня еще разъ въ правильности мною утверждаемаго. Когда трудно было атаковать министерство юстиціи на почвѣ обсуждаемаго проекта, тогда докладчикъ предпринялъ экскурсію въ прошлое и въ этомъ прошломъ пытался отыскать основанія для того, чтобы упрекать правительство. Говорилось, между прочимъ, о томъ, какіе взгляды высказывались правительствомъ до 17 октября 1905 г, и какіе взгляды излагаются нынѣ въ объяснительной запискѣ министерства юстиціи. Я думаю, что аргументы изъ этой области намъ не помогутъ разобраться въ правильности будущей постановки мѣстнаго суда, точно такъ же, какъ намъ не помогутъ обстоятельства, касающіяся самаго докладчика, который, служа въ министерствѣ юстиціи до 17 октября 1905 г., могъ точно также высказывать въ то время тѣ или другія воззрѣнія. Невозможность остаться въ аппеляціонной инстанціи для мирового суда на томъ съѣздовомъ построеніи, которое значится въ судебныхъ уставахъ, приводитъ къ желательности привлеченія въ съѣзды мировыхъ судей для участія коронного судьи. Это есть несомнѣнно извѣстнаго рода компромиссъ, на который думская комиссія и обращаетъ свое

вниманіе. Но компромиссъ этотъ представляется совершенно необходимымъ по соображеніямъ финансоваго свойства. Наиболѣе послѣдовательнымъ и правильнымъ было-бы, конечно, подчиненіе дѣлъ мировой подсудности въ инстанціонномъ отношеніи окружнымъ судамъ, но составы нынѣшнихъ окружныхъ судовъ слишкомъ недостаточны для того, чтобы на суды можно было возложить эту новую задачу. Пришлось бы окружные суды усилить, а усиленіе стоило бы государственному казначейству большихъ средствъ. Поэтому и нужно было искать компромиссъ, который давалъ бы возможность помочь, тѣмъ не менѣе, будущему мировому институту, въ смыслѣ участія въ дѣлѣ отправленія мировой юстиціи лица, достаточно юридически свѣдущаго, достаточно опытнаго въ разбирательствѣ судебныхъ дѣлъ. Сошлюсь и на опытъ Запада. Въ тѣхъ немногихъ странахъ, гдѣ существуетъ выборный судъ, апелляціонная инстанція организована совершенно внѣ участія самихъ судей. Эта инстанція обыкновенно одна и та же, какъ для дѣлъ единоличной подсудности, такъ и для дѣлъ подсудности коллегіальной.

Но я знаю, что представителей партіи народной свободы я своими соображеніями убѣдить буду безсиленъ. Постараюсь, въ такомъ случаѣ, сослаться на мнѣніе автора, котораго статья была помѣщена весьма недавно въ близкой сердцу партіи народной свободы газетѣ „Право". Въ этой газетѣ отъ 20 мая помѣщена статья Таубера, который привѣтствуетъ мысль министерства юстиціи о томъ, чтобы въ съѣзды мировыхъ судей были привлечены члены окружныхъ судовъ. Названный авторъ удостовѣряетъ особенную желательность, собственно, подчинить дѣла мировой подсудности въ апелляціонномъ отношеніи окружнымъ судамъ, но затѣмъ заявляетъ, что, съ одной стороны, отдаленность окружныхъ судовъ отъ населенія и недостаточность ихъ состава дѣлаютъ совершенно неосуществимой подобную реформу. Поэтому, говоритъ онъ, надлежитъ остановиться на компромиссѣ, который предлагается министромъ юстиціи. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли оставлять безъ просвѣщенной юридической силы съѣздъ мировыхъ судей, когда самые судьи могутъ быть изъ лицъ, обладающихъ только среднимъ обра-

зованіемъ, да и къ тому же, по предположеніямъ думской комиссіи, не прошедшихъ даже никакого стажа? Если бы заключеніе комиссіи было одобрено Государственной Думой, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ логическое послѣдствіе, придется совершенно отказаться отъ мысли о расширеніи подсудности мировыхъ судей, хотя это расширеніе представляется, въ смыслѣ приближенія суда къ населенію, безусловно необходимымъ. Таковы главнѣйшія отличія, которыя предлагаются проектомъ министерства юстиціи въ дѣлѣ мѣстной юстиціи при сопоставленіи проекта съ судебными уставами 1864 г., и самыя существенныя возраженія, которыя были предъявлены въ думской комиссіи противъ проекта. Предлагаемыя правительствомъ мѣропріятія, по глубокому моему убѣжденію, должны поставить нашъ мѣстный судъ на подобающую ему высоту и обезпечить ему самостоятельность и независимость, и, что особенно важно, достаточную просвѣщенность въ обширной области законовъ, къ примѣненію которыхъ будутъ призваны мировые судьи. Особенно желательно,—и на этомъ я позволю себѣ настаивать,—оградить мѣстный судъ отъ вліянія политическихъ страстей и давленій. (*Апплодисменты справа*). Судъ есть стражъ закона, но не проводникъ тѣхъ или другихъ политическихъ идей и тенденцій. (*Апплодисменты центра. Голоса:* браво!) Въ судѣ нѣтъ и не можетъ быть мѣста политической борьбѣ. (*Апплодисменты центра*). Въ этомъ отношеніи серьезныя опасенія вызываетъ во мнѣ намѣчаемое думской комиссіей для введенія въ дѣйствіе мѣстныхъ судебныхъ реформъ, образованіе особыхъ избирательныхъ коллегій. Какъ бы ни были несовершенны существующіе органы земскаго и городского самоуправленія, на нихъ, не ожидая преобразованія мѣстнаго самоуправленія, надлежитъ, по моему мнѣнію, возложить избраніе мировыхъ судей. Отдалить эти органы отъ этой важной задачи едва ли возможно. При существующей страстности различныхъ политическихъ партій избраніе особыхъ выборныхъ коллегій для комплектованія мировыхъ судей превратило бы святое дѣло правосудія въ арену политической борьбы. Заканчивая на этомъ мои объясненія, я поддерживаю основныя начала законо-

проекта министерства юстиціи о мѣстномъ судѣ. Дайте, господа, Россіи давно ею ожидаемый правильный мѣстный судъ, который былъ бы истиннымъ хранителемъ мира и спокойствія! (*Аплодисменты справа*).

61. Товарищъ министра юстиціи Гасманъ.

Господа народные представители, оба предыдущіе оратора касались вопроса о значеніи обычая и тѣхъ предположеній, которыя выражены въ VIII пунктѣ основныхъ положеній думской коммиссіи. Одинъ находитъ эти положенія черезчуръ широкими; другой находитъ ихъ черезчуръ узкими; одинъ находитъ, что надо сузить, другой наоборотъ, говоритъ, что надо расширить. Гдѣ же причина такихъ различныхъ взглядовъ на этотъ вопросъ? Мнѣ кажется, что причина заключается въ томъ, что на этомъ вопросѣ отразились тѣ споры о значеніи и предпочтительности обычая, какіе ведутся уже много вѣковъ. Уже нѣсколько столѣтій идетъ споръ о томъ, чему отдать предпочтеніе—обычаю, т. е. плоду народнаго творчества, или закону—продукту лучшихъ умовъ и лучшихъ представителей науки. Уже въ XVII столѣтіи школа естественнаго права утверждала, что вообще обычай, какъ безсознательное твореніе народа, является уклоненіемъ отъ законовъ природы и ему не слѣдуетъ придавать никакого значенія, что значеніе имѣетъ только законъ. Эта доктрина отразилась и на кодексахъ тогдашняго и послѣдующаго времени. Прусское земское право 1794 г., кодексъ Наполеона 1804 г., австрійское гражданское уложеніе 1711 г. не знаютъ обычая, не допускаютъ его. Было даже такое положеніе, что Іосифъ II грозилъ наказаніемъ тѣмъ. которые примѣнятъ обычай,—словомъ, обычай былъ, такъ сказать, изгнанъ. Школа историческая, наоборотъ, стала на другую почву. Эта школа учила, что обычай является единственнымъ актомъ законодательства, что только обычаемъ можно

руководствоваться. Представители этой школы утверждали, что законъ не создается, а складывается, складывается въ умахъ народа, поэтому только обычай, а не законъ можетъ служить руководствомъ при нормированіи людскихъ отношеній. Сообразно съ этими различными взглядами и законодательство складывается въ той или другой формѣ. Это я привелъ только для того, чтобы сказать, что споръ о значеніи обычая—споръ давнишній и этотъ споръ ведется и въ настоящее время, мнѣ кажется, что онъ отразился на томъ тезисѣ, который выраженъ въ пунктѣ 8 основныхъ положеній думской комиссіи. Но господа, развѣ мы можемъ разрѣшить этотъ споръ въ настоящее время, когда и среди ученыхъ, и среди юристовъ онъ не разрѣшенъ; можемъ ли мы разрѣшить его въ настоящее время, когда рѣчь идетъ не о пересмотрѣ матеріальныхъ законовъ, а о пересмотрѣ только части процессуальныхъ законовъ, только одной части устава гражданскаго судопроизводства? Мы въ проектѣ нашемъ высказались за сохраненіе 130 ст. уст. гражд. судопр. съ нѣкоторыми добавленіями; комиссія отвергла эти наши предположенія, сказала: «нѣтъ, эта 130 ст. не годится; мы должны точно опредѣлить область примѣненія обычая». Посмотримъ, насколько комиссія выполнила свою задачу и насколько были неправы мы, утверждая, что ст. 130 уст. гражд. судопр. съ тѣми добавленіями, которыя нами предположены, должна остаться въ силѣ. Статья 130 гласитъ: «мировой судья можетъ, по ссылкѣ одной или обѣихъ сторонъ, руководствоваться общеизвѣстными мѣстными обычаями, но лишь въ томъ случаѣ, когда примѣненіе мѣстныхъ обычаевъ дозволяется именно закономъ или въ случаяхъ, положительно неразрѣшаемыхъ законами». Вотъ буквальный текстъ этой статьи. Если вдуматься въ этотъ текстъ, то вы увидите, что статья эта распадается на двѣ части: одну—матеріальную, опредѣляющую случаи примѣненія обычая, а другую—формальную, процессуальную, указывающую при какихъ условіяхъ примѣняется обычай—«по ссылкѣ одной или обѣихъ сторонъ». Начнемъ съ первой части. Она говоритъ: во-1-хъ, «въ случаяхъ, дозволенныхъ закономъ», а во-2-хъ, «въ случаяхъ, положительно неразрѣшаемыхъ законами». Въ случаяхъ, дозволен-

ныхъ законами. Спрашивается, гдѣ указаны эти случаи? Гдѣ опредѣлено, что они дозволены? Очевидно, что ничто иное, какъ ссылка, какъ указаніе на другіе законы, содержащіе въ себѣ дозволеніе руководствоваться обычаемъ: больше ничего. А гдѣ же эти законы? Если хотите знать, гдѣ эти законы, возьмите всѣ 16 томовъ нашего обширнаго свода законовъ, возьмите полное собраніе законовъ, гдѣ помѣщены разныя положенія, уставы, правила и т. д. Вы найдете тамъ указанія на случаи, въ которыхъ дозволяется руководствоваться обычаемъ. Такимъ образомъ, для того, чтобы раскрыть содержаніе ссылки ст. 130: «дозволено закономъ», надо было бы взять всѣ 16 томовъ свода законовъ, надо было бы взять всѣ отдѣльныя положенія, гдѣ упоминается объ обычаѣ; разсмотрѣть, сгруппировать эти указанія и сказать: для такого то обычай не годится, мы его отбрасываемъ, а для такого то случая наоборотъ, годится, мы его принимаемъ. Затѣмъ, если мы что-нибудь отбрасываемъ и говоримъ: «отнынѣ въ этихъ случаяхъ обычаемъ этимъ руководствоваться не должны», то нужно указать, чѣмъ же обычай долженъ быть замѣненъ. Вотъ какая намъ предстояла задача; задача, я вамъ скажу, господа, не двухъ засѣданій, а мѣсяцевъ, годовъ и т. д. Выполнить эту задачу удовлетворительно при такихъ условіяхъ, въ которыхъ работала комиссія, представлялось невозможнымъ. Да и нужно ли это было? Я думаю, нѣтъ. И нѣтъ именно потому, что вопросъ о томъ, въ какихъ именно случаяхъ законъ дозволяетъ примѣненіе обычая, есть вопросъ матеріально-правовой, а мы имѣли дѣло не съ матеріальнымъ правомъ, а съ закономъ процессуальнымъ. Слѣдовательно, господа, нельзя было сказать: да мы отбросимъ ссылку ст. 130 и вмѣсто этой ссылки мы поставимъ исчерпывающій законъ, исчерпывающій перечень случаевъ, когда можно примѣнять обычай.

Далѣе, если мы остановимся на выраженіи—«въ случаяхъ, дозволенныхъ закономъ» и посмотримъ, хотя бы на одинъ томъ, наиболѣе намъ доступный, нашего свода законовъ, а именно т. X, то мы увидимъ, что подъ этимъ выраженіемъ—«дозволенные закономъ» подразумѣвается два особыхъ понятія. Иногда подъ «случаями, дозволенными закономъ», т.-е., когда законъ дозволяетъ примѣненіе обы-

чая, понимается не дозволеніе, а предписаніе замѣнить законъ обычаемъ, хотя бы законъ и существовалъ. Законъ какъ бы говоритъ: не примѣняйте этого писаннаго закона, а примѣняйте вмѣсто него обычай. Въ этихъ случаяхъ обычай конкурируетъ съ закономъ, устраняетъ законъ. Иногда подъ дозволенными случаями разумѣются такіе, гдѣ законъ именно говоритъ: можно примѣнять обычай, если его докажутъ, а если не докажутъ, то будетъ примѣненъ законъ, т.-е. это тѣ случаи, гдѣ законъ существуетъ и можетъ быть примѣненъ, но, въ отступленіе отъ него, допускается и обычай, такъ что обычай здѣсь играетъ роль вспомогательной, дополнительной нормы. Я позволю себѣ иллюстрировать это нѣсколькими примѣрами. Относительно крестьянскаго наслѣдованія, общее положеніе о крестьянахъ въ ст. 13 говоритъ: «въ порядкѣ наслѣдованія имуществомъ крестьянамъ дозволяется руководствоваться мѣстными своими обычаями». Можно думать, что это «дозволяется», есть, такъ сказать, только уполномочіе примѣнять его, но не обязанность; но, если вы посмотрите на другую статью, именно на ст. 1184 т. X, то увидите, что тутъ, подъ «дозволеніемъ» разумѣется не право, а обязанность, т.-е. предписаніе руководствоваться въ дѣлахъ о наслѣдованіи крестьянъ обычаемъ. Именно 1184 статья X тома гласитъ: «особый порядокъ наслѣдованія, различный отъ общаго, устанавливается въ слѣдующихъ случаяхъ»... 5) въ наслѣдованіи сельскихъ обывателей и колонистовъ». Такимъ образомъ для наслѣдованія крестьянъ установленъ закономъ особый порядокъ, слѣдовательно, всѣ другіе порядки, указанные въ X томѣ, къ крестьянскому наслѣдованію примѣнены быть не могутъ, т.-е. наслѣдованіе крестьянъ нормируется только обычаемъ. Обычай здѣсь отмѣняетъ, исключаетъ законъ, конкурируетъ съ закономъ. Закона нельзя примѣнять, хотя онъ есть, потому что есть обычай. Въ такихъ случаяхъ законъ какъ бы предполагаетъ, что обычай извѣстенъ, долженъ быть извѣстенъ суду, и судъ долженъ его примѣнять во что бы то ни стало.

Возьмемъ другую статью. Примѣчаніе 1 къ статьѣ первой того же общаго положенія о крестьянахъ гласитъ: «въ назначеніи опекуновъ и попечителей, въ повѣркѣ ихъ дѣйствій и во всѣхъ сего рода дѣ-

лахъ крестьяне руководствуются мѣстными своими обычаями». «Руководствуются», т.-е. иначе говоря, та опека, тѣ правила опеки, которыя существуютъ въ X томѣ, не примѣнимы, а вмѣсто нихъ обязательно должно быть руководство обычаемъ. Такимъ образомъ, вы видите, что выраженіе ст. 130 «дозволено» равносильно «предписано», обязанности непремѣнно примѣнять обычай. Вы не можете къ крестьянской опекѣ примѣнять общій законъ, вы непремѣнно должны руководствоваться обычаемъ. Такія же статьи существуютъ для многихъ другихъ случаевъ, какъ напримѣръ, для браковъ между иновѣрцами, которые по ст. 90 т. X ч. 1 совершаются по ихъ обрядамъ и по ихъ обычаямъ. Съ другой стороны, есть постановленія закона, гдѣ обычай получаетъ характеръ субсидіарный, вспомогательный на случай неполноты закона. Такъ, напримѣръ, возьмемъ XI-й томъ: законъ о судопроизводствѣ торговомъ. Въ этомъ законѣ, въ ст. 327, если не ошибаюсь, говорится: коммерческіе суды рѣшаютъ дѣла по закону; «въ тѣхъ же случаяхъ, на кои нѣтъ точныхъ и ясныхъ законовъ, дозволяется принимать въ основаніе торговые обычаи». Тутъ именно говорится: «прежде всего законъ»; когда же закона нѣтъ, или законъ не точенъ, не ясенъ, то долженъ быть принятъ обычай. Обычай тутъ играетъ роль восполнителя закона. Укажу еще на 2112 статью т. X, ч. 1 о поклажѣ, объ отдачѣ на храненіе; при поклажѣ требуется безусловно, чтобы была сохранная росписка, но 2112 статья дѣлаетъ исключеніе, опредѣляя, что сохранной росписки не требуется въ «поклажахъ, производимыхъ по торговлѣ и вообще по купеческому обычаю лицами торговаго сословія». Для примѣненія въ этомъ случаѣ обычая, нужно на него сослаться и доказать передъ судомъ, что поклажа была между купцами по торговлѣ. Вотъ, господа, нѣкоторые случаи, которые разумѣются ст. 130 уст. гражд. суд. подъ выраженіемъ «дозволенныхъ закономъ». Это такіе случаи, гдѣ законъ или предписываетъ примѣнять обычай въ устраненіе закона, или разрѣшаетъ примѣнять обычай въ восполненіе закона неполнаго, неяснаго, недостаточнаго. Но есть еще одинъ родъ случаевъ. Это тѣ, когда извѣстныя явленія совершенно не нормированы закономъ, когда извѣстныя явленія

совершенно не предусмотрѣны закономъ. Жизнь, конечно, шире закона.

Законъ не можетъ охватывать собою всѣхъ случаевъ. Понятно, что въ законѣ можетъ оказаться пробѣлъ, и вотъ для такихъ случаевъ, положительно не разрѣшаемыхъ закономъ, ст. 130 дозволяетъ руководствоваться обычаемъ, т.-е. восполнять пробѣлъ закона обычаемъ. Конечно, господа, случаи, такіе случаи, не разрѣшаемые закономъ, указаны быть не могутъ. Вотъ та, такъ сказать, матеріальная сторона вопроса о примѣненіи обычая, опредѣляемая ст. 130 уст. гражд. суд. Вмѣстѣ съ тѣмъ, та же 130 статья говоритъ:— «по ссылкѣ одной или обѣихъ сторонъ». Изъ этихъ словъ можно вывести заключеніе, что судья можетъ примѣнять обычай только въ тѣхъ случаяхъ, когда одна или обѣ стороны сошлются на обычай. Мы задавались вопросомъ: если подъ словами «въ случаяхъ, дозволенныхъ закономъ» разумѣются и случаи, прямо предписанные закономъ, то зачѣмъ же тогда еще и эта ссылка стороны? Развѣ судья можетъ не примѣнить обычая тамъ, гдѣ законъ прямо говоритъ, что обычай исключаетъ законъ? Что же онъ долженъ при отсутствіи ссылки примѣнить. Въ этомъ отношеніи мы усмотрѣли, что дѣйствительно судебная практика встрѣчала затрудненіе. Для устраненія этихъ затрудненій мы въ проектѣ прибавили другую статью, оговорку о томъ, что въ случаяхъ, когда законъ предписываетъ руководствоваться обычаемъ, ссылка стороны не нужна. Судъ обязанъ примѣнить обычай и установить его безъ ссылки сторонъ. Вотъ, собственно, все, что мы считали нужнымъ сдѣлать. Оговорюсь еще. Намъ указали, что въ 130 статьѣ говорится: «судья можетъ руководствоваться обычаемъ» и это выраженіе даетъ поводъ къ тому, что примѣненіе обычая есть факультативное право, а не норма, для суда обязательная. Мы сами задавались вопросомъ: нужно ли слово «можетъ» измѣнять или не измѣнять? Мы думали такимъ образомъ: когда законъ говоритъ судьѣ: ты можешь дѣлать то-то и то-то при извѣстныхъ условіяхъ, то это не значитъ уполномочить судью дѣлать или не дѣлать, а это есть опредѣленіе компетенціи судьи, указаніе, что онъ на это имѣетъ право и обязанъ это право, при на-

личности законныхъ условій, осуществлять. Если мы говоримъ: «судья можетъ допрашивать свидѣтелей»; это не значитъ, судья можетъ сказать «а я допрашивать не хочу»,—нѣтъ, онъ не можетъ этого сказать, потому что уполномочить судью на совершеніе извѣстнаго дѣйствія равносильно, при наличности законныхъ условій, обязательному требованію, которое онъ долженъ исполнить. Но, конечно, можно противъ этого спорить, можно въ редакціонномъ отношеніи измѣнить статью 130, поставивъ вмѣсто «можетъ» слово «долженъ», но собственно содержаніе этой 130 статьи, по нашему мнѣнію, представляется и совершенно достаточнымъ для того, чтобы, не задаваясь вопросомъ объ опредѣленіи области матеріальныхъ правъ, регулируемыхъ обычаемъ, установить въ процессуальномъ законѣ предѣлы примѣненія обычая. Думская коммиссія нашла нашъ взглядъ на дѣло неправильнымъ, признавъ, что нужно прямо опредѣлить, когда именно обычай можетъ быть примѣняемъ, т.-е. въ самомъ процессуальномъ законѣ указать исчерпывающе кругъ случаевъ, когда обычай можно примѣнять. Коммиссія такъ, по крайней мѣрѣ, мой взглядъ на логическій ходъ ея мыслей, разсуждала: рѣчь идетъ о преобразованіи мѣстнаго суда; мѣстный судъ долженъ быть всесословный, мѣстному суду должны быть подчинены крестьяне; крестьяне въ настоящее время руководствуются обычаемъ, слѣдовательно, нужно опредѣлить, главнымъ образомъ, сферу примѣненія обычаевъ къ крестьянскому быту. Вотъ съ этой точки зрѣнія коммиссія и сказала: дѣла наслѣдованія между крестьянами какъ въ надѣльномъ имуществѣ, такъ и въ дѣлахъ семейственныхъ, разрѣшаются на основаніи правилъ, устанавливаемыхъ мѣстнымъ обычаемъ; примѣненіе мѣстнаго обычая въ спорахъ въ ненадѣльномъ имуществѣ—не допускается. Вотъ, собственно, все, что въ основныхъ положеніяхъ коммиссіи сказано относительно примѣненія обычая къ крестьянамъ. Далѣе, въ первой своей части, болѣе процессуальной, не касающейся крестьянъ, а касающейся всѣхъ, сказано, что при разрѣшеніи дѣлъ, мировые судьи руководствуются обычаями по ссылкѣ на него обѣихъ сторонъ, если этотъ обычай не противорѣчитъ прямымъ постановленіямъ закона.

Вдумайтесь въ это положеніе, господа. Если мы говоримъ о крестьянахъ исключительно и оговариваемъ, что дѣла крестьянъ наслѣдственно-надѣльныя и по семейному имуществу — разрѣшаются на основаніи обычая, то изъ сего слѣдуетъ, что всѣ прочія дѣла крестьянъ и дѣла не крестьянскія, въ которыхъ нынѣ закономъ допускается обычай, обычай болѣе не допускается, значитъ обычай ни въ какомъ случаѣ не можетъ примѣняться, положимъ, по дѣламъ семейнымъ, о которыхъ говоритъ ст. 90 X т. 1 ч., т.-е. о бракахъ, совершаемыхъ по обычаю. Далѣе въ основномъ положеніи комиссіи говорится о семейно-имущественныхъ дѣлахъ, значитъ, къ семейно-личнымъ обычай не примѣняется. Такъ, напримѣръ, у евреевъ существуетъ «ливератское право», по которому вдова не можетъ выйти вновь замужъ безъ разрѣшенія. Такія дѣла, которыя разрѣшаются на основаніи «ливератскаго права», права деверя, т.-е. брата умершаго мужа, и мировые судьи, основываясь на ст. 90 т. X, дозволяющей примѣненіе въ подобныхъ случаяхъ обычая, обязывали деверей давать разрѣшеніе вдовамъ на вступленіе въ новый бракъ. Теперь такого разрѣшенія нельзя будетъ давать. Далѣе, вся сфера опеки крестьянъ и магометанскаго духовенства, разрѣшающаяся нынѣ на основаніи обычая (примѣч. 1 къ ст. 1 общ. пол. о кр. и 245 ст. X т.), болѣе обычаемъ регулироваться не будетъ. Чѣмъ же мы замѣнимъ обычай? Нельзя же, господа, такъ прямо ставить положеніе: все отмѣняется, не указавъ, чѣмъ же замѣнить отмѣняемое. Далѣе въ первой части п. 8 основного положенія комиссіи говорится о томъ, что при разрѣшеніи гражданскихъ дѣлъ мировые судьи руководствуются мѣстнымъ обычаемъ по ссылкѣ обѣихъ сторонъ. Замѣтимъ, въ ст. 130 говорится о ссылкѣ одной или обѣихъ сторонъ. Задайте себѣ, господа, вопросъ, можетъ ли встрѣтиться на практикѣ случай ссылки на обычай обѣихъ сторонъ. Я думаю, если встрѣтиться, то это будетъ рѣдкостью. Вѣдь, когда ссылаются на обычай, нужно, чтобы обѣ стороны были заинтересованы въ этомъ обычаѣ, а если одна сторона не заинтересована, а, наоборотъ, ей выгодно, чтобы дѣло было разрѣшено на основаніи не обычая, а закона, то въ такомъ случаѣ,

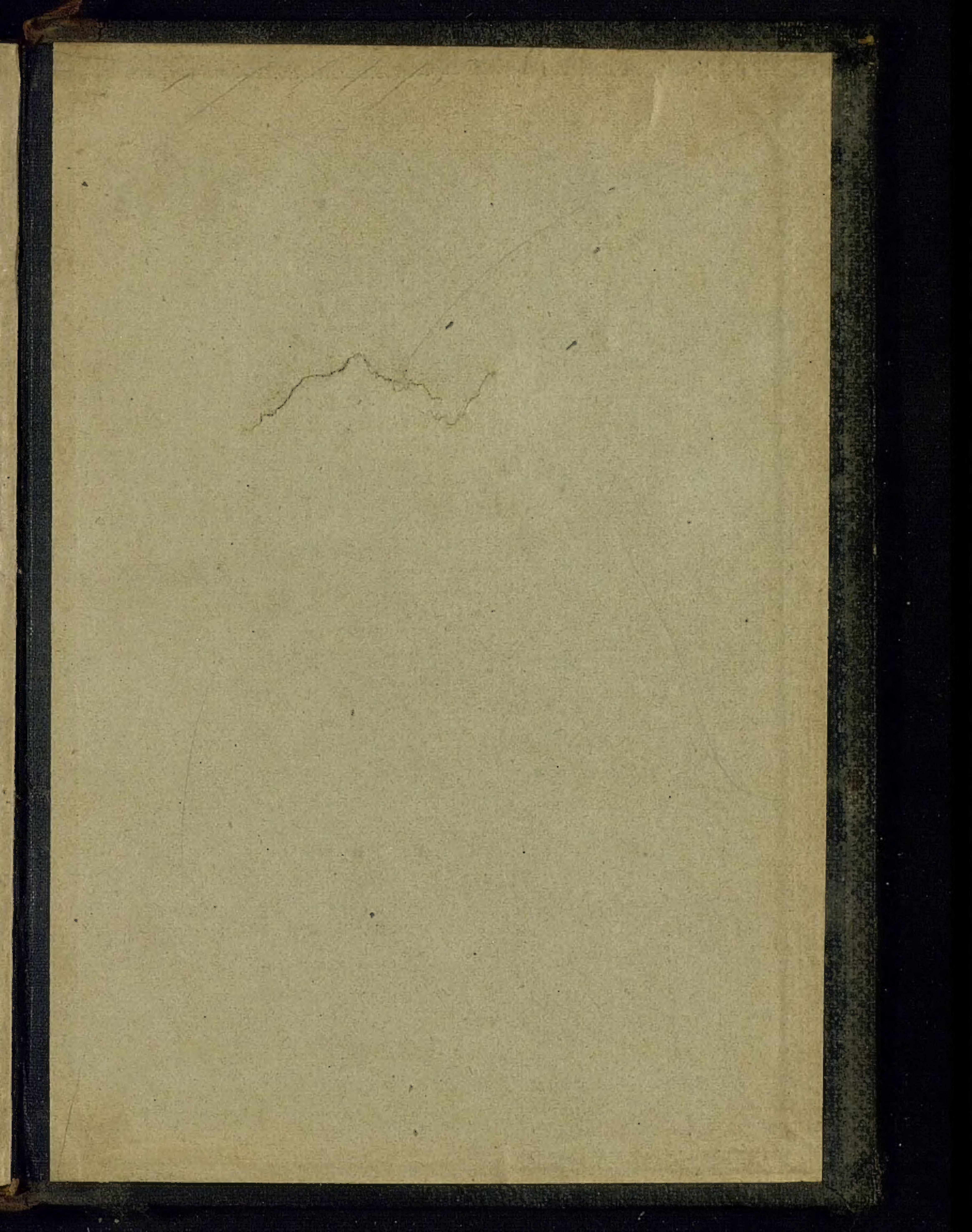
конечно, обычай не будетъ примѣняться. Господа, всѣмъ и каждому извѣстенъ, твердо установившійся, на основаніи практики, обычай, что озимый посѣвъ послѣдняго года аренды принадлежитъ арендатору, а не собственнику-арендодателю. Это установлено на основаніи обычая. Допустимъ теперь, что возникаетъ споръ по этому посѣву. Идете вы къ мировому судьѣ. По закону, кому принадлежитъ земля тому принадлежитъ и принадлежность ея и все что прикрѣплено къ землѣ, слѣдовательно озимый посѣвъ долженъ принадлежать арендодателю, а, между прочимъ, обычаемъ установлено, что посѣвъ принадлежитъ арендатору именно. Что же, сошлется ли арендодатель на обычай? Конечно нѣтъ, онъ скажетъ: разрѣшайте по закону, а арендаторъ только скажетъ: обычай есть. Если вы требуете, что бы на обычай ссылались обѣ стороны, то очевидно, что тотъ, который обиженъ—арендаторъ, не выиграетъ дѣла. Ему судья скажетъ: на основаніи закона мы тебѣ отказываемъ. Далѣе, возьмемте, напримѣръ, обычай житейскій; ежедневный. Кому неизвѣстно, господа, что, покупая въ лавкѣ товаръ, или на пристани дрова, никто не договаривается на счетъ доставки. Обычаемъ установлено правило, что доставка на счетъ именно продавца, а не на счетъ покупателя. Положимъ, что изъ магазина вамъ пришлютъ товаръ и отъ васъ требуютъ денегъ за доставку. Вы сошлетесь на обычай, хозяинъ же магазина, само собой разумѣется, конечно, не сошлется на обычай, ибо онъ ему не выгоденъ. Требовать, чтобы обѣ стороны ссылались на обычай, это равносильно аннулированію въ сдѣлкахъ обычая. Итакъ, требованіе ссылки обѣими сторонами на обычай является, я говорю, суженіемъ сферы обычая, устраненіемъ обычая для всѣхъ дѣлъ, нынѣ могущихъ быть разрѣшаемыми на основаніи обычая. Далѣе, господа, ст. 130 разрѣшаетъ примѣненіе обычая въ случаяхъ положительно не разрѣшаемыхъ закономъ. Объ этихъ случаяхъ 8 пунктъ основныхъ положеній комиссіи совершенно умалчиваетъ. Вы видите, что сфера, нормируемая въ настоящее время на основаніи обычая, суживается, и комиссія не даетъ руководящей нити и дать не можетъ, чѣмъ вносится только путаница, и судьи не будутъ знать, какъ изъ нея выбраться. Поэтому, я говорю, что та

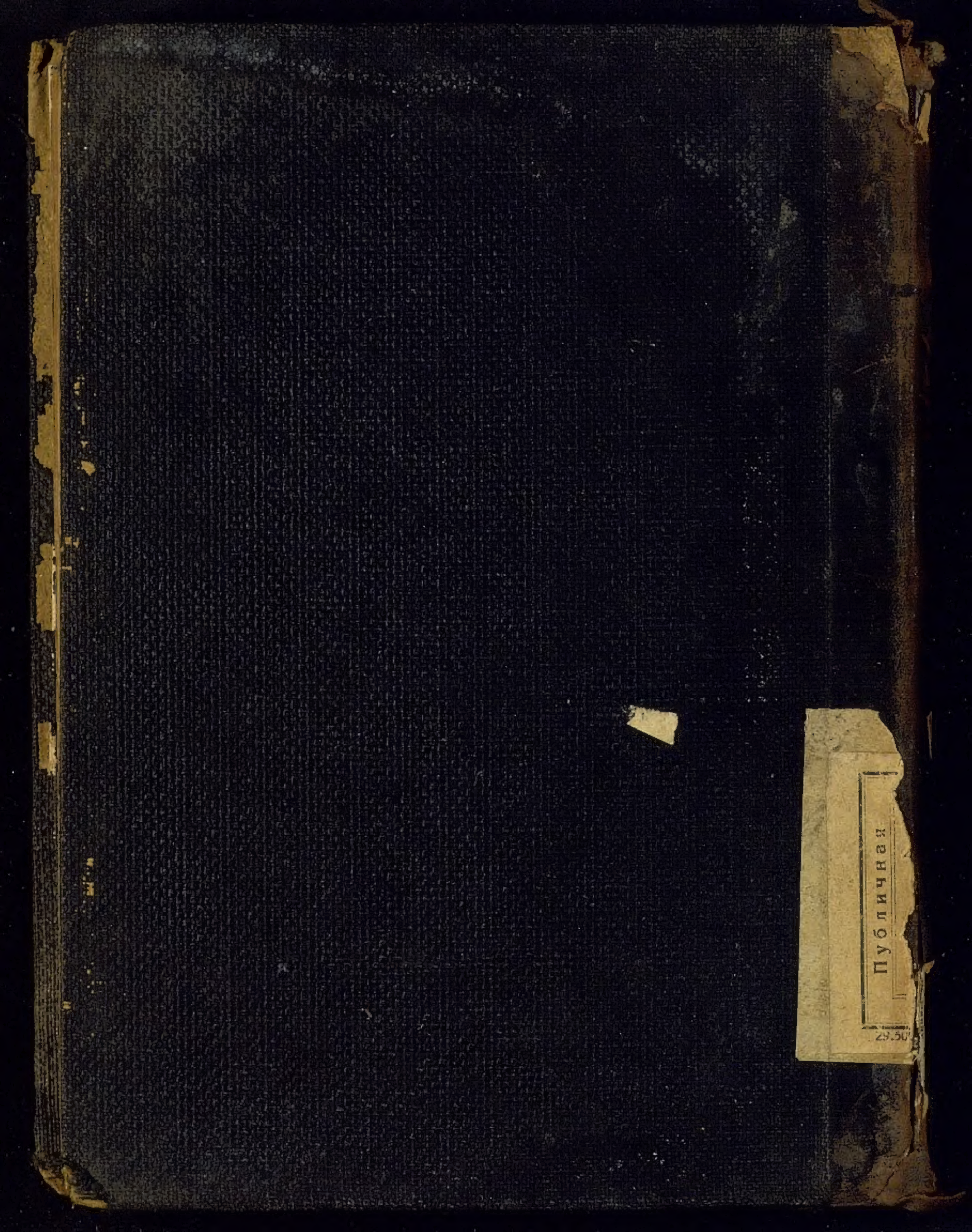
точка зрѣнія, на которой стояло министерство юстиціи, болѣе правильна, потому что мы не взяли на себя неразрѣшимой въ данную минуту задачи—нормировать матеріально-правовые институты, по которымъ допускается примѣненіе обычая. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать. Я остановился на этомъ вопросѣ въ виду его чрезвычайной важности и предоминирующаго значенія его въ настоящемъ дѣлѣ. Еще нѣсколько словъ. Въ VIII тезисѣ указывается на семейно-имущественныя отношенія крестьянъ, къ которымъ примѣняется обычай. Такого указанія въ дѣйствующемъ законѣ нѣтъ. Можетъ возникнуть вопросъ: гдѣ же будетъ оговорено также правило, если не въ проектѣ о мѣстномъ судѣ? Я полагаю, что уже много внесено и можно будетъ и этотъ вопросъ тамъ опредѣлить. Я думаю, что у насъ еще много времени и будетъ еще внесено много проектовъ, касающихся крестьянскаго землевладѣнія и крестьянской жизни, гдѣ можно будетъ въ видѣ матеріально-правового правила установить, если желательно, что въ семейно-имущественныхъ отношеніяхъ крестьянъ обязательно примѣняется обычай. Предо мной лежитъ проектъ, внесенный въ Государственную Думу, о крестьянскомъ землевладѣніи, ст. 26 котораго гласитъ: «къ наслѣдованію какъ по закону, такъ и по завѣщанію послѣ крестьянъ въ надѣльныхъ земляхъ и движимомъ имуществѣ, составляющемъ принадлежность хозяйства на надѣльной землѣ, примѣняются, по ссылкѣ одной или обѣихъ сторонъ, мѣстные обычаи». Такимъ образомъ, вамъ придется обсудить этотъ проектъ, который у васъ находится, и вы будете имѣть случай высказаться въ матеріальномъ правѣ, когда именно слѣдуетъ въ крестьянскомъ быту примѣнять обычай. Вотъ все, что я считалъ нужнымъ сказать по вопросу объ обычаѣ.

62. Товарищъ министра финансовъ Покровскій.

Я позволю себѣ отвѣтить на одно замѣчаніе, что неутвержденіе этого проекта, въ сущности говоря, не есть подарокъ насе-

ленію, уплачивающему налогъ съ городскихъ имуществъ. Это именно не подарокъ, потому что поземельный налогъ взимается и будетъ взиматься въ 1907 г. въ силу закона; слѣдовательно, рядомъ будетъ уплачиваться поземельный налогъ, но не будетъ уплачиваться налогъ съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ. Промысловый налогъ, въ установленныхъ закономъ размѣрахъ, будетъ взиматься въ 1907 г., и по сравненію съ плательщиками этого налога, равнымъ образомъ, будетъ сдѣланъ подарокъ владѣльцамъ городскихъ недвижимыхъ имуществъ; такимъ образомъ, это будетъ несомнѣнная привиллегія, которая создалась бы въ ущербъ всѣмъ плательщикамъ прочихъ налоговъ. Наконецъ, отказывать въ утвержденіи настоящаго законопроекта въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы побудить министерство усовершенствовать налогъ съ городскихъ имуществъ,—значитъ ломиться въ открытую дверь, потому что министерствомъ уже внесено соотвѣтствующее представленіе.

Публичная
29.50